

АИЯ СУББОТИНА

УЖАЯ ИГРА
ДЛЯ СИРОТКИ

Annotation

Аннотация

Мне «повезло» родиться сиротой, оставленной на пороге монастырского приюта, где я провела «лучшие» восемнадцать лет своей жизни.

А потом повезло еще раз — спасти от лап разбойников богатую леди, которая оказалась как две капли воды похожа на меня.

Когда через пару дней за мной приехал вооруженный всадник, я рассчитывала получить кошелек с золотом, а не предложение, от которого не могу отказаться.

Так что, теперь я — юная герцогиня Матильда, и еду в окутанный тайнами замок, где буду показывать свои таланты, мастерство и бороться за руку короля. Для нее, само собой, а не то, что вы подумали!

В окружении ядовитых соперниц.

Призраков и замурованных тайн.

И приставленного следить за всем этим бардаком бессердечного куратора.

-
- [Субботина Айя](#)

-

Субботина Айя

Чужая игра для сиротки

Книга 2

Глава первая: Герцог

У девчонки вид загнанного в угол котенка.

И только это не дает мне реализовать жгучее желание свернуть ей шею.

Естественно после того, как переложу ее через колено и всыплю за каждый раз, когда я был в полушаге от ее разоблачения, но ей всегда удавалось меня одурачить.

Кстати, иногда именно вот такой наигранной беспомощностью, но часто просто выставленным на показ кокетством.

И то, что она поразительно похожа на ту набожную монашку, никак не может быть правдой. Любой мужчина в здравом уме и крепкой памяти подтвердит, что Невесты Плачущего над целомудрием трясутся больше, чем над мощами своих ушедших в мир иной праведниц.

Так что, хоть в моей голове пока не укладывается, каким образом в мире образовалось три совершенно одинаковых девицы и с какой целью Боги решили устроить такой каламбур, остается надеяться, что за всем этим спектаклем с переодеванием, стоит хотя бы интересная история.

Желательно еще и коварная, чтобы я мог как следует истечь желчью, чтобы не корить себя за слепоту и глухоту. Куда подевался мой знаменитый нюх?

Девчонка моргает и медленно вжимает голову в плечи.

А вот и ответ — мой «нюх» блуждал в этих зеленых глазах.

Так что, помня предыдущие ошибки, беру заразу за плечо чуть не силой усаживаю в кресло. У нее поразительная выдержка — уверен, что перестарался и теперь у нее будет синяк. Хотя, какая к демонам разница? В темнице его вряд ли кто-то увидит, а девчонка проведет там весь остаток жизни, и то если Эвин будет достаточно милостив и не велит ее повесить уже сегодня.

А Эвин и милосердие — это как солнце и луна в полдень на одном небосклоне.

— Я... — девчонка еле оттягивает голос.

— Прежде чем ты продолжишь, имей в виду — больше тебе меня не одурачить. Но у тебя все еще есть две возможности выйти отсюда — живой, если расскажешь правду, или в погребальном саване, если будешь испытывать мое терпение.

— Не уверена, что саван — такая уж плохая идея, — глядя на меня в упор, отвечает девчонка.

Так и тянет громко ей поаплодировать — только что тряслась от страха, а теперь как будто готова идти на плаху под военный марш.

— Твое настоящее имя?

— Матильда, — говорит вкрадчиво, но взгляд не отводит.

— Я же просил правду, — начинаю закипать в ответ.

— А я и говорю правду! — тут же вспыхивает она. — Я — Матильда, монашенка Ордена Плачущего! И мы... в тот день, на телеге, когда вы с Его Величеством попросились к нам на телегу — это была я. Вы еще подарили мне... томик стихов.

Ее щеки вспыхивают неподдельным румянцем.

И это не укладывается у меня в голове.

Она никак не могла узнать про тот наш с Эвином маскарад с переодеванием.

Только если в самом деле была той стыдливой девчонкой в черном одеянии.

Наверное, я был бы меньше удивлен, если бы псевдо_герцогиня продолжила изворачиваться и врать несмотря на мои более чем внятные предупреждения.

Наверное, в эту минуту у меня впервые в жизни какое-то очень идиотское выражение лица, потому что с самого начала эта ложь была настолько очевидной, что мне-то с моим нюхом просто нельзя было такое проморгать. Наверное, это один из тех случаев, когда очевидное просто не хочешь замечать. Нет другого объяснения, почему лучший ищейка Артании не заметил лисицу в курятнике, когда она сидела у него перед носом, между двумя жирными наседками, держа в зубах третью.

«Вот так и приходит старость, Рэйв», — говорю сам себе, и тут же гоню мысли прочь.

Я не старый.

Просто мало сплю и непозволительно много думаю о коленях одной скромной монашенки вместо того, чтобы решать простейшие уравнения.

— Я мог бы попытаться уличить тебя во лжи, — говорю нарочно растягивая буквы, — но вместо этого попрошу просто поклясться. Монахини Плачущего никогда не врут, потому что тогда ваш распрекрасный боженька не примет вас после смерти.

Но ее реакция в ответ на мое требование, уже красноречивее всех клятв.

Этот пламенный взгляд в ответ на мое откровенное богохульство, не может принадлежать циничной злой стерве. И если бы я только не был так откровенно слеп, то обязательно раскусил бы маскарад в первый же день. Но мне почему-то хотелось видеть в ней дочку предателя короны, хоть все кричало об обратном.

Может, я просто хотел верить, что женщина, к которой меня странным образом тянет — обычная заноза в заднице Эвина? Тогда, конечно, мне стало бы проще: никто в здравом уме не станет таять перед девицей, которая смеялась и лизала мороженное, пока на ее глазах зверски издевались над живым — едва живым — человеком.

Девчонка открывает рот, но я прерываю ее попытку взмахом руки.

— Я уже достаточно увидел, Мати... гммм... Тиль, не будем же гневить твоего страдающего бога ненужными клятвами.

— Милорд, вы — богохульник! — все-таки вспыхивает она, буквально кометой взвиваясь с места. — И я вам никакая не... Тиль!

Она произносит это так, словно я только что во стихах и красках пересказал ей содержимое моего недавнего сна с ее непосредственным и весьма активным участием. Кстати, я ведь могу...

— Я буду называть тебя так только когда будем оставаться наедине, — улыбаюсь нарочно довольным, потому что злить этот ее блеск в глазах — одно сплошное удовольствие. Все равно, что гладить против шерсти маленькую пушистую кошечку, которая изредка шипит и бьет лапой, но не выпускает когти.

— Наедине в темнице? — парирует она, гордо вздёргивая подбородок. — Или милорд имеет ввиду долгие бессонные ночи, которые проведет, измываясь над моим несчастным телом?

Ну до чего же хороша, Бездна меня задери!

И эти ее слова... Не знал бы, что монашенка — поверил бы, что девчонка нарочно меня дразнит и подначивает.

Я вытягиваю ноги, впервые за вечер позволяя себе растянуться в свое удовольствие и насладиться обществом дерзкой красотки. А хоть бы она и трижды была монахиней, это никак не отменяет того факта, что она по-прежнему крайне притягивает моих чертей.

— Над твоим несчастным телом, Тиль, я бы измывался со всем уважением и почтением, — перекаत्याю слова на языке, одновременно воображая, что бы доставило мне большую радость — если бы она разделась сама или если бы я сам избавил ее от платья, просто разорвав его от лифа до талии. Вероятно, все-таки второе. — Так что впредь от души советую тебе следить за языком, или я начну верить, что ты на самом деле меня подначиваешь этими полунамекками, а не говоришь не понимая что.

Девчонка явно готовится к очередному выпадку.

Копит силы, забавно раздувая ноздри и сжимая пальцы в кулаки.

Накаляется, разогревается изнутри.

И когда я вспоминаю, что той ночью видел на ней Печать Хаоса, она внезапно как-то разом остывает.

Просто делает глубокий вдох... и ее взгляд проясняется.

Это странно, но похоже на солнечный луч в грозовом небе.

— Я больше не желаю ни минуты находиться в вашем обществе, милорд Нокс. — Ее голос спокоен, стать выдает горделивое смирение. — Если вы желаете свернуть мне шею, то я попрошу оставить меня наедине с молитвой хотя бы на пять минут, чтобы я могла очистить душу от грязи мирской жизни.

Я прикрываю глаза, проглатываю крепкое словцо в адрес ее этой позы.

Монашенка или нет, а откуда-то успела нахвататься королевских замашек.

— Сядь, пока я думаю, что с тобой делать, — командую я, и не без удовольствия замечаю, что она, после секундного колебания, все-таки усаживается обратно в кресло. Всегда любил трезвомыслящих женщин, но так редко их встречал, что почти разуверился найти. И вот — великолепный образчик. — И сделай одолжение — не открывай рта, пока я не разрешу.

Выразительно поджимает губы.

Увы, но не могу не признать — Эвин не зря видит ее в роли своей королевы.

Не могу представить женщину, которой бы больше этой пошел красивый титул.

И в этом самая главная проблема из длинного списка других, не менее глобальных.

Я должен рассказать Эвину, что Матильда — никакая не Матильда, а просто подставная утка. И с огромной долей вероятности, он тут же прикажет отдать ее в руки палачей, чтобы выведать подноготную заговора, а потом, если девчонка каким-то чудом окажется жива, распорядиться тихо придушить ее где-то в подвалах королевской тюрьмы. И будет всецело прав, потому что подобные игры с королем — это чистое самоубийство.

Минуту назад я поддержал бы его справедливый гнев.

Но минуту назад я не знал, что это коварное существо — обычная девчонка, которую наверняка обвели вокруг пальца настоящая герцогиня и ее возможные сообщники. А те времена, когда я лишал людей жизни просто за то, что они глупы, давно в прошлом. Видимо, это тоже старость, не зря же говорят, что в преклонных годах мы все склонны к приступам доброты и меланхолии.

Хотя, какие в Бездну преклонные годы!

Я чувствую себя... зрелым только потому, что девчонка слишком молода и невинна.

Приоткрываю один глаз и тешу себя тем, что украдкой разглядываю ее профиль.

Как будто и не пошевелилась с того самого момента, как я приказал ей не двигаться.

И вместо того, чтобы сосредоточиться на делах государственной важности, снова фантазирую о том, могла бы она проявить такое же смирение в более... пикантной обстановке моей спальни?

Тиль резко поворачивает голову, сперва щурится, потом вспыхивает как маков цвет.

Комкает в крохотных кулаках тонкий шелк платья, втягивает щеки до глубоких милых ямочек.

Но все-таки выдает:

— Милорд, не могли вы больше... не смотреть на меня подобным образом?

— Это каким же таким особенным образом я на тебя смотрю? — не могу не поддаться искушению вступить с ней в перепалку. Это как вишенка на торте, которую можно стащить, пока никто не видит.

— Не притворяйтесь, что не понимаете, милорд Нокс.

— Я искренне не понимаю, о чем ты щебечешь, Тиль.

— Прекратите мне «тыкать»!

Ну на это, пожалуй, я готов пойти. Есть что-то особенное и в том, чтобы говорить ей «ваша милость» и при этом представлять, одела ли она ту милую подвязку.

— Прошу прощения, милая Тиль, — отвешиваю шутовской поклон, — торжественно клянусь честью мундира более не оскорблять вас непотребными словесными конструкциями.

Глава вторая: Герцог

Еще целую минуту я наслаждаюсь ее возмущенным праведным гневом, а потом Тиль складывает руки на колени, вздергивает подбородок и выразительным взглядом дает понять, что ценит мои уступки. Лучше бы сказала, конечно, но что же за радость заново изучать все оттенки зелени в ее глазах.

«Черт, старина Рэйв, ты становишься до тошноты романтичным!»

Так что, пока вся эта пастила не стала литься у меня из носа и ушей, самое время вернуться к делам насущным.

— А теперь, Тиль, пока есть немного времени — полагаю, нас вот-вот хватятся — я жду от вас максимально честный и максимально быстрый пересказ истории, которая привела вас во всю эту... коллизию судьбы. И начните с самого начала — с обстоятельства знакомства с герцогиней Матильдой Лу'На.

Она несколько мгновений собирается с мыслями, а потом, к моему огромному удивлению и удовольствию, действительно четко и без «воды» пересказывает всю историю.

Я делаю мысленные заметки: где встретились, историю с грабителями, внезапный побег через случайно не запертую дверь, и как потом за ней приехали гвардейцы из замка. На ходу создаю нелогичные пары, о которых обязательно подумаю на досуге, в более спокойной обстановке.

Пока же, когда ее рассказ подходит к концу, я абсолютно уверен в двух вещах.

Девчонка не врет. Она и прикидываться толком не умела, и я бы раскусил ее на раз-два, если бы не был так рад обманываться на ее счет. Ошибка, с которыми я покончил еще в далекой безусой молодости, и которую я больше никогда не повторю.

И второе, самое гадкое.

Я всегда делал выбор в пользу Эвина, потому что, черт побери, мы прошли вместе три войны и кучу сражений, неоднократно выносили друг друга с поля боя, и прикрывали грудью от стрел и ударов. И всегда, даже когда Эвин заигрывался в карающую справедливость и творил откровенную дичь, я был на его стороне. Именно такой и должна быть мужская дружба.

Но Эвин никогда не простит Тиль. По крайней мере, пока я не придумаю, под каким соусом и в каких обстоятельствах ему лучше всего подать эту правду. Над этим придется поломать голову, и желательно найти выход как можно быстрее, потому что, если вдруг так случится, что правда всплывет наружу до того, как ее «вскрою» я...

Не хочу думать о том, что мне придется выбирать между дружбой и жизнь невинной девчонки. Не хочу, потому что...

Достаю монетку, загадываю на решку, подбрасываю ее и ловлю ладонью.

Тот факт, что выпадает решка, которая в моем личном пари означает сторону Эвина, злит. Значит, свой выбор я уже сделал, и он точно не в пользу старого друга.

Бездна все задери, девчонка. Даже ты столько не стоишь!

— Решаете каким способом меня умертвить, милорд Нокс? — интересуется гордячка.

— Вы поразительно проникательны, Тиль, — не хочу развеивать ее пафосные девичьи грезы о трагической кончине в руках злодея. — Ответ вам не понравится.

— Он меня не интересует, милорд. Давайте же... — выдержка на миг предает ее, девчонка откашливается, чтобы хоть как-то прикрыть слабость в голосе. — Давайте просто покончим с этим.

Я киваю, встаю, одергиваю мундир и галантно протягиваю ей руку.

Тиль удивленно таращит на меня глазищи.

— Я предлагаю вернуться в зал, герцогиня Лу'На, — говорю как можно безучастнее, — потому что я столько раз компрометировал вашу безупречную репутацию, что еще одна подобная выходка вынудит меня, как джентльмена, делать некоторые... гммм... заявления о...

Девчонка демонстративно игнорирует мою ладонь, встает сама и перебивает резким:

— У вас уже есть невеста, герцог Нокс, никто не будет ждать от вас отказа от брака со столь замечательной леди. Но благодарю, что вы решили отстрочить мою кончину. Рада пожить еще хотя бы один час или два.

Я молча жду, пока она вышагивает к двери и дрожащими пальцами проворачивает ключ в замке.

Все же, хоть она и монашенка с принципами, в сущности, все равно обыкновенная женщина, делающая те же ошибки, что и другие. Например, свято верящая, что мужчину можно удержать брачными обещаниями, красивыми нарядами или милым личиком. Милых и даже красивых девиц — пруд пруди, а вот смысленых, правильных и острых на язык — единицы.

Я гоню от себя мысль, что она как раз и могла бы быть той самой.

Потому что подобным сантиментам не место в далеко идущих коварных планах Первого королевского Инквизитора.

Так же осторожно, как раз за миг до того, как оркестр заканчивает вальс, мы возвращаемся в зал. Эвин недовольно хмурится, когда заметет нас вместе и я, чтобы не накликать королевский гнев, возвращаю ему Тиль.

Точнее, возвращаю герцогиню Лу'На, которую Эвин всерьез настроен взять в жены.

Если он узнает, что его соблазнила простая безродная сиротка из монастыря, никакой гнев Плачущего не остановит его жестокой мести.

Когда «парочка» снова выходит в круг танцевального зала, я наваливаюсь плечом на колонну, разглядывая Тиль в танце. Она двигается изящно, и если бы не изредка взметающиеся юбки, я бы подумал, будто она парит над полом.

Герцогиня Лу'На с ее желанием во что бы то ни стало отомстить короне, могла бы пойти на сделку с Хаосом и это вполне оправдывало бы печать на ее теле. Но монашенка Плачущего? Даже странно, отчего

она до сих пор жива, раз в ее теле бьются две истинно ненавидящих друг друга сущности.

— Ты от нее глаз не отводишь, или мне это показалось? — Неприятный гнусавый голос Ивлин очень некстати вторгается в мои мысли. — Только не говори, что...

— Ив, сделай одолжение — избавь меня от своих умозаключений. Побереги их для посиделок с маркизой Блум и баронессой Сен-Мор — я слышал, вы с ними большие любительницы перемывать кости.

— Не воображай, будто наша помолвка дает тебе право быть грубым, — шипит она. Долго ждет ответную реакцию, но, не дождавшись, меняет тему: — И так, мне стоит заняться герцогиней или...

Многозначительная пауза, дающая понять, что именно этим Ивлин и хотела бы заняться в первую очередь. Плохой знак и заодно предупреждение, что мне следует быть осторожнее и не выдавать столь явного интереса в сторону одной из королевских избранниц.

Так что, хоть это меня чрезвычайно печалит, отворачиваюсь и сосредотачиваю свое внимание на Ив.

Она, конечно, не глупа — это нельзя не признать. В меру проницательна и, как все женщины, умеет доверять интуиции. Иначе не стала бы она представителем дипломатического корпуса, где уже успела хорошо себя зарекомендовать. Так что если она докопается до сути и рассекретит маскарад — это будет огромным фиаско и поставит крест на моих личных планах.

Нужно переключить ее внимание. Хотя бы на время.

— Ив, ты же помнишь, что дохлый герцог отнюдь не был дураком и умел держать нос по ветру. Его дочурка, поверь старой ищейке, переняла папашины черты и очень неплохо их приумножила. Начнешь копать под нее сразу — она просто сольется.

Ив задумчиво кивает.

— Раз уж ты здесь, — продолжаю я, — попробуй поднять свои связи и разузнать, есть ли какие-то налаженные каналы между Артанией и Свободными Лордами, и если есть — откуда и кому они тянутся. Вычислим сообщников герцогини — будет проще насыпать соли ей на хвост.

Ивлин моментально глотает наживку.

Пока несколько минут рассуждает, с кем и когда она встретится, чтобы предоставить мне информацию, я снова и снова прокручиваю в голове историю малышки Тиль.

Совершенно ясно, что она не могла просто так оказаться там в нужное время. Я иногда верю в совпадения, особенно в те, которые случались лично со мной, но как правило они касаются жизни и смерти, а не «случайной» встречи двух совершенно похожих друг на друга девушек. Кстати, причину их похожести еще предстоит выяснить. В то, что дохлый герцог в тайне погуливал от жены, честно говоря, верится с трудом. Он был мерзкой тварью, которую едва носила земля, но свою безвременно ушедшую жену обожал и трясся над ней, как Древний Змий из сказок над своим золотом. И, потом, я видел герцога собственными глазами, и дочурка явно пошла не в него, так что если Тиль и является плодом греховной любви, то явно не герцога, а его невинной супруги.

Каким-то образом настоящая герцогиня узнала о существовании совершенно похожей на нее девчонки. И все, что случилось потом — никакое не совпадение, а цепочка хорошо спланированных действий. Знакомство, отбор и все те «случайности», которые произошли потом.

Значит...

Я задумчиво фокусируюсь на начищенной до блеска серебряной пластине настенного щита, в отражении которого хорошо видны танцующие Эвин и Тиль.

Кто-то в замке точно знает, кто такая герцогиня Лу'На на самом деле.

— Мы уже столько времени не были наедине, — слышу жаркий шепот на ухо, и еле сдерживаюсь, чтобы не скривиться от этой неуместной страсти.

Сейчас меня меньше всего интересует Ивлин с ее деликатными, как она считает, намеками.

— Прости, Ив, но ты же помнишь, что на мои плечи возложена неприятная, но важная необходимость присматривать за королевскими невестами, так что...

Ивлин кривит губы и с подчеркнутым отвращением осматривает каждую из претенденток на трон. Почему я не удивлен, что ее взгляд задерживается именно на Тиль.

— У нее красивое платье, — говорит после паузы, за время которой наверняка успела сложить в голове два и два. Она не дура и никогда ей не была, иначе не стала бы представителем дипломатического корпуса, на счету которого есть как минимум парочка весомых достижений. — Работа Сайфера — это же очевидно. С каких пор этот рогатый шут стал обшивать дочерей предателя короны, м? И что-то не припомню, чтобы за последние годы хотя бы одна светская дама даже самого высшего ранга могла похвастаться платьем от Сайфера. Говорят, теперь он шьет не на продажу, а только ради удовольствия.

Я беру кубок с подноса проходящего мимо официанта, делаю глоток и отвешиваю Ивлин приглашающий поклон.

Пусть копает дальше.

Пусть хоть нос сотрет, пытаюсь выискать подноготную этой истории с платьем.

По крайней мере, это даст мне фору, чтобы устроить Тиль хорошее алиби.

Глава третья: Сиротка

— Я уже начинаю жалеть, что устроил весь этот... отбор, — говорит Его Величество, когда после танца уводит меня в сад, в маленькую беседку, где как нарочно накрыт стол для двоих.

На белоснежной скатерти — хрустальных подсвечники, над которыми парят кристаллизованные аспекты Люмуса, по три шарика мороженого в креманках и кувшин вина в паре с двумя кубками.

Выглядит, наверное, очень романтично, если бы я не была так подавлена и испугана разоблачением.

До сих пор дрожат колени.

До сих пор не могу поверить, что герцог не... избавился от меня сразу, а по какой-то одному ему понятной причине решил пока оставить в живых. Надолго ли?

Плачущий, вот так ты караешь тех, кто отказывается от твоего света и не соглашается принять удел смирения? Неужели теперь моя жизнь превратится в ежеминутное ожидание смерти?

— Матильда, — голос Эвина возвращает меня в реальность, где я пока еще жива, красиво одета и не гремлю арестантскими цепями, — вас что-то тревожит?

— Нет, Ваше Величество! — быстро отвечаю я, прикрывая панику лучезарной улыбкой. — Просто... Все эти знаки внимания девице в моем положении... Я немного растеряна.

Это вполне убедительная отговорка, тем более, что интерес короля в самом деле кажется странным. Когда я прибыла в замок, от меня все шарахались, словно от чумы, словно одного звука моего имени было достаточно, чтобы запятнать любую кристально чистую репутацию. А потом Его Величество начал проявлять ко мне интерес... и жизнь изменилась?

По крайней мере сегодня я совершенно точно не изгой.

Если не сказать больше, но за подобные тщеславные мысли Плачущий точно не одарит меня своей милостью.

Король своей рукой разливает вино, предлагает мне кубок и я беру его с благодарным кивком. В горле и правда пересохло.

— Знаете, что я понял за годы правления, милая Матильда? — Его голос звучит уверенно и немного насмешливо. — Каждый человек имеет право на второй шанс.

— Даже дочь человека, который желал свергнуть вас с трона?

Наверное, говорить об этом настолько открыто — не самая лучшая идея для начала романтического ужина, но я все равно не могу отыграть назад.

К моему удивлению, Эвин согласно кивает.

— Матильда, могу я быть честен с вами? — Его Величество немного подается вперед. — В достаточной мере, чтобы быть уверенным, что уже завтра мои слова, предназначенные вам одной, станут главной сплетней Артании.

— Ваше Величество может говорить ровно то, что посчитает нужным.

Мне кажется, этого достаточно. Благородной леди, даже если она дочь предателя короны, не пристало распинаться, доказывая свою искренность. К тому же, на моей памяти именно отъявленные лгуны громче всех клялись в своей честности.

Король откидывается на спинку скамейки, берет креманку и, как ни в чем не бывало, смакует мороженное.

— Я желаю получить в жены не просто смазливое личико, Матильда, — говорит Эвин, облизывая серебряную ложечку, — но и женщину достаточно умную, в некоторой степени хитрую, обязательно

умеющую приспособливаться и выживать. Это важно, Матильда, потому что именно этой женщине я доверю самое дорогое, что у меня будет — наших детей. Я хочу быть уверен, что она сможет защитить их любой ценой. Вы, я полагаю, понимаете значение этого слова.

— Любыми доступными способами, честными или нет, — отвечаю так, как поняла.

Его Величество одобрительно кивает.

Мне хочется остановить его, сказать, что разговоры о будущем детей несколько... преждевременны, но это же король? От которого, кстати, может зависеть моя жизнь, так что лучше не давать ему повода вспоминать этот разговор в момент, когда он узнает, что одна монашка ловко водила его за нос. И что это монашке, а не леди благородного рождения, он пел дифирамбы и практически в открытую говорил об общих детях.

Чтобы как-то заполнить эту неловкость, беру креманку и кладу в рот ломтик мороженого.

И это так божественно вкусно, что несмотря на тяготы этого вечера и зависший над моей шеей топор палача, не могу не издать урчащий довольный звук.

Я ела мороженое только раз, когда мы в прошлом году ездили на ярмарку и у одного пожилого торговца телега раскидала его прилавок. За то, что мы быстро помогли ему собрать товар и не дали мальчишкам растащить засахаренные сладости, он угостил каждую шариком мороженого.

С тех пор я была уверена, что именно это боги вкушают на небесах в минуты расслабления и отдыха от забот о простых смертных.

— Матильда, мне будет очень вас не хватать эти дни, — печально говорит Эвин, и я недоуменно опускаю ложку обратно в креманку.

— Ваше Величество собирается отбыть из замка по... каким-то государственным делам?

— Мои советники, а так же леди Виннистэр убедили меня, что несмотря на бал и то, что девушки почистили перышки, трагедия, которая случилась с одной из вас все равно еще висит в воздухе тягостным воспоминанием. Я решил, что будет справедливо позволить девушкам на неделю отбыть из Темного сада к себе в родовые гнезда.

Ничто так не утешает и настраивать на добрый лад, как безопасное лоно семьи.

Я рассеянно хлопаю глазами.

И даже боюсь представить, что это может означать, потому что...

— И... когда же нам можно будет отбыть домой? — стараюсь не выдать волнение, хотя ложка предательски бряцает по краю хрустальной креманки.

— Вам так не терпится избавиться от моего общества? — смеется король, немного запрокинув голову.

— Нет, Ваше Величество! — слишком резко и громко отвечаю я, и едва не опрокидываю на себя сладкий десерт.

Словами не передать, что это может для меня значить.

Потому что когда я вернусь в замок к Матильде — она займет свое место, я получу обещанный домик там, где меня никто не будет знать, а вся эта история с переодеванием и разоблачением, больше не будет меня касаться.

Плачущий, неужели ты сжалился над своей недостойной невестой?!

Пока я мысленно предаюсь сладким мечтам о скорой свободе, король поднимается, обходит стол и неожиданно опускается передо мной на одно колено.

Его пальцы берут меня за руку, нежно поглаживают между костяшками, из-за чего все мои кости словно каменеют. Не могу ни пошевелиться, ни вдохнуть.

— Я хотел подарить это вам в знак моего личного расположения, — бархатным ласкающим голосом говорит Эвин, и как фокусник, достает словно из воздуха... кольцо.

Белое золото в виде короны, украшенное радужными кристаллами, которые сверкают так ярко, что хочется заслониться рукой, чтобы не ослепнуть. Пока я пытаюсь справиться с оторопью, король ловко надевает его мне на указательный палец, куда кольцо садится словно влитое. Но секрет прост — я чувствую его, хоть это длится всего мгновение: ободок сложно сжимается вокруг моего пальца, пока не становится идеально «впору».

Я боюсь произнести хоть звук.

— Хочу, чтобы, когда вы будете наедине в своей родной обители, — Эвин притягивает мою ладонь ближе, и очень нежно едва

касается ее губами, — вы смотрели на эту безделушку и вспоминали обо мне и этом вечере.

— Ваше Величество... — Не могу продолжить, потому что горло сводит от паники.

Почему? Нужно радоваться — я выполнила свою часть сделки, король определенно выделяет меня среди других девушек, а это значит, что я полностью выполнила наш с герцогиней уговор!

Но почему-то мне страшно не по себе, когда Эвин так же мягко, но быстро подается вперед.

Это слишком близко.

Это почти как будто бы он собирается меня поцеловать.

Он правда собирается?

Я крепко жмурюсь, уговаривая себя думать о чем-то другом, лишь бы не поддаваться непонятно откуда взявшемуся страху. Нужно вспомнить, что я — безродная девица, которой польстил вниманием сам король Артании!

Громкий хлопок над нашими головами и вслед за ним — яркая россыпь брызг фейерверка, который на мгновение превращает ночь в день.

Эвин галантно обхватывает меня за плечи, помогает подняться и мы стоим вот так, почти обнявшись, пока звездное темно-синее небо над Артанией рассекают пестрые узоры фейерверков.

И только на миг, когда я чувствую на себе тяжелый, словно пронзающий насквозь взгляд, я замечаю невдалеке между кипарисами высокую скрытую тьмой фигуру.

Это герцог?

Я пытаюсь напрячь зрение, но Эвин отвлекает меня, указывая пальцем в небо.

— Сейчас будет большой золотой дракон, Матильда. Будьте внимательны — я слышал, тот, кто сосчитает количество красных чешуек в его броне, будет вечным счастливым.

Не успевают его слова стихнуть, как откуда-то из-за замковых пиков вылетает огромная огненная фурия, настолько реальная, что я невольно прижимаюсь поближе к Эвину в поисках защиты. Драконья пасть распаивается, изрыгая разноцветные фонтаны пламени, крылья почти затмевают звезды.

Зрелище настолько завораживает, что я теряю счет времени.

А когда снова всматриваюсь в темноту, где прятался незнакомец, там уже никого нет.

Глава четвертая: Сиротка

Утром, после бала, меня как обычно будит горничная.

Такой возбужденной я не видела ее даже в тот день, когда кто-то принес мне смертельное украшение под видом королевского подарка. Пока Эсми носится по комнате, распахивая настежь шторы и готовя ванну для купания, я отчаянно борюсь с зевотой.

— Миледи, уж а разговоров-то, разговоров! — хихикает моя горничная, как будто это ее, а не меня, Его Величество вчера весь вечер не отпускал от себя ни на шаг. — Я же говорила, что в таком наряде вы там всех за пояс заткнете!

Я снова зеваю, прикрываю рот ладонью и только теперь вспоминаю, что ношу на пальце подарок Эвина. Подарок, который явно не добавит мне любви остальных претенденток, особенно Фаворитки, которую, кстати говоря, до конца вечера я больше ни разу не видела.

Как и герцога с его расфуфыренной невестой.

Последний факт практически стал причиной моей бессонницы, потому что вместо того, чтобы провалиться в счастливый сон, я ворочалась с боку на бок и пыталась представить, куда эти двое могли подеваться, кроме самого очевидного ответа.

Пока Эсми помогает мне вымыть волосы и привести себя в порядок, под дверь моей комнаты кто-то просовывает конверт, скрепленный личной печатью короля. Я уже знаю, что там, но чтобы не портить интриги, читаю вслух — это постановление о недельном отпуске для девушек, сроках, когда девушка следует спуститься к Вратам, и крайних сроках, когда они обязаны вернуться.

Мою горничную эта новость расстраивает, и чтобы как-то скрасить ее грусть, дарю ей симпатичную брошку — одна из немногих вещей, которая осталась цела после того, как в моей комнате устроили погром.

В назначенное время, я спускаюсь на первый этаж, где в самом широком коридоре уже собрались королевские волшебники и на моих

глазах Примэль как раз собирается войти во Врата. Замечает меня, машет рукой и посылает воздушный поцелуй на прощанье.

Я хочу ответить ей тем же, но под ледяным душем взглядов Фаворитки и ее своры, предпочитаю держаться отстраненно.

— Вот, — слышу знакомый голос Нокса, и чуть не подпрыгиваю от неожиданности, потому что проклятый герцог снова появился как из ниоткуда, и снова у меня за спиной.

Что-то опускается мне в руку.

Похоже на шкатулку для письменных принадлежностей.

— Мне кажется, герцог, вы и так слишком сильно на меня потратились, — напускаю холодный тон.

Немного поворачиваю голову.

Прихоть. Каприз.

Ведь получается, что сегодня я вижу его в последний раз.

— Вы так очаровательно морщите нос, милая Тиль, — урчит Нокс.

Явно доволен.

Ночь с невестой не прошла томно?

— Не принимайте на свой счет, милорд Нокс, — слишком громко, слишком рассержено, — просто от вас разит духами графини Рашбур, а они мне чрезвычайно не понравились.

Нокс дергает меня за руку, когда остается всего шаг, прежде чем я выйду на обозримую всеми площадку.

Я резко выдергиваю пальцы из его ладони, и практически физически ощущаю, как подаренное Эвином кольцо оставляет след на его шершавой коже.

— Всего вам светлого, милорд. — На этот раз я хладнокровна и целиком владею собой.

Наша история, какой бы... странной она ни была, закончена.

Но когда я прохожу через разноцветную рябь Врат, шкатулку — подарок Нокса — я все равно крепко сжимаю в руках. Возможно, это какое-то тайное устройство слежения, лихо замаскированное под перо и чернильницу-непроливайку?

Я жмурюсь, делаю глубокий вдох, когда вибрации внутри Врат стремительно просачиваются мне под кожу, поднимая со дна желудка волну тошноты.

Еще немного.

Это почти последний раз.

Я уже чувствую прохладный горный воздух поместья герцогини, но и взгляд герцога мне вслед — тоже. Наверное, это самое глупое, что я чувствовала за последнее время, но за мгновение до того, так Врата выталкивают меня из Черного сада, я готова поспорить на что угодно, что Нокс смотрел на меня с грустью.

— Матильда! — Герцогиня почему-то оказывается так близко, что я едва не бьюсь носом ей в плечо.

После перехода мутит и хочется присесть, чтобы отдышаться, но холодные пальцы герцогини цепляются мне в подбородок, вздергивают его вверх, мешая справиться с рвотными позывами. Приходится усиленно вдыхать через нос и раздувать щеки.

— Ради богов, Матильда, что за спектакль! — Лу'На фыркает и еще сильнее сжимает пальцы на моем лице.

— Мне... больно, — давлюсь еле подавленным желанием ее оттолкнуть. — Пожалуйста, миледи, мне нужна... маленькая передышка.

Она тяжело вздыхает, но все-таки разжимает пальцы.

Закладывает руки за спину, невидимым жестом отдавая приказ кому-то у меня за спиной.

Даже не успеваю одуматься и понять, что к чему, потому что пара стражников хватают меня под локти и практически силой волокут куда-то мимо центральной лестницы. Если меня здесь и ждали, то комнату приготовили либо где-то у прислуги, либо в хлеву.

Но меня тащат дальше — мимо домиков для слуг, за хозяйственные пристройки, к маленькому кособокому строению, больше похожему на склеп для одной могилы. Стражник распахивает окованную железом дверь, второй грубо пихает меня внутрь.

— Погодите-ка, — слышу голос герцогини, и вслед за ним чувствую, как она вырывает шкатулку из моих пальцев. — Что это? Ну? — требовательно задает вопрос, потому что я отмалчиваюсь.

Интуиция подсказывает, что ей лучше не знать, чей это подарок.

— Я хотела написать пару писем, — говорю растерянным голосом, осматривая крохотную комнатку с маленьким зарешеченным оконцем. Она ровно на ладонь выше моей головы, и когда дверь закроется... Это будет ощущаться так, словно меня похоронили заживо. — И если миледи позволит, я бы хотела...

— Миледи подумает, — грубо отвечает она, кивает стражнику и тот пинком закрывает дверь.

От удара тяжелой створки с потолка прямо мне на голову сыплется песок и паутина.

В комнатушке практически сразу темнеет — нужно время, чтобы глаза привыкли различать полтона и получилось зажечь лампу. Хвала Плачущему, мне оставили хотя бы это.

Лампу, прохуdivшийся сенник прямо на голом полу и потрепанный «Том Страданий Плачущего».

«Не реви!» — прикрикиваю на свою внутреннюю слабачку.

Никто не обещал мне радушный прием, но я рассчитывала хотя бы на разговор.

И точно не понимаю, чем все это заслужила, потому что выполнила свою часть сделки.

Глава пятая: Сиротка

Даже не знаю, каким чудом мне удалось задремать.

Помню, что вечером, когда мой живот уже предательски урчал, в маленькое отверстие под дверью кто-то просунул плошку с холодной кашей и ломтем ржаного хлеба. Я съела все, потому что еще не забыла времена постных недель в монастыре — тогда мы радовались хотя бы тому, что есть, потому что наставницы на период «страданий» вовсе отказывались от мирской пищи, насыщая дух через молитвы и благословения свыше.

Ночью было очень холодно, я не знала, как лечь, чтобы не чувствовать себя буквально подмерзающей на глыбе льда.

Меня будит резкий порыв свежего ветра и бряцанье железа.

Спросонья прикрываю глаза рукой, пытаюсь понять, что происходит.

Это один из вчерашних стражников — он бросает мне какую-то тряпку и требовательно приказывает подняться, и следовать за ним.

Не так-то просто это сделать, потому что я спала, свернувшись калачиком и все мышцы задеревенели настолько сильно, что не разогнуть. Вставая, приходится сначала перебраться на четвереньки, а только потом — распрямиться в полный рост.

Накидываю на плечи ту тряпку, которую он принес — похоже на застиранную и шаль, но я благодарна и за это, потому что так

получается хотя бы немного согреться.

Вслед за стражником, иду через двор, и снова мимо лестницы, куда-то в сторону сада. Когда-то именно там герцогиня преподавала мне пару уроков этикета и учила делать реверансы. Только что-то подсказывает, что после вчерашнего «радушного» разговаривать мы будем не о реверансах.

Герцогиня сидит за маленьким, накрытым дорогой скатертью столиком и, элегантно отставив мизинец, подносит чашку ко рту, чтобы сделать маленький глоток.

Радужно улыбается и даже делает выволочку охраннику за то, что не дал мне что-то из теплых вещей. Как будто тут хоть кто-то может сделать что-то без ее личного приказа.

— Присаживайся, — кивает мне на как нарочно отставленный подальше от стола стул. — И извини за вчерашнее. Пока у вас там балы и соревнования, во внешний мир просачиваются такие слухи, что поневоле приходится дуть даже на воду.

Она добродушно и виновато улыбается.

Точно так же, как и в тот день, когда с дрожью и слезами в голосе уговаривала меня занять ее место и помочь завоевать любовь короля.

Но тогда я не знала, кто она на самом деле.

— Я должна была убедиться, что ты не принесла в Горностаевый приют какую-нибудь поганую игрушку... Нокса.

Она произносит его имя как плевок. Словно каждому волоску на ее теле становится дурно от необходимости произнести имя врага.

— Я была уверена, что он тебя разоблачит, — с сомнением продолжает герцогиня. — У этого мерзкого слизняка есть нюх — это невозможно отрицать. Если бы я только знала, что тебе придется тягаться с Ноксом, то никогда бы даже не подумала о том, чтобы поменяться с тобой местами. Твоя жизнь была в опасности с самой первой минуты!

Мне остается молча улыбаться в ответ.

И мотать на ус.

Даже не знаю зачем, ведь я уже не вернусь в замок, и эта история вот-вот завершится, чтобы вернуть миру прежнюю сироту Матильду, которая заживет спокойной жизнью где-то в самых дальних землях Артании.

— Если бы герцог тебя разоблачил — тебя бы тут же вздернули, — заявляет герцогиня. — Ты очень находчивая и бойкая, если смогла облапошить и его, и короля. Все столичные сплетни только о том, что герцогиня Лу'На обошла всех претенденток и стала главной претенденткой на роль королевской жены!

Герцогиня возвращает чашку на блюдце и довольно потирает руки.

— Я выполнила ваши условия, миледи? — смиренно интересуюсь я. Она может запросто снова запихнуть меня в склеп и продержат там до конца дней — после минувшей ночи я ничуть не сомневаюсь, что такой вариант не просто возможен, а очень вероятен.

— Ты просто настоящее сокровище, Матильда, — уклончиво отвечает герцогиня. — Признаться, я даже немного завидую твоим талантам... приспособливаться.

— Я бы хотела получить обещанное, — не даю ей уйти со скользкой темы. — И, с вашего позволения...

— Ты поделила с ним ложе? — резко перебивает герцогиня, и я ошарашенно хлопаю глазами. Она презрительно морщит нос, машет ладонью, как будто от меня вдруг стало дурно пахнуть. — Не делай такое лицо, сиротка. Эвин уже приглашал тебя в свою постель?

Я не понимаю, как она может говорить вслух такие... гнусности.

И, конечно, мне тяжело держать себя в руках, потому что герцогиня смотрит с таким откровенным презрением, будто лично держала над нами свечку и ей мой ответ требуется просто для галочки.

— Я бы никогда...

Герцогиня делает взмах рукой, но когда я пытаюсь продолжить вопреки ее приказу, рассерженно хмурится и стучит пальцами по столу.

— Между мной и Его Величеством ничего не было, — говорю я, наконец, когда она делает приглашающий жест. — И не могло бы быть.

— Почему? — Лу'На иронично выгибает брови, осматривает меня всю с видом человека, который вынужден смириться с тем, что придорожная грязь оказалась с ним за одним столом. — Я знаю девиц твоего происхождения. Вы рады стараться услужить любому мужчине в надежде заполучить его привязанность и знаки внимания. Пожалуй, — она задумчиво постукивает пальцем по губам, — из тебя получится прекрасная подмена в мою королевскую постель.

— В вашу постель? Миледи, я не понимаю.

Герцогиня снова лениво попивает чай, пока я пытаюсь справиться с голодом и не вдыхать слишком сильно аромат свежей сдобы на трёхъярусной тарелке в центре стола.

— Послушай, сиротка, — Лу'На явно не собирается называть меня по имени. — Ты прекрасно справилась со своей задачей и в благодарность за это я не буду тебя разоблачать, а окажу великую милость, оставив при себе.

— Миледи? — Меня потряхивает от еще не вполне осознанного ужасного подтекста ее слов.

— Боги, прекрати корчить из себя идиотку! — Она яростно выплескивает остатки чая куда-то за спину, ставит чашку на блюдец. Фарфор печально бряцает и даже не понятно, как не раздается трещинами. — Ты прекрасно умеешь приспособливаться, раз несмотря ни на что, смогла выжить, сохранить все конечности и даже не разоблачила наш обман. Поэтому, ты и дальше будешь прикидываться мной, а когда Эвин будет у меня в кармане, будешь подменять меня в супружеской постели. Я не хочу, чтобы этот... ужасный человек, — герцогиня с отвращением кривит губы, — прикасался ко мне хоть пальцем. И тем более, я не желаю, чтобы через мое чрево продолжилась его проклятая династия.

— Но ведь вы... любите его... — Только когда произношу эти слова, до меня медленно начинает доходить вся абсурдность и лживость этой ситуации.

Меня просто использовали.

Меня с самого начала посылали на заклятие как овцу, потому что герцогиня предполагала возможные попытки от нее избавиться. А теперь, когда я все-таки выжила и даже стала главной претенденткой на королевскую корону супруги правителя Артании, Лу'На просто решила переиграть свой план.

Глава шестая: Сиротка

Я так резко поднимаюсь со стула, что герцогине требуется время, чтобы понять, почему я это сделала без ее приказа. И когда она это понимает, охранник, все это время стоящий у меня за спиной, надавливает мне на плечо. Я пытаюсь сопротивляться, но он давит все

сильнее, и мне приходится упасть на колени, чтобы сохранить руку целой.

— Мне нравится, когда ты там, — лениво растягивая слова, говорит Лу'На. — Безродным собакам там самое место. И когда-нибудь рядом с тобой будет стоять Эвин. В тот день дух моего отца будет отмщен, а у Артании. Наконец, появится достойный правитель.

Она говорит это таким тоном, словно корона уже на ее голове и где-то на заднем фоне звучат торжественные фанфары во Славу правления и процветания королевы Матильды Первой.

— Я не буду вам помогать, — решительно отказываюсь я, без страха глядя прямо ей в глаза. — Вы не заставите меня. Никогда.

Она злорадно смеется.

И это впервые в жизни, когда мне становится противно собственное лицо — настолько гадко она выглядит в эту минуту.

— Боюсь, побирушка, у тебя нет выхода. — Лу'На разводит руками. — Потому что иначе я появлюсь в замке, скажу, что ты самозванка. Что пока твои дружки-разбойники держали меня в темнице, ты прикинулась мной, чтобы завоевать внимание Эвина и обманом стать королевой.

— Никто этому не поверит, — пытаюсь отстоять свое право на правду, но... Когда это в нашем мире бедных, богатых и знатных, хоть одно решение принималось в пользу сироты?

— Этому поверят все, — словно читает мои мысли герцогиня. — Потому что будет слово беглянки без рода и племени, против слова герцогини с безупречной родословной.

— Против слова дочери предателя короны, — сквозь зубы шиплю я. Ярость поджигает внутренности, и мне даже хочется, чтобы сейчас случилась одна из тех странных вещей, которые выплескивали из меня огонь.

Матильда встает, подходит ближе и нарочно медленно надавливает на мои пальцы носком шелковой туфли. Я терплю, но в конце концов, боль становится невыносимой, и тогда мне остаётся только мычать, потому что охранник тут же приставляет нож к моему горлу.

— Ты забыла, где твое место, дрянь? — Лу'На бледнеет от злости, ее пальцы мелко дрожат. — Ты забыла, откуда я тебя достала, прежде

чем ты решила, будто имеешь право даже дышать в присутствии такой, как я? Ты будешь делать то, что я тебе прикажу или...

Она хватается меня за волосы на затылке, задирает голову вверх, но я все равно без страха смотрю ей в глаза.

— Или ты просто исчезнешь, гадкая мерзкая замарашка, и никто, ни единая живая душа не узнает, что твои кости уже давно перемалываются в желудке моих свиней. А чтобы ты не думала, будто можешь меня переиграть...

Она делает знак охраннику и откуда-то из глубины сада, двое молодчиков волокут тонкое, как будто уже безжизненное тело. Его бросают передо мной, и я не сразу узнаю в этом скелетоподобном лице черты своей подруги.

Игрейн...

Плачущий помощи, она выглядит как восставший из могилы несвежий труп!

В рваном тряпье балахона торчат ее костлявые плечи, все покрытые синяками и ссадинами. Я сдергиваю с себя шаль, накидываю на подругу и пытаюсь прижать ее к себе, чтобы хоть немного согреть.

— Она... знает... про Орви... — еле слышно, практически не разжимая губ, успевает сказать Игрейн, прежде чем нас грубо оттаскивают друг от друга.

Злость накрывает меня с головой.

Злость и гнев.

И желание прямо сейчас выпустит всю кипящую во мне злость, чтобы она в момент испепелила герцогиню, выжгла ее до горстки праха, как скверну, которая не должна существовать под солнцем.

Но... ничего не происходит, и мне остается только бессильно скрести ногтями по земле, проклиная тот день, когда я вообще поехала на ярмарку.

— А ты правда думала, что я не найду на тебя управу? — Герцогиня заливисто хохочет, но резко прерывает сама себя, и снова шипит в мою сторону. Так правдоподобно, как будто у нее и вправду раздвоенный язык. — Только посмей сделать хоть что-то поперек меня — и я начну с нее. И с твоего мальчишки-любownika. Поверь — я не была слепой и глухой все эти дни! И у меня достаточно свидетелей

того, что вы с ним в сговоре, и на самом деле вы придумали все это с одной лишь целью — подстроить смерть короля.

Даже просто произнесенные вслух, эти слова заставляют меня содрогнуться от ужаса.

Мне кажется, что даже если я буду изо всех сил кричать, что ничего не знала и просто попалась на хитрую уловку, король все равно не услышит ни звука. Он уже чуть было не лишился короны из-за заговора, он и так... Плачущий, прости, не на самых законных основаниях сидит на троне Артании, а значит, будет беспощадно и молниеносно избавляться от всех, кто хотя бы помыслит его сместить.

Может, он потом и герцогиню выведет на чистую воду, но к тому времени это уже не будет иметь значения, потому что я буду глубоко и окончательно мертва.

Меня пробирает липкий озноб и герцогиня, глядя на меня сверху вниз, довольно улыбается — наверняка страх и паника высечены у меня на лбу.

— Ну-ну, — она как будто смягчается, но теперь меня этим не провести. — Не надо думать, что все окончательно плохо. На самом деле, ты получишь своего драгоценного королишку... по крайней мере, на какое-то время.

Пока она злобно бормочет о том, как ненавидит Эвина, я на всякий случай снова прокручиваю в голове ее слова о том, что она не собирается рожать королю, и что для этих целей будет использовать меня. Почему это так важно для нее? Ведь статус матери наследника — это неплохая защита на случай, если король когда-нибудь разоблачит ее хитрый план.

«Нужно рассказать герцогу», — вспыхивает в моей голове, и я тут же изо всех сил зажимаю эту мысль подальше.

Чтобы герцогиня даже не подумала усомниться в том, что в эту минуту я способна соображать, а не парализована страхом и полностью в ее власти, как она сейчас, наверняка, думает.

Игрейн тем временем уже утаскивают, и единственное, что я могу для нее сейчас сделать — поддержать хотя бы взглядом. И вселить каплю надежды, что скоро эти мучения закончатся.

Хотя это очень самонадеянно с моей стороны, ведь я не могу сказать даже сколько продлится моя собственная жизнь.

— А теперь, сиротка, — Лу'На делает знак охраннику и тот поднимает меня на ноги, — я хочу услышать, что ты поняла из моих слов, чтобы убедиться, что между нами нет недопониманий и ты понимаешь, какой короткой и тяжелой может стать твоя жизнь, если ты вздумаешь мне перечить.

— Я должна и дальше быть... вами, — стараюсь говорить тише, чтобы не выдать бурлящий внутри гнев.

— Хорошо, дальше, — поторапливает герцогиня.

— Я должна делать, как вы прикажете.

— И?

— И ничего не предпринимать самой.

— Хорошо. Что-то еще?

Я сглатываю, прокручиваю в голове ее слова и выдаю последнее, что она не озвучила прямо, но это открыто читалось между строк.

— Я должна покорить короля и... — Мне гадко даже подумать об этом, не то, что произнести вслух.

Хвала Плачущему, герцогиня и не ждет от меня этого.

Она снова впивается ногтями мне в щеки, крепко сжимая пальцы на моем лице.

Мне приходится выдерживать ее взгляд в упор.

— Я хочу, чтобы ты как можно быстрее соблазнила Эвина, оказалась в его постели и сделала так, чтобы каждая живая душа в замке, каждая мышь, каждая пылинка и трещина в полу об этом узнала.

Жмурюсь так сильно, что ресницы режут веки.

Лесь в постель с мужчиной... до брака...

— Уж постарайся, — герцогиня еще немного надавливает, и я почти чувствую, как кожа трещит под ее ногтями. Приходится открыть глаза, потому что именно этого она хочет. Если бы такой допрос был до того, как я прожила в замке, я бы уже давным-давно сломалась. — Мне надоело сидеть на пороховой бочке и переживать, что какая-то пафосная идиотка с вытащенной из носа родословной, может нас обойти. А раз ты теперь почти официальная фаворитка, то получить доступ в королевскую спальню для тебя не составит труда.

Мне остается лишь кивнуть, и позволить слезам скатиться по лицу.

Потому что, как бы там ни было, мне сейчас очень страшно.

И гадко от себя самой, ведь если бы я смирилась с участью монахини и приняла милость Плачущего, герцогиня не смогла бы сделать меня сообщницей.

— Вот и славно, — она вальяжно похлопывает меня по щеке, а потом демонстративно вытирает ладонь о юбку платья. — Пойдем, тебе предстоит взять несколько уроков... женственности, потому что в этом ты явно слаба.

Глава седьмая: Герцог

— Ваша Светлость уже уходит? — интересуется моя старая «боевая подруга» Лила, когда я, наконец, свешиваю ноги с постели, на этот раз надеюсь, что мне хватит воли побороть внутренних чертей и взять контроль над ситуацией.

Я пропадаю в этом борделе уже третий день.

Сначала пришел сюда с желанием просто спрятаться от вездесущей Ив, а потом — отделаться от мыслей о девчонке.

Потому что, как любит говорить Сайфер, эта мелкая зараза перестала выходить из моей головы даже размять ноги.

Она торчит там день и ночь.

Мешая думать. Мешая сосредоточиться. А в последние дни еще и существенно затрудняя ходьбу по вполне понятным всем мужчинам причинам.

— Ты была умницей, — говорю Лиле, оставляя на прикроватной тумбе мешочек с монетами. Там значительно больше, чем она заработала, но у моей щедрости есть причина.

Это страховка.

На случай, если вдруг бы Лиле пришла в голову нелепая идея сказать кому-то, что пару раз в пылу страсти я назвал... другим именем.

Она тянется ко мне через всю постель, кладет руки на плечи, старательно делая вид, что ей не неприятно ощущать шрамы пол ладонями. Почему я знаю, что ей противно? Все женщины так на них реагируют, даже Ивлин, а уж она из шкуры лезет, лишь бы показать, как ее все во мне восхищает и радует. Но есть большая разница между тем, как тебя касаются, чтобы показать свою стойкость, и как тебя касаются, потому что хотят касаться.

Так меня никто не трогал с тех пор, как кнут палачадохлого герцога оставил на мне все эти отметины.

— Может, уйдешь утром? — ворует Ли́ла, когда я стряхиваю с себя ее руки и встаю, чтобы привести себя в порядок. — Можем просто разговаривать.

Я издаю ироничный смешок, справляюсь с брюками и, повернувшись, оцениваю свою любовницу легкого поведения взглядом сверху вниз. Она тут же тянет на себя покрывало, и растерянно хлопает ресницами.

— Полагаешь, я настолько стар, чтобы хотеть брюзжать в постели вместо того, чтобы использовать ее по прямому назначению?

— Я просто подумала... — Она так и не решается закончить, о чем же подумала.

Потому что в этой хорошенькой голове под шапкой каштановых кудрей, нет никаких мыслей. Она говорит то, что хотят слышать посетители ее комнаты — скорее всего, почтенные джентльмены с солидным достатком, у которых давно прошли годы «лихой молодости».

Интересно, Тиль тоже думает, что я настолько... стар?

Я быстро продеваю руки в рукава сорочки, наспех накидываю мундир и выхожу через черный ход, где меня ждет экипаж без опознавательных знаков.

Нужно возвращаться в замок, потому что, по моим подсчетам. Девушки вот-вот начнут прибывать обратно, и я не хочу упустить возможность увидеть девчонку. Хотя, это и не самая лучшая идея, учитывая, как я чертовски на нее зол.

Ни единого письма.

Ни одной весточки за целую неделю, ничего.

Она же не настолько глупа, чтобы не догадаться, как использовать простейший Писарь.

За пару которых — мой и ее — я теперь должен услугу рогатому химеры, потому что эта штука — его личное изобретение.

Когда я возвращаюсь в Темный сад, пара девушек уже успевают вернуться, но я знаю, что Тиль среди них нет. Со второго этажа галереи, наблюдаю за тем, как из Врат появляется очередная девица — это Вероника Мор. И сразу за ней, с минимально возможным промежутком — маркиза Виннистэр. Нарочно обозначаю свое

присутствие, привлекая ее внимание выразительным покашливанием. Она поднимает взгляд, смотрит на меня и делает глубокий реверанс, старательно маскируя злость во все лицо.

Само собой, она не могла не узнать, кто устроил ей «внезапные дела» как раз накануне Королевского бала. А теперь она знает, что их с Вероникой «случайное» возвращение почти что вдовеем, тоже не осталось мной не замеченным.

Тайный совет узнал, что герцогиня Лу'На выбилась в королевские любимицы, и решил действовать агрессивно? Готов поспорить, что детские фокусы с изодранными платьями и «случайными» падениями потолков теперь в прошлом.

На мою Тиль откроют настоящую охоту.

Я морщусь, внезапно ошарашенный тем, что назвал девчонку своей.

Только этого мне не хватало.

Маркиза, вместо того, чтобы следовать за своей подопечной, сворачивает на лестнице прямо в мою сторону. Чрезмерно сладкий аромат ее духов идет впереди на пару шагов, и едва не сбивает с ног удушающим облаком. Через силу улыбаюсь, стараясь не упустить Врата из виду.

— Ваша Светлость, — маркиза снова исполняет реверанс, на этот раз намеренно глубокий, чтобы продемонстрировать всю глубину ее пикантного декольте.

Бросаю совсем незаинтересованный взгляд.

После трех дней с Лилой, мои черти сыты, довольны и не кидаются даже на такие откровенные провокации.

— Я оценила вашу заботу, — говорит Фредерика, распрямляясь и разворачивая веер, которым тут же начинает обмахиваться. — Уверена, все это было сделано исключительно для безопасности королевских избранниц, а не чтобы досадить мне.

— Исключительно чтобы досадить вам, маркиза, — говорю в лоб.

Мои прямота и честность так неожиданно для нее, что маркиза о своем образе пронцательной стервы, и смотрит на меня с оторопью во взгляде.

— Потрудитесь объяснить, милорд, — говорит заплетающимся языком.

— Потрудитесь напрячь мозги, маркиза, и вы, я убеждён, увидите ответ, потому что он прямо у вас перед носом.

Она не успевает ничего ответить, потому что Врата снова покрываются рябью, и на этот раз из них появляется Тиль.

Я напрягаюсь, внезапно вспоминая каждую минуту, когда надеялся получить от нее хоть какое-то известие, но Писарь молчал.

— Вижу, не только Его Величество нашел что-то интересное в некоторых... претендентках, — говорит маркиза, видимо считая себя очень проницательной.

Я лишь кошусь в ее сторону, не подавая виду, что эта попытка меня ужалить достигла цели, хотя следует признать — над аккуратностью в проявлении своего интереса надо еще поработать.

— Фредерика, ваша внимательность безмерно меня радует. — Я чувствую, как от жесткости в моем голосе маркиза напрягается. Не нужно даже поворачивать головы, чтобы чувствовать ее реакцию. — Поэтому жду от вас наиболее подробнейшее письменное изложение всех ваших мыслей и догадок касательно претенденток и мужчин, которые проявляют к ним интерес. Само собой, подкрепленных хоть какими-то фактами. Потому что, раз вы позволяете себе такие громогласные заявления, то должны опираться на что-то более значительное, чем хаос в вашей голове.

— Ваша Светлость! — От возмущения маркиза едва не задыхается.

— Я буду ждать доклад не позднее сегодняшней полуночи, маркиза Виннистэр, или завтра утром лично похлопочу об аудиенции с Его Величеством, на которой, поверьте, вам придется развязать язык.

Фредерика подбирает юбки и частый стук ее каблучков заставляет меня ухмыльнуться — люблю, когда марионетки Тайного совета удирают от меня со всех ног.

Но, между тем, Тиль идет по длинной галерее, и несмотря на все мои мысленные приказы, так ни разу и не поднимает взгляд мою сторону. Проходит до лестницы, где ее тут же окружает пара приставленных к слежке гвардейцев, и направляется к себе в комнату.

Бездна все задери!

Глава восьмая: Герцог

До самой поздней ночи я буквально забрасываю себя делами: разбираюсь с почтой, перечитываю срочные донесения и делаю несколько распоряжений об усилении защиты замка.

С границы приходят дурные вести о том, что войска королевской армии несколько раз были атакованы неизвестными стихийными вспышками, и по предварительным оценкам алхимиков, все это крайне похоже на использование именно Аспекта Виканто.

Того самого, который использовала герцогиня, когда пыталась устранить конкурентку.

Того самого, который каким-то образом связывал ее с Лордами летающих островов.

Демонова задница.

Я бросаю перо, откидываюсь на спинку стула и массирую уставшие веки.

Ей можно доверять?

Или все-таки нет?

Почему я решил, ради всех богов, что ее монашеский статус делает ее кристально чистой душой, неспособной на подлость и предательство? В конце концов, мало ли я видел предателей, которые смотрели в глаза, умывались чистыми слезами и клялись на чем свет стоит, что не понимают, о чем их допрашивают?

Встаю, меряю комнату шагами, снова и снова пытаюсь уложить в своей голове всю эту историю хоть в какой-то употребляемый вид.

То, что герцогиня могла связаться с предателями и организовать новый заговор, казалось, совершенно логичным и понятным.

Но кто тогда эта девчонка, и какое отношение она имеет к Свободным Лордам и их планам сместить Эвина?

И вишенка на десерте — откуда в ней Хаос?!

Останавливаюсь, потому что взгляд сам тянется к нижнему закрытому ящику стола.

Ключ я ношу при себе, потому что храню там кое-что достаточно... опасное, в неумелых руках.

«Веселая дрянь».

Особенная настойка Сайфера, которая чудесным образом развязывает языки даже самым упрямым и скрытым. Пара капель в бокал — и Тиль развяжет язык, и будет каяться передо мной, умываясь слезами, словно я сам Плачущий и взываю ее к очищению души.

Не будь у этого проклятого зелья еще одного «пикантного» эффекта, я бы уже давным-давно подпоил мелкую заразу и узнал все, что творится в ее хорошенькой головке.

Но...

Я прекрасно помню, что творилось с девицами из борделя, когда мы с химером решили провести пару экспериментов.

Делаю глубокий вдох, потому что образы о распутной Тиль, лежащей у моих ног, заставляют кровь отлить от головы в совсем ином направлении. Думать о государственных делах, когда мое воображение наполняется раскаленными фантазиями, кажется настоящим кощунством.

Я, верно, сошел с ума.

Но...

У меня в запасах лежит бутылка прекрасного и так любимого дамами земляничного вина с нотами бальзамина и розмарина. Две капли в кубок — и моя милая Тиль будет щебетать, как блудница в очищающем пламени.

Я должен сделать это исключительно в целях государственной безопасности.

Абсолютно ничего личного, малышка.

Прихватив вино и маленький пузырек с «говорливой» настойкой Сайфера, выхожу из комнаты, хватаю первую же попавшуюся горничную, и приказываю отправиться в покои герцогини Лу'На со срочным приказом немедленно явиться ко мне на разговор, мол, появились определенные обстоятельства, которые вынуждают меня переговорить с каждой участницей с глазу на глаз. Я не уверен, что вся эта выдуманная на ходу история звучит правдоподобно, но какая разница? Горничная и так трясется от страха, я могу влить ей в уши, что рухнули Печати Хаоса и она проглотит это, как голодный сом — жирную наживку.

— Она должна немедленно явиться в библиотеку! — грозно делаю акцент, и горничная, подобрав юбки, бросается исполнять приказ.

Я же направляюсь напрямиком в библиотеку.

Нахожу достаточно уютное место за полками, подтаскиваю к нему маленькую софу.

Ставлю кубки, открываю вино и разливаю его по бокалам.

Достаю пузырек.

И, как раз когда отмеряю положенные пару капель, дверь к библиотеку скрипит, «приветствуя» гостью.

Демонов зад!

Моя рука вздрагивает, потому что сквозняк буквально хватается меня за нос тонким ароматом этой девчонки. Именно так, белыми цветами с маленькими шипами, она пахла на королевском балу.

Пузырек кувыркается у меня между пальцев, и прежде чем мне удастся схватить скользкое округлое стекло, из него выплескивается больше половины.

Шаги за спиной уже слишком близко, так что мне приходится вспомнить свою бурную молодость, когда приходилось учиться жонглировать и показывать карточные фокусы, чтобы инкогнито разъезжать по Артании вместе с бродячими артистами, выискивая шпионов и слишком «несознательно недовольных сограждан». Я успеваю спрятать пузырек в отворот рукава мундира как раз в тот момент, когда Тиль подходит достаточно близко, чтобы я чувствовал ее буквально спиной.

Поворачиваюсь на каблуках.

Хочу сразу сказать что-то резкое, чтобы переключить ее внимание на мой недовольный тон, испугать, осадить. Чтобы, как любое существо со слабой волей, она присела и покорно смотрела мне в рот.

Хочу... и не могу.

Потому что ее лицо выглядит так, словно всю эту неделю она провела не на пуховой перине в сытости, покое и роскоши, а пахала в поле без сна и отдыха, почти что впроголодь.

— Вы желали меня видеть, милорд Нокс? — Тиль исполняет реверанс, но ее немного ведет в сторону, как хрупкое пламя свечи от резкого порыва ветра.

Я успеваю подхватить ее под локоть, потому что еще немного — и девчонка, чего доброго, завалилась бы на спину книжного стеллажа.

У нее очень холодная кожа — это чувствуется даже сквозь плотную ткань простого домашнего платья. Плечи как будто стали более... угловатыми, острыми, словно у плохо сделанной фарфоровой куклы. Банальный вопрос: «Что с тобой?» замерзает на языке.

Бездна все побери!

Причина этого истощения настолько проста и очевидна, что я старательно гоню ее от себя, иначе могу натворить дел. А подобные вспышки героизма мне, мягко говоря, не свойственны, хоть я никогда не отказывал в помощи слабому полу.

— Простите, — хрупким, как подтаявший лед голосом, говорит Тиль, и рассеянно шарик вокруг себя, чтобы найти другую опору. — Мне немного нездоровится.

— Предполагается, что я поверю в эту шитую белыми нитками ложь? — грубо отсекаю ее попытки водить меня за нос. — Смею вам напомнить, юная леди, что у нас с вами уже были некоторые недопонимания из-за вашего вранья, и это едва не стоило вам жизни. Что за безумная дурость дает вам основания думать, будто и во второй раз вам все так же сойдет с рук, но спешу вас предупредить — вы исчерпали лимит моего доверия. И искренне рекомендую больше не искушать судьбу своими нелепыми попытками водить меня за нос.

— Как много слов, милорд Нокс, — бормочет она, — и только для того, чтобы напомнить мне, что моя никчемная жизнь всецело в ваших руках.

Я провожаю ее до софы, усаживаю.

Она мелко трясется и на этот раз безропотно молчит, когда накидываю ей на плечи свой мундир.

Убедившись, что она по крайней мере не собирается снова лишиться чувств, поднимаюсь, чтобы развести огонь в камине, и пока укладываю поленья, гоняю в голове образы всего, что настоящая Лу'На могла сделать с Тиль.

Поэтому она не писала?

Что случилось за эту неделю?

Изменились правила игры?

Мою маленькую наивную монашку отрезвили истинным положением дел?

Когда огонь в камине разгорается достаточно жарко, и я поворачиваюсь, собираясь задать Тиль вопрос с лоб, меня ожидает еще один «сюрприз».

Она уже активно прикладывается к кубку.

Тому, что справа.

Тому, в котором столько «веселящей дряни», что даже меня пара глотков довели бы до беспамятства, а что будет со слабой девчонкой,

даже не представляю.

Хотя, конечно, представляю.

И то, как я это представляю, заставляет пожалеть сразу о двух вещах.

Во-первых, об отсутствии мундира.

А во-вторых, что я не убедился, заперта ли дверь.

— Тиль... — Я в несколько шагов оказываюсь рядом с ней, решительно отбираю кубок, все еще надеясь, что она успела сделать лишь пару глотков. Но это же сладкое земляничное вино, я не знал женщины, которая была бы к нему равнодушна.

В кубке осталось ровно на дне.

Глава девятая: Герцог

— Это нельзя было пить? — с перепуганными глазами спрашивает Тиль, глядя то на меня, то на кубок в моей руке. — Я... так сильно замерзла, подумала, что капля вина поможет согреться.

Мне остается только изо всех сил корчить спокойный и уверенный вид.

Так, сразу оно, конечно, не ударит ей в голову.

У меня в запасе минут десять-пятнадцать, значит, еще можно как-то поправить дело.

Например, спровадить ее в комнату, стащить ключ и запереть снаружи, на случай, если девчонка проснется и «веселящая дрянь» разбудит в ней определенные... гмм... потребности.

— Да, — делаю вид, что тоже замерз, — здесь действительно холодно. Вероятно, это достаточная причина, чтобы отложить наш разговор до завтра. Король мне не простит, если его фаворитка схватит простуду и будет пугать его насморком, трубя как слон.

Тиль удивленно пару раз моргает и снова зябко ведет плечами, плотнее кутаясь в мой мундир.

Он настолько ей велик, что она может без труда завернуться в него дважды.

И почему-то эта мысль ловит меня врасплох, как паук — замечтавшуюся муху.

Мысль о том, что было бы замечательно, если бы кроме моего мундира на ней больше ничего не было. Что контраст с белой кожей и моим любимым черным был бы достаточно... приятным.

Это самое приличное слово, которое приходит на ум, потому что мысленно я уже медленно расшнуровываю завязки на корсете ее домашнего платья.

— Я в порядке, Ваша Светлость, — разрушает мои фантазии голос Тиль, и в который, когда я вот так внезапно проваливаюсь в свои не самые трепетные мечты, я обещаю себе вспомнить о самоконтроле, холодной голове и стальных нервах, прославивших меня на всю Артанию. — И готова...

— Это может подождать, — пресекаю ее попытку изображать стальную леди. Видно же, что трясется как осиновый лист. — Уверю вас, я достаточно осознаю последствия. Ваша простуда встанет мне дороже, чем некоторые проволочки с исполнением королевской воли.

Она кивает, но, вместо того, чтобы встать и направиться в сторону двери, вдруг тихо говорит:

— Герцогиня Лу'На действительно готовит заговор.

Несмотря на то, что я не секунды в этом не сомневался, новость все рано застает меня врасплох. Не самим фактом измены против короны, а тем, что Тиль откуда-то это известно.

Интересно, сколько времени уже прошло и сколько у меня еще в запасе, прежде чем маленькая монашенка перестанет себя контролировать?

Ну, на быстрый разговор по существу точно наберется.

Или я только ищу оправдание своим далеко идущим отнюдь не благородным замыслам?

Демонова язва, Нокс, с каких пор мысли о голой хорошенькой девице встали тебе выше государственных интересов?!

— Полагаю, — выдерживаю сухой строгий тон, — герцогиня поделилась вами своими планами отнюдь не за чашкой кофе с малиновым вареньем?

— Нет, милорд. — Тиль отрицательно качает головой. — Но она каким-то образом знает о... многом, что происходит в замке.

И это откровение тоже для меня не новость.

У настоящей герцогини есть сообщник в Темном саду. Или даже несколько. Возможно, «случайно» упавшая с балкона девица была одним из них, и герцогиня избавилась от возможного свидетеля. Это очень в стиле ее гниющего папаши — сперва он дурил людям головы,

обещая богатства и высокие титулы, а потом, не моргнув глазом, резал глотки всем сообщникам, в чьих «услугах» более не нуждался.

— И вам известно имя? — спрашиваю Тиль, хоть вероятность, что настоящая герцогиня сделала бы такую глупость, стремится к нулю. Но, может быть, моя умница успела что-то услышать или подсмотреть? — Или хотя бы какие-то детали для опознания?

— Нет, милорд, — снова послушно отвечает она. — Я подумала, что вам... нужно это знать, чтобы защитить Его Величество от... многих опасностей.

— Меня чрезвычайно радует ваша трогательная забота о короле, — не могу не с иронизировать. — Вы успели проникнуться интересами государства между третьим и четвертым вальсом, Тиль?

Она сперва непонимающе хмурится, а потом задирает нос.

— Мне все равно, что вы обо мне думаете, милорд Нокс. Я подумала, что вам необходимо знать эту информацию.

— Вы очень правильно подумали, Тиль. И теперь я жду, что вы в максимально лаконичной форме перескажете мне все, что слышали и видели в Горностаевом утесе в те дни, когда были вынуждены там находиться.

Я усаживаюсь в кресло напротив, беру свой кубок с вином и делаю жадный глоток.

Пока девчонка быстро, но на удивление собранно и без лишних словесных конструкций, рассказывает о том, что растрепала герцогиня, я мысленно нанизываю информацию на длинные бусы, чтобы ничего не упустить из виду.

Значит, герцогиня решила стать королевой.

Подложить под Эвина своего «безродного» близнеца и, тем самым, лишит себя конкурентов на престол, ведь любой ребенок Эвина, даже если наполовину будет частью ее самой, так или иначе будет более законным претендентом на корону, чем она — всего-то королева-мать.

Умно, ничего не скажешь.

Я бы сам поступил так же, если бы хотел прервать королевскую династию. Впрочем, недооценивать герцогиню было бы крайне глупо. Насколько мне известно, так уже попались многие, посчитав ее просто сопливой девчонкой, оставленной без родительского присмотра и мудрости.

Но во всем этом остается непонятным две детали.

Первая — девчонка вернулась изможденной, ее шатает от любого сквозняка. Не очень понятно, когда Лу'На успела так ее вымотать. Не за ужином же, в самом деле. Хотя сама Тиль ни словом не обмолвилась о том, что с ней обращались негуманно. Только вскользь упомянула какие-то уроки этикета.

Кстати, уроки и ее практические знания.

Нам придется над этим поработать, иначе она рискует себя выдать. И меня заодно, раз теперь мы в одной связке.

И второе, что не дает мне покоя.

Настоящая герцогиня отнюдь не дура. Более чем не дура. Поэтому я скорее поверю, что в мире существует человек, способный укубить себя за ухо, чем в то, что Лу'На просто так, понадеявшись на «авось», растрепала девчонке о своих планах. Даже половины из того, что сейчас щебечет Тиль, достаточно, чтобы обвинить герцогиню в государственной измене со всеми, очень грустными для жизни последствиями.

Выводов тут может быть только два.

И один я озвучиваю вслух, на этот раз пристально следя за реакцией девчонки.

В конце концов, чертова «веселая дрянь» так или иначе, но развяжет ей язык — не для этого ли была вся затея.

— Тиль, вы страшная женщина, — говорю с легкой ленивой улыбкой, чтобы она не думала, будто вскрывает мне что-то важное. — Даже боюсь предположить, какими правдами и неправдами убедили герцогиню настолько вам довериться, чтобы она наговорила себе на целый смертный приговор.

Скрытый смысл моих слов все же достаточно прозрачен. Намеренно прозрачен.

Прежде чем открыть рот, герцогиня должна была убедиться, что девчонка не побежит вскрывать правду первому же попавшемуся умнику в мундире.

— Герцогиня не знает о том, что мы с вами... теперь... сообщники, — неуверенно говорит Тиль. — Она уверена, что я не выдам ее секреты, потому что тогда неволью выдам и себя тоже.

Убедительно, ничего не скажешь.

Если бы не одно «но».

Ее взгляд не лжет. И в этом взгляде плещется страх.

Если я немного нажму, тогда, скорее всего...

— Милорд Нокс, — щеки Тиль вспыхивают пунцовым, и она почти неловко стряхивает с плеч мой мундир, — вам не кажется, что здесь вдруг стало слишком жарко?

Значит, варево химера начало действовать.

Я должен немедленно избавиться от девчонки, пока вся эта история не превратилась в ту, где я, как порядочный человек, буду обязан на ней жениться.

Глава десятая: Герцог

Я пытаюсь придать своему лицу отрешенный вид, когда киваю в сторону камина.

— Полагаю, вино и огонь, сделали свое дело, Тиль.

Она следит за каждым моим движением, задумывается ненадолго и кивает, соглашаясь. Но тревожность в ней явно борется с внутренним непониманием.

— Я все же лично сопровожу вас в комнату, юная леди, чтобы вы снова не попали в лапы призраков.

— Разве вы не должны были исполнить какую-то волю Его Величества?

Она наклоняется вперед, опирается руками на край софы и это выглядит так, словно девчонка прекрасно понимает, что заманивает меня этой показной податливостью. Я буквально мысленно бью себя по рукам, чтобы не поддаться искушению протянуть руку и погладить ее по щеке. Проверить, такая ли горячая ее кожа под пальцами, как это кажется моему воспаленному непристойными мыслями мозгу.

— Юная леди, на сегодня... — Я хочу отправить ее восвояси, но что-то щелкает в голове, в той части, которая всегда, даже в минуты смертельной опасности или полного беспомыслия, все равно продолжает помнить о делах насущных. — Тиль, герцогиня плохо с тобой обращалась?

Если дрянь Сайфера начала действовать, она будет искренна и честна, как на исповеди.

Не знаю, зачем мне эта информация, ведь могу — и собирался — спросить о том, в какие игры и с кем она играет. А вместо этого ищу

повод ненавидеть настоящую герцогиню еще больше. Видимо, чтобы когда буду вырывать ей сердце, не дернулся ни один нерв.

Девчонка облизывает нижнюю губу.

На пухлой розовой коже остается влажный след.

Она делает это снова, и теперь уже я наклоняюсь вперед, чтобы поймать смазанное движение ее языка.

Я думал, что трехдневный «выгул» демонов надолго лишил меня определенного рода фантазий, или я по крайней мере смогу их контролировать, но теперь совершенно понятно, что даже если я буду проводить в чертовом борделе каждую ночь, это никак не скажется на моем желании схватить девчонку и... и...

— Герцогиня не проявила гостеприимства, — наконец, отвечает девчонка.

Я хмурюсь.

Что-то определенно не так.

После той дозы, которую она проглотила, девчонка должна была излить душу во всех подробностях, а она продолжает сопротивляться.

Откуда в ней эта сила воли?

Я мгновенно забываю, что минуту назад собирался решительно от нее избавиться.

Эта малышка, чтоб ей пусто было, какой-то Сундук с чудесами — чем больше я пытаюсь отыскать к нему ключ, тем больше замков в нем оказывается. И пока что я проигрываю на голову.

— Поила вас остывшим чаем? — пытаюсь выудить ее на разговор.

— Вероятно... не только это, Ваша Светлость.

— Подала эклеры с шоколадом, а вы любите белый ванильный крем? — продолжаю «подсказывать» я. Она должна сломаться или это будет первый известный мне случай, когда простой смертный выдерживал «фокусы» Хаоса.

Тиль снова облизывает губы.

Боги, дайте же мне терпения!

Я резко встаю, так же резко хватаю ее за руку и выдергиваю с насиженного места.

От неожиданности она шатается, теряет равновесие и буквально падает мне на грудь.

Мелко дрожит, как от лихорадки.

— Герцог? — В зеленых глазах застывает немой вопрос.

— Я провожу вас в вашу комнату, юная леди, — буквально по звуку цежу сквозь зубы.

— И снова меня скомпрометируете?

— Вас это пугает?

Каким образом мои пальцы оказываются у нее на подбородке — остается загадкой.

Мое тело, мои внутренние черты тоже теряют контроль. Как будто, Бездна побери, это я напился варева Соула, и теперь поддаюсь искушению собственных порочных мыслей.

У нее горячая мягкая кожа.

Боги, и такое упругое тело, что мне требуется собрать всю волю в кулак, чтобы не обхватить ее еще крепче. Чтобы не позволить ее телу вжаться в мое так сильно, что мы совпадем всеми нашими впадинами и изгибами.

Тиль прикрывает глаза.

Тень от ее дрожащих ресниц украшает щеки как дорогое кружево.

На это можно смотреть бесконечно.

Я сглатываю, напоминаю себе, что она — избранница Эвина, даже если он пока сам не в курсе, что за человек скрывается под личиной герцогини Лу'На.

Но это уже не работает.

И, кажется, никогда не работало в достаточной степени, чтобы я не позволил мыслям о том, как эта девчонка будет принадлежать мне, отравить все мои планы на будущее.

Осознание этого накрывает так внезапно, что я на миг чувствую себя растерянным.

— Милорд Нокс? — Я чувствую, как она становится на носочки, чтобы быть выше.

Ее руки обнимают меня за шею, обвивают, словно ласковая лоза.

— Тиль... — снова хриплю я.

Ее губы так близко.

Ее губы медленно касаются костяшки моего пальца, которой я только-то поглаживал ямочку у нее на подбородке.

Горячее дыхание на выдохе и легкий, как будто почти удивленный стон — проникают мне под кожу.

Однажды, несколько лет назад, мы с Эвином и небольшим отрядом попали в переделку, и тогда я впервые получил заряд дроби из механического орудия. Это было так, словно меня вспороли и сразу достали до самых костей.

Боль была адская.

Но по сравнению с тем, что я чувствую, когда Тиль сжимает губы вокруг моего пальца, это ничто. Это воспоминание моментально улетучивается из памяти, потому что именно сейчас я словно раскалываюсь надвое.

На две части, каждая из которых в состоянии прикончить другую.

Потому что я желаю эту женщину, как никакую другую.

И потому что я не должен этого желать.

— Милорд Нокс? — Она, хоть и стоит на носочках, все равно значительно ниже меня, и поэтому с высоты моего роста, ее взгляд и выражения лица кажутся настоящим искушением. — Вы как будто изъявили намерение меня поцеловать?

— Желаете обсудить ту мою слабость?

— Слабость?

Она обиженно хмурится.

Я чувствую движение ее ладоней в своих волосах — тонкие пальцы перебирают пряди на затылке, буквально выуживая из меня эти... непотребные кошачьи звуки.

— Я о вас думала, мой герцог, — говорит так откровенно и искренне, что мое оледенелое солдатское сердце предательски ухаает в груди. — В том сыром холодном подвале, где она продержала меня всю неделю, я должна была думать о вас постоянно, потому что только эти мысли меня и согревали.

Наверное, хорошо, что именно сейчас она говорит эту правду.

Потому что, клянусь Хаосом и Бездной, и всеми душами, которые отправил к богам, я никогда не был так близок к тому, чтобы пограть все свои принципы и устои.

Ни к чему хорошему это бы не привело.

— Она мучила тебя? — Я, буквально скрепя сердце, отрываю от себя ее руки. — Делала больно?

Моя маленькая монашка открывает рот, чтобы ответить, но в эту минуту где-то над нашими голова раздается оглушительный рев.

И замок вспарывает разрушительная волна.

Глава одиннадцатая: Герцог

— Что это? — Тиль переходит на шепот, и инстинктивно жметя ко мне.

По зельем или нет, а инстинкты самосохранения никто не отменял, и мне, демонова язва, все равно приятно, что она ищет у меня защиты. Хоть, скорее всего, будь девчонка в трезвой памяти — не сделала бы это из женской вредности и обиды. Чтобы я, упаси светлые боги, не узнал, что рядом со мной она чувствует себя в безопасности.

Даже если это компрометирует ее драгоценную репутацию.

Я прислушиваюсь и на всякий случай завожу руку за спину, сжимая пальцы в кулак до характерного покалывания в ладони.

В некоторых узких кругах мои истинные таланты и статус Инквизитора, конечно, не секрет, но простым смертным эту информацию знать не обязательно. В особенности — девчонке с Печатью Хаоса, которая то появляется, то исчезает, как нарочно играет со мной в прятки.

Да, Рэйв, этот ребус тебе еще долго предстоит разгадывать.

— Может, — продолжает шептать Тиль, — это просто... ветер в башне?

Я отмалчиваюсь, потому что такой «ветер» я уже слышал, и в тот раз он натворил таких дел, что даже моя бесшабашность пасует перед теми воспоминаниями.

Но все же... тишина?

Черный сад больше не трясет, и только продолжающаяся сыпаться на наши голову пыль с потолка, напоминает о чем-то странном.

— Милорд, я хотела сказать... — Голос Тиль ломается, потому что нас буквально разбрасывает в стороны новая волна дрожи.

Пол под ногами ходит ходуном, Тиль пытается удержаться, схватиться за книжную полку, которая опасно наклоняется на бок.

Бездна все побори!

Я ногой отшвыриваю падающее у меня на пути кресло, делаю шаг и прежде чем книжный шкаф завалится на Тиль, выбрасываю вперед руку. Раскаленная энергия жжет руку, но этой силы достаточно, чтобы тяжелый шкаф сменил траекторию падения.

Я перестарался.

Слишком сильно.

Доски разлетаются в щепки, книги вспыхивают яркими искрами и тут же превращаются в пепел, который поливает голову монашки обильным зловещим дождем.

А она даже не закрывает голову руками — просто стоит там, как приколотенная к полу, и смотрит на меня во все глаза.

Передышка между встрясками может быть хорошим поводом, чтобы сбежать из библиотеки куда-то, где на наши головы по крайней мере не будет покушаться любая свалившаяся с полки книга, но вместо этого мы, как два барана, таращимся друг на друга.

Я опускаю взгляд на руку.

Рукав сорочки, конечно, обуглился, обрывки дорогого шелка тлеют вокруг покрытой черными раскаленными символами кожи.

Эти символы — самое мерзкое, что существует в царстве живых.

Язык Бездны.

Руны Хаоса.

Который заточен во мне уже несколько десятков лет, и благодаря которому я так хорошо «сохранился».

Моя боль, мое проклятие и мои исключительные возможности.

Мой вечный голод, который запросто превратит меня в чудовище, если я вовремя его не накормлю.

Я никогда не считал себя каким-то неправильным или мерзким, разве что немного «испорченным», но все это было на благо Артании, я сам согласился принять в себя кровь Хаоса, запустить под кожу несколько сотен демонических душ, потому что это оказалось эффективно.

Усмехаюсь скорее с горечью.

Королевский Инквизитор, гроза всех еретиков, носит в себе то, что не должно существовать в мире смертных. И то, за что рьяно истребляет других.

— Что... это? — округляет глаза Тиль.

К счастью — вот уж не думал, что скажу это — мне не придется отвечать на этот вопрос, потому что Черный сад снова оглушает громкий хриплый рев.

Прикрываю глаза лишь на мгновение.

И все-таки, я не ошибся.

Я быстро перепрыгиваю через заметную трещину в полу, хватаю девочку за руку и увлекаю в сторону выхода. Она молча следует за

мной.

Но когда до двери остается пара шагов, замок снова ухает от дрожи, и я едва успеваю оттолкнуть Тиль к стене, прежде чем на наши головы свалится обломившаяся у самого потолка, каменная колонна.

Я уворачиваюсь вполне удачно, но пара крупных осколков ощутимо приземляются на плечо. Прикусываю стон боли и тут же стряхиваю каменное крошево на пол. Обрывки рубашки — туда же.

Яд Хаоса под кожей уже делает свое порочное дело.

Разум затуманивается, и лишь сосредоточение на том, кто я, не дает ему полностью взять надо мной контроль.

Это как вернуться с самой долгой и кровопролитной войны с врагом за пазухой.

— Стой там! — кричу Тиль, замечая, что она собирается снова прорваться ко мне.

Кивает, послушно прижимается к стене.

Умница.

Хоть что-то она делает сразу и без споров.

Выход из библиотеки замурован. Даже мне потребуется несколько минут, чтобы раскидать эти булыжники, каждый из которых разором с половину меня самого. Нужно искать другой путь наружу.

Осматриваюсь — все окна высоко и на них решетки.

Но пока нас тут трясло, одна из стен дала пару крупных трещин.

Я приказываю Тиль не двигаться с места, иду туда, буквально перескакивая через горы тлеющих книг.

Сосредотачиваюсь, успокаиваю ток крови.

Взмах — стена дрожит и практически стонет.

Трещины становятся больше.

Удар больно отдает в самое плечо.

Я могу использовать Силу Хаоса по своему усмотрению, но это всегда слишком затратно и разрушительно для меня самого. Человек, пробивающий кулаками каменную стену, собьет пальцы в кровь и переломает кости, но не добьется успеха. Я тоже, вероятно, сломаю кости, но получу желаемое.

Еще раз, потому что рев становится ближе, и теперь его «сопровождает» хор воплей ужаса обитателей замка.

Проклятье!

Я должен вывести Тиль и вернуться, чтобы разобраться с тварью.

Хотя, очень вероятно, это она разберется со мной.

Потому что если это тот, о ком я думаю, он мне точно не по зубам.

Он не по зубам никому, и в прошлый раз победа над Беалом — старшим демоном Бездны, стоила Эвину сотен жизней и десятков боевых машин.

Сосредотачиваю еще раз, и еще раз бью.

Трещины со стоном расползаются, стена шатается — и раскалывается, ее части тяжелыми горами камня вываливаются наружу. Теперь по крайней мере есть выход наружу.

— Тиль!

Моя монашенка понимает без слов — быстро, ловко, с камня на камень, балансируя на переломанных досках полок как настоящая акробатка, спешит ко мне.

Становится рядом, вопросительно смотрит в глаза.

Ее кожа как будто подсвечивается изнутри или... это игра моего воображения?

Борюсь с искушением задрать рукав ее платья, чтобы убедиться, что там нет Печати Хаоса.

Или что она там есть, и тогда у меня практически не останется оснований думать, что девчонка и появление Беала — никак не связаны.

Потому что я не верю в такие совпадения.

— Ты должна довериться мне, хорошо?

После ее уверенного кивка, обхватываю девчонку за талию.

Она обнимает меня за плечи, прячет лицо на груди.

Дрожит и горит в моих руках.

В голове снова шумит, мысли путаются.

Как в тот день, когда я не смог подавить желание выпить ее всю досуха.

Потому что... подобное притягивает себе подобное?

Потому что мы оба носим Хаос внутри?

Рев уже совсем близко, и размышлять о природе вещей становится опасно для жизни.

Хотя лично я бы ставил на то, что эту ночь переживут только счастливики, но... кто знает?

Я крепче обнимаю Тиль, прошу ее закрыть глаза — и выпрыгиваю в дыру в стене.

Три этажа до земли.

Ветер свистит в ушах.

Сосредотачиваюсь, снова сжимаю кулак — и наше падение замедляется около самой земли.

Приземление все равно жесткое, но по крайней мере наши кости целы.

Я быстро осматриваюсь, прикидывая, куда бы спрятать Тиль, пока я вернусь в замок и хотя бы попытаюсь задержать Беала. Гвардия уже наверняка поднялась по тревоге и готовится отражать нападение, и даже если эти мальчишки с мечами и пушками вряд ли смогут причинить демону ущерб, это дает самое главное — время для побега остальным.

Невдалеке есть довольно густые заросли какого-то буйно цветущего кустарника.

Боги, надеюсь, он хоть не слишком колючий, потому что именно туда я собираюсь спрятать Тиль. У всех демонов, даже у таких сильных, как Беал, есть одна главная проблема — они на дух не переносят ароматы цветов. Уж сколько легенд не придумали на эту тему — от слезливых до кровавых — но факт определенно есть: пару раз, когда еще Хаос был открыт и зиял на теле мира открытой раной. Твари лезли оттуда, словно мышинное дерьмо из норы, и часто всякую мелочь вроде гралей и бесов удавалось задержать именно разбросанными на их пути цветущими ветками. Как бы глупо это не звучало и еще более нелепо не выглядело — уловка работала.

Надеюсь, этой цветущей заросли хватит, чтобы отвернуть нос Беала от Тиль.

— Герцог, что вы делаете? — она пытается вырваться, когда тащит ее в укрытие.

— Я пытаюсь спасти вам жизнь! — злюсь я, потому что еще минуту назад она была прекрасно послушной малышкой, а теперь, когда на счету каждая секунда...

— Я не буду прятаться, Ваша Светлость! — У нее на удивление ясный взгляд, как будто действие дурманящего эликсира уже давно выветрилось, хоть по моим подсчетам, она должна была прийти в себя не раньше, чем к завтрашнему полудню, и то, если бы большую часть этого времени проспала. — В замке есть люди, им нужно помочь!

— Боги, Тиль, и каким же образом вы собираетесь это сделать?!

— Я... не знаю. — Увы, но запала в ее глазах меньше не становится. — У меня целы руки и ноги, значит, я могу быть вам полезна. Если вы... покажете, как.

— О, милая, я с радостью покажу! — Снова пытаюсь затолкать ее в гущу цветущего кустарника, но она снова успешно вырывается. — Женщина, ты невыносимо упрямая ослица!

— Ваша Светлость сегодня так и сыпет изящными комплиментами! — огрызается она, стряхивая с себя мелкие веточки и листву. — Я могу быть вам полезна, герцог Нокс, и если вы перестанете видеть во мне только бесполезную девчонку, то обязательно это поймете. Я умею перевязывать раны и... могу держать в руках арбалет.

Я отлично понимаю, что обстоятельства совсем не на руку, но все же не могу не залюбоваться этим вздёрнутым, усыпанным веснушками носом и решительно сжатыми губами.

— Тиль, я крайне рад, что вы умеете держать арбалет, но уж позвольте старому вояке усомниться в том, что вы знаете, какой стороной его держать.

— Милорд, вы насмехаетесь над моей помощью?

— Тиль, клянусь честью мундира, лично я ничего не имею против вашей помощи, но мой инстинкт самосохранения со мной категорически не согласен. И еще задница, которая наверняка схватит первую же вашу стрелу. Кстати, я не уверен, но кажется в этом саду нет деревьев, на которых растут арбалеты!

Не знаю, сколько еще мы бы припирались — к моему удовольствию, чего уж юлить — но пара гулких ударов как раз за нашими спинами, заставляют оглянуться.

Я делаю это как раз вовремя, потому что разлом, в который мы только что выпрыгнули, вдруг изрыгает рыжее пламя, как будто кто-то с обратной стороны вздумал развести костер до самого солнца.

И снова рев, на этот раз такой близкий, что даже у меня екает сердце.

Демонова язва, это... не очень хорошо.

Глава двенадцатая: Сиротка

Мне так страшно, как не было никогда в жизни.

Трясутся все полжилки даже там, где и трястись-то нечему.

И еще эта странная горящая ярость внутри, как будто я выпила не сладкое, вкусно пахнущее земляничкой вино, а бутылку того пойла, от которого мужики становятся злыми и ищут, от кого бы почесать кулаки.

И... Плачущий, я до сих пор не могу поверить, что сказала те ужасные бесстыжие слова вслух.

Хорошо, что прямо сейчас мне не нужно думать, какая дикость и помутнение рассудка заставили меня сделать это, потому что тогда пришлось бы с досады рвать на себе волосы. Подумать только — призналась, как последняя... что пока он чудесно проводил время со своей невестой, я думала о... всяком разном.

Даже если это чистая правда и только мысли об этом мужчине помогали мне хоть как-то согреться и каждый раз после «уроков» герцогини собирать себя заново.

— Тиль, я буду вынужден запихнуть вас в этот куст головой вниз, если вы не перестанете геройствовать, как пьяная мышь!

Мне отчаянно приятно, что когда происходит весь этот ужас, он все же властно заводит меня себе за спину. Приятно, что его спина достаточно широкая и сильная, даже если вся она покрыта рваными шрамами. Не представляю, каково ему было пережить все это.

Шрамы меня несколько не пугают.

Но очень тревожат те символы, которые часто пульсируют поверх них. Раньше их точно не было. Они появились только сейчас, покрыли его кожу тонкой вязью рисунка, который завораживает и пугает одновременно.

Но в больше степени будит целую кучу вопросов, потому что некоторые из его рисунков похожи на те, которые время от времени появляются у меня на руке вместе с теми ужасными костями и шипами.

Что бы это ни было, кажется, оно одинаково проявляется в нас обоих, и если бы мне только хватило смелости признаться, возможно, Нокс объяснил бы мне природу моих метаморфоз и нашел средство, чтобы избавить меня от этой напасти.

Если бы только я могла ему довериться.

Если бы только могла точно знать, что он не бросит меня первому попавшемуся Инквизитору.

Мой мысленный монолог прерывает яркое зарево, которое лишь на мгновение опережает оглушительно громкий взрыв. Обломки стен летят на нас словно громадные бомбы. Я прикусываю губу до крови, лишь бы не закричать, закрываю голову руками, потому что камни падают слева и справа, так близко, что от каждого удара нас с герцогом окатывает волна сырой земли.

Снова взрыв — на этот раз сильнее и громче, яростный рев, дрожь под ногами, от которой едва держусь, чтобы не упасть.

Что происходит — не понять, не увидеть из-за огненного зарева и густого черного дыма.

Копоть забивает рот и нос, мешает дышать.

Сильная рука сгребает меня в охапку, прижимает к себе так уверенно, что страх становится чуточку меньше.

Свист над нашими головами.

Частый, сильный, смертоносный. Я слышала что-то похожее, когда неподалеку от монастыря развернулось сражение и солдаты посылали на голову друг другу дожди стрел. Только сейчас этот свист злее и звонче.

Я все же вскрикиваю, потому что рядом с моей ступней в землю вонзается... что-то длинное, окровавленное, похожее на костяную иглу, только размером со стрелу.

Плачущий, помоги!

Если бы она проткнула мне ногу, то пригвоздила бы к земле!

— Бездна задери, — скрипит зубами Нокс, отводит в сторону свободную руку.

Свист повторяется снова, я жмурюсь изо всех сил, потому что на этот раз нам точно так не повезет.

Но... ничего не происходит.

Только на миг чувствую, как рука герцога, которой он крепко прижимает меня к себе, судорожно сжимается.

Открываю глаза в короткий миг передышки.

Задираю голову.

Он смотрит куда-то вверх — бледный, с острыми скулами, на которых тоже едва тлеют тонкие страшные символы.

Но в плече, которым он загораживал меня, торчит костяная игла и черные нитки стремительно расползаются вокруг нее прямо под кожей.

— Рэйвен... — Я сглатываю.

— Тиль, не драматизируй, — еле слышно усмехается он, — я просто воспользовался случаем пообниматься с хорошенькой девицей.

Я знаю, что он закрыл меня собой.

И, наверное, только это дает мне сил пережить то, что за спиной моего Нокса, прямо из копоти и огня, появляется огромная рогатая голова.

А вслед за ней — туловище, две пары когтистых лап, сжимающих топор.

Я проглатываю крик ужаса.

Это как увидеть свой сбывшийся наяву самый страшный кошмар.

— Тиль. — Уверенный голос герцога заставляет поднять на него взгляд. — Ты очень поможешь мне, если прямо сейчас возьмешь себя в руки и побежишь изо всех сил. Поняла?

Конечно, поняла.

Но не побегу.

— Я же упрямая ослица, — повторяю его слова, и чувствую, что плачу от страха. — Поэтому я останусь с тобой.

— Боги, женщина, обугленные трупы влюбленных красиво смотрятся только в идиотских сопливых романах! — Он резко разворачивается и снова загораживает меня своей спиной.

Мне хочется зажмуриться изо всех сил, чтобы, когда открою глаза — все это оказалось просто страшным сном или уродливой тенью на стене. Чтобы Нокс обернулся, снова скроил свою ехидную ухмылку и казал, что на самом деле это ничего не значит.

Но... громадная рогатая голова никуда не девается, и когда я, пересилив сего, снова заглядываю в глаза своему страху, чудище смотрит как будто прямо на меня.

Его кожа пылает снаружи — маленькие языки пламени танцуют по раскаленной чешуе, словно живые.

Я видела что-то подобное на гравюрах в одной из тех книг, которые настоятельница Тамзина потом собственноручно сожгла, негодуя, откуда в обители Плачущего взялась это богомерзкая отрывка Хаоса.

— Тиль, было бы лучше... — пытается сказать Нокс, но тут же пятится.

Огненный монстр опускает голову и, с шумом выпуская широкими черными ноздрями облака воняющего серой пара, вдыхает и выдыхает воздух. Как будто принохивается.

Я опускаю взгляд и вжимаю голову в плечи.

Он нас испепелит — это же очевидно.

Но по крайней мере я не буду смотреть на это со стороны, до конца жизни чувствуя себя трусихой, которая бросила человека, уже однажды спасшего ей жизнь.

И нужна ли мне эта жизнь, если в ней не будет этого бесстыжего мужчины, с его бесконечными издёвками, насмешками и... непристойными поползновениями!

Проходит уже достаточно времени, но огненное порождение Хаоса ничего не предпринимает. Он как будто ждет чего-то, изредка постукивая по земле тяжелым, как ствол крепкого дерева хвостом.

Нокс делает шаг назад, отталкивая меня плечом подальше к кустарникам.

Рогатый не двигается, он все так же шумно втягивает воздух, напоминая уродливую собаку, которая потеряла хозяина и теперь ищет его в каждом встречном человеке.

Еще шаг.

Я притрагиваюсь к плечу герцога, пытаюсь увлечь его за собой.

Может быть, эта беда хотя бы сегодня нас минует?

Бывают же в жизни странности, которые потом превращаются в легенды. Мы вполне можем стать той самой парочкой, чья сила духа заставила поганое чудище отступить и...

Я не успеваю придумать концовку нашей легенды, потому что в это время над головой чудища проносится яркая вспышка. Она вспарывает ночное небо длинной оранжевой стрелой — и взрывается тысячами ядовито-желтых сгустков. Они валятся прямо на монстра, на землю рядом с ним, опасно близко рядом с нами, и в том месте, где разбиваются от удара об землю, поднимаются густые ядовитые облака.

— Закрой нос! — кричит Рэйвен, но я едва слышу его слова, потому что они тонут в разъяренном реве рогатого монстра.

Глава тринадцатая: Сиротка

Чудовище пытается стряхнуть их с себя, потому что зеленая гадость проливается на его пылающую кожу, оставляя после себя

уродливые черные пятна.

Ему больно, но очевидно, что все это вряд ли способно причинить ему вред, потому что слизь лишь гасит пламя на его теле, но чешуя под ним не выглядит поврежденной. Наверное, это для него лишь чуть сильнее комариный укус — скорее злит, чем пугает.

Судя по громкой несдерживаемой ругани Нокса — моя догадка верна.

Но подумать о том, что делать дальше, уже нет времени.

Тварь, которая мгновение назад как будто еще только думала, сжирать нас или нет, лихо перекидывает свою громадную секиру в другую пару рук и с ревом бросается прямо на нас.

Я изо всех сил цепляюсь в плечи Рэйвена, и тут же вскрикиваю, потому что его кожа под моими пальцами раскаленная, почти побелевшая, как металл только-то из кузнечной плавильни. Мои ладони горят от боли, но я все равно продолжаю держать его изо всех сил, как будто от этого зависит наше спасение, хотя это и невозможно.

Тварь со свистом замахивается.

Покрытое огнем лезвие топора сверкает над нашими головами.

Рэйвен стряхивает мои руки, словно бесполезный мусор.

Черные символы на его коже вспыхивают, сильная ударная волна отбрасывает меня в сторону. Легко, как тряпичную куклу, у которой совсем нет веса. Я отлетаю на несколько метро, приземляюсь в сырую траву, лишь чудом не ударяясь затылком о землю.

Топор монстра вонзается в землю ровно в том месте, где мы только-что стояли.

Снопы искр взмечаются едва ли не до самого неба.

На землю валятся разрубленные надвое толстые ветки, и обугленные срезы такие ровны, что отсвечивают гляncем в полном свете луны.

Если бы не разлетелись в разные стороны... Плачущий, он бы просто разрезал нас надвое, как раскаленный нож — подтаявшее масло.

Не получивший свое монстр грозно воеет и выдирает секиру из земли, замахивается по широкой дуге, в ярости разрубает ветки, которые валяются между им и мной, и мешают до меня добраться.

— Рэйв, лови своих напарников! — слышу громкий мужской голос и свист.

За едкой копотью дымящей мокрой травы почти ничего не разглядеть, но мне кажется, что это голос Эвина.

Чудище мотает рогатой башкой, бьет снова и на этот раз я все-таки кричу от ужаса, потому что лезвие врезается в землю в сантиметре от меня, и земля пополам с грязью окатывает меня с ног до головы.

Монстр сжимает в кулак одну из второй пары свободных рук, метит в меня, и я едва успеваю откатиться в стороны, потому что кулак врезается в землю как раскаленная кувалда. Я не успеваю опомниться, как чудовище тут же заносит вторую лапу и на этот раз оно точно не промахнется.

Хлесткий звук, похожий на свист летящего арбалетного болта, не дает рогатому совершит задуманное. Что-то испаривает его плечо, оставляя в плоти зияющую дыру, из которой сгустками вытекает то ли лава, то ли огненная кровь.

— Эй, урод! — на этот раз голос Нокса, но низкий и очень хриплый. — Сюда рожу поверни!

Пока рогатый медленно разворачивается, я успеваю отползти за грудку тлеющих деревяшек.

И уже оттуда, из-за этого хлипкого укрытия, могу хотя бы обрывками увидеть происходящее.

Рэйвен стоит на земле, всего в паре метров от чудища, и почти расслабленно держит в своих руках... кажется, Техники Артании называют это самострелами. Я видела такое лишь раз, у одного генерала, которого вытаскивала из-под обстрела, когда на границы Артании рядом с монастырем напали Лорды Летающих остров. Но у того генерала самотрел был очень большой, какой-то угловатый и тяжелый — он едва держал его двумя руками, а мы с Игрейн и вдвоем еле справились, пока оттащили самострел от раненого генерала.

У Нокса они меньше, но все равно выглядят тяжелыми — один черный с золотой вязью по дулу и рукояти, другой — красный с серебром. И именно из дула красного медленно змеится дым.

Рогатый с громким ревом заносит оружие.

Нокс молниеносно вскидывает обе руки, немного сгибает ноги в коленях — и открывается от земли в порывистом прыжке, как будто бы у него есть крылья.

Два резких хлопка, от которых у меня звенит в ушах.

Монстр ведет плечами, потому что от удара в его грудь маленьких черных сгустков, его отталкивает назад.

Но он каким-то образом успевает наотмашь махнуть лапой, полоснуть Рэйвена длинными когтями.

Я вижу, как моего Нокса окутывает прозрачная черная дымка, и она немного смягчает удар, но чудовище слишком сильное и его когти — слишком длинные. И смертоносно острые.

Капли крови фонтанами разлетаются в стороны, голова Рэйвена беспомощно откидывается назад, но прежде чем упасть, он успевает выстрелить еще дважды, и один из черных шариков прошибает глаз рогатого монстра насквозь.

Нокс падает прямо на острые обломки рухнувшей стены замка.

Падает с такой высоты, что даже сквозь рев, новые кислотные вспышки и грозные раскаты над нашими головами, я все равно болезненно четко слышу хруст ломающихся костей.

Весь мир для меня будто немеет и замедляется, начинает течь до противного медленно.

Я не слышу ни единого звука, кроме снова и снова, и снова повторяющегося хруста, и печально тихого падения Рэйвена. Мотаю головой, хочу хоть как-то справиться с оцепенением, но ничего не получается.

Он лежит там: с неестественно вывернутой рукой, с откинутой куда-то за спину головой, и шея как будто нарочно подставлена под острый словно бритва обломок, который балансирует над ним на самом крае обломка стены.

Если он упадет...

Я вскакиваю на ноги.

Не страшно совсем.

В голове зудит только одна мысль — я должна вытащить оттуда моего Нокса, а потом — будь что будет.

Дырявые юбки платья путаются в коленях, и я без сожаления, прямо на ходу, обрываю их, ничуть не стесняясь, что теперь мои ноги в одних нижних коротких панталонах, выставлены на всеобщее обозрение. Главное, что я могу бежать.

Сквозь зеленые зловонные облака, чей едкий дым вторгается в мои легкие.

По израненной взрывами земле.

Рогатое чудище продолжает реветь, но сейчас ему явно не до того, чтобы ловить одну никчемную цель. Кто-то отвлекает его, и я подозреваю, что эти кислотные бомбы и взрывы — подмога, которую привел Эвин.

Ничего не имеет значения кроме того, что я должна оттащить Рэйвена в безопасное место.

До него остается всего несколько метров, когда прямо передо мной взрывается ядовитая колба. Липкие кислотные брызги летят на незащитную кожу рук. Жжет так сильно, что слезы из глаз, но я все равно не останавливаюсь, хоть чувствую, как под действием кислоты моя кожа буквально обугливается и немеет в тех местах, где отравы успела добраться до плоти.

Еще всего два шага.

Я падаю на колени, хватаю Нокса за плечи и пытаюсь оттащить в сторону.

Не смотреть и не думать, что он выглядит сломанным, как соломенная игрушка, которую пропустили через молотилку.

Все будет хорошо.

Он же особенный, этот невыносимый герцог!

Он откроет глаза, скажет, что для него эти раны — пара пустяков, а через несколько недель, когда встанет на ноги, снова будет портить мне жизнь вечными придирадками и сальными шуточками.

Я едва успеваю сделать последний рывок, как обломок стены с грохотом падает вниз, поднимая грязное облако пыли.

— Ваша Светлость! — С силой хлещу Рейвена по бледным обескровленным щекам. — Очнитесь!

Его голова беспомощно болтается на шее.

Кость из правой руки торчит наружу рваным белесым осколком.

«Нельзя паниковать, Тиль!» — успокаиваю себя, потому что проклятая реальность подсказывает, что все это очень-очень плохо.

Я уже видела такие раны.

Никто и никогда не выживал после них. Может, не умирал сразу, но потом начиналась гангрена, случалась ампутация, чтобы остановить заражение крови, но все они все равно всегда страшно мучились, кричали от боли и все равно... умирали.

— Спокойно, — уже вслух успокаиваю себя. — Ты видела полки с лекарствами, тут у них все есть, это не какой-то монастырь с

травяными настойками и мазями на барсучьем жиру! Король не даст пропасть своему лучшему генералу, и...

Я не успеваю закончить это «и», потому в спину ударяет сильная волна жара.

На буквально валит меня с ног, но, падая, я успеваю прикрыть собой так и не пришедшего в себя Рэйвена.

Рев где-то вверху заставляет желудок сжаться от страха.

Это рогатый.

Он пришел за нами — не хочет уходить без крови?

Я успеваю кое-как перевернуться обратно на спину, встать на четвереньки.

Мой герцог теперь совсем бледный, губы посинели и покрылись мелкими трещинками.

Хочется рыдать от того, что мы так толком никогда и не целовались.

А ведь могли бы, потому что... хотели?

Я тяну Рэйвена к себе, до крови сдирая ногти и кусая губы, чтобы не закричать.

Обнимаю обеими руками, и его голова так странно опирается на мою, словно это не я — а он прячет меня от громадного монстра, который вот-вот отправит нас в Мир мертвых.

Но уж если и уходить... то хотя бы глядя смерти в лицо.

Не знаю, откуда в моей голове это лихое отчаяние, потому что я никогда не была особенно смелой, но именно сейчас хочется гордо задрать голову, улыбнуться огненному чудищу и насладиться тем, что по крайней мере он не получит удовольствия, лишая жизни двух маленьких слабых людей, которые до последнего боролись за жизнь.

Я сглатываю последнее сомнение.

Ледяная змея страха, которая свила гнездо у меня в животе, превращается в огненную саламандру, и от нее словно загораюсь я вся.

Уже не страшно, что кожа наяву, а не во сне, покрывается зловещими орнаментами, что откуда-то из моего нутра лезут наружу острые каменные шипы и розы — как живые.

Рогатое чудовище заносит свою когтистую лапу, но я не закрываю глаза, хоть и понимаю, что через мгновение он просто разрежет нас на части.

— *Aer'si haddat...* — слышу свой собственный голос, который произносит слова, смысл которых мне абсолютно не ясен. — *Taar'dean al all'ehan.*

Острые наросты на моей коже чернеют, уродливые символы вспыхивают ярко-красным.

Волна жара снова накрывает с головой, но на этот раз — это вовсе не дело рук рогатого монстра.

Наоборот, он странно сопит, пытаюсь вырваться из цепей, которые появляются прямо из ниоткуда и хищно опутывают его руки и ноги, сдавливая так сильно, что даже крепкая чешуя идет трещинами.

Рогатая голова мотается из стороны в сторону, тяжелая секира вываливается из лапы и встречается в землю одной лопастью лезвия.

— *Etaer asha s'si,* — заканчиваю уже почти нараспев.

Цепи стремительно растягиваются в стороны.

Мгновение ужаса в огненных змеиных зрачках.

И громадная тварь разлетается на куски, которые превращаются в пепел до того, как медленно опасть на землю, словно грязный снег.

Ужасное оружие так же вспыхивает, стремительно тлеет и превращается в горсть пепла, который тут же уносит резкий порыв ветра.

Слабость буквально подкашивает остатки моих сил.

Что произошло? Почему произошло? Что за слова вырывались из моего рта?

Плачущий, спасибо, что я вот-вот лишусь чувств, потому что совсем не готова думать об этом прямо сейчас.

Глава четырнадцатая: Сиротка

Первое, что я вижу, когда открываю глаза — белоснежный, но местами покрытый заметными трещинами потолок.

В ноздри влезает противный горький запах лекарственных настоек.

— Матильда? — слышу встревоженный голос Примэль, а вскоре надо мной появляется и ее голова — как всегда, в какой-то невообразимой шляпке. — О, хвала Светлым, ты пришла в себя! Нужно немедленно сказать Его Величеству!

— У короля полно других забот, кроме как сидеть около одной из своих фавориток. — Этот голос тоже женский, но грубый и как будто

скрипучий. — Например, разбирать дела государственной важности. И пусть ему помогают все высшие силы.

Я поворачиваю голову как раз в тот момент, когда тучная женщина в лекарском колпаке наносит какую-то мазь на мою израненную руку. Когда я видела ее в последний раз, на коже были страшные шипы и символы, но теперь там лишь пара глубокий царапин — шрамы наверняка останутся, но по крайней мере, если я до сих пор не истекла кровью и дышу, то моей жизни чего не угрожает.

Кроме разоблачения, если кто-то видел и слышал, что я...

— Король просидел около твоей постели всю ночь, — шепотом говорит Примэль прямо мне в ухо. Она снова жуёт свои любимые леденцы, потому что от нее невыносимо сильно пахнет синим виноградом и яблокам. — Тут столько цветов, что если продать хотя бы половину, вырученных денег хватит на хороший экипаж и пару солидных лошадей.

— Герцог... Нокс? — с трудом разжимая губы, спрашиваю я.

Это единственное, что меня сейчас беспокоит.

Почему-то перед глазами до сих пор его обескровленное как у мертвеца лицо, и торчащая из руки кость.

Дрожь по телу отзывается болью даже в кончиках пальцев.

Почему она молчит? Это же Примэль, у нее рот не закрывается!

— Он... он... — Сама не понимаю почему мне так важно услышать, что проклятый герцог жив, даже если это будет означать хождение по тонкому лезвию разоблачения. — Милорд Куратор в порядке, да?

Кто-то должен сжалиться и сказать «да» мне в ответ, потому что паника достаёт до самых кончиков пальцев, вынуждая обессиленно комкать простынь в руках.

— Скорее мертв, чем жив, — скупно отвечает лекарка. — Едва ли еще долго протянет. Он и так живучий. Впервые вижу, чтобы человек продолжал дышать, когда с ним сотворили... такое.

Я мысленно уговариваю себя не выдавать чувств.

Рэйвен жив.

Это главное.

Значит, я должна его увидеть.

К счастью, лекарка как раз заканчивает перевязывать мою руку, собирает свои плашки и склянки, и уходит, грузно шаркая ногами.

Кажется, проходит целая вечность, прежде чем эти шаги совсем перестают быть слышны даже из-за двери.

— Примэль, я должна навестить герцога, — пытаюсь свесить ноги с кровати, но это едва ли возможно без посторонней помощи.

Наверное, будь на ее месте более благоразумная девушка, она бы покрутила пальцем у виска, но Примэль с азартом берется мне помогать. Даже самоотверженно натягивает на мои ноги башмаки, найденные где-то в углу и определенно сильно мне не по размеру.

Чтобы хоть как-то стоять на ногах, приходится перебороть приступ головокружения и тошноты. Из меня как будто высосали все силы, оставили жалкие крохи, чтобы смогла дышать, а я, вместо того чтобы радоваться хотя бы тому, что есть, пытаюсь выжать из этого невозможный максимум.

Кстати, цветов в палате, где меня разместили, действительно море.

Я даю себе обещание обязательно отправить королю записку с благодарностью. Сразу после того, как собственными глазами увижу живого Нокса.

За дверью — совсем незнакомая обстановка: темные мрачные стены из битого кирпича, никаких пафосных украшений на стенах, которыми так любила хвастаться маркиза Виннистэр. И очень темно — светильники на стенах расположены так редко, что между ними есть островки совсем непроглядной темноты. Мы с Примэль проходим через них сильнее прижимаясь друг к другу.

— Мы не в Черном саду? — спрашиваю почему-то шепотом, хоть за все время, что мы коротаем коридор, нам не встретилось ни одной живой души.

— В другом заброшенном крыле, — тоже шепотом отвечает Примэль. — Демон разрушил... много чего.

— Все живы?

Она называет с десятков человек, среди которых слышу имя своей горничной, и мы на минуту замедляем шаг, хоть это и не самый лучший способ почтить ее память. Сейчас у меня еще слишком тяжелая голова, чтобы осознать эти потери, но потом они наверняка лягут на меня тяжелой ношей.

Если я с самого начала могла как-то — пусть и не зная как — справиться с рогатым порождением Бездны, почему не сделала это

раньше, до того, как погибли невинные люди?

— За почти двадцать лет это первый раз, когда Хаос прорывается в наш мир, — уже почти одними губами продолжает Примэль. — Королю приносили донесения, пока тон дежурил около твоей кровати.

— Ты их читала?! — не могу сдержать удивление от такой смелости. Мне бы никогда даже в голову не пришло сунуть нос в бумаги, предназначенные только Его Величеству.

— Ну... Заглянула глазком... пару раз... когда он выходил, а я оказывалась рядом.

— Рядом? Эвин знал, что кто-то может прочесть важные донесения и все равно оставлял их без присмотра? — В это тяжело поверить, потому что речь идет не о нерадивом мальчишке-посыльном, а о главе самого крупного на материке государства, которое вот уже несколько десятков лет ведет непрекращающиеся видимые и невидимые войны.

Примэль не спешит отвечать на этот вопрос.

Что-то мне подсказывает, что она совсем не такая простушка, какой хочет казаться.

Да еще и мысли о том, что каким-то образом герцогиня все это время могла за мной следить, приходят как нельзя «кстати».

Ведь Примэль практически с первого дня пыталась со мной подружиться, хоть в замке от дочери предателя короны шарахалась даже пыль. А еще именно с ее легкой руки я вдруг стала «любимицей короля».

— Я просто умею быть в нужное время в нужном месте, — пожимает плечами Примэль, когда мы останавливаемся за несколько шагов до массивной, обитой железом двери, около которой стоят двое гвардейцев. Моя самоназванная подруга снова понижает голос и, приставив ладонь к моему уху, шепчет дрожащим голосом: — Печать Бездны нарушена. И тот демон — просто цветочки по сравнению с тем, что нас ждет.

Я толком не успеваю ничего сказать в ответ, потому что Примэль, сжав на прощанье мои ладони, быстро убегает обратно по коридору, и через несколько мгновений вместе с ней исчезает даже эхо шагов. Куда она делась? И что все это значит?

Печать Бездны...

Чтобы закрыть Хаос пожертвовали жизнями многие.

Она не может быть нарушена. Это невозможно.

Или возможно?

Я останавливаюсь у двери, собираясь с силами, чтобы зайти.

Почему-то хочется предстать перед герцогом в самом лучшем виде, хоть это едва ли возможно в моем теперешнем состоянии. Но хотя бы улыбнуться я уж точно могу.

Стражники осматривают меня с ног до головы, но все-таки не препятствуют, и один из них даже вежливо открывает дверь. Я искренне его благодарю, потому что она даже выглядит слишком тяжелой, чтобы я справилась с ней самостоятельно.

Внутри царит полумрак и удушливо пахнет восковыми свечами, горелыми травами и чем-то едким, от чего сразу першит в горле и режет в глазах.

— Миледи, вам сюда можно? — словно из-под земли, вырастает передо мной тучная женщина в одежде лекарки.

— Я хочу повидать милорда Нокса, — говорю немного сдавленным голосом, потому что горло свело от этих странных тяжелых запахов. — Убедиться, что с ним... все в порядке.

Она оглядывается назад, потом снова смотрит на меня и неловко трет полные белые ладони.

Что-то не так.

— Он в порядке?! — не могу сдержать эмоции и, несмотря на слабость, из последних сил хватаю ее за руки. — Он ведь поправится, да? С ним все будет хорошо?!

Лекарка не успевает ответить, потому что из-за ее плеча, словно призрак, выплывает графиня Рашбур. Вид у нее такой, словно она как раз выбирает способ, каким от меня лучше избавиться — испепелить взглядом или втоптать в пол. В черном строгом платье с белыми кружевными манжетами она выглядит почти что вдовой, как будто хочет подчеркнуть скорбь.

— Могу я поинтересоваться, что вы здесь делаете, герцогиня? — спрашивает, едва разжимая губы.

Знаю, что нужно держать лицо, но все силы ушли на то, чтобы добраться сюда. Если вступлю с ней в перепалку, то обратно в палату попаду только если какая-то добрая душа отнесёт туда мое бесчувственное тело.

— Я хотела справиться о здоровье милорда Нокса, — повторяю свой ответ лекарке, которая, чувствуя неладное, потихоньку отступает в тень и исчезает.

— В таком случае, герцогиня, — графиня Рашбур говорит это таким тоном, словно мой титул — грязное ругательное слово, — у вас должно быть для этого специальное разрешение Его Величества.

Протягивает руку, нетерпеливо и требовательно сжимая пальцы.

— У меня его нет, — честно признаюсь я.

Графиня Рашбур выразительно и триумфально вскидывает бровь, а потом выбрасывает вперед руку с указательным пальцем в сторону двери.

— В таком случае, герцогиня, я требую, чтобы вы убрались вон и более не испытывали мое терпение. В противном случае я буду вынуждена сообщить королю, что особа, чье участие в событиях вчерашней ночи подлежит самому тщательному расследованию, пыталась тайно пробраться к герцогу Ноксу. Хотели по-тихому избавиться от единственного свидетеля, герцогиня?

Невидимая ударная волна толкает меня в грудь.

Избавиться от свидетеля? Расследование?

Я делаю шага назад, иначе просто не удержусь на ногах, но графиня явно принимает мою слабость на свой счет и продолжает напирать, пока я продолжаю отступать, пока не оказываюсь прижата спиной к двери.

— Имей ввиду, — тихо, чтобы слышала только я, шипит на ухо графиня, — я вижу тебя насквозь, знаю обо всех твоих планах и обязательно предоставлю королю все доказательства твоего гнилого нутра. А потом с наслаждением посмотрю за твоей персональной пыткой. Ты знаешь, что Эвин делает с теми, кто втирается к нему в доверие, чтобы потом ударить в спину?

У меня очень шумит в голове.

Если я немедленно не выйду, не глотну свежего воздуха — графиня, несомненно, очень обрадуется моему обмороку прямо ей в ноги.

— Надеюсь, — говорю слабым. Но все же спокойным голосом, — вы преуспеете в любых ваших начинаниях, леди Рашбур.

Выхожу.

То есть, почти выкатываюсь кубарем, почти не разбирая, куда меня несут ноги.

Мысль о том, что нужно бежать, появляется в голове словно гость, которого ждали, но в какое-то другое время. В глубине души я ведь всегда понимала, что так все и кончится — не красивым маленьким домиком на дальних границах Артании, где никто не будет знать, что я — беглая сирота из монастыря плачущего, не тихой мирной жизнью с каким-нибудь добрым и не любопытным мужчиной, а бегством.

Бегством длиною в жизнь.

Плачущий, где теперь моя комната? Я же не могу бежать в одной сорочке, накидке и домашних туфлях?

Какая-то лестница вверх, в конце которой я оказываюсь в неосвещенном коридоре. Здесь так темно, что когда выставляю вперед руку — пальцы тонут во мраке. Наверное, еще недавно мне было бы страшно бродить наощупь одной, но после встречи с рогатым чудовищем... Вряд ли где-то там, в кромешной тьме, меня поджидает кто-то более страшный и опасный.

И все же, когда к моей руке прикасаются чьи-то пальцы, я с трудом подавляю вскрик.

А потом и вовсе не могу проронить ни звука, даже если бы хотела, потому что чья-то ладонь с силой зажимает мне рот.

Глава пятнадцатая: Герцог

В том месте, откуда меня выдергивает резкий дребезжащий звук, я как раз пытался рассмотреть стоящую около окна женщину с ребенком на руках. Проклятый солнечный свет как нарочно подсвечивал ее лицо, и мне оставалась всего пара шагов, чтобы заслонить ставню и увидеть женщину, которая отчего-то — я точно это знал — была хозяйкой в моем родовом замке и держала на руках нашего сына.

Я пытаюсь вернуться в сон, не разрешаю себе думать о реальности, но проклятый звук повторяется снова.

— Бездна... задери, — стону сквозь зубы.

Образ женщины истощается до едва различимого силуэта.

— Прости, прости... — скулит Ивлин. — Я не спала целые сутки, это все... нервы и... Хотела сделать перевязку и уронила... разбила...

Облизываю губы.

Жутко хочется пить.

Но еще больше попросить Ив убраться. Тот редкий случай, когда я жалею, что слишком хорошо воспитан для столь откровенной грубости.

Кровать немного прогибается справа, и так я понимаю, что Ив совсем не собирается избавить меня от своей компании.

— Светлые боги, Рэйвен, я чуть не умерла, пока твоя жизнь висела на волоске! За это ты должен будешь свозить меня в Таарт, на модную выставку!

— Наверное, нужно было умереть, — мрачно констатирую, — чтобы не чувствовать себя обязанным твоему душевному покою.

Она кладет ладонь мне на лоб, фыркает и выдает целую оду о моем дурном характере.

— Я бы не пережила, если бы с тобой что-то случилось.

Я, наконец, разлепляю веки, и едва не слепну от яркого света.

Демонова язва, неужели так необходимы все эти свечи и светильники?!

Хотя, так ли это важно против того, что я каким-то чудом до сих пор дышу?

— Тебе нельзя вставать! — кудахчет Ивлин. Когда я упрямо свешиваю ноги с кровати. — Рэйвен, ты себя убьешь!

— Считай, что тебе повезло избавиться от меня без необходимости носить двухлетний траур, — мрачно шучу я, одновременно почти грубо отбиваясь от ее попыток силой уложить меня обратно в постель.

После короткой борьбы она, наконец, сдается, но демонстративно скидывает руки, отходя достаточно далеко, чтобы я понял, что на ее помощь можно не рассчитывать. По крайней мере, пока я униженно не начну об этом скулить.

Проклятье, разве голова может быть такой тяжелой?

Машу рукой, сбивая на пол свечи и пару ламп. Ивлин тут же охает, подбирает юбки и так лихо топчет пламя на полу, что со стороны это почти похоже на чечетку.

Может, случится чудо, она устанет и оставит меня в покое?

Попытка сделать глубокий вдох проваливается — у меня в груди как будто дыра размером с маленький остров. Но если бы это действительно было так, я, скорее всего, лежал бы в гробу, а не в лазарете.

Пока собираюсь с силами для новой попытки, вспоминаю все, что случилось той ночью.

Беал, почти разрушенный замок, Эвин с гвардейцами, ядовитые залпы.

Тиль — мелкая упрямая монашенка, которая не оставила меня даже когда я это приказал.

Последнее мое воспоминание — о ней.

О ее испуганном взгляде за миг до того, как демон сбил меня на лету словно муху.

Я должен узнать, как она. Но точно не у Ивлин.

Одержимый этой идеей, слишком резко поднимаюсь. От резкого приступа боли в груди, едва не ною, чуть-чуть вытягиваясь на кончиках пальцев — так почему-то легче. Жду, пока в голове прояснится, сую ноги в уродливые башмаки около кровати, прикидываю, хватит ли мне сил добраться до стены, чтобы оттуда, как ребенок, который учится ходить, по стенке добраться до выхода.

Точно не хватит.

Рогатая тварь крепко меня потрепала. Будь я простым смертным — меня оттуда выносили бы по кускам. И именно осознание этого заставляет вертеть головой в поисках решения проблемы, чтобы вырваться из этого вонючего склепа и разыскать Тиль.

Она должна быть жива.

Обратную мысль я просто не допускаю.

На лекарском столике, рядом с толстыми восковыми свечами, лежит коробка, и из прорези между крышкой и основой сочится легкий голубоватый свет. Открываю ее, хоть и не с первого раза. Выдыхаю с облегчением, потому что внутри — вполне приличного размера Аспект Атио, похожий на осколок голубого горного хрусталя. Рядом — маленькое приспособление, похожее на лупу, но утыканное иглами с одной стороны. Это — медипал, совсем новая разработка. Я только раз такой и видел, и когда лекарь «лечил» им простую рану на ноге, подопытный — здоровенный мужик-кузнец — выл и рыдал как малое дитя. Но зато рана почти затянулась.

— Что ты делаешь? — Ивлин забывает о своем намерении меня проучить, и подвигается ближе, одержимая любопытством.

— Тебе лучше уйти, Ив, — почти искренне забочусь о ее душевном состоянии. Эта штука, похоже, воздействует на верхние

слои кожи примерно как огонь, и запах при этом стоит почти такой же. — Не подготовленные носовые рецепторы это могут и не пережить.

Ивлин фыркает, заходит мне за плечо и ее дыхание на коже неимоверно раздражает.

— Ив, отойди, пожалуйста, — держусь из последних сил. — Ты мне мешаешь, а я еще никогда этого не делал.

Я кладу Аспект на внешнюю сторону медипала, и невидимые до этой минуты тонкие серебряные нити обхватывают его со всех сторон, плотнее прижимая к стеклу. Пульсация камня нарастает.

Еще минуту трачу на то, чтобы срезать с груди бинты.

Приставляю лупу к тому месту, которое под пальцами ощущается как разрытая свежая могила — там как будто такая же сырость, рвань и мертвечина.

Мычу себе под нос, когда острые шипы вонзаются в кожу, пробиая ее как будто до самой спины. Камень хаотично вспыхивает и гаснет, пока до меня не доходит, что он, как чуткий зверь, пытается подстроиться под ритм моего сердца. И как только это происходит, я чувствую легкий толчок в груди, вслед за которым приходит адская, жгучая боль.

Хорошо, что у меня, видимо, дефект от рождения и я не способен на бабские слезы.

С меня словно снимают кожу, поливают кровоточащую плоть чистым огнем, на живую зашивают, а потом щедро посыпают швы солью.

К концу «процедуры» я на всякий случай проговариваю в голове свое полное имя и титул, потому что чувствую себя человеком, которому вместе со смертельными ранами заодно сожгли и мозг.

Хочется сесть, передохнуть, может даже позволить Ив влить в меня ту ядовитого цвета отраву, но... Тиль.

Одно воспоминание о ее испуганных зеленых глазах толкает меня к выходу.

Что ж, по крайней мере, я точно не истеку кровью до того, как выясню, что с ней...

Дверь жестко распахивается прямо у меня перед носом. Случись это мгновением раньше — я бы получил по башке и с учетом моего

полудохлого состояния, скорее всего, это бы и стало причиной моей дурацкой кончины.

— Уже на ногах? — Эвин окидывает меня сердитым взглядом. — Хочешь обезглавить мою армию, Рэйв?

— Ваше Величество! — Ив растекается в глубоком реверансе, влезая между нами, как вошь. — Я пыталась удержать его в постели, но...

— Для женщины, которая пытается удержать мужчину в постели, графиня, на вас слишком много одежды.

Ивлин сначала возмущенно задыхается, потом выпячивает подбородок и гордо шагает к двери. Сказала бы это фигура рангом поменьше — беднягу не опознали бы даже по зубам и костям.

— Нам надо поговорить, — сразу переходит к делу Эвин. — О герцогине Лу'На.

— Она жива? — Где-то внутри вдруг воскресает та самая струна, на которой барды играют своим сопливые баллады.

— Вполне, — говорит он, и я стараюсь не слишком явно высказывать свое облегчение по этому поводу. — И с учетом всего случившегося, а так же невозможностью... продолжить весь этот фарс под названием «Отбор невест», я пришел за советом к своему лучшему и единственному другу.

Я догадываюсь каким, чтоб меня Хаос побрал!

— Я собираюсь просить руки герцогини, Рэйв. Что скажешь?

Глава шестнадцатая: Герцог

Что я скажу?

Я бы хотел сказать, что он не имеет права на ней жениться и выкатил для этого минимум парочку веских причин, если бы не одно «но» — после того, как Эвин узнает правду о том, на кого он уже почти нахлобучил королевскую корону, Тиль останется жить считанные часы.

Я слишком хорошо его знаю, чтобы наивно верить, будто хоть одно мое слово в ее защиту разубедит его от желания немедленно казнить обманщицу.

Кроме того, мне совсем не нравится пристальный взгляд, с которым Эвин следит за моей реакцией на его вопрос. У этого должна быть какая-то подоплека.

— Я думаю, что ты спешишь, — говорю то, что в данной ситуации звучит почти нейтрально.

Эвин рассеянно кивает и трет переносицу. Не надо уметь читать мысли, чтобы понять — он был готов к тому, что услышит от меня именно это.

— Рэйв, она не сбежала, когда пришел Беал, — с несвойственным ему рвением вдруг говорит Эвин. — Она не бросилась в кусты, не побежала спасать свою жизнь. Она спасла твою жизнь. Я был там и видел собственными глазами.

Спасла мою жизнь?

Три простых слова, но мне невероятно сложно удержать их в голове, как будто где-то в этом предложении есть явная ошибка.

— Если бы Матильда не оттащила тебя из-под каменных обломков, ты лежал бы не здесь, а на каменном столе, разрезанный надвое.

— Не та смерть, о которой я всегда мечтал, — говорю рассеянно, потому что все еще пытаюсь понять, как мелкая девчонка, вдвоем меньше меня, смогла найти в себе столько мужества.

— Герцогиня Лу'На, рискуя своей жизнью, спасла жизнь герцога Нокса, — словно читает газетный заголовок Эвин. — Если это не лучшее свидетельство того, что она изменилась, то тогда я не знаю, что это может быть. Рэйв, она спасла человека, который единственный во всей Артании может вывести ее на чистую воду. Клянусь Хаосом, будь я на ее месте — оставил бы тебя подыхать.

Мы обмениваемся понимающими взглядами — были времена, когда я слышал от Эвина комплименты и похуже. Сейчас это звучит как попытка вдолбить в мою упрямую башку, что все имеют право на прощение и второй шанс. Даже дочери предателя короны.

Честно говоря, если бы девчонка Лу'На действительно спасла меня, я бы и сам пересмотрел свое отношение к ней. Ненадолго, само собой.

Но все дело в том, что меня спасла не жестокая бессердечная тварь, а отважная монашенка.

Которая, как только я до нее доберусь, обязательно получит мое самое жестокое внушение на тему непослушания. Какого беса она поперлась геройствовать, если я велел не высовываться?! Что за ослица!

— В любом случае, — Эвин хмыкает, — ввиду особенных изменившихся обстоятельств, мне придется пойти прислушаться к мнению Тайного совета и Черной вдовы, и свернуть этот... смотр невест. Меня уже забрасывают письмами обеспокоенные папаши и мамыши, которым никак не спится, пока их деточки здесь, со мной, пытаются доказать, что достойны быть королевами Артании. Но, знаешь что?

Понятия не имею и даже не пытаюсь угадывать.

— Единственная девушка, которая доказала, что готова пожертвовать жизнью, оказалась сиротой.

— По-моему, ты ее слишком идеализируешь и неспособен трезво мыслить.

— Точно так же, как и ты к ней излишне придирчив и строг.

— Если ты уже все решил — зачем тебе совет старого солдатского пса? — Силы все же понемногу покидают меня, и приходится с благодарностью принять подставленное плечо Эвина, чтобы добраться обратно до кровати.

Я должен что-то придумать.

В крайнем случае выиграть немного времени, чтобы привести в порядок голову, разложить все части головоломки и придумать какой-то жизнеспособный план. Желательно тот, при котором Эвин выкинет из башки затею жениться на моей Тиль и найдет себе более подходящую партию.

Я нарочно охаю, пока укладываюсь — тяну время, точно зная, что Эвин не станет тормозить меня, пока не убедится, что я не собираюсь подыхать в ближайшие пару минут.

Эвин уже загорелся мыслью сделать герцогиню своей королевой — это плохо. А вдвойне хуже, что эта дурацкая затея созрела явно не после того, как Тиль проявила чудеса ослиного упрямства, а гораздо раньше. Эти их прогулки в саду, его знаки внимания, право первого танца. Демонова язва, он же почти открыто сделал ее своей фавориткой, а я никогда не замечал за Эвином таких сантиментов.

Значит, если я срочно, прямо сейчас, не придумаю, как направить его рвение в другое русло, он, чего доброго, прямо отсюда направиться к Тиль с предложением разделить с ним корону, власть и... постель!

Я чувствую, как злость буквально ускоряет движение шестеренок в моем мозгу.

Нужно аккуратно напомнить ему о том, что еще недавно он, не без моего участия, подозревал Тиль в сговоре с Лордами Летающих островов. Так я хотя бы выиграю несколько недель, прежде чем Ив нарвет ровно ничего и вернется с этой новостью к Эвину.

Кстати, об Ив.

Я откидываю голову на подушку, и со своей излюбленной иронией размышляю вслух:

— А знаешь, если ты решил сделать эту мелкую заразу своей королевой, то я хотя бы избавлюсь от необходимости ублажать Ивлин. Раз тебе больше не понадобятся ее услуги, то ей больше нечего здесь делать.

Эвин задумчиво хмурит лоб.

Встает, меряет комнату тяжелыми шагами, и мне все больше не нравятся эти метаморфозы в его поведении. Раньше он никогда не относился к женщинам с такой серьезностью. А сейчас...

Я прошел с Эвином такое, что могу смело назвать себя единственным человеком на свете, который знает его так же хорошо, как и самого себя.

Тиль для него особенная.

Не такая, как другие.

Задницей чувю, что когда он заговорит, ничего хорошего я точно не услышу.

— Рэйв, это прозвучит банально до икоты, — Эвин трясет головой, словно уставшая лошадь, — но я... кажется... люблю эту женщину.

Проклятье.

Я чувствую, как ставшая очень тяжелой голова начинает утопать в подушке.

— Считай, что я сошел с ума, — Эвин, похоже, собирается окончательно добить меня этими идиотскими признаниями, — но я чувствую, что Матильда никак не связана с теми событиями.

Похоже, он и правда влюблен по уши, раз даже я, зная, кто она на самом деле, до последнего сомневался в ее искренности.

А она, похоже, ни в чем не сомневалась, когда спасала мою подозрительную задницу.

Потому что упрямая. Но и отважная. Умная, хоть и наивная.

Идеальная королева для Эвина.

Идеальная королева для Артании.

Будь она настоящей герцогиней, ее золотые рудники и леса стали бы хорошим подспорьем Эвину, чтобы отстроить воздушный флот.

Будь она настоящей...

Решение этой головоломки возникает внезапно, словно все это время хранилось у меня в кулака, а я только теперь додумался разжать пальцы.

Все очевидно и гениально просто.

Я должен «сделать» ее герцогиней.

Подменить ту — на эту.

И отдать Эвину.

Потому что так, демон все задери, я спасу Тиль от неминуемой казни и сделаю большой подарок всей Артании.

«Молодец, Нокс, — мысленно пожимаю руку самому себе, — вот теперь самое время учиться не называть ее «своей».

Глава семнадцатая: Сиротка

Я пытаюсь как-то извернуться, чтобы укусить руку, зажимающую мне рот, но ничего не получается.

Кто-то невидимый и сильный утаскивает меня дальше по коридору, туда, где нет ни капли света, а я даже не могу закричать, чтобы позвать на помощь. Хоть там, где я нахожусь, кажется, кроме меня и моего похитителя больше нет ни одной живой души.

Пытаюсь вцепиться в ладонь обеими руками, но невидимка каким-то образом отбивает мои попытки, при этом ни на шаг не сбавляя темпа. Еще немного — и он втаскивает меня в боковое ответвление коридора, откуда нестерпимо несет сыростью, мхом и моей неминуемой смертью. Ели где-то и можно избавиться от королевской фаворитки, то это — именно такое место, потому что в темноте я не вижу даже кончиков своих ступней, которые теперь просто бесполезно брыкаются, колотят пятками по полу и иногда беспомощно волочатся.

Я пытаюсь сосредоточиться, придумать какой-то способ если уже не вырваться, то хотя бы понять, кто за моей спиной и каким-то образом, хоть это почти невозможно, оставить подсказку о своем убийце. Когда герцог отвлечется от забот своей распрекрасной любимой невесты, он, возможно, поищет мои несчастные кости.

Злюсь на себя изо всех сил.

Абсолютно невероятно глупо и полностью бессмысленно то, что в последние минуты жизни я думаю не о том, как бы вымолить у Плачущего заступничество перед Высшим Судом, а буквально... сгораю от острого приступа ревности.

Нет, не ревности.

Ревнуют любимых, а герцог — чужой жених.

Еще одна пропасть рядом с той, которая называется «происхождение», потому что Рэйвен — герцог с безупречной родословной, а мои родители не пожелали оставить мне даже имя.

Мой невидимый похититель останавливается и даже мысли о герцоге не дают мне упустить этот шанс.

Я резко дергаю головой и когда он от неожиданности на миг разжимает пальцы — успеваю вонзить зубы ему в ладонь.

— Боги! — слышу подавленный мужской стон.

Кажется... довольно знакомый?

Задумываться над этим нет времени, а я, хоть теперь и могу орать во все легкие, все равно еще в его плену. Поэтому, резительно, вложит в удар всю злость и желание жить, с силой ударяю пяткой прямо в середину его стопы.

На этот раз невидимка полностью разжимает руки и захлебывается от боли.

Я тут же даю деру, но успеваю пробежать всего несколько метров, потому что все-таки узнаю, кому на самом деле принадлежит этот голос.

Не просто так он показался мне знакомым.

— Ради богов, Матильда, ты кусаешься как дикая кошка, и брыкаешься как коза!

Я настороженно подаюсь вперед.

— Орви? — Не могу поверить, что он пытался меня...

— Я хотел поговорить с тобой с глазу на глаз! — громким шепотом объясняет он. — Не знал, как к тебе подобраться!

Мои глаза уже немного привыкли к темноте, и теперь могут различить его долговязую фигуру, взъерошенные волосы и руку, которой он трясет, словно ошпаренный.

Это точно он?

«Ты не должна верить ему на слово!» — предостерегает внутренний голос, и поэтому я еще немного отступаю, прежде чем задать вопрос:

— Ты кое-что взял у меня, помнишь? В тот день, когда вы с отцом вернулись с ярмарки и ты привез мне ленту в подарок.

— Матильда, ты серьезно? — Он даже перестает размахивать ладонью и переступать с ноги на ногу.

— Что. Ты. У меня. Взял. — методично повторяю почти что по слогам, про себя начиная отсчет до трех. Если не ответить — придется бежать изо всех сил.

Тех, которые у меня остались ровно на самом доньшке.

Орви тянется к вороту черного мундира, расстегивает верхнюю пуговицу. Его пальцы подтягивают какой-то ремешок, на котором болтается медальон в форме солнца.

— Тут прядь твоих волос, Тиль. Я срезал ее, когда ты переплетала волосы, и с тех пор маленькая часть тебя всегда вместе со мной.

Это правильный ответ и у настоящего Орви действительно был точно такой же медальон.

— Ну что, теперь ты мне веришь? — Он не спешит подходить, достает огниво и какой-то маленький шар размером с перепелиное яйцо. Орви мастерски в считанные мгновения высекает искру, прямо на непонятный шар, который тут же загорает внутренним рыжим огнем, освещая коридор маленьким пятном света. — Матильда, клянусь, я — это я. Все так же твой друг и именно поэтому нам нужно поговорить!

Я рассеянно киваю.

Это же правда Орви, а я поступила с ним, словно с каким-то... бандитом с большой дороги.

С другой стороны — он зажал мне рот до того, как назвался. Плачущий не подал мне сигнал, что это похищение — не на погибель, а во благо.

Орви потихоньку, маленькими шажками, сокращает расстояние между нами, но подойти совсем близко отваживается только после моего молчаливого утвердительного кивка.

— Прости, — шепчу рассеянно, — я все еще очень слаба и чувствую себя скорее мертвой, чем живой.

— Не гневи богов такими разговорами, — басит Орви, наконец, дотрагиваясь пальцами до тыльной стороны моей ладони. —

Матильда, ты должна меня выслушать! Очень внимательно!

— Да, конечно, но...

Он хватает меня за плечи, встряхивает.

Эта встряска немного приводит меня в чувство.

— Матильда, помнишь, как кто-то пробрался в твою комнату и испортил все платья?

— Еще бы я смогла это забыть. — Хотя теперь кажется, что вся эта ситуация оказалась только к лучшему. Вряд ли маркиза или Фаворитка, или они обе рассчитывали на такой результат.

— Я долго не мог понять, как это случилось, потому что не отходил от твоей двери! Мне не давало покоя, что кто-то может запросто пробраться в твою комнату и... причинить тебе вред.

Его пальцы на моих плечах сжимаются сильнее.

— Когда все были на балу, я... еще раз осмотрел твою комнату, и кое-что нашел.

— Что нашел?

— Там была очень странная панель за камином. Понимаешь, — ему как будто неловко подбирать слова, — я не могу объяснить, но... за ней точно что-то было! Думаю, потайной ход или что-то похожее — я видел такие штуки пару раз, когда нам приходилось тайно пробираться в неприступные осажденные крепости.

Тайный ход? В моей комнате?

— И ты смотрел, что там? — тороплю я, потому что мне становится очень не по себе.

Если в моей комнате действительно был тайный ход, то все это время кто угодно мог приходить туда и делать, что ему вздумается даже когда я... спала!

От этой мысли мурашки по коже.

Орви виновато хмурит лоб.

— Я не нашел, как это можно активировать. Хотел дождаться тебя, чтобы попробовать снова — ты же такая... — он смущенно чешет затылок, — умная.

Слышать такие слова о своей голове невероятно приятно, тем более, что я сама очень скромного мнения об этой части моего тела, хотя и душой себя никогда не считала.

— Тогда чего же мы ждем?! Если это тайный ход, то пройдя по нему мы точно узнаем, куда он ведет. Может, с той стороны тоже чья-

то комната? Например, Вероники мор или маркизы Виннистэр!

Я совсем забываю, что несколько минут назад собиралась убежать куда глаза глядят, лишь бы подальше от герцога и его невыносимой невесты. Сейчас, когда я могу, наконец, узнать, кто строил мне козни все это время, план бегства можно немного отложить.

А еще — и эта догадка приходит внезапно, как луч света в полной темноте, — этот человек мог подслушивать и подглядывать. И знать о том, что один из гвардейцев Его Величества — не просто так выказывает мне знаки внимания.

Возможно, именно этот человек и является тайным сообщником герцогини, ее ушами и глазами?

— Матильда, погоди! — Орви догоняет меня, когда я, как угорелая, несусь обратно из коридора. Хватает за руку и, пытаюсь остановить, так резко разворачивает к себе лицом, что я едва не падаю от острого приступа слабости. — Матильда, ты еле на ногах стоишь!

Я немного трясусь головой, чтобы избавиться от тумана перед глазами.

— Кроме того, — продолжает Орви, — после нападения Беала замок в таком состоянии, что туда сунется только сумасшедший!

— Отлично, — все-таки кое-как стряхиваю с себя его руки, — тогда я пойду сама. Хуже, чем сейчас, все равно уже не будет.

— Хуже? — озадаченно переспрашивает он. — Ты ведь любимица короля. Все только о том и говорят, что он по тебе с ума сходит. А теперь, когда все девицы разъезжаются по домам, Его Величество хочет оставить только тебя. Я уж и не знаю, что это значит. Разве что, он и вправду собирается седлать тебя своей королевой.

Орви говорит это с такой глубокой тоской, что я чувствую себя очень сильно виноватой.

Он всегда относился ко мне с особенной теплотой.

И в те времена, которые теперь кажутся странно далекими, мы очень по-детски мечтали о том, что, сложишь все иначе, мы могли бы быть свободными и жить так, как захотим.

— Не меня, а герцогиню Лу'На, — поправляю я. — Это она ему нужна.

— Только ведь это ты его очаровала, а не она.

В его голосе столько отчаяния, что я спешу поскорее сменить тему, чтобы не утонуть в собственных угрызениях совести. Потом,

когда мы найдем проход и поймем, куда он ведет, я расскажу Орви правду. Потому что, играя в игры настоящей герцогини, невольно подставила под удар и его жизнь.

— Орви, я должна хотя бы попытаться узнать. От этого зависит очень многое. Пожалуйста, помоги мне. В последний раз.

Я чувствую дрожь в голосе и ненавижу себя за это, потому что со стороны может показаться, что я нарочно корчу из себя беспомощную, чтобы заставить сделать так, как мне нужно. Но кроме него мне больше и правда не к кому обратиться.

После небольшой заминки, он кивает.

Мой выдох облегчения слишком громкий, но я сейчас я чувствую себя намного лучше, чем даже на королевском балу, потому что могу разоблачить шпиона, который может следить не только за мной, но и за королем.

Я нарочно гоню прочь прискакавшую следом мысль о том, что моя «находка» совершенно точно порадовала бы герцога.

У него ведь есть целая настоящая невеста, чтобы предаваться заботам о его душевном

Глава восемнадцатая: Сиротка

Мы с Орви, минуя патрули, украдкой выходим из подземелий.

Приходится двигаться как летучие мыши — от тени к тени, подальше от любых пятен света, которые могут обозначить наше присутствие.

Но все же, это не составляет большого труда. Орви успевает рассказать, что после нападения демона, всех гвардейцев подрядили помогать разбирать завалы, и за это время он успел кое-что подметить. Например, выход наружу через заброшенные склады, теперь доверху набитые всякой бесполезной ветошью.

Мы выходим из подземелий в самом заброшенном конце сада.

Приходится сильно постараться, чтобы справиться с переплетенными ветками деревьев, которые напоминают хищную рыбацкую сеть.

Пока пробираемся вперед, я успеваю заметить «метки» Беала — обугленные деревья, над которыми еще поднимается горький смрадный дым, вздыбленная земля, отпечатки лап. От воспоминаний о том, каким огромным он был, пробирает дрожь.

Но самое страшное оказывается впереди.

Потому что, когда мы с Орви все-таки подбираемся к Черному саду, то, что от него осталось, уже вряд ли можно назвать замком.

И даже на развалины все это едва ли похоже.

— Я же говорил, что может не получиться, — говорит Орви, когда я замедляю шаг. Показывает пальцем на какую-то, похожую на обломанную ветку, башню и добавляет: — Это все, что осталось. Король приказал ничего не трогать до приезда алхимиков.

Я понимаю, куда он клонит.

Вся эта каменная конструкция выглядит настолько шаткой, что даже отсюда и даже от моего нервного дыхания, она как будто покачивается и дрожит.

Если нам не повезет — развалины Черного сада станут для нас и приговором, и палачом, и могилой.

— Мы все равно должны попытаться, — уверенно говорю я. И тут же чувствую укор совести за это поспешное «мы». — То есть, я хотела сказать — мне нужно попытаться. Это... много для меня значит. Ты не должен рисковать.

Орви сердито, как-то очень по-мальчишески упрямо хмурит брови.

— Даже и думать забудь, чтобы пойти туда одной, — у него и тон под стать угрюмому выражению лица — такой же упрямый, не терпящий возражений. — Кроме того, без меня ты не попадешь внутрь. Это можно сделать только одним способом, я его знаю, а ты — нет.

Он скрещивает руки на груди и немного задирает подбородок, намекая, что ждет какого-то поощрения.

Я даже не обижаюсь, потому что он всегда был таким — хотел казаться чуть-чуть важнее, чем был на самом деле. А я всегда говорила, что он и так замечательный, отважный и верный. Так что пускаю в ход прочитанный в какой-то книжке ход: поднимаюсь на носочки и звонко чмокаю его в щеку. Кажется, даже в полной темноте хорошо виден его мигмом вспыхнувший довольный румянец.

— Пойдем, — Орви уверенно берет меня за руку. — И держись все время рядом, а то снова наткнёшься на какие-то неприятности. Они тебя как будто любят!

Какими-то окольными путями, петляя в настоящем лабиринте рухнувших стен и каменных глыб, мы находим лестницу. Даже странно, как она вообще уцелела, потому что часть стены рухнула и ступни нависают над пропастью, на дне которой валяются острые булыжники. Орви идет первым, я — след в след за ним.

Главное, не смотреть вниз.

Нужно преодолеть еще несколько витков, чтобы добраться до уцелевшей части башни.

Относительно уцелевшей, потому что в добротной каменной кладке, которую, казалось, не разрушит даже время, зияют огромные битые дыры.

Орви предупреждает, что впереди — самый опасный отрезок пути.

Теперь продвижение становится очень медленным — прежде, чем сделать шаг, он тщательно щупает носком каждую ступеньку, и только потом поднимается. Я делаю так же.

Шаг за шагом, как две улитки.

Главное, успеть справиться до того, как взойдет солнце или меня хватятся лекарки.

Потому что обратный путь явно будет таким же длинным, как и подъем.

Я вскрикиваю, когда ступенька, на которую становлюсь вслед за Орви, внезапно просто растворяется у меня под ногами.

Истрескавшийся камень необратимо обрывается, и я, как сосулька, стремительно лечу вниз.

— Держу! — кричит Орви, в последний момент каким-то чудом хватая меня за обе руки.

От страха, что под ногами нет устойчивой поверхности, и я просто болтаюсь над пропастью, падение в которую принесет неминуемую гибель, даже не могу кричать.

— Давай, Матильда, подтянись хоть немножко, — сопит Орви, изо всех сил пытаюсь вытащить меня на целую часть лестницы.

Я бы и рада, но как только пытаюсь подтянуть колени, лестница под Орви тоже начинает расползаться. Каменная крошка, как дождь, градом сыпется мне на голову.

— Я не дам тебя упасть! — зло цедит Орви, упирается пятками и что есть силы тянет меня на себя.

Буквально выдергивает, как упрямую рыбу, которая собиралась сорваться с крючка.

Я стою, но по инерции снова качаюсь назад, потому что лестница начинает трястись под внезапными и резкими порывами ветра.

— Бежим! — командует Орви, и мы несемся вперед как угорелые.

У нас нет другого выхода, потому что лестница начинает разваливаться прямо у нас под ногами.

Пару раз я едва успеваю убрать ногу, и в том месте, где мгновение назад была твердая поверхность, образуется пустота.

Когда мы, наконец, буквально на последних силах перескакиваем через пустоту между лестницей и коридором, тишину ночи вскрывает тяжелый гул каменной лавины.

Я с ужасом смотрю вниз, на густое облако пыли, которое поднимается над тем, что должно было стать обратной дорогой.

Теперь ее нет.

— Что ж, — говорит Орви, заглядывая мне через плечо, — значит, нам остается только найти тайный ход и надеяться, что он выведет нас наружу. Другого пути нет.

— Значит, мы его найдем.

Я не настроена сдаваться.

По коридору до моей комнаты мы добираемся без приключений. Если не считать парочки колонн, через которые Орви переставляет меня буквально как куклу.

Вместо двери — дыра в стене, и болтающийся на выгнутой петле обломок дерева. Орви снимает висящий на петле светильник, поджигает фитиль и держит его у меня над головой.

Беспорядок в моей комнате вполне ожидаемый. Я знала, что так будет, но все равно испытываю ужасную тоску, когда на глаза попадает засыпанная пылью и шелковая туфля с изящной серебряной пряжкой.

Все, что осталось от горы подарков Рэйвена.

Теперь у меня снова ничего нет. Но вряд ли герцог повторит свой подвиг, ведь теперь причина моего плачевного положения абсолютно точно не лежала в сфере его ответственности.

— Вот, — Орви привлекает мое внимание.

Он стоит около каким-то чудом уцелевшего камина, показывая куда-то в тонкую щель между ним и стеной. Я почему-то только сейчас

замечаю эту странную особенность, потому что обычно каминны вмуровывают в стены. Но если смотреть со стороны, то за камином и правда заметно выделяется прямоугольная, высотой в человеческий рост каменная панель. Орви нарочно поднимает светильник повыше, чтобы были видны едва заметные контуры, как бы отсекающие один камень, более светлый, от другого — более темного. Но там нет ни ручки, ни проема, ничего, что хоть отдаленно намекало бы на способы, каким ее можно открыть или двинуть с места.

— Она может открываться с обратной стороны, — говорю первое, что приходит на ум.

— Это плохо, — скребет лоб Орви.

— Но давай хотя бы попытаемся поискать. — Я задумываюсь на минуту, вспоминаю все хроники об осадах, замках и архитектуре, которые читала в монастыре. — Это может быть рычаг. Какая-то кнопка. Что-то, что висит на стене и что можно нажать. Может быть, каменная панель.

— Нууу... тогда хорошо, что искать нужно только в одной комнате, — невесело шутит он.

— Мы разделимся, — показываю на лежащую почти посередине деревянную балку. — Тебе правая сторона, мне — левая. Если ничего не найдем — поменяемся и перепроверим друг за другом.

Он кивает, и мы начинаем поиски.

Уже через пару минут становится понятно, что долго искать не придется, потому что в комнате не так много вещей, которые могут напоминать рычаг. Все, что не было привинчено к полу или стене, валяется в пыли, облегчая нам задачу.

Несколько держателей для ламп на каждой из стен.

Пара статуэток в нишах.

Каменные выступы барельефов.

Когда на стенах не остается ничего, что бы мы не попытались нажать, переходим к полу. Шаг за шагом, пытаюсь нащупать заветную педаль.

Ничего.

Меняемся местами, но результат ровно тот же.

Может, она в самом деле открывается только с обратной стороны?

Я гоню прочь эту мысль, потому что она ставит крест и на моих попытках докопаться до правды, и на наших шансах найти путь

наружу.

Еще раз осматриваю комнату, пытаюсь вспомнить, какой она была до того, как превратилась в руины. Как будто это может помочь.

Камин.

Я уже несколько раз спотыкалась об него взглядом.

Разве не странно, что когда не уцелело почти ничего, на нем едва ли пара царапин.

Подхожу ближе, провожу пальцами по выступающей каменной полке, где раньше стояли статуэтки фей.

На ней вообще ни выщерблины, а ведь рядом грудка камня, который когда-то был потолком. Он должен был проломить в камине заметную брешь.

Мои пальцы нащупывают едва заметный тонкий рубец.

Я даже специально провожу по нему несколько раз, пытаюсь найти границу.

Он едва ли толще волоса, очерчен в камне квадратом как раз для одного пальца.

Надавливаю, даже боясь надеяться на успех, но камень легко поддается до выразительного щелчка, после которого стена за камином просто... растворяется.

— У тебя получилось! — восторженно охает Орви и мы торопимся заглянуть, что находится с обратной стороны.

Там темно, но светильник Орви очерчивает узкий коридор.

— Пойдем, быстрее, — тороплю я, и мы пускаемся по нему почти что рысью.

Он виляет, словно змея, пару раз занося нас на такие крутые виражи, что мы налетаем друг на друга, как шахматные фигурки.

— Что за холера?! — ругается Орви, когда на очередном таком витке спотыкается обо что-то и едва не валится с ног.

Я почти готова сказать, что это может быть крыса, но замираю, почему-то удивленная странным жестяным звуком, с которым эта «холера» катится по полу.

Выхватываю светильник из рук Орви, бегу за ней и успеваю придавить носком до того, как она провалится в канавку с правой стороны. Присаживаюсь на корточки и опускаю свет пониже, чтобы внимательно рассмотреть находку.

Это жестяная коробка, в которой обычно продают грошовые фруктовые леденцы.

Лакомство бедняков, потому что только оно им по карману.

Ничего необычного.

Кроме разве что того, что здесь, в Черном саду, эти леденцы я видела только у одного человека.

У Примэль.

Глава девятнадцатая: Сиротка

— Откуда это здесь? — вслух повторяет мои мысли Орви. — Не видел, чтобы здешние аристократки с утонченным вкусом ели сладости бедняков. Они от него носы воротят за версту.

Я беру коробку в руку, трясую, но она определенно пуста. И когда открываю крышку, чтобы проверить — там действительно ничего нет. Только разве что жестянка до сих пор пахнет зелеными яблоками и виноградом. И это тоже не просто так, потому что вкусы у этих леденцов очень разные, а Примэль всегда жевала именно такие, яблочно-виноградные.

— Кажется, — говорю себе под нос, — я знаю, кто это потерял.

— Кто? — живо интересуется Орви.

Я честно собираюсь ему ответить, но в последний момент внутренний голос недоверчиво шепчет, что даже эта коробочка, найденная здесь, все равно ни о чем не говорит. Это еще не доказательство. Тот взрыв в лаборатории во время испытания — он тоже указывал на меня, но на самом деле это было просто либо совпадение, либо чья-то очень хитрая игра против меня.

Может быть, и взрыв, и исчезновение моих платьев накануне бала — дело рук одного человека? Достаточно хитрого, чтобы умело заметать следы и прятаться за спинами невинных людей. Точно так же, как он когда-то использовал меня, он может использовать и Примэль.

Я крепко сжимаю находку в кулаке, поднимаюсь, опираясь на руку моего верного Орви, и всматриваюсь в темный коридор впереди. Может быть, там я найду ответы на вопросы или еще хотя бы какие-то подсказки?

Мы медленно продвигаемся дальше, хоть буквально с каждым шагом дорога вперед становится все более тяжелой. В каменном полу

появляются разломы и трещины, обвалившиеся стены загораживают путь и нам приходится сильно замедлиться, чтобы переползая эти препятствия буквально царапая в кровь руки и ноги. Каждый раз я с благодарностью смотрю на Орви, уже едва ли понимая, что делала бы без него во всей этой неразберихе и шпионских играх. Возможно, он послан мне Плачущим?

Когда дорога вперед сужается до размеров норы, где едва ли может поместиться ребенок, Орви предлагает остановиться.

— Тут потолок земляной, — говорит он, со знанием дела ощупывая земляной потолок.

Такое впечатление, что даже до обвала этот путь точно не вел в какие-то обустроенные покои, а разве что в подпол, хотя, что я знаю о тайных ходах, кроме того, о чем читала в книгах?

— Может быть, можно попробовать... — не хочу сдаваться я.

Это так несправедливо!

Здесь всего-то ничего осталось, но нам придется уйти вот так... с одной коробкой из-под конфет, которая мало проливает свет на ситуацию, но запутывает еще больше?

Я втягиваю голову в плечи, прижимаюсь и все-таки протискиваюсь вперед.

Орви тяжело вздыхает, но послушно следует за мной. С его-то ростом ему каждый шаг дается вдвойне тяжелее. И теперь мы двигаемся совсем вслепую, надеясь только на меня и то, что каждый новый шаг не утащит нас...

Я не успеваю подумать о том, что нужно быть осторожнее, потому что вместо земли под ступней — пустота. В которую меня утягивает, словно в воронку водоворота.

И на этот раз я отчаянно быстро и неудержимо лечу вниз, потому что моя ладонь предательски выскользывает из пальцев Орви.

Ветки и какие-то коренья немилосердно хлещут по лицу, ногам и рукам.

Пятки болтаются в пустоте, и каждое мгновение полета заставляет поверить, что в конце нас ждет раскаленная бездна или что-то похуже.

А потом, когда я почти успеваю проститься с жизнью, падение внезапно заканчивается.

Внезапно и очень болезненно, потому что я приземляюсь прямо в каменную крошку, которая вонзается в меня каждой острой гранью и каждой пылинкой. А стоит мне попытаться отползти, как сверху кубарем валится Орви, буквально вдавливая мое несчастное едва живое тело в грязь и камни.

Наверное, теперь я точно отдам богам душу.

— Бездна, Матильда, ты в порядке? — слышу взволнованный голос Орви.

Пытаюсь пошевелиться. Не уверена, что хоть что-то получается, но по крайней мере я чувствую себя достаточно раздавленной, чтобы по крайней мере не сомневаться, что все еще дышу.

— Я же говорил, что не надо было лезть в эту холеру! — ругается Орви и аккуратно ставит меня на ноги. Потом заботливо, как мамочка, отряхивает пыль и стирает сажу с моего лица, хоть в этой полутьме едва ли это так уж важно.

— Где мы? — шепотом, подавляя кашель, спрашиваю я.

Мы об осматриваемся по сторонам.

Шпиль башни, в которой мы только что были, теперь торчит за нашими спинами.

Вокруг — какой-то пустырь, с редкими торчащими из-под земли обломками каменных надгробий.

Я не боюсь могил и кладбищ, потому что в монастыре успела посмотреть смерти и в лицо, и в затылок, но почему-то именно сейчас мне не по себе. Тот, кто тайно пробирался ко мне в комнату определенно был не робкого десятка, раз не боялся разгуливать... вот здесь.

— Боги, Матильда, твоя нога! — Орви делает такие глаза, словно моя нога валяется отдельно от моего тела, и он только сейчас это заметил.

Я опускаю взгляд вниз — перепачканная юбка вся в крови.

Инстинктивно пытаюсь переступить на раненную ногу, и тут же чувствую, как земля снова уходит из-под ног. Хвала Плачущему, на этот раз только потому, что я и правда почти не чувствую ногу.

— Нужно вернуться в замок, немедленно!

Он подхватывает меня на руки и почти что бегом, как на марше, несется в сторону шпиля, который становится для нас чем-то вроде ориентира. Добраться оттуда уже не составляет труда, правда, Орви

порядком выдохся, и последнюю часть пути преодолевает почти что шагом, хоть упрямо запрещает мне даже говорить о том, чтобы идти самой.

Нам просто волшеббно везет, что по пути до палаты, где я пришла в себя, не встречаем ни одной живой души. Вряд ли бы я смогла найти хотя бы одно вразумительное объяснение нашему внешнему виду. И очередному моему предобморочному состоянию.

Орви замирает у двери, мы оба перестаем дышать, прислушиваясь, что за ней происходит.

Тишина. Не похоже, чтобы в замке уже подняли переполох по случаю моего исчезновения.

Орви толкает дверь ногой, быстро заходит внутрь и я руками помогаю ее закрыть.

После нашей «ночной прогулки» полумрак комнаты как будто еще сильнее душит запахами горьких лекарств.

— Ну и в историю ты меня втянула... — начинает Орви, но его речь прерывает выразительный щелчок пальцами, вслед за которым комната наполняется тусклым светом горящей на стене около окна лампы.

Я почти до крови прикусываю нижнюю губу, потому что замечаю гостя, которого мы с Орви благополучно проморгали.

Его невозможно не заметить, потому что так запросто сидеть на подоконнике в одних кожаных штанах и фривольно расстегнутой на груди сорочке, может только один человек из всех, кого я знаю.

Герцог Нокс собственной персоной.

Живой, хвала Плачущему!

Хоть и перебинтованный от шеи до пояса, насколько я могу судить.

И едва ли благодушно настроенный на всю эту... оказию.

— Ваша... Светлость... — заикается Орви, и не сопротивляется, когда я просачиваюсь из его рук. — Рад видеть вас с добром здравии.

— На вашем месте, лейтенант, — ледяным менторским тоном, чеканит герцог, поднимаясь на ноги, — я бы не спешил радоваться моему доброму здравью. Потому что, если вы немедленно не предоставите мне веские причины, по которым вы откровенно лапали королевскую невесту, я буду вынужден оторвать вам руки, чтобы

предоставить их Его Величеству вместе с вашими глубочайшими сожалениями!

Кажется, я еще никогда не видела герцога таким... взбешенным.

Глава двадцатая: Сиротка

Я даже не понимаю, что именно удивляет меня сильнее: присутствие герцога в моей палате в столь позднее время, его злость или его слова о том, что Орви лапает королевскую невесту.

Это очень глупо, но я на всякий случай украдкой осматриваю комнату — может, здесь есть еще кто-то и герцогу померещилось? С его тяжелыми ранениями он, должно быть, очень слаб?

Хотя, по правде говоря, совсем умирающим Нокс точно не выглядит. И я бы точно не стала думать, что его заявление об оторванных руках так уж сильно преувеличено. Судя по бледному, как луна в окне, лицу Орви, мой старый верный друг того же мнения.

— Милорд Нокс, — я первой нарушаю гнетущее молчание, и прочищаю горло кашлем, потому что мой голос звучит и в половину не так уверенно, как бы мне того хотелось. — рада видеть вас в добром здравии.

— Не могу ответить вам тем же комплиментом, герцогиня, — ёрничает он, чуть прихрамывая сокращая расстояние между нами. Когда Орви потихоньку, но все же загоразивает меня своей спиной, Нокс очень недобро сводит брови к переносице. — Лейтенант, позвольте поинтересоваться — вы уже составили завещание? Привели в порядок мирские дела? Принесли дары богу, чью веру носите в душе?

Орви сглатывает и отвечает: «Нет».

— Как для человека, который не позаботился о своих бранных останках, вы ведете себя слишком храбро.

— Ваша Светлость, я готов понести любое наказание, которое...

Герцог просто поднимает руку.

Я уже видела что-то подобное в прошлую ночь, когда на нас напало рогатое чудовище, и знаю, что последует дальше. Но все равно оказываюсь не готова к тому, как тело Орви, словно соломенная кукла, внезапно срывается с места и отлетает в противоположный конец комнаты. Оно гулко впечатывается в стену, на минуту словно застывает в воздухе и падает на пол.

Я замираю, не в силах пошевелиться.

А когда первый шок проходит и пытаюсь броситься к Орви на помощь, стальная рука Нокса рывком буквально оттягивает меня назад.

— Вы — чудовище! — ору я прямо в его обескровленное исцарапанное лицо. — Вы просто...

Орви слабо стонет, барахтаясь в бесплодных попытках подняться на ноги.

— С вами, герцогиня, — Нокс прищуривается, как Змей из старой легенды об искушении святой, — я поговорю потом, без свидетелей, потому что, боюсь, ваш защитник слишком глуп, чтобы вовремя отступить, но все еще слишком жив, чтобы мнить из себя спасителя невинной девы!

— Орви, ты в порядке?! — нарочно игнорируя слова герцога, кричу я.

В ответ он только слабо мычит, но по крайней мере, это лучше, чем если бы герцог совсем вышиб из него дух. Я была уверена, что от удара такой силы Орви... уже совсем не оправится.

— Давайте, юная леди, подбодрите вашего Прекрасного рыцаря! — продолжает издеваться герцог. — Вдохновите его встать с колен и навалить старому вояке! Вдруг у него получится, как считаете?

— Вы мне омерзительны! — выплевываю в лицо герцогу. Хвала Плачущему, по крайней мере теперь мой голос в полном порядке!

— Позвольте успокоить вас, герцогиня, — с тихим жестким презрением отвечает Нокс, — ваши чувства абсолютно взаимны. И если бы не моя обязанность следить за интересами Короны, я бы с огромным удовольствием вышвырнул вас обоих к чертовой матери!

— Так за чем же дело встало, милорд Нокс?! — взрываюсь я, чуть не ломая палец, пытаюсь выдолбить дыру в его груди. — Почему бы вам не позаботиться об интересах Короны в постели с графиней Рашбур?!

— Вы поразительно проницательны, герцогиня. — Нокс сжимает мою руку, пресекая все последующие попытки снова до него «достучаться». — Как только удостоверюсь, что Его Величество не будет опозорен ветвистыми рогами, вернусь к этому приятному занятию.

Мысль о том, что пока мы с Орви пытались разгадать загадку моей комнаты, герцог преспокойно нежилась в объятиях своей невесты застаёт меня врасплох. То есть, конечно, я понимала, что как жених и невеста, они вряд ли обмениваются лишь томными взглядами, но...

Боги, я не хочу об этом думать!

Не хочу и не должна!

Но, прежде чем мне удастся справиться с первым приступом ужасной душевной боли, я вс-таки позволяю себе «слабость» воспользоваться тем, что взгляд герцога полностью сосредоточен на моем лице.

Поднимаю ногу... и что есть силы, почти с удовольствием, опускаю пятку ему на ступню.

— Бездна всех вас...! — громко и гадко ругается Нокс, разворачиваясь на пятках, чтобы спрятать мигом побагровевшее лицо. — Матильда, ты...

— Ваша Светлость забывается, что разговаривает с королевской невестой! — огрызаюсь я, и теперь это почти бесконтрольно. — Полагаю, Его Величество не спустит фривольностей даже своему верному псу!

Мои слова еще какое-то время эхом отражаются от потолка, а потом тишина в комнате становится почти болезненной глубокой.

Я не понимаю, кто это сказал, но мне, простой монашке, никогда бы не стало духу сказать такое вслух. Но в этой комнате кроме нас троих точно больше никого нет. Орви едва дышит и с трудом поднимается на ноги, герцог мрачно поглядывает в мою сторону. Значит, остаюсь только я.

— Орви, ты... в порядке? — спрашиваю я, но на этот раз не рискую к нему приближаться. Одним богам известно, в какой новый приступ бешенства Его Сиятельной пятой точки это может вылиться, и какую цену заплатит Орви.

— Да... все... хорошо... — кое-как отвечает он.

Догадываюсь, чего ему стоят эти слова, и что он говорит так только чтобы успокоить меня.

Если бы я только могла хотя бы осмотреть его и оказать помощь. Но очевидно, любая моя попытка притронуться к нему, в итоге сделает только хуже.

Остается только терпеливо ждать, пока он сам поднимется на ноги и вперит в меня вопросительный встревоженный взгляд.

— Лейтенант, могу ли я истолковывать ваш взгляд как попытку нанести мне глубокое личное оскорбление? — ледяным тоном интересуется герцог, все еще не до конца становясь на «поцелованную» моей пяткой ногу.

— Ваша Светлость? — моргает Орви, как и я, не понимая, куда клонит Нокс.

— Вы с герцогиней так пересматриваетесь, будто ей наедине со мной грозит страшная опасность, — не без ядовитого сарказма, поясняет герцог.

Я громко фыркаю, сходу вспоминая все те разы, когда она ставил под сомнение мою репутацию. Нокс приподнимает бровь, как бы предлагая поделить причину этого моего поведения, на что я решительно от него отворачиваюсь.

— Со мной все будет в полном порядке, лейтенант, — стараюсь выдержать ровный и уверенный тон, говорю Орви. Всем будет лучше, если он больше не будет маячить перед глазами герцога, словно красная тряпка перед быком. — Хоть воспитание и манеры Его Светлости оставляют желать лучшего, он все же носит мундир Генерала Королевской гвардии, так что, полагаю...

Я нарочно не заканчиваю предложение.

Орви, помедлив немного, ковыляет к двери.

— Поздравляю, Тиль. — Нокс пару раз лениво хлопает в ладоши. — Ты филигранно отточила искусство злого сарказма в столь короткие сроки. Надеюсь, ты проявишь такие же выдающиеся способности и в освоении других наук. И, ради нашего общего блага, лучше бы тебе быть прилежной и усердной, потому что королевской невесте не к лицу разделять устриц десертным ножом.

— Кстати, о королевской невесте! — спохватываюсь я. — Надеюсь, герцог, теперь, когда мы одни и никто не подслушает королевские тайны, вы соизволите посвятить меня в значение этих слов.

— Это бы красноречие — да на благие цели, — продолжает острить герцог.

Если он думает, что сможет отвлечь меня этими уловками, то нужно поспешить его разочаровать.

— Ваша Светлость, возможно, я провела в беспомыслии целую вечность, но совершенно точно помню, что до того, как случилась... та ночь, я не была королевской невестой. Так что потрудитесь объяснить, ради чего вы распространяете эту нелепость.

Нокс обреченно вздыхает, шаркающей походкой доходит до двери и не очень шепетильно захлопывает дверь. Какое-то время стоит там, как будто набирается сил, чтобы повернуться ко мне лицом.

Это не очень похоже на его обычные попытки просто довести меня до белого каления своими дурацкими ироничными шутками. Впрочем, справедливости ради, иногда он шутит очень даже остроумно. Но после того, как Нокс едва не зашиб Орви, я скорее откушу себе язык, чем скажу ему еще хоть бы одно приятное слово.

— Тиль, Эвин сворачивает весь этот... бардак, — слышу его строгий и какой-то почти официальный голос. — Он уже отдал распоряжения, и завтра объявит об этом лично.

— Но... — рассеянно шепчу я.

— Сделай одолжение к моему едва ли живому состоянию и не перебивай.

Не знаю, как ему это удастся, но вся моя внутренняя агрессия моментально испаряется. Хотя, подвернись возможность еще раз хорошенько оттоптать ему вторую ногу — я бы едва ли устояла против искушения.

— Эвин уведомил меня о своем решении сделать тебя своей женой, — продолжает Нокс и, наконец, поворачивается. У него абсолютно жесткое лицо, суровый взгляд и ни намек на то, что все ранее сказанное — просто... издевка или какая-то еще более идиотская проверка. — Я хорошо его знаю, и если Эвин на что-то решился — его невозможно разубедить.

— То есть, это не ваша злая шутка? — отказываюсь верить.

— Ради богов, Тиль, я едва ли давал повод думать, что в моей башке может родиться настолько бестолковый розыгрыш! — Он повышает голос и тут же берет себя в руки.

Все понятно.

Он пришел сказать мне это, потому что теперь моя роль точно сыграна.

Король решил жениться на герцогине Лу'На и он должен получит оригинал, а не подделку.

— Каким образом я должна исчезнуть? — спрашиваю я, всеми силами подавляя горечь в голосе.

Герцог снова тяжело вздыхает. Медленно втягивает воздух сквозь плотно сжатые губы раз и еще раз, как будто пытается успокоиться.

Почему меня это так злит?!

— Милорд, кажется, даже если я покроюсь священными кровоточинами чистоты и невинности, вы все равно будете мной недовольны! — Жжение в груди становится слишком острым, и единственный способ хоть как-то с ним справиться — выплеснуть эмоции, пока они не проломили мои ребра изнутри. — Я лишь хочу обратиться подальше от всего этого и, простите, но еще и сохранить голову на плечах, если это возможно... теперь, когда вам от меня больше убытков, чем...

— Ты все же невыносимая ослица!

Как ему удастся за одно мгновение преодолеть расстояние между нами — великая загадка.

Но это все же происходит, и в следующую минуту пальцы герцога стальными тисками сжимаются на моих плечах. Я так напугана его горящим абсолютно черным взглядом, что напрочь лишаясь возможности проронить хоть звук.

— Тебе придется стать герцогиней Лу'На, Тиль, потому что я так решил. Потому что когда мой лучший и единственный друг сказал, что собирается взять в жены самую достойную, смелую и отважную женщину Артании, он имел ввиду тебя, а не ту ядовитую гадину, с которой вы по какой-то странному замыслу богов похожи как две капли воды! И я не смог сказать ему, кто ты на самом деле, потому что это означало бы увидеть, как тебе отрубят голову и выставят на потеху неграмотной толпе!

Я трясусь от страха, потому что его слова абсолютно беспощадны.

— Так что теперь, Тиль, мы с тобой оба — чертовы предатели! И либо ты будешь делать, как я скажу, либо наши головы станут прекрасным украшением городской площади!

Шутки кончились.

Только теперь я в полной мере осознаю, как опасно близко мы оба ходим по краю пропасти.

— Что... я должна делать, Рэйвен? — шепотом спрашиваю я.

— Для начала — перестать шляться с мужчинами без сопровождения, — жестко чеканит он, и пару раз встряхивает меня, пока я не догадываюсь, что нужно кивнуть в знак согласия. — А завтра в полдень, когда Эвин объявит о своем решении, постарайся изобразить удивление. Или грохнись в обморок. В твоём состоянии это будет абсолютно естественно.

— И... все? — с недоверием переспрашиваю я. — Только это?

— Для начала — справься хотя бы с этим. Сейчас мне нужно явиться на заседание Королевского совета и мне очень повезет, если Эвин меня не линчует за такое длинное опоздание. В последнее время он крайне не в духе, — мрачно добавляет Нокс. — А завтра, когда все закончится... я найду способ переговорить с тобой с глазу на глаз.

Я снова киваю и провожаю герцога взглядом.

За ним тянется цепочка красных капель.

Плачущий помоги, да он же...!

— Стой, где стоишь. — Словно чувствуя мои намерения, герцог вскидывает левую руку. Правой как-то неловко зажимает бинты на груди.

— Тебя нужно перевязать! У тебя кровь, Рэйвен!

— Если я до их пор не сдох, значит, эту ночь еще точно протяну.

— Прекрати вести себя так, словно у тебя сотня жизней про запас!

— А ты начинай вести себя, как королевская невеста, Тиль, — жестко обрубает он. — Будущая королева Артании должна быть доброй, но ей не к лицу пачкать руки кровью.

Громкий хлопок закрывшейся за ним двери ставит точку в нашем разговоре.

Глава двадцать первая: Герцог

С тех пор, как я занял «почетную неофициальную должность» правой руки Эвина и получил право присутствовать на всех заседаниях Королевского совета, мне приходилось являться на него и в копоты сражений, и на костылях, и в порядочном подпитии.

Но в таком дурном настроении как сегодня — никогда.

Потому что для любителя сплетен, подковерной возни и интриг, каждое заседание — это как сладкая прослойка между сухими слоями невкусного торта. И, в конце концов, где еще можно безнаказанно потыкать носом в лужу всех этих «высоких чиновников».

Но сегодня я откровенно не в духе.

И меня почти не трогает сердитый взгляд Эвина, которым он встречает мое опоздание.

— Прошу прощения, что без поклона, господа, — ворчу я и делаю хромяющий круг почета по залу, чтобы все видели мое плачевное состояние.

Черную вдову это, конечно, только радует.

А Ивлин, которую Эвин пригласил в качестве исключения, делает такое лицо, будто она собственными руками упаковала меня в гроб, а оказалось, что это было слишком преждевременно. Я, нарочно громко охая, наклоняюсь к ее лицу и звонко целую воздух около ее щеки.

— Дорогая, не смотри на меня как на призрака — уверяю, по большей части я скорее жив, чем мертв.

— Тебе нужно быть в постели... — растерянно говорит она, поглядывая на пустующий соседний стул. Судя по тому, что за столом их несколько — опаздываю не только я.

— Дела государственной важности, сама понимаешь. — Игнорирую ее немое предложение занять место рядом.

Кресло около камина, поближе к теплу — то, то нужно.

— Герцог, вы уверены, что вам следует находиться здесь, а не верить себя заботам лекарей? — интересуется Черная вдова.

— Альберта, я всерьез намерен доставить вам удовольствие в самое ближайшее время лицезреть мой хладный труп, так что не портите сюрприз. — Одной рукой разворачиваю кресло к столу, усаживаюсь и делаю медленный выдох. — Мое состояние более чем плачевное, так что ждать и молить Бездну забрать меня вам осталось совсем недолго.

— Рэйвен, боги! — возмущенно всхлипывает Ивлин.

— Хватит, Нокс, — резко осаждает Эвин. — Сейчас твой черный юмор абсолютно неуместен.

Как будто я сам не знаю.

Жестами показываю всем присутствующим невидимый замок, который защелкиваю на своих губах, и позволяю себе слабость прикрыть глаза и сосредоточиться на разговоре.

Судя по всему, я прервал доклад генерала Гротта. Здоровенный седой, не побоюсь этого слова, дед, в свое время хорошо послужил Эвину, охраняя наши северные границы — стерег каждый метр,

словно цепной пес, выстраивал защитные башни, муштровал разведчиков. Но годы, увы, взяли свое, и некогда хороший бдительный вояка превратился в подозрительного старикашку, воюющего с призраками невидимых врагов. Существующих, увы, только в его голове. Маразм, который он громко, брызжа слюной на черное платье Альберты Белл, ввергает в тоску. Надеюсь, хотя бы после сегодняшнего доклада Эвин примет решение резать старого барана и наполнить Королевский совет свежей кровью.

Эвин обрывает доклад Гротта, просит изложить все сказанное на бумаге и доставить ему в самое ближайшее время. Старик важно трясет бакенбардами, но даже ему не хватает смелости перечить королю.

Я мысленно благодарю богов за то, что прекратили пытку и переключают внимание на Черную вдову, которая встает из-за стола, прокашливается и начинает свою речь самым неожиданным для меня образом:

— Тайный свое настаивает на том, чтобы герцогиня Вероника Мор осталась при дворе.

— Леди Альберта, потрудитесь объяснить, чем вызвано это желание, — требует Эвин.

Любопытство и страх пропустить хоть слово, заставляют меня побороть боль и наклониться вперед.

— Ваше Величество, все устремления Тайного совета служат лишь одной цели — благу государства и вашему безоблачному правлению.

— Я просил ответ, герцогиня, а не эту попытку пафосно плюнуть мне в лицо, — начинает жестить Эвин.

Черная вдова ничем не выдает эмоции.

— Герцогиня Мор прекрасно проявила себя во время Королевского отбора, проявила лидерские качества, твердость характера и духа, и Тайный совет считает, что в будущем она может быть полезна Короне.

Твердость духа?

Я вспоминаю лицо Вероники, с которым она шипела в сторону Матильды, когда была уверена, что ту непременно распнут на дыбе. Если в ту минуту она и была в чем-то «тверда», так это в желании избавиться от конкурентки любым нечестным способом.

— В таком случае, — Эвин постукивает пальцами по столу — верный признак его дурного настроения, — передайте Тайному совету, что за годы правления я успел окружить себя смелыми и сильными духом людьми, и не нуждаюсь в помощи.

— Совет настаивает, — не собирается сдаваться Альберта. — Ввиду того, что маркиза Виннистэр в некоторой степени... скомпрометировала себя, не справившись с ролью Распорядителя, Тайный совет считает своим правом рекомендовать на ее должность более достойную кандидатуру.

— Я же сказал, что завтра объявлю об окончании этого фарса.

— Пункт шесть, подпункт тринадцать гласит, что у претенденток есть право в срок не позднее тридцати дней подать претензии на возмещение ущерба, если таковой был нанесен во время испытаний, — как по бумажке, без заминки, декламирует Черная вдова.

Я мысленно от души ей аплодирую.

— Да бога ради, Альберта, какие претензии?!

— В свете последних событий, у Тайного совета есть все основания полагать, что таковое не исключено. У нас уже была трагическая гибель одной из участниц, еще пара девушек получили серьезные травмы. Герцог Мор и его дочь уже подали свой официальный отказ от любых претензий, но от других кандидаток подобных бумаг до их пор не последовало.

— Это же просто формальности, — пытается отбиться Эвин, хотя, очевидно, уже понимает, что ему придется согласиться.

— Эти формальности прописаны в Положении о Королевском отборе, которое Ваше Величество собственноручно подписал, и которое было разослано семьям участниц для ознакомления.

Я почти слышу, как скрипят зубы Эвина, пока он пытается совладать с гневом. Но бюрократическая колесница, как обычно, беспощадна и смертоносна.

— В таком случае, — он смотрит на Альберту почти испепеляющим взглядом, — постарайтесь донести до герцогини Мор мою личную просьбу проявить рвение и вытребовать официальные отказы от претензий у остальных участниц. Чем скорее — тем лучше. Иначе Корона вспомнит и о других формальностях. Например, о тех, что все главы домов должны отбывать воинскую повинность, а герцог

Мор, если мне не изменяет память, пышет здоровьем и в силах держать меч!

Альберта почтено и послушно склоняет голову.

Почему я не удивлен? Тайный совет никогда не признает Матильду королевой, даже если ее официально коронуют. Но это было вполне ожидаемо. И даже хорошо, что они действуют так напролом — по крайней мере, хотя бы что-то лежит на поверхности и прямо перед глазами.

— Графиня Рашбур, — Эвин передает слово Ивлин, и она тут же распускает хвост от осознания собственной важности. — Я ознакомился с первыми результатами вашего расследования.

Эвин кивает на кипу лежащих перед ним развернутых пергаментов, а парочку нарочно небрежно ворошит рукой.

— Исходя из прочитанного, графиня, я пришел к неутешительному выводу, что весь мой дипломатический корпус делает ровным счетом ничего!

Ив мгновенно покрывается зелеными пятнами.

— Я поставил простую задачу, леди Рашбур, а взамен получил отписки, какие-то тетушкины сплетни и домыслы, выстроенные на том, что троюродная бабка одной «подозрительной особы» пила чай с внучатым племянником «странного типа»!

Несмотря на свое почти обморочное состояние, я не без удовольствия наблюдаю за тем, как с Ив сползает ее лоск, горделивость и под всеми слоями косметики проступает ее истинное лицо — взбешенной женщины, которая думала, что ущипнула бога за задницу.

Она, конечно, совсем не дура. Эвин никогда бы не назначил на эту должность недалекого человека, и в свое время Ивлин была очень полезна Короне и конкретно мне. Но сейчас в ее шпионских играх явно что-то не клеится — это раз. И два: нужно признать, что она попала Эвину под горячую руку.

Даже интересно, хватит ли ей смекалки и мудрости выйти сухой из этой передраги.

— Весь дипломатический корпус день и ночь служит на благо Вашему Величеству и Артании, — дрожащим от негодования голосом, заявляет Ив. — Все сведения, которыми мы располагаем, не высосаны

из пальца и служат указателями на то, что за спиной Артании ведется невидимая война, и...

— Графиня Рашбур! — резко перебивает король, и на этот раз лица бледнеют у всех присутствующих. Признаться, давненько я не видел Эвина в такой раздразе. Когда он так негодовал в прошлый раз, пара вельмож недосчитались после своих голов. — Полагаете, я просил добыть мне свидетельства и доказательства просто так?!

— Ваше Величество... — Она быстро замолкает, потому что Эвин медленно, как ураган, поднимается из-за стола.

— Если вам нечего сказать по существу, графиня, то, вероятно, будет разумно вовсе не открывать рта!

Ив покорно опускает взгляд и только после этого Эвин «милостиво» просит всех убраться вон.

Я, конечно же, остаюсь.

Для Серого кардинала совета у него наверняка припасено еще одно особенное поручение.

Когда дверь за последним членом совета закрывается, Эвин чертыхается сквозь зубы и требует, чтобы я тащил свою задницу к столу.

Приходится покорно исполнять, и волочить за собой стул.

Когда пристраиваюсь за столом, Эвин протягивает мне пару пергаментов. Я напрягаюсь, когда замечаю разломанные надвое черные печати в форме треугольников с символом переплетенной змеи в самом центре.

Вот и причина королевской немилости.

Я молча вчитываюсь в тексты. Пергаменты большие, но донесения на них короткие и резкие: Печать Хаоса сломана, двенадцатый, тринадцатый и двадцать второй королевские полки уничтожены, выживших нет.

В самом последнем пергаменте всего одно предложение, написанное размашистым и неаккуратным почерком, как будто на коленке, и на самом пергаменте отчетливо видны следы копоты и пятна крови.

«Имеются признаки внешнего разрушения Печати».

Этот пергамент, судя по дате, Эвин получил несколько часов назад.

— Что скажешь? — спрашивает Эвин, когда я медленно кладу пергаменты обратно на стол.

— Я должен увидеть все собственными глазами. Понюхать, чем так пахнет. И кем.

— Там небезопасно, Рэйвен. — Эвин упирается взглядом в бинты на моей груди, насквозь пропитанные кровью.

— Когда это нас с тобой останавливало? — скалюсь я, преодолевая боль. — Дай мне час на сборы и расторопную лекарку, чтобы не дала мне помереть — и я вернусь не с пустыми руками.

— Графиня Рашбур, как и все представители дипломатического корпуса, прошла медицинскую подготовку, — ухмыляется Эвин и отпускает вслед еще одну сальную шуточку их тех, которые веселят и взбадривают мужчин, а женщин ввергают в пучину стыда.

— В таком случае, — я театрально развожу руками и буквально проглатываю стон боли, — ты получишь в качестве результата мой хладный и, полагаю, крайне изувеченный труп. Надеюсь, у тебя на примете есть не очень щепетильный колдун, а то я слышал, Его Величество Эвин Скай-Ринг запретил любые манипуляции с мертвечиной.

— Иди ты к черту! — смеется мой старинный друг, закидывая ногу на ногу. А потом задумчиво добавляет: — Она у меня из головы не выходит, Рэйв. Если бы не эти идиотский формальности, я бы сделала Матильду своей королевой уже завтра и не выпускал из своей койки пару дней. Она родит мне крепких сыновей.

Я стараюсь доковылять до двери и выйти до того, как Эвин заметит мое перекошенное от злости лицо.

Глава двадцать вторая: Сиротка

Ночью я почти не сплю.

Моя бедная израненная нога болит так сильно, что я почти умоляю ночную лекарку приготовить мне сонный отвар, чтобы хоть как-то дождаться рассвета. Она делает его очень долго и щепетильно, и недовольно качает головой, когда я выпиваю залпом почти все. От такого количества у меня засыпали даже смертельно раненные солдаты, с кишками наперевес.

А я едва чувствую облегчение.

— Следует стойко переносить боль и не искать облегчения в травах, — говорит лекарка.

Я замечаю на ее шее медальон с символом маленьких склоненных на одну сторону аптекарских часов — она служит Рууку, и, конечно, презирает слабость.

До самого утра я размышляю о вчерашней находке.

Украдкой достаю из кармашка коробочку от леденцов, зачем-то нюхаю ее содержимое и пытаюсь понять, что меня настораживает во всей этой истории.

Примэль с самого начала проявила ко мне интерес, и была чуть ли не единственной, кто не плевал в мою сторону с подчеркнутым презрением. Она помогла мне пару раз, всегда справлялась о моем здоровье. Все это выглядело крайне дружелюбно.

Именно он уговаривала меня не сдаваться и пойти на Королевский бал. И выглядела искреннее расстроенной, когда я отказалась.

Странное поведение для той, которая собственными руками уничтожила весь мой гардероб. Зачем резать овцу, а потом лить над ней слезы?

Я была уверена, что к той выходке причастна маркиза, и что не обошлось без вмешательства Вероники Мор.

Чем больше я обо всем этом думаю, тем сильнее понимаю, что одной мне эту загадку ни за что не разгадать.

Нужно обо всем рассказать Рэйвену.

То есть, герцогу Ноксу.

Мысль о нем приносит мне неожиданное облегчение.

Наверное, не будет большого греха в том, чтобы подумать еще немножко, принять образ его улыбки и воображаемый голос исключительно как лекарство.

Что он там говорил? «Как влюбленные?»

Я закрываю глаза, воображая себя снова на балу, когда мы с Рэйвеном кружились по залу, и его руки были у меня на талии. А у меня так приятно ныла шея, потому что приходилось изо всех сил задираť голову, чтобы смотреть ему в глаза.

У него красивые глаза, но иногда очень пугающий взгляд.

Я переворачиваюсь на другую сторону, подавляю зевоту... и вдруг чувствую под собой не жесткую постель, а сырую землю и липнущие к ладоням листья.

Вкидываю голову.

Я снова в том ужасном лесу — толстые стволы, косматые кроны.

Я снова сплю?

Пытаюсь дотянуться до своего локтя, но не успеваю, потому что свирепый собачий лай буквально опрокидывает на спину.

Надо мной нависает громадная зверина пасть, и острые, как бритвы зубы щелкают прямо возле моей щеки. Хочу закричать, но не могу — гортань свело от ужаса. И ее как будто что-то давит? Смазано провожу по ней ладонью и дрожу от ужаса, потому что на мне — тяжелый каменный ошейник. Откуда он? Это что... обсидиан?

Отползаю еще дальше, но это дорога в один конец, потому что псина зажимает меня в какой-то то ли ложбине, то ли яме.

Я слышу шаги — тяжелые, уверенные, четкие, как у солдат на марше.

Голос в голове кричит, что это — конец, что тот, кто идет, не отпустит меня, и что он страшнее сотни зверодавов, и беспощаднее их.

Рука снова наполняется огнем, покрывается наростами и проклятыми символами Хаоса.

Я пытаюсь прикрыть их рукой, но лишь режу ладонь об острые кости, выпирающие из моей кожи.

Шаги замирают.

Тяжелая тень опускается на меня сверху, словно проклятие.

Я ее боюсь и не боюсь одновременно.

— Проклятый... *ga'an'ern*... — произносят мои губы ровно в ту минуту, когда мужчина прыгает ко мне в яму и теперь я ясно вижу его лицо.

Черный мрачный взгляд.

Длинная темная челка.

Косой шрам на щеке — еще почти свежий.

— Значит, ты все же кое-что помнишь, — говорит Рэйвен Нокс... и я вскидываюсь от ужаса.

Но на этот раз уже в постели.

Меня пробивает холодный пот, и пока воспоминания свежи, я хватаю с прикроватной тумбы маленькую закопченную палочку для снятия нагара со свечей.

Быстрыми штрихами перевожу на бумагу все, что запомнила.

Лес, яму, ужасные окровавленные морды зверодавов, женщину, чье лицо скрыто за длинными светлыми волосами.

И особенно мужчину.

Когда моей памяти больше нечего сказать, я беру рисунок и отвожу его в сторону, жмурюсь сильно-сильно, чтобы избавиться от наваждения и посмотреть на мужчину другими глазами.

Это не может быть Рэйвен.

Но... Это он.

Плачущий, помоги, но мужчина из моих самых страшных кошмаров — это Рэйвен, герцог Нокс.

— С вами все в порядке, миледи? — спрашивает лекарка, когда приходит с первыми лучами рассвета, чтобы перебинтовать мне ногу.

Я быстро захопываю книгу и подкладываю ее себе под подушку.

Никто не должен это видеть.

Пока я сама не выясню, что бы это могло значить. И, очевидно, мне никак не обойтись без прямого вопроса герцогу Ноксу.

Что там за слово было у меня во мне?

Ga'an'ern, кажется?

Что оно может означать?

Я не хочу об этом думать, но это очень похоже на проклятый язык... Бездны.

— У вас жар, — продолжает хлопотать лекарка, ощупывая мой лоб.

— Все в порядке, — быстро отстраняюсь я. — Просто эта боль в ноге не давала мне спать, и я немного не в своей тарелке. Может, вы сделаете мне немного отвара из Черного корня?

Она смотрит на меня с крайним удивлением, и что-то бормочет о том, что этот корень используют только сельские лекарки, и что из-за своих других не самых приятных влияний на организм, официальная медицина Артании избегает его применение.

Я прикусываю губу.

Плачущий, если я не научусь держать язык за зубами, то это может дорого стоить теперь уже не только мне, но и Рэйвену.

То есть, герцогу Ноксу.

Я не должна называть его по имени даже у себя в голове.

Хорошо, что этот разговор не нужно продолжать, потому что лекарка уже распускает бинты на моей ноге и, причитая, начинает

перевязку.

Спустя полчаса, когда я более-менее в состоянии передвигаться без этого жуткого головокружения, за мной приходит нова горничная — большая пухлая девица с буйными рыжими кудрями, которые так и норовят выпрыгнуть из-под чепчика. Ее цветущий вид заставляет вспомнить об Эми, которая, как и многие другие, не пережила ту ужасную ночь.

— Меня зовут Луиза, — представляется рыжая и чуть не на руках несет меня в комнату, которая — это сразу бросается в глаза — наспех оборудована под покои молодой девушки. Но за шелками на стенах хорошо видны темные камни подземелья, покрытый мхом и паутиной. — Я вам помогу с одеждой, Ваша Светлость!

На кровати уже лежит приготовленное платье — достаточно милое, не броское, с красивой вышивкой по всей юбке, которая выдает его немалую стоимость.

Горничной требуется два часа, чтобы помочь мне принять ванну, вымыть и до блеска расчесать мне волосы, помочь одеться и навести красоту. И несмотря на все ее старания, в зеркале у меня все равно весьма печальный вид.

— Может, еще немного румян, Ваша Светлость? — Луиза тянется к фарфоровой коробочке на изящных ножках, но я останавливаю ее вежливой улыбкой.

— Думаю, мне уже достаточно — не хочу быть похожей на попугая маркизы Виннистэр.

Горничная прыскает в кулак, но тут же берет себя в руки.

К полудню я, вместе с остальными обитателями этого временного пристанища, прихожу в хорошо освещенный, но жутко холодный зал.

Осматриваюсь — кроме личных гвардейцев короля, оставшихся невест и старика-писаря за столом, больше никого.

Примэль уже спешит ко мне буквально с другого конца зала, и я едва сдерживаюсь, чтобы не шарахнуться от нее в сторону, как испуганная кобыла.

— Что с тобой случилось? — громким испуганным шепотом спрашивает она, заглядывая мне в лицо. — Ты как только из могилы!

— Кошмары снились, — отвечаю самое нейтральное, что приходит на ум. И, кое-как вымучив из себя удивление, спрашиваю: — Ты не знаешь, по какому поводу нас всех тут собрали?

Примэль так на меня смотрит, словно может читать мои мысли и точно знает, что я вру.

— А ты не догадываешься? — Она глупо хихикает в кулак. — Все только об этом и говорят — Его Величество объявит о своем выборе.

Я пытаюсь глупо моргать, но у меня это вряд ли хорошо получается.

— И это... графиня Мор?

— Боги светлые, Матильда, да хватит уже прикидываться невинной овечкой! — Примэль хватает меня под локоть и тянет прямо в центр зала, где по странному стечению обстоятельств как раз пусто. — Все знают, что королевой Артании станешь ты!

Мне кажется или она нарочно говорит это достаточно громко, чтобы слышали все присутствующие?

Я нарочно отпускаю взгляд и благодарю Плачущего за то, что король появляется именно в эту минуту, пресекая не то, что шепот мне в спину, а, кажется, даже лишние вдохи.

Проходя мимо меня, Эвин замедляет шаг и когда я пытаюсь кое-как изобразить реверанс — берет под локоть, прекращая мои неуклюжие попытки.

— Герцогиня, я с огромным уважением отношусь к дворцовому этикету, но учитывая ваше состояние и его причину, это определенно лишнее.

— Ваше Величество, — опускаю взгляд, почему-то опасаясь смотреть ему в глаза.

— Просто продержитесь еще несколько минут, Матильда, — говорит он предназначенным только мне шепотом, и тут же уверенно шагает к стоящему на небольшом каменном возвышении трону.

Только оглядевшись по сторонам до меня доходит, что вокруг меня — свободное пространство, и даже Примэль заметно попятилась за спины остальных, откуда уже вовсю «делает мне глазки».

— И так, — Эвин говорит громко и четко, и даже ветер замолкает, усмиренный его властным тоном, — я полагаю, причина этого собрания в основном известна всем присутствующим. Но, чтобы соблюсти традиции... Я, Эвин Скай-Ринг, законный правитель Артании, своей волей и решением объявляю Королевский Отбор невест свершившимся.

Лица у собравшихся достаточно спокойные.

Тишину нарушает только писарь, который заносит эту вещь в толстый том, скрипя пером и странно охая.

— Находясь в ясном рассудке, — продолжает Его Величество, — нарекаю герцогиню Матильду Лу'На своей невестой и будущей королевой Артании!

Я готовлюсь к этому и держу в уме предложение герцога упасть в обморок, но новость, о которой я знала, возможно, даже раньше остальных, все равно застаёт врасплох. Только поэтому я не в состоянии произнести ни слова.

— Так же объявляю, что в связи с печальными обстоятельствами последних дней, я принял решение заменить маркизу Фредерику Виннистэр на посту распорядителя. — Эвин как будто нарочно торопится, чтобы ни у кого из присутствующих не было времени вставить ни звука. — В положенный пунктом шесть, подпунктом тринадцать срок для предъявления претензий Короне, все обращения следует направлять новому распорядителю — графине Веронике Мор.

Если новость о моем статусе вовсе не была новостью, то назначение Вероники производит настоящий фурор. И она наслаждается им, важно вышагивая вперед и становясь по левую руку от Эвина.

— Кроме того, — Эвин прищуривается, выискивая кого-то взглядом поверх голов, и я замечаю, что его взгляд останавливается на Примэль, — учитывая просьбу моей прекрасной невесты, баронессе Примэль Ла-Форт присваивается статус спутницы при герцогине Лу'На, с последующим присвоением ей статуса Личной фрейлины Ее Величества.

Примэль густо краснеет и делает первоклассный реверанс, щебеча что-то о безграничной доброте моей души и щедрости Его Величества.

И я даже не знаю, какая часть этой новости шокирует меня больше.

Та, в которой я прошу назначить Примэль моей фрейлиной, или та, почему я ничего не помню об этой просьбе!

Пока я окончательно не впала в душевный хаос, успеваю зацепить взглядом лицо Примэль.

Она выглядит... очень естественно удивленной.

Как будто эта новость для нее еще больший шок, чем для меня. Обычно она всегда либо хлопает, либо пританцовывает, а сейчас

тарашится на короля во все глаза и даже не моргает, как будто опасается, что это может быть просто сном.

Уж лучше бы так оно и было!

О дворцовом этикете я знаю не так уж много, но первая фрейлина королевы — это как будто ее правая рука, ее поверенная, подруга и человек, который вхож с ней везде.

Не представляю, чтобы этим человеком была девушка, которая все это время всячески мне вредила и портила жизнь. Да я спать спокойно не смогу, зная, что она до их пор рядом!

Даже если формально ее вина до сих пор не доказана.

— Ваше Величество... — бормочет Примэль, когда король, направляясь ко мне, проходит мимо. — Я буду служить вам...

— Не мне, баронесса, — обрубает ее нестройный поток благодарностей Эвин, становясь рядом со мной достаточно близко, чтобы мы почти что касались друг друга телами. — Я не смог отказать своей невесте в ее перовой просьбе.

Я все еще не понимаю, что происходит.

Я, Плачущий прости меня за мой скверный язык, ни черта не понимаю, что происходит!

— Надеюсь, это сделало вас счастливой. — Эвин говорит это почти что мне на ухо. За его спиной стоит лакей с красивым резным сундучком в руках, внутри которого что-то красиво поблескивает. Эвин берет это не глядя, пристраивает мне на руку, почти... неприлично интимно поглаживая кожу запястья. — Ваш вчерашний визит был для меня настоящим подарком судьбы.

Мой вчерашний... что?

Пока хаос в моей голове многократно усиливается, я разглядываю подарок Эвина — серебряный браслет тончайшей филигранной работы с веткой цветущей белой вишни, выложенной драгоценными камнями и кусочками зачарованного хрусталя.

Это слишком красиво и дорого, и мне нужно поскорее придумать хотя бы пару слов благодарности, но единственные слова, которые крутятся у меня на языке, они вообще о другом. И если только я не схожу с ума и не брожу во сне, то у этого моего «визита» есть только два объяснения.

Либо Эвин лжет.

Либо... кто-то прикинулся мной, чтобы нанести визит королю.

«Кто-то», кому это точно не составит труда.

— Благодарю... Ваше Величество, — с огромным трудом разжимаю губы. — Это самое прекрасное, что я когда-либо... видела.

— Вы достойны большего, Матильда, — улыбается он, но его пронзительный голубой взгляд заставляет меня испытывать ужасную неловкость. — Могу ли я надеяться, что после того, как вы обустроитесь в моем замке, вы осчастливите меня снова?

Я не в силах подавить дрожь, когда он подносит к губам мою увенчанную браслетом руку и оставляет на костяшках пальцев легкий, но горячий поцелуй.

Где Рэйвен?!

Почему его не видно?

Почему он просто не существует в поле моего зрения, чтобы во всем этом хаосе я хотя бы в чем-то была уверена?!

Но герцога нигде нет. Я могла бы предположить, что он, как обычно, наблюдает за происходящим из какой-нибудь тени, но... нет. Я не чувствую даже его скрытый взгляд.

— Полагаю, — король отпускает мою руку и делает шаг назад, — в этом зале не найдется тех, кто не желает счастья мне и моей будущей королеве?

Взрыв аплодисментов и выкрики за здоровье короля и королевы, буквально оглушают, поэтому я едва ли чувствую внезапно оказавшуюся рядом Примэль, которая смотрит на меня с искренним восторгом и радостью.

— Матильда, ты... ты... — Она проглатывает волнение, и пытается снова. — Ты даже не представляешь, что для меня сделала!

Действительно — не представляю.

Глава двадцать третья: Герцог

Печать определенно сломана не самым изящным методом.

И от разлома полыхнуло такой волной, что вокруг, куда только хватает моего взгляда, нет ни дерева, ни травинки, ни камня. Только выжженная красная пустыня, потрескавшаяся и иссохшая, как старая глина.

Когда-то двенадцать Мучеников принесли в жертву свои жизни, чтобы закрыть портал между миром людей и миром тварей, питающихся их душами.

Восемнадцать лет Артания жила в мире и покое.

Но кому-то понадобилось развязать новую войну с Бездной.

— Инквизитор, — за моей спиной бесшумной тенью вырастает фигура в черном. — Вам нужно на это взглянуть.

Мои личные «глаза» и «уши» — Зрячие.

Их тренировал я лично, отбирал каждого среди множества претендентов. Тщательнее, чем досужая хозяйка перебирает зерно.

Я слеую за фигурой, не упуская из виду ни одной детали.

Печать — это что-то вроде огромного начертанного на земле символа.

Ее невозможно увидеть ни в солнечном, ни в лунном свете, но она существует и каждый шаг по ее краю отдает тяжелой вибрацией через ноги сразу во все тело. Для моей почти что вывернутой наизнанку груди это то еще «удовольствие».

Я останавливаюсь, когда взгляд выхватывает что-то блеснувшее под ногами.

Делаю шаг назад и кое-как присаживаюсь на одно колено.

Просто пыль вокруг издающего тонкие вибрации невидимого контура.

Провожу по ней ладонью, зачерпываю пригоршню и медленным ручейком процеживаю из кулака.

— Мы все здесь проверили, Инквизитор, — чеканным словом рапортует Зрячий.

В том, что действительно проверили наилучшим образом, даже не сомневаюсь.

Но я зачерпываю еще раз и когда песок почти что процеживается сквозь пальцы, взгляд снова цепляется за какую-то невидимую искру.

Щелкаю пальцами и Зрячий, безошибочно угадывая, что мне нужно, протягивает стеклянный пузырек. Я ссыпаю туда немного песка и прячу находку в потайной карман походной кожаной куртки.

Мы идем дальше, и этот поход длится достаточно долго, чтобы я успел почувствовать легкое головокружение. Потерял слишком много крови, но так и не восстановился как следует. Меня бы быстро поставила на ноги какая-нибудь невинная кровь — пара глотков из хорошенькой пышной дочурки пекаря или молодая жена лавочника, например.

Но на ум приходит тонкая белоснежная шея одной целомудренной монашенки.

Я хватаю зубами рвущееся с языка проклятье.

Кровь демонов во мне дает массу преимуществ, и долгожительство — далеко не самый значимый из них. Но есть у нее и огромный минус — она сама выбирает самый вкусный источник. И будет тянуться к нему против моей воли.

Пока я был рядом с Тиль — даже через стены и замки — я чувствовал себя вполне сносно.

Но теперь, когда нас разделяют тысячи километров, я испытываю непреодолимую тягу и зверский голод.

Потому что моим демонам нужна не дочка пекаря и не пышная женушка лавочника.

Они хотят Тиль.

К счастью, Зрячий как раз приводит меня к месту назначения, и я могу хотя бы ненадолго сосредоточиться на другой задаче.

На первый взгляд — это просто трещина в земле, одна из многих.

Но когда я подхожу ближе, вибрации становятся настолько сильными, что приходится буквально вколачивать стопы в землю, чтобы не упасть на ровном месте. Зрячие держатся на расстоянии, потому что, судя по рваному пятну крови в размер человеческого тела, кого-то неаккуратного здесь уже размазало.

Хаос беспощаден, когда его ничего не сдерживает.

Я присаживаюсь около трещины, давая себе секундную передышку.

Пара глотков крови из белой шейки Тиль точно вернули бы меня к жизни.

Бездна, Рэйв, ты определенно не о том думаешь!

В трещине что-то неумолимо мерцает, притягивает взгляд, словно магнит.

Я пытаюсь сопротивляться, потому что это очень похоже на приманку, и нет ничего удивительного, что меня к ней тянет — только муха знает, на что поймать другую муху, только Хаос знает на что падки демоны.

Делаю глубокий вдох, восстанавливаю дыхание, потому что мерцание становится сильнее и теперь мне достаточно даже

мимолежного взгляда на призрачную дымку, чтобы она начала трансформироваться, принимая желанные образы.

Тонкая белая шея, красивые длинные, но как-то очень по-девичьи тонкие ноги с округлыми коленками.

Я как муха, сам плету паутину, в которую хочу угодить.

Еще немного...

— Инквизитор? — слышу взволнованный окрик за спиной, потому что физически ощущаю, как демоническое нутро незримо просачивается через мою кожу, оплетая голодом и алчностью.

— Не ходите, — цежу сквозь зубы и почти силой вырываю из головы дурманящий образ.

Это тяжело.

Ментальные ловушки всегда самые мощные, и у них поразительная способность мгновенно находить самое сладкое искушение, запускать в него свои липкие щупальца и превращать желание — в смертельное наваждение.

Я — не просто человек, точнее — уже почти не человек, но даже на меня эта дрянь действует почти мгновенно. Обычный смертный попадает под ее влияние мгновенно, быстрее, чем сможет почувствовать дурман в голове. Обычный человек никогда не вырвется из ментальной ловушки — это такой же истинный закон всего сущего, как и то, что горы не могут летать по ветру, а солнце не светит в полночь.

Но я уже давно не смертный.

И освобождение для меня все еще возможно, хоть и стоит невероятной боли.

Это примерно, как отгрызть себе ногу, угодившую в медвежий капкан.

Мерцание прекращается.

Марево медленно рассеивается и за ним я замечаю тонкие алые грани в камне, которые медленно структурируются в подобие лестницы.

Приглашение на разговор?

Человек не подошел бы сюда даже на шаг, а тот, что был недостаточно осторожен, превратился в грязное припыленное пятно крови в паре шагов у меня за спиной.

Так что, Бездна явно ждала кого-то особенного.

— Держите периметр, — говорю достаточно громко, чтобы слышали все Зрячие. — И что бы не случилось — держитесь подальше.

Я свешиваю ноги внутрь трещины, мысленно желаю себе удачи и спрыгиваю на первую ступень.

Она настолько горячая, что даже через толстую подошву солдатских ботинок я ощущаю прилив жара к ногам. Сущности внутри меня тут же приходят в действие, заводят кровь и будоражат мысли алчными потребностями — есть, пить, вдыхать дурман и, конечно же, наслаждаться кровью и человеческой плотью.

У меня есть всего пара минут, прежде чем мой дух иссякнет, и я потеряю контроль над собственным телом и духом.

И собственной жизнью заодно.

Никто в здравом уме не полезет в Бездну добровольно.

Но до этого дня Бездна «приглашала» в гости лишь однажды.

Только один смертный удостоился этой чести и вышел оттуда живым, прихватив заодно и красавицу Принцессу.

Правда, ничего хорошего из этой истории так и не получилось.

Я делаю еще шаг, и как-то очень стремительно оказываюсь глубоко в почти непроглядной темноте.

Там дальше — тяжелый раскаленный воздух и клубы дыма, за которыми не видно пути, но я чувствую внутренним зрением, куда нужно двигаться. Все, то рождается в Бездне — знает ее как свои пять пальцев. Это то, что смертные называют «впитать с молоком матери».

А раз в моей душе живут демоны, я здесь тоже почти как рыба в воде.

Только для меня эта вода — в котле на жаровне и вот-вот закипит.

Впереди еще один большой разлом — на этот раз в вертикальной стене из черного камня, и из этого разлома показывается женская фигура.

Длинные светлые волосы, тонкий непропорциональный стан — длинные ноги, узкая талия, пышная грудь под полупрозрачной туникой.

Оранжевый взгляд смотрит на меня со смесью отвращения и жажды.

Потому что, я не человек там, в мире живых, но здесь, в Бездне, я все еще достаточно «жив», чтобы быть лакомством для всего, что

имеет рот и зубы.

— Я была уверена, что тебе не хватит смелости, — говорит демонесса.

— И поэтому пригласила? — Я держусь на заметном расстоянии, даже если это подчеркивает мое невыгодное положение.

Я потерял слишком много крови, чтобы устраивать бравату перед Владычицей Бездны.

Хотя мне бы очень этого хотелось.

Когда мы виделись в прошлый раз...

Я потираю пальцем внезапно начавший зудеть шрам на щеке.

— Никогда не прощу себе эту оплошность, — с расслабленной улыбкой говорит Владычица, нарочно показывая длинные и белые как жемчуг клыки.

— Да, не убить меня тогда было просто невозможно, но каким-то образом тебе это удалось.

— Ты был слишком неотразим, — кокетничает она и двигается ко мне, соблазнительно виляя роскошными бедрами.

Она — демон.

Она умеет быть настолько хороша, насколько это необходимо, чтобы взбудоражить смертного.

— Зачем я здесь? — задаю вопрос в лоб, потому что мои силы заканчиваются быстрее, чем я предполагал.

— Решила пригласить на чашку чая старого врага, — она снова делает шаг, и довольно жмурится, потому что я вынужден отступить. — Мы столько лет не виделись, Рэйвен. А все из-за того, что вы, жалкие людишки, вдруг возомнили себя выше своих хозяев.

— А Беал должен был передать приглашение? — перевожу разговор на нужную мне тему.

Владычица резко багровеет, и тонкая ткань ее туники мгновенно тлеет, превращаясь в прах на теперь уже истинном теле своей хозяйки.

Владычица покрыта костяными наростами и шипами, ее длинные рога заворачиваются назад, поблескивая чернотой и золотом. Ее тело покрыто шипами и черными обломками костей, которые торчат прямо из-под грубой красной кожи.

Я уже видел что-то... похожее.

— Что? — шипит Владычица и ее изменившаяся гортань издает звуки, которые могут свести с ума любого смертного, и даже для меня

превращаются в пытку. — Что ты видел, мерзкий червь?

Силой загоняю мысли в самый далекий уголок разума.

Нужно узнать хоть что-то до того, как придется уносить ноги.

— Беала натравил кто-то... другой? — Из последних сил сопротивляюсь ее подавляющему волю взгляду.

— Где она?! — рычит демонесса, и ее когтистая лапа проносится в опасной близости от моего горла.

Проклятье!

Я успеваю пропустить еще пару ударов до того, как Владычица войдет в силу и ее рога покроются огненным туманом.

Два прыжка наружу, прочь из раскаленной ловушки.

Ментальные тени пляшут передо мной, принимая завораживающие образы — тонкая белая шея, длинные изящные ноги, невинный зеленый взгляд.

Я вырываюсь из Бездны за миг до того, как волна огня ударяет вверх, и разлом начинает извергать из себя огонь и пепел.

Зрячие действую слаженно и уже плетут паутину удержания.

Когда я добегаю до них, каждый из двенадцати слаженно отпускает свой Аспект, и отрывка Бездны медленно застывает за невидимыми нерушимыми стенами, превращаясь в тлеющую гору лавы.

Кто-то протягивает мне бутылку с водой, но сколько бы я не пил — мне не утолить жажду души. Я уже медленно подышаю, потому что был слишком самонадеян.

Но во всем этом мире есть лишь один человек, чья сущность может вернуть меня к жизни.

Бездна, надеюсь, Эвин просто объявил о помолвке и не успел одеть на Тиль браслет.

Потому что тогда...

— Что дальше, Инквизитор? — спрашивает Зрячий, когда я медленно встаю на ноги и вытряхиваю пепел из волос. — Печать продолжает разрушаться.

Я не отвечаю только потому, что впервые в жизни мне нечего ответить.

Глава двадцать четвертая: Сиротка

Столица встречает нас красивым убранством — гирляндами из живых цветов и живыми радугами, которые возникают на пути следования нашего экипажа. По традиции, жених должен внести невесту на крыльцо своего дома, поэтому Эвин просит открыть Врата на центральной площади столицы, откуда мы едем в замок под громогласные пожелания счастья от ликующей толпы.

В экипаже очень душно.

Я прошу приоткрыть окно, но Эвин с сожалением качает головой.

— Боюсь, что пока придется держаться на расстоянии от ликующих подданных, Матильда.

— Почему? — Я изо всех сил обмахиваюсь веером, но это почти не помогает.

Мы отбыли из Черного сада час назад, а я так и не увиделась с герцогом, не услышала обещанных им наставлений и... Чувствую себя мелкой рыбешкой, которую выбросили в бушующий океан, да еще и с завязанными глазами.

Так много загадок, Плачущий!

И я понятия не имею, где найти ответы хотя бы на одну из них.

— ... вынужден объявить траур, — слышу сосредоточенный и уже порядком жесткий голос Эвина. Что он говорил до этого? Я должна быть внимательнее, а не витать в облаках. — Артания потеряла многих молодых воинов позавчерашней ночью, Матильда. Я торопился с помолвкой чтобы дать людям хотя бы какую-то каплю радости в их отчаянном положении.

Между его бровями ложится вертикальная складка, под глазами пролегают тени усталости.

Я должна что-то сделать.

Он ведь теперь... мой жених, и мне следует быть ему доброй спутницей хотя бы то недолгое время, пока это будет необходимо.

— Когда в мон... — начинаю и тут же запинаюсь я.

Плачущий помоги, я же чуть было не выболтала все на свете!

— Когда... что, Матильда? — с легкой улыбкой подбадривает Эвин, и наклоняется вперед, чтобы быть ко мне немного ближе. Если он и услышал мою осечку, то не придал ей значения. — После твоего неожиданного смелого визита, я готов бесконечно слушать абсолютно все, что ты будешь произносить своими губами...

Как я не подпрыгиваю на месте, когда его рука касается моей — сама не понимаю.

Лу'На была в замке вчерашней ночью.

Теперь в этом нет никакого сомнения.

И мне остается лишь догадываться, что именно она «предприняла», чтобы сделать короля таким на удивление романтичным. Да он смотрит на меня как котик на сметанку!

Мне остается лишь надеяться, что до самого пикантного — Плачущий, стыд-то какой! — она все-таки не дошла. Ее же воротило от одной мысли о том, чтобы разделить постель с Эвином. Вряд ли она пошла на это только ради того, чтобы пристроить свою шпионку моей личной фрейлиной.

— Я весь внимание, Тиль... — Эвин пересаживается на мою сторону экипажа, и я чувствую себя загнанной в ловушку.

— В детстве, когда мне бывало... одиноко из-за смерти мамы... — Я нарочно говорю медленно, взвешивая каждое слово, чтоб оно совпадало с историей реальной герцогини. — Моя гувернантка любила устраивать маленькие праздники с мыльными шарами. Это, конечно, мелочь, но если Ваше Величество прикажет использовать Аспекты и наполнить мыльные шары сладостями или снегом, или мелкими монетами, то такое событие может стать подарком для детворы, потерявшей отцов, позволит вдовам погоревать наедине, пока их дети будут заняты, а остальным все это будет просто... в радость.

Эвин отстраняется, смотрит на меня сначала с удивлением, а потом звонко хлопает себя по коленке.

— Бездна побери, Матильда, это славная мысль!

К счастью, пока он вслух рассуждает о том, чем еще можно украсить этот праздник, экипаж подъезжает к ступеням королевского замка.

Мои пальцы дрожат, когда Эвин галантно протягивает мне руку и помогает выйти из экипажа. Разноцветная радуга тут же раскрывает пышную арку над нашими головами и ее яркий свет заходит в глаза, заставляя щуриться.

— Ваше Величество! — Нам навстречу выбегает мужчина в одежде королевского герольда и чуть не падая на колени, дрожащей рукой протягивает пергамент.

Эвин, наверное, должен бы рассердиться, но его взгляд падает на черную печать, и он тут же резко переламывает ее надвое. Разворачивает послание, бегло читает и от души прокликает всех и вся.

Я благоразумно отступаю назад.

И молча смотрю в спину Эвину, когда он быстрым шагом поднимает вверх по крыльцу, уже всю отдавая указания своему помощнику.

— Матильда!

Я не сразу соображаю, каким образом Примэль вдруг оказалась даже здесь, в километрах от Чёрного сада, но тут же вспоминаю, что это мы с Эвином делали положенный выезд вежливости, а остальные, кому так же полагалось прибыть в королевский замок, прошли через Врата еще до того, как взошло солнце.

— Я подготовила твою комнату! — громким шепотом и чуть не подпрыгивая от восторга, говорит она. — У тебя только новых нарядов, и украшений, и Его Величество приказал все заставить цветами! Я таааааак счастлива!

Она отменная актриса, потому что выглядит действительно счастливой.

— Пойдем, я все тебе покажу, — Примэль хватается за меня под руку, но тут же спохватывается и делает степенный реверанс. — Прошу прощения, Ваша Светлость, я немного забылась.

— Ничего, — рассеянно или, скорее, ошарашенно, отвечаю я. — Помощь мне не помешает.

Охапка других фрейлин, чьи лица для меня сливаются в одну безликую массу, следует за нами, держась на расстоянии. Кажется, так предписывает дворцовый этикет.

Но даже о спины я слышу совсем недружелюбный шепот в спину: «Он не понес ее на руках... это же традиция... дурной знак... свадьбы не бывать!»

Я вздыхаю видимо слишком выразительно, потому что Примэль неожиданно останавливается, снова делает реверанс и просит моего разрешения перемолвиться словом с остальными фрейлинами. Киваю и, стараясь держаться с достоинством, все-таки прислушиваюсь, о чем пойдет разговор.

— Если вы, курицы безмозглые, не перестанете кудахтать на невесту Его Величества, я каждой из вас лично косы обстригу до самой макушки! А лысую башку намажу горчичным маслом, чтобы больше ни одной волосенки не проросло! Понятно вам?!

Девушки вразнобой бубнят извинения, а я ловлю себя на том, что улыбаюсь.

Может, все это... просто совпадения, и Примэль на самом деле не при чем? Может, во всем этом ужасе я могу доверять хотя бы ей?

Память вовремя подкидывает эхо голоса Лу'Ны, когда она триумфально рассказывала, что у нее все под контролем, везде есть свои глаза и уши. А ближе Примэль я никого к себе не подпускала. Ну не Рэйвен же, в самом деле, ее «глаза и уши»!

— Герцог Нокс, герцог Нокс, — еле слышно повторяю себе под нос. — Привыкни уже, наконец, называть его так.

Внутри замок просто огромен.

Перекрестия лестниц, арки, пролеты и галереи.

У меня голова кружится просто от того, что я смотрю на все это снизу вверх — и не вижу даже намека на потолок.

Меня представляют слугам — их так много, что не пересчитать. Больше сотни уж наверняка. Улыбаюсь и киваю, желаю здоровья детям, благословляю чьего-то новорожденного младенца, названного в честь меня. Говорю, что в честь помолвки Его Величества у них сегодня будет праздничный обед (не помню, откуда это в моей голове, но эта новость явно к месту).

Нога снова начинает болеть, и я шепотом прошу Примэль помочь мне подняться в комнату. Шпионка или нет, но не оставит же она меня в полуобморочном состоянии перед роем слуг.

Примэль все понимает с полуслова.

Помогает мне добраться до каменной арки, за которой находится какая-то зарешеченная клетка на тяжелых цепях.

— Это автоматический подъемник! — восторженно поясняет Примэль, пока мы забираемся внутрь. — Таких всего три, представляешь! И один — здесь!

Она нажимает на красный рычаг и клетка, вздрогнув так, что я едва не падаю, начинает медленно ползти вверх. Звуки она при этом издает просто ужасные — как будто кто-то мучает сразу сто котов.

Но зато когда выходим — оказываемся в просторном светлом коридоре, с прекрасным видом на цветущую долину реки и далеки пики гор. Здесь даже пахнет чем-то особенно сладким, как будто в королевский замок поставляют не только чудеса техники, но и этот особенный воздух.

— Можно мы постоим здесь... еще пару минут? — говорю я и Примэль энергично кивает.

— Я сама долго не могла насмотреться, — говорит она, становясь рядом и глядя вдаль с каким-то очень романтичным выражением лица. — Отсюда кажется, что все невзгоды так далеко, правда?

Я отвечаю невнятным «да» и опускаю взгляд на браслет.

Потираю пальцем выложенный рубинами лепесток цветущей вишни.

— Никто не думал, что Его Величество сделает этот шаг! — снова восторженно шепчет Примэль, и бесцеремонно вертит мою руку, чтобы рассмотреть браслет.

Потом, когда немного приду в себя, я найду подходящие жесткие слова, чтобы дать понять, что хочу видеть ее лишь фрейлиной, а никак не подругой. Но сейчас лучше вообще помалкивать, чтобы не наболтать лишнего.

— Красивый... браслет, — выдавливаю из себя, потому что совсем никак не отреагировать было бы странно. — Его Величество очень щедр.

— Щедр? — Примэль округляет глаза. — Матильда, это же Знак Собственности Скай-Ринга! Король заявил на тебя свои права — как на избранницу, как на будущую жену и как... — Она густо краснеет. — Как на женщину. Теперь ни один мужчина не сможет до тебя дотронуться. Никогда. Пока этот браслет на твоей руке.

Я не знаю почему, но в ту минуту, когда Примэль говорит о том, что отныне я под запретом для всех остальных мужчин и их прикосновение, я вспоминаю пальцы Рэйвена у себя на лодыжке в тот вечер, когда он обрабатывал рану у меня на колене.

И вслед за этим воспоминанием — другое, когда мы были так близко, что его дыхание шевелило мои растрепавшиеся волосы.

— Это, должно быть, какая-то ошибка, — бормочу я, одновременно пытаюсь стащить браслет с руки.

Эвин одел его так запросто — я и глазом моргнуть не успела.

Но как только пытаюсь высвободить запястье — руку как будто сводит судорога, а металл лишь сильнее сжимается, практически вращаясь в кожу.

— Ты что, с ума сошла! — громким шепотом останавливает Примэль, и сама же отводит мою руку. — Это запрещено! Если браслет исчезнет с твоей руки — король об этом узнает. Знаешь, что будет?

Я морщусь, предугадывая ответ, и Примэль полностью оправдывает мои ожидания.

— Сама подумай — зачем молодой женщине снимать Знак собственности короля? — Примэль разглядывает украшение уже без особого рвения. — На твоём месте я бы хорошенько следила за тем, чтобы он, ни приведи Светлые боги, не исчез с руки, потому что это все равно что подписаться в измене Его Величеству.

Я не хочу знать, каким таким магическим или иным образом Эвин узнает, если браслет исчезнет с моего запястья, но от мысли, что герцог больше никогда... даже пальцем... или вздохом.

Внутри просыпается жуткая пустота.

— Хочу посмотреть комнату! — говорю так громко и резко, что моя фрейлина вскидывает голову. Задираю нос, изображая самое большое счастье, которое только испытывала в жизни. Наверное, так и должна себя вести счастливая избранница короля Артании. — Надеюсь, там и правда много цветов.

Глава двадцать пятая: Сиротка

Примэль не преувеличивала, когда говорила, что корзины и вазы с цветами занимают все свободное пространство покоев невесты Его Величества — моих покоев.

Комната поистине огромная и, к моему огромному облегчению, очень светлая, с большим круглым балконом, на котором есть все — и диванчик, и кресла, и резной столик, на котором стоит большая фарфоровая чаша с фруктами. Вид с балкончика тот же, что и с галереи — на благоухающую цветущую долину реки. Кажется, если хорошенько прислушаться, можно поймать далекое журчание воды, и едва слышный шорох опадающих цветочных лепестков.

А еще у меня поистине королевская кровать под шелковым балдахинном, громадный шкаф, туалетный столик в перламутровой

отделке. Еще есть большой стол с письменными принадлежностями, прикроватные тумбы на тонких ножках.

А за аркой справа — огромная купальня, с выложенном прямо в полу бассейном.

Он как раз полный до краев, и над безупречно чистой прозрачной водой поднимается густой пар. Но я не видела девушек, которые бы носили кувшины с водой, хотя чтобы наполнить такую «посудину» им пришлось бы потратить на это несколько часов.

Еще одно чудо техники — эксклюзивно для Его Величества Скай-Ринга?

— Я могу помочь тебе принять ванну, — крутится рядом Примэль. — Это тоже моя обязанность!

Начинает раздражать, что она все время где-то поблизости, как будто знает, о чем я думаю и чего хочу. А может, правда знает? Лу'На наверняка не поскупилась на тузы в рукаве для своей шпионки. Наверняка где-то разжилась фокусами, раз вдруг настолько осмелела, что стала шастать к Эвину как к себе домой.

— Разве у меня не должна быть горничная для такой работы? — Я нарочно говорю с выразительной неохотой подпускать Примэль настолько близко. Нет, конечно, шею она мне вряд ли свернет, но может что-то подсыпать в воду или вытворить любую другую дрянь, после которой я буду послушнее марионетки.

— Конечно, горничных у тебя целый табун, — немного поникнув, отвечает Примэль. — Прислать их к тебе?

— Нет, сейчас я хочу побыть одна. — Снова натянуто улыбаюсь.

Это... гадкое чувство — необходимость притворяться и делать вид, что ее общество мне не по душе, но я буду терпеть его с благодарностью. С большим удовольствием выпалила бы ей в лицо все, что думаю об их с герцогиней играх и о том, что рано или поздно Рэйвен выведет их обеих на чистую воду.

Плачущий, Матильда, когда ты научишься называть его «герцог Нокс»?!

— Моя комната рядом с вашими покоями, Ваша Светлость, — Примэль снова исполняет безупречный реверанс. — Если вам что-то понадобится — в любое время дня и ночи — используйте Свисток и я явлюсь к вам незамедлительно!

Свисток? Это она про маленький серебряный колокольчик на подставке у двери?

Видимо, да, потому что, проследив мой взгляд, Примэль утвердительно кивает и, наконец, выходит за дверь.

Только оставшись одна я могу позволить каплю чувств для себя.

Так потихоньку и сползаю на пол, где стаю, прямо в облако пышных юбок моего красивого платья.

Закрываю лицо руками, уговаривая себе всплакнуть совсем чуть-чуть, чтобы облегчить душу.

Я мечтала о тихом уютном домике с красивыми занавесками на окраине королевства. Мечтала о том, что буду свободна от монастырских обетов, что смогу жить той жизнью, которую сама себе выберу, а не той, которую мне пожелали мои бессердечные родители, оставив на пороге монастыря. Они не спрашивали, хочу ли я всю жизнь провести в сырых стенах, утром пропалывая морковь и капусту, в обед штопая раны солдатам и давая рвотные порошки пьяным кузнецам, а ночью отмаливая души тех, кого было уже не спасти.

Никто не спрашивал меня тогда.

И никто не спросил меня сейчас, хочу ли я притворяться влюбленной и счастливой невестой, готова ли провести вот так... всю свою жизнь!

Я всхлипываю до какого-то болезненного надрыва внутри.

В голове упрямо вертится другая мечта, вдруг заполнившая собой все мои мысли, душу и сердце.

Маленький домик с разноцветными занавески, цветущие белые колокольчики на окнах, разрисованные ставни. Целый противень пышных карамельных булочек, которые я старательно поливаю сливочным кремом.

Дыхание в затылок. Мужское, чуть-чуть пахнущее черным чаем и курительным листом.

Ладони у меня на животе, властно притягивающие спиной к крепкому мужскому телу.

— Тиль... — Его чуть охрипший голос.

Я откидываю голову назад, на сильное надежное плечо.

— Рэйвен... — отзываюсь, шепча в ответ его имя. Теперь мне можно так его называть.

Теперь — и всегда.

— Тиль, какого черта ты валяешься на полу?

Я рассеянно хлопаю глазами.

Уснула что ли?

Немудрено, я же почти не спала последние дни, а еще почти не ела и слишком много думала.

В комнате темно, но после короткого щелчка на столике зажигается круглый светильник с вихрями Аэра за матовым стеклом.

Герцог стоит в паре шагов от меня — непривычно без мундира, а в простых потёртых кожаных штанах, порядком пыльных, тяжелых ботинках на массивной подошве и в грубой кожаной куртке. Простая белая сорочка на груди насквозь пропитана кровью, и Нокс кое-как придерживает ее ладонью, но это вряд ли хоть как-то помогает делу.

— Рэйвен, Плачущий помоги! — Я так резво вскакиваю на ноги, что на сонную голову тут же путаюсь в юбках, и едва не падаю. К счастью, успеваю схватиться за столбик кровати и сохранить равновесие. — Ты истекаешь кровью! Совсем из ума выжил?! Тебе нужна...

Он делает шаг вперед, и в тусклых всполохах лампы я, наконец, отчетливо вижу его глаза.

Темные, абсолютно черные, как будто это зрачки расплылись бездонными озерами.

Его губы приоткрыты, и он алчно пробегает по ним языком.

Я сглатываю дрожь.

— Тебе нужно быть внимательнее, маленькая монашенка, — низким грудным голосом предупреждает Рэйвен. — Если бы тут были лишние уши, то за «Рэйвена» мы оба могли бы лишиться голов. Невесте короля не следует так фамильярничать с мужчинами.

— Вы снова пьяны, герцог? — пытаюсь хоть как-то объяснить эту метаморфозу. — Знаете, вас это не красит.

— Я абсолютно трезв, Тиль, — усмехается он, — но чрезвычайно голоден.

— Кухня где-то дальше по коридору, — огрызаюсь я. — И, кстати, Ваша Светлость, раз уж мы говорим о предосторожностях, полагаю, моя оплошность просто ничтожна в сравнении с тем, что вы каким-то образом проникли в покои невесты короля и снова ее компрометируете!

Он делает шаг в моем направлении.

Тот сон, обрывки которого я успела зарисовать в своем молитвеннике, всплывает в памяти точно таким же эхом тяжелой поступи.

Нужно ли спрашивать об этом Рэйвена?

Или... это просто сон, в который Королевский палач попал уже из других моих фантазий?

— Ваша Светлость, — я кашляю, чтобы скрыть дрожь и неуверенность в голосе, — вам следует немедленно обратиться к лекарю, пока вы не превратились в труп.

Его похожая на оскал ухмылка заставляет еще больше насторожиться.

— Мне льстит твоя забота, малышка, но уверяю — я там, где должен быть.

То, как он называет меня малышкой, абсолютно возмутительно!

Но и очень... волнующе.

Как если Нокс мог дотронуться до меня словами, и тогда это были бы самые бесстыжие прикосновения в моей жизни!

Я мысленно даю себе крепкую затрещину, списывая свои непотребные мысли влиянию его, Плачущий прости, крайне непристойного взгляда.

— Герцог, вам нужна хорошая лекарка, и чем раньше — тем лучше. Будет крайне затруднительно объяснить Эвину, откуда в моей спальне взялся ваш холодный труп.

— Его ты тоже называешь по имени? — Теперь голос Нокса звучит как тяжелый раскат грома.

— Разве невесте возбраняется называть жениха по имени? За это, насколько мне известно, головы не рубят.

— Но за это наглым малышам дерут зад, — продолжает мрачить герцог.

Да как он...!

Я задыхаюсь от возмущения, но еще больше от того, что в тот момент, когда он сказал про зад и свои намерения мне всыпать, мои мысли слишком странно всполошились.

— Ваша Светлость, а не соизволили бы вы оказать мне услугу и катиться в Бездну! — Я тоже умею рычать, особенно, когда кто-то слишком наглый и бесцеремонный шастает ко мне как будто у него

есть вечный пропуск! — Клянусь, еще одно подобное высказывание, и моя рука не дрогнет!

Что-то мелькает на его лице — неясная клыкастая тень.

И через мгновение он уже рядом, так стремительно, что от потока ветра вспениваются юбки платья.

Рэйвен так близко, что я чувствую исходящий от его одежды запах огня и дыма, пепла и... боли. И еще соленый запах крови, которая стекает по белоснежной сорочке.

Его высокая фигура нависает надо мной, ложится тенью на плечи, подавляет и лишает воли.

— Что тебе надо, Рэйвен? — Я боюсь и одновременно жажду услышать ответ.

— Ты, — без заминки отвечает он, и его взгляд окончательно затуманивается. — Пара глотков твоей жизни, малышка. И, конечно, сразу после этого — снова ты, мое очаровательное наваждение. Голая, стонущая, подо мной.

Что?

Герцог протягивает руку, чтобы привычным уже жестом обхватить мои щеки пальцами, но в тот момент, когда ладонь дотрагивается до моей кожи, что-то невидимое, жесткое и непреодолимое отшвыривает его вон.

Буквально в другой конец комнаты, припечатывая к стене, по которой Нокс со стоном сползает до самого пола и там затихает.

Глава двадцать шестая: Герцог

У любой ситуации, даже если она абсолютно безвыходная, есть две стороны.

Даже у мой, от которой у меня звенит в башке так громко, что я не слышу собственные мысли.

Хорошая сторона моего этого торможения об стену — я прилично треснулся башкой и это привело меня в чувство.

Плохая сторона... Вот же Хаос мне в печенку, Эвин все-таки сделал это!

Пока я валяюсь на полу решая умереть или еще подергаться, что-то тихо ударяется в стену около моей головы. Раз и еще раз, пока я не замечаю, что это — бутоны цветов.

Дожили, приехали и приплыли.

Я еще не отошел в пекло, а меня уже забрасывают цветами.

Нужно хоть постонать для приличия, а то эта не в меру усердная монашка, чего доброго, прямо тут меня и закопает.

— Ох, демонов зад... — Хриплю сквозь зубы, пытаюсь сесть.

Безуспешно — меня снова кренит набок, как плохо скроенную лодку.

— Нокс, вы там живы?! — слышу взволнованный голос Тиль. — Плачущий, помоги мне, Рэйвен, клянусь, если вы не скажете хоть слово, я лично выбью из вас дух!

Я вроде подал, нет?

Видимо недостаточно сильно, ну или это случилось только в моей голове.

— Тиль, — изо всех последних ил стараюсь говорить если не громко, то хотя бы связно, — если вы не прекратите забрасывать меня розами... вероятно, я еще какое-то время... проживу.

— Хвала Плачущему, — выдыхает она.

— Вы... серьезно бросали в меня эту гадость? — касаюсь пальцами лепестков пышного бутона розы, который приземлился как раз возле моей ладони.

— К сожалению! — выкрикивает она. — Вас же нужно было как-то привести в чувство! А если бы взяла в руку что-то потяжелее, то уж точно поддалась бы искушению зарядить этим вам в голову!

Когда кое-как фокусирую на ней взгляд, монашенка сидит на полу, в розовой пене кружев нижних юбок, и рыдает навзрыд.

Вероятно, если бы я «побыл» покойником еще пару минут, мне бы и поцелуй обломился.

Ну хотя бы трагический в хладный лоб.

Крепкая боль в затылке возвращает в ту реальность, где мне, как, впрочем, и любому другому сметному мужчине, от невесты Эвина Скай-Ринга теперь может обломиться разве что взгляд.

Эвин все-таки сделал это.

Поверить не могу!

— Вы мерзкий, ужасный, отвратительный тип, герцог Нокс! — всхлипывая, ругается Тиль. — Чтоб вы провалились!

— Минуту назад вы призывали меня восстать из мертвых, Тиль.

— Только чтобы иметь довольствие самой вас прикончить!

Я пытаюсь вспомнить, что успел натворить.

Это тяжело, потому что последнее, что я помню — мой отчаянный и самонадеянный прыжок в Бездну.

Разговор с Владычицей.

Дикое чувство голода, а потом все как в тумане.

— Тиль, полагаю, я должен с вами объясниться, — бормочу пересохшими губами.

— Единственное, чего я от вас хочу, герцог Нокс — чтобы вы немедленно убрались из моей комнаты и больше никогда — слышите? — никогда даже не смели думать о том, что ты... вы...

Со зрением у меня все еще скверно, но я вполне доверяю своему слуху, который подсказывает, что моя малышка крайне смущена, и ее невинный рот просто не в состоянии повторить то, что, по всей видимости, произносил мой, отнюдь не невинный.

Могу только представить.

Чувство голода заставляет меня терять контроль. И чем оно сильнее — тем мне сложнее держать себя в руках. На последних стадиях мое тело превращается в повозку, которой правят сущности заточенных во мне демонов. А эти парни любят ходить с ума.

После визита в Бездну я чувствовал себя почти что покойником.

Впрочем, ничего не изменилось, и нужно что-то придумать до того, как демоны снова отберут у меня вожжи.

— Малышка, послушай... — Вкус крови во рту мешает говорить. — Я все тебе объясню, клянусь твоим Рыдающим...

— Плачущим! — огрызается она и, кажется, осеняет себя знаком веры. — Вы не только... распутник, но еще и богохульник!

Ох, Бездна, она великолепна в этом своем невинном праведном гневе.

— Сейчас мне нужна... ты, Тиль. Но, учитывая некоторые обстоятельства, которые делают наш контакт невозможным, тебе придется немного мне помочь.

— Помогать вам?! — Она хватается валяющийся на полу бутон и от всей души швыряет его мне в голову. Будь это что-то потяжелее — ее замаха хватило бы на вмятину во лбу. — Герцог, радуйтесь, что браслет и обеты помогать страждущим не дают мне вас прикончить!

— Нельзя быть такой кровожадной, Тиль, — не могу удержаться от смешка, хоть он и приносит мне новую порцию боли.

— Поверьте, милорд, вы понятия не имеете о глубине моей кровожадности в отношении вас!

— Охотно верю, малышка. Но, может, ты все же не дашь мне умереть в паре метров от твоей кровати? Будет крайне проблематично объяснить тут появление моего трупа

Она всегда была благоразумной. Наивной, но не дурой.

И раз я в бессознательном состоянии, очевидно, наболтал себе на смертный приговор и взывать к чувству жалости не получится, придется уповать на то, что хотя бы голос разума в ее милой головке станет мне союзником.

Монашка сосредоточенно думает и очень громко сопит.

Вполне милые звуки, чтоб испустить дух под их аккомпанемент.

— Я помогу вам, герцог, но только потому, что Эвин вас ценит.

— О, вы невероятно великодушны! — Я даже не скрываю облегчение. — Вспомните еще о моих военных заслугах и вы поймете, что Артания вас не забудет!

— Шутите, Нокс? — подозрительно прищуривается она. — Значит, не так уж беспомощны?

— Абсолютно точно беспомощен. Так что, если соберетесь добить умирающего, заклинаю, не забрасывайте меня розами. Более нелепой смерти и придумать нельзя.

— Я учту это на будущее, — злобствует малышка, но все-таки решительно поднимается. — И так, милорд Нокс, что я могу сделать, чтобы вы пришли в чувство и избавили меня от своего присутствия?

— Дайте мне какой-нибудь костыль, потому что без посторонней помощи самому мне не подняться.

— Всего-то? — Она искренне удивляется и уже рыскает по комнате в поисках чего-то подходящего.

«А еще ты должна раздеться, — продолжаю уже в своей голове, — и я пока не придумал, как бы помягче об этом сказать».

Глава двадцать седьмая: Сиротка

Я не знаю, как это получается, но мне все-таки удастся отвинтить одну из четырех стоек, на которых держится балдахин.

Радость, что Нокс жив и не торопится умирать, заставляет действовать быстро, не сомневаясь и не взвешивая.

Радость... и злость, потому что те его слова обо мне... Это все равно, что стегать и без того скачущую галопом лошадь.

Я ведь ждала слов о любви, чтобы ему пусто было!

А он... «голая», «стонущая»!

Взвешиваю в руке тяжелую деревянную палку, воображая, как было бы славно врезать ею герцогу, чтобы все эти похабные словечки вылетели из него вместе со звездами из глаз

— Выглядишь весьма воинственно, — слабо посмеивается Нокс.

Я мысленно выдыхаю, напоминаю себе, что он вполне жив, хоть и выглядит не краше покойника, поворачиваюсь и кладу палку к его ногам. Потом отхожу на безопасное расстояние — кто его знает, на какое расстояние действует «подарочек» Эвина.

Рэйвен, опираясь на палку и на стену, медленно поднимается на ноги. Бледнеет, издавая глухой стон. Я рвусь к нему на помощь, но в последний момент спотыкаюсь об реальность, в которой нам нельзя друг к другу дотрагиваться.

— Мне нужна ванна, — говорит Нокс, и я указываю пальцем в сторону арки.

Сама медленно иду за ним, размышляя, что будет дальше.

Что люди делают в ванной?купаются. Герцог решил привести себя в порядок посреди ночи, и не нашел места лучше, чем моя спальня?

— Как вы вообще попали ко мне в комнату? — неожиданно до меня доходит, что вряд ли это было через дверь, потому что там, как положено, круглосуточно дежурят гвардейцы. Или у меня и здесь есть неучтенный тайный ход?!

— Через балкон, — и поворачивая головы, признается он.

— Вы, должно быть, шутите? Там же... высоко. — Точнее — там высота полета ласточки! И что-то я не заметила никакой запасной лестницы для нахальных герцогов.

— Тиль, вам придется смириться с тем, что я полон сюрпризов, — посмеивается Нокс, и останавливается у края бассейна. — Бездна меня задери, это то, то нужно.

Несмотря на середину ночи, бассейн доверху наполнен горячей водой.

— Вы что — всерьез решили... — Я не успеваю закончить, потому что герцог кое-как усаживается на край бассейна и стаскивает

ботинки. — Нокс, прекратите немедленно!

— Мммм? — издает этот волнующий всех моих мурашек звук, избавляясь от куртки. Заводит руки за спину и стаскивает сорочку.

— Прекратите раздеваться! — Задыхаюсь от возмущения, уже проклиная ту слабость, которая подтолкнула согласиться ему помочь.

— Тиль, боюсь, что я не только не могу прекратить раздеваться, но вынужден просить и вас тоже избавиться от одежды.

Просить меня сделать... что?!

На минуту мне кажется, что я ошиблась. Ну мало ли что может почудиться, когда из-за боли в ноге у меня до их пор жуткие приступы головокружения и колокольного звона в ушах. Не может же благородный мужчина говорить благородной девушке такие непристойности!

Хотя, конечно, я ведь не благородная девушка, я просто сирота, у которой даже фамилия придумана из пальца. Девчонка без роду и племени, без приданого и без отца, и братьев, которые могут вступить за ее поруганную честь.

С такими как я, светлые лорды развлекаются пару раз в неделю, чтобы, как любят шутить солдаты, быть в тонусе для достойных леди.

Я уже почти готова пасть духом от собственного ничтожества, но очень вовремя вспоминаю, что сирота ли нет, а в данный момент я целая королевская невеста, ношу знак защиты Его Величества Эвина Скай-Ринга и никто, даже мерзкий герцог Нокс не имеет права относиться ко мне... подобным образом!

Но, что ужаснее всего, пока я тут пытаюсь выплыть из пучины злости, герцог успевает свесить ноги в бассейн, хвала Плачущему, ему хватило стыда не снимать хотя бы штаны!

— Тиль, умоляю, — он снова прижимает ладонь к груди, морщась от боли.

— Я не верю ни единому вашему слову, Нокс! — демонстративно поворачиваюсь к нему спиной. — И клянусь вам своей душой, что если через минуту вы не уберетесь вон, я позову охрану.

— Ты никого не позовешь, и мы оба это знаем, — тяжело вздыхает он. — Впрочем. Это не важно, потому что если ты мне не поможешь, через минуту я уж точно отправлюсь в могилу.

— Скатертью дорога, Нокс.

— Разве монахини Рыдающего не дают обеты спасти всех, кто нуждается в исцелении?

Я прислушиваюсь к тихому плеску пополам с надкушенным стоном, и буквально силой заставляю себя стоять на месте. Это просто уловки, трюки, которые искушённые мужчины используют против наивных девушек.

— Если вам требуется перевязка, Ваша Светлость, или рвотный порошок — я готова протянуть вам руку помощи, в чем и клялась Плачущему. Но плескаться... голый, с обрученным мужчиной — это какой-то неизвестный мне вид медицины!

Он снова слабо стонет.

Не смотреть на него, не поворачивать даже голову, и пусть плещется сколько угодно!

— Когда-то, — голос Рэйвена звучит глухо и слабо, — еще до запечатывания Бездны, я... позволил искусить себя силой — силой Хаоса.

— Если вы думаете, что я проникнусь какой-то трагической историей из вашей жизни, то... нет.

— Был один ритуал, — продолжает Нокс, — очень грязный. Ритуал Хаоса, при помощи которого демоны высшего порядка поглощали человеческие души. Что ты знаешь о Хаосе, Тиль?

Я пожимаю плечами — едва ли больше, чем о нем знают все.

— Хаос — энергия разрушения и смерти, — говорю то, что прочла в учебнике в монастырской библиотеке до того, как Наставница Тамзина сожгла все богохульные книги. — Хаос породил Бездну и наполнил ее жизнью, из которой родились демоны. Эриан — Первый Владыка Бездны, принес в жертву собственную дочь, чтобы прорвать Саван Мироздания и открыть дорогу в Верхний мир людей. Король Дарек Скай-Ринг украл у Темных богов ритуал запечатывания, и Двенадцать избранных пожертвовали своими жизнями, чтобы создать Печать и навсегда закрыть Бездну в ее подземном мире.

Я спотыкаюсь, неожиданно как-то разом вспоминая события последних дней.

Появление громадного демона, который в одиночку разрушил целый замок.

И испуганный шепот Примэль: «Печать Бездны разрушена...»

— Вам «отлично» по истории, Тиль, — доносится голос Нокса. — Не зря Хронолог так нахваливал ваши глубокие выдающиеся знания.

— Зачем мы говорим об этом сейчас, герцог? Желаете усыпить мою бдительность? Зря стараетесь. — Скрещиваю руки на груди, отмахиваясь от дурных, воскрешенных этим разговором мыслей. — Ваша минуту на исходе, Нокс.

— Я всего лишь хочу объяснить природу своей просьбы, Тиль, — вздыхает он. — И надеюсь, что успею это сделать до того, как истекет кровью. Демоны, несмотря на свою силу и сорванный Саван, все равно не могли свободно шастать в мире живых, потому что Тьма не может существовать там, где только Свет. Поэтому, чтобы «обмануть» Свет, демоны пожирали души живых. Помните Беала, который бушевал в Темном саду пару дней назад? Он «съел» две королевских армии.

Тех, которых оплакивает вся столица.

Меня охватывает ужас, стоит представить эту кровавую бойню.

— Но и Свет, — продолжает герцог, — если хочет сразить Тьму, должен научиться ее обманывать. Поэтому вашему покорному слуге пришлось пожертвовать кусочком своей, признаюсь, не самой чистой души, и... закусить парочкой рогатых уродцев.

Он пытается придать налет незначительности своим словам, но я все равно осеняю себя защитным знаком и поворачиваюсь на пятках, чтобы убедиться, что Нокс просто меня разыгрывает.

Закусил парочкой...?

Он сидит бассейне по грудь в воде, закинув одну руку на покрытый мраморными плитками бортик.

Второй рукой прочесывает волосы, и с мокрых прядей начинает стекать вода, оставляя на его запыленном лице дорожки чистой кожи.

— Ну, может, парой десятков, — вслух прикидывает Рэйвен. — В любом случае, не самое лучшее блюдо на моей памяти. Хотя, в трактире «Песня Одинокого лося» нам с Эвином как-то раз подали запеченного сома, и я до сих пор не понимаю, как наши желудки переварили эту мерзость.

— Вы съели два десятка демонов?! — Меня трясет так сильно, что, кажется, даже вода в бассейне покрывается рябью.

— Не буквально, если вы об этом, Тиль, но... в общем... да.

— Никогда больше не смейте ко мне прикасаться! — Я отпрыгиваю назад и тут же охаю, не очень удачно приземляясь на

раненную ногу.

— Боюсь, что даже если бы я очень этого хотел, малышка, подарок Эвина мне до тебя дотронуться.

Я прокручиваю на запястье заколдованную драгоценность, пытаюсь представить, что было бы, не отшвырни она тогда герцога.

Потому что, пусть и на мгновение, но я все же попала под влияние его темного взгляда.

И мне очень хотелось, может быть, хотя бы позволить себя поцеловать.

Глава двадцать восьмая: Сиротка

Я так непозволительно глубоко погружаюсь в мысли о поцелуях, что не сразу различаю доносящийся из бассейна голос Нокса.

Поворачиваюсь и вздрагиваю, потому что вокруг его тела на воде лежит темное пятно крови, и оно прямо на моих глазах расплывается все шире и шире.

Плачущий, это очень плохо.

Это очень-очень плохо.

Я уже видела людей, которые вот так же стремительно истекали кровью. Однажды в монастырь привезли молодого кузнеца, которого мельник застукал в постели со своей женой и в припадке ревности проткнул беднягу вилами. В монастырь его привезли уже в луже собственной крови и нам оставалось лишь помолиться Плачущему за покой для его грешной души.

— Тиль, — Нокс снова проводит ладонью по лицу и на этот раз чистая от крови и пыли кожа выглядит действительно мертвецки бледной, — я понимаю, что очень не просто принять тот факт, что все это время вокруг вас кружилась мерзкая Тьма в обличье немного потрепанного старого вояки, но я в вас верю изо всех своих последних сил. Возможно, вам станет легче от того, что жить с Тьмой внутри себя — то еще «удовольствие».

Я бы с радостью еще раз пожелала ему провалиться сквозь землю, но очевидно, что на этот раз он действительно может туда отправиться. Причем напрямиком, без остановок.

«Хорошо, Тиль, — уговариваю себя, дрожащими руками придерживая ленты на груди туго зашнурованного платья, — пусть

скажет еще раз. Возможно, ты просто что-то не так поняла? Это же проклятый Нокс, его хлебом не корми — дай над тобой поиздеваться!»

— Герцог, учитывая ваше весьма плачевное положение, — я делаю несмелый шаг в сторону бассейна, — и мои обеты помогать всем больным и нуждающимся, предлагаю перейти сразу к делу.

— Вы что же, даже не дослушаете байки умирающего?

— В данный момент меня заботит лишь благополучие Артании. Полагаю, если я не дам умереть одному из ее лучших генералов, это будет достаточным... оправданием для нарушения некоторых моральных принципов.

Плачущий, это даже звучит непристойно!

Герцог запрокидывает голову на край бортика, и я замечаю, с каким трудом кадык еле-еле скользит под его кожей, когда он медленно и мучительно сглатывает.

— Вот уж не думал, что за удовольствие видеть вас обнаженной придется благодарить не собственное неотразимое обаяние, а вашу отчаянный патриотизм.

Он еще и шутит!

С досады что есть силы топаю ногой и это заставляет герцога снова поднять голову и остановить на мне взгляд.

— Должно быть Его Светлость на так уж плох, — прищуриваюсь, — раз даже на грани жизни и смерти изволит шутить, причем весь посредственно.

— Брось, Тиль, я видел, как ты улыбнулась.

— Еще одно слово... — Я стараюсь сделать паузу угрожающей и убедительной.

— Тьма во мне в состоянии залечить мои раны, но я должен сперва ее покормить, — уже серьезно и без тени издевки, говорит Нокс.

— Боюсь, что я не Охотник на демонов.

— К счастью, все гораздо проще. Уверяю, Тиль, я бы не позволил себе подвергать вашу жизнь опасности, даже если бы это стоило мне жизни.

Он говорит это так... убедительно и уверенно, что каким-то образом простые слова успокаивают мою внутреннюю злость.

— Проблема в том, что моя Тьма выбрала вас — вашу жизненную силу.

— Как прикажете это понимать? — Успеваю заметить его дернувшийся вверх правый уголок рта, выставляю вперед палец, грозя нахалу примерно так же, как нас поучала Наставница в монастыре. — Предупреждаю, герцог — если вы произнесете хоть одну сальную шуточку, я вас собственными руками утоплю.

— Ох, Тиль, эту бы страсть да в... — Он все-таки успеваю вовремя закрыть рот. — Хорошо, я попробую объяснить. Вспомните какой-нибудь момент, когда вы были отчаянно голодны. Когда ваш желудок настолько хотел пищи, что от болезненных спазмов ломило зубы. А теперь вспомните, что вам больше всего хотелось съесть в тот момент. И представьте, что кто-то очень участливый приносит вам именно это, самое желанное блюдо. Оно перед вами — доступное, аппетитное и целиком подходящее, чтобы убить любое чувство голода.

Мне легко все это представить, ведь что-то похожее я чувствовала совсем недавно, в темнице у герцогини Лу'На. Правда, в моменты особенно сильных приступов голода я мечтала о простой теплой каше и хлебе, а не об экзотических десертах.

— Для моей Тьмы, Тиль, ты — единственный десерт, который способен утолить ее голод.

— Но как-то же вы жили до моего появления в вашей жизни, Ваша Светлость. Откуда мне знать, что что это не просто какая-то уловка, чтобы получить желаемое. Я слышала, что благородные господа не слишком миндальничают с бедными девушками.

— Бездна, Тиль! Надеюсь, после того как спасете старого вояку, вы непременно расскажете, где и от кого услышали эту правду жизни. А теперь посмотрите на меня и прислушайтесь к своей интуиции — похож я на человека, который будет тратить последние минуты своей жизни на то, чтобы полюбоваться на голые девичьи ноги?

Я делаю еще шаг и смотрю на него с подчеркнутым недоверием.

Пятно крови стало еще больше и потемнело.

— По правде говоря, Нокс, когда речь заходит о вас, я предпочту не поверить вовсе, а потом узнать правду. Чем слепо довериться, чтобы потом оказаться одураченной. Но... я все же готова вам помочь. Однако! — Нарочно повышаю голос, чтобы не спешил радоваться. — Я не сделаю ничего непристойного, даже если это будет означать...

Нет, мне не хватит сил сказать настолько откровенную ложь.

Но по крайней мере если уж судьба сама подкидывает шанс — я должна им воспользоваться.

Медленно скидываю туфли и, немного поколебавшись, верхнюю кружевную пелерину, обнажая плечи. Подхожу к самому краю бассейна, сажусь на колени и мысленно прошу Плачущего отвести от меня свой суровый взор.

— Прежде чем я спасу вашу жизнь, Нокс, мы заключим сделку.

— Bravo, Тиль, — усмехается он, — всего сутки при дворе, а уже выучили самое главное здешнее правило — никогда и никому ничего не давать просто так. Я весь внимание, малышка, но лучше бы тебе поторопиться.

— Я хочу... — набираю в грудь побольше воздуха, — чтобы вы научили меня... всему.

— Всему? — переспрашивает герцог.

— Всему, что должна знать невеста короля, чтобы ее не разоблачили. Не хочется потерять голову из-за неправильной вилки или недостаточно глубокого реверанса.

Он снова прикрывает глаза, как будто даже собирается что-то сказать в ответ, но...

Его руки беспомощно сползают с краев бассейна и Рэйвен с головой уходит под воду.

Светлые боги!

Я буквально выпрыгиваю из проклятых, сковывающих движение юбок, и ныряю следом.

Глава двадцать девятая: Сиротка

Мне нужно всего пара взмахов руками, чтобы преодолеть расстояние до Рэйвена.

Сквозь красные разводы на поверхности, его лицо под водой кажется таким изможденным, что меня тут же жалит приступ злости на саму себя.

Я должна была ему поверить!

Просто поверить и взять честное слово, что он не станет делать о мной ничего... неподобающего. А вместо этого я еще и условия выдвинула!

Делаю глубокий вдох и ныряю за ним.

Подхватываю од подмышки, выталкивая наружу.

В воде его тело, конечно, потеряло большую часть своего веса, но мне все равно требуются все силы, чтобы поднять Нокса наружу.

Зато собственное тело почему-то невероятно тяжелое, и остаток сил я трачу на то, чтобы всплыть следом, стараясь придерживать Рэйвена около бортика бассейна.

Приходится энергично работать ногами.

По впалым щекам герцога стекают струйки воды, его длинные ресницы слиплись и превратились в мокрые колючки, придавая лицу какую-то особенную... красоту.

Я убираю с его лба темные пряди и осторожно похлопываю по щеке, чтобы привести в чувство.

Плачущий, это не работает!

Приходится ударить посильнее.

И еще раз, строго настрого запретив себе отчаиваться.

— Ну нет, Ваша Светлость, — ругаюсь и плачу одновременно, — даже не думайте, что вот так просто умрете, не выслушав прежде, насколько вы заноза у меня в...!

Его ресницы вздрагивают.

Глаза медленно и устало приоткрываются.

— Продолжайте, Тиль, я побуду живым еще немножко хотя бы из любопытства.

Как же он меня злит! Только что заливалась слезами, а теперь едва держусь, чтобы не... окунуть его башку как следует.

— Кстати, — он устало осматривает ту часть моего тела, которая находится над водой, — полагаю, нырять в воду в корсете было очень неразумно. Мокрый он весит как кузнечный молот.

— Я этого не знала, потому что корсеты в моей жизни появились всего пару недель назад, — ворчу в ответ.

— Охотно верю. Если вы повернётесь ко мне спиной — я помогу от него избавиться.

Я бы и рада отказать, но, боюсь, самой мне с этой пыточной штуковиной ни за что не справиться.

— А вы не уйдете снова под воду, Нокс?

— Поверьте — теперь нет.

Он улыбается и, хоть вода в бассейне достаточно горячая, я чувствую ледяной холод между лопатками.

Потому что его глаза становятся абсолютно черными, заполняя собой все видимое пространство за веками.

Я не знаю, что за трансформация с ним случилась, пока Нокс был под водой, но, кажется, он же не очень опасается снова получить по башке от моего браслета.

И, кстати.

До меня эта странность доходит только сейчас, когда обращаю внимание, что между мной и ни уже нет свободного пространства. И из воды я его тащила тоже не одними светлыми мыслями. В минуту опасности за его жизнь, мне и в голову не пришло подумать о том, что от нашего контакта может стать еще хуже.

Я думала только о том, что, если срочно ничего не сделаю — Рэйвен может умереть.

Это было почти так же, как в ту ночь, когда я не думала ни о чем, кроме необходимости оттащить его подальше от каменной плиты.

Но сегодня в моей голове мелькнула еще одна мысль.

Такая внезапная, что я слышу ее только сейчас — отдаленным глухим эхо, которое все переворачивает с ног на голову.

— Тиль? — У Нокса низкий тяжелый голос.

Плачущий, избавь меня от этого!

Я всеми силами выталкиваю глупости из своей головы, обещая себе больше никогда-никогда не думать ничего подобного. Потому что все это плохо кончится.

— Вы уверены, что можете дотрагиваться до меня без угрозы для жизни? — Мне уже не хочется с ним препираться. Пусть возьмет, что ему нужно и уйдет. — Я не готова снова нырять за вами од воду.

— Я уверен, малышка.

Очень медленно поворачиваюсь к нему спиной.

Вода плещется од грудью, когда Нос опускает руки и я чувствую, как он медленно тянет за шелковые ленты корсета.

— Что с вашими глазами, Нокс? — Нужно разговаривать. Нужно забивать чем-то эту слишком интимную тишину между нами, настолько обволакивающую, что в ней даже наши сердца стучат как нарочно в одинаковом ритме. — Это из-за... Тьмы?

Вместо этого он молча заводит вперед левую руку и уверенно кладет ее мне на живот.

Я вздрагиваю и от беспомощности забываю работать ногами, чтобы удержаться на поверхности воды. Но не ухожу под воду. Вместо этого Рэйвен уверенно притягивает меня к себе.

Прижимает — властно и сильно, как свою собственность.

Бесстыже.

Я даже пошевелиться боюсь, но оправдываю себя нежеланием накликать беду, если браслет решит, что ора прекращать эту странную... кормежку.

— Тиль, если я попрошу тебя заткнуться — ты будешь послушной девочкой? — очень хрипло говорит Рэйвен, и я чувствую его губы прямо у моего уха.

Хочу сказать, что это очень грубо, но почему-то не могу вымолвить ни слова.

Пальцами свободной руки он продолжает медленно приспускать шнуровку, пока, наконец, я не чувствую приятную свободу в груди. Герцог опускает корсет ниже по моему телу — до талии и по бедрам, где его пальцы почти невесомо касаются ямочки над бедром.

Я вздрагиваю и густо краснею.

На мне тонкие шелковые панталоны, но в воде они едва ли ощущаются сильным препятствием. И под корсетом точно такая же нижняя блузка на тонких бретелях.

— Ты очень вкусно пахнешь, малышка. — Шепот его дыхание скользит по моему плечу, поднимается вверх до того места, где к моей шее прилипли мокрые пряди. — Так оглушительно вкусно, что на свое счастье не можешь читать мысли, иначе бежала бы от меня о всех ног.

Что он несет?

Мне трудно соображать и еще труднее сосредоточиться на какой-то одной мысли.

Это не его голос.

Это как будто... что-то другое в его теле.

Значит, вот так выглядит поглощенная Тьма?

У меня начинает кружиться голова. Внезапно, потому что минуту назад я была готова бодрствовать всю ночь, если это было бы необходимо ради здоровья герцога. А сейчас меня как будто убаюкивает и укачивает, медленно погружает в тепло и негу, от которой веки стремительно тяжелеют и в ушах откуда-то появляется настойчивый щебет птиц.

Мне хорошо.

И стоило бояться? Мы просто рядом друг с другом — что в этом предосудительного?

Я втягиваю живот, когда Нокс медленно потирает большим пальцем ткань вокруг пупка.

Может, ничего страшного не случится, если совсем убрать одежду?

Это ведь так естественно — быть обнаженной перед тем, кого...

Меня все-таки тревожит настойчивый зуд капли разума, которая чудом уцелела в этой эйфории.

«Что-то не так!» — протестует она, и мне никак не удастся ее заглушить.

Что может быть не так, когда мы вдвоем? Мы созданы друг для друга.

«Почувствуй!» — продолжает сопротивляться внутренний голос, и я пытаюсь найти причину для беспокойства. Конечно, только чтобы его успокоить и отдаться своим чувствам.

Рука герцога у меня н животе.

Второй он придерживает меня за локоть, не давая погрузиться в воду.

Но... кто тогда гладит мое плечо?

Эта мысль действует как отрезвляющий осенний холодный дождь.

— Рэйвен, ты... — Мои губы немеют от недостатка сил.

— Моя маленькая сладкая монашенка, — его голос как будто сквозь эхо.

Нет, не его голос.

Его голоса.

Я дергаю рукой, пытаюсь освободиться, но вместо этого только сильнее запутываюсь в его объятиях.

— Даже не смей думать о побеге, монашка. — Резко, жестко, лишая остатков воли. — Ты сегодня главное блюдо на нашем столе.

Он сказал «нашем»?

Мне ведь не показалось?

Пытаюсь энергичнее работать ногами, но что-то мешает.

Опускаю взгляд и на этот раз не могу подавить крик, потому что там, через прозрачную толщу воды, хорошо видны темные вихри, опоясывающие мои ноги словно неразрывные цепи.

— Отпусти меня... пожалуйста, — кое-как нахожу силы на униженную мольбу о помощи. — Ты обещал, что никогда не причинишь мне вред.

— Мы ничего не обещали, — мурлыкают голоса. — Мы так давно не находили ничего настолько вкусного...

— Рэйвен, ты... обещал. Пожалуйста. Ты ведь не мог совсем исчезнуть.

И именно эта мысль причиняет невыносимую боль.

Я не могу представить свой мир, в котором его не будет.

Не могу и не хочу.

— Ты зря беспокоишься о своем Инквизиторе, малышка — он крепко спит.

Инквизиторе?

Глаза снова начинают слипаться.

Может быть, на этот раз я уйду в сон и останусь там навсегда? Там мой Рэйвен жив.

Почему меня не тревожит что он «инквизитор»?

Он ведь охотится на таких, как я — непонятных, со странными символами Хаоса на коже.

Что такое *ga'an'ern*?

Почему я так его назвала?

— Ты... ты?! — шепот переходит на громкий оглушающий визг и в ту минуту, когда я чувствую уже знакомую ударную волну защиты браслета, мое тело камнем уходит под воду с головой, полностью лишённое опоры и поддержки.

Глава тридцатая: Герцог

Я все-таки потерял контроль.

Проклятье!

О том, что это произошло, не трудно догадаться по тому, что мы с Тиль одновременно выныривает из-под воды, но на противоположных концах бассейна. И вид у нее такой, будто она как раз придумывает самый мучительный способ меня убить.

Вероятно, я заслужил.

Потому что последнее мое воспоминание — оно еще до того, как малышка нырнула в воду.

Потом лишь обрывки воспоминаний в рассеянном тумане других образов — похотливых и кровавых, с привкусом крови и пепла.

Повозкой «моего сознания» снова управляли демоны и этих ребят, судя по всему, очень заносило на поворотах.

— Вы же мне обещали! — кричит Тиль, сплевывая воду, и стыдливо прикрывая одной рукой прилипшую к груди шелковую нижнюю сорочку и тонких бретелях.

У нее настолько ослепительно белые плечи и невинные крохотные веснушки на ключицах, что я, рыкнув на самого себя, поворачиваюсь спиной. До боли цепляюсь пальцами в края бассейна.

— Тиль... — Бездна все подери, впервые в жизни я не знаю, что сказать, потому что правда обещал. — Мне правда жаль, Тиль. Я думал, что... сильнее.

— Вы думали! И пока вы думали, ваша самонадеянность чуть не стоила мне чести! И жизни!

Я буквально силой удерживаю себя от желания чуть-чуть повернуть голову, чтобы хоть одним глазом полюбоваться на нее в ярости. У нее так премоило розовеют щеки и раздувается нос!

А между тем, до меня с опозданием доходит, что я уже не чувствую боли в груди, и как минимум не истекаю кровью. На восстановление еще потребуется время, но сегодня я точно не умру, если только моя малышка не приложит к этому руку.

— Благодаря вам, Тиль, я жив, — говорю смиренно и тихо. И горло режет непривычными интонациями. — Вероятно, мне следует благодарить богов за вашу отвагу и доброе сердце.

— Вероятно, вам следует запихнуть ваш лживый язык в вашу лживую задницу и убратся, пока кому не пришло в голову проверить причину грохота в спальне королевской невесты!

— Да ради богов, Матильда, я же первый раз в жизни извиняюсь! — С досады так сильно сжимаю пальцы, что трескаются красивые керамические плитки. — Могла бы проявить милосердие, ты все-таки монахиня!

Я чувствую, как она бьет кулаком по воде, посылая в мою спину настоящей маленький шторм.

— Минуту назад, Ваша Светлость, вы думали отнюдь не милосердии!

— Это бы не я, Тиль. — Похоже, я сделал все, чтобы окончательно лишиться ее доверия.

— Мне все равно, Нокс. Я еще раз настойчиво прошу вас уйти. И... больше не появляться мне на глаза. Считайте, что я выполнил свой долг Короне и вы ничего мне не должны.

Я подтягиваюсь на руках, медленно поднимаюсь из воды, стряхивая влагу с волос.

— Боюсь, Тиль, чтобы стать полноценной невестой Эвина, вам придется еще какое-то время потерпеть мое мерзкое общество.

— Я не собираюсь становиться его невестой на всю жизнь!

— Но вам придется!

Я все-таки оборачиваюсь и срываю с себя противные мокрые бинты. Шрамы на коже просто отвратительные, хоть их определенно пытались тщательно сшить. Это не brutальные отметины от меча, которые придают мужчине шарм отваги и смелости, а заодно раздвигают даже самые стыдливые женские ноги. Это рваные следы от когтей Беала — глубокие и косые.

Но, несмотря на это, Тиль смотрит на меня в упор.

Без отвращения и даже не падает в обморок.

Возможно, я льщу себя надеждой, но в ее зеленых глазах... желание прикоснуться?

Нужно вернуть мысли в прежнее русло, потому что голова демонов во мне еще слишком слышны, а мысли о мокрой монашке и о том, что ее одежда настолько просвечивает, что я могу видеть оттенки ее груди, определенно не способствуют успокоению.

— Тебе придется стать герцогиней Лу'На, Тиль. Заменить ее собой, раз уж какой-то непонятной воле богов было угодно сделать вас настолько... похожими. Это лучший выбор для всех — Эвин получит добрую и отважную жену, богатые земли, древесину для воздушных кораблей и золотые рудники. А ты... больше никогда не будешь голодать.

Только после того, как слышу этот собственный монолог, до меня вдруг доходит, что *я собираюсь сделать на самом деле.*

Я должен отдать ее Эвину.

Отдать мою малышку с ее скромные колени и стыдливые веснушки другому мужчине.

Своему лучшему и, вполне возможно, единственному другу.

И провести остаток дней, выкрикивая «Свет храни королеву!», глядя на то, как она будет целовать Эвина, сидеть рядом с ним на балах и приемах, и рожать ему наследников.

Ему.

Не мне.

Эта мысль ложится на плечи непосильной ношей.

Кажется, я даже немного сутулюсь под ее весом.

— Вот, значит, какой у вас план, Нокс, — тихо, с отраженным от воды эхом, размышляет Тиль. — Очень... по государственному.

Ей удастся найти то самое слово, которое звучит хорошим оправданием моей глупости.

Или трусости — размышлять об этом можно долго.

— Это самый правильный выход, Тиль.

— Только вы забыли о еще одном участнике вашего грандиозного плана, Нокс. Отвернитесь, мне нужно переодеться.

Я снова поворачиваюсь спиной. Это приносит пусть небольшое, но облегчение — пока я ее не вижу, желание обладать еще можно контролировать.

Плеск воды, легкие мокрые шаги, шорох одежды.

— Вы можете повернуться, герцог.

На ней одна из тех теплых накидок, которые я видел на лежанке в углу.

Только благородные дамы заворачивают в них лишь плечи, а Тиль спряталась вся, до самого кончика носа.

И моргает часто-часто, обжигая зеленью взгляда.

Хаос, я не знаю, смогу ли...

— Какую роль в ваших государственных планах, герцог, вы отводите настоящей герцогине? — У нее сухой тон без намека на эмоции.

— Тебя это не должно заботить.

— Ваша Светлость, коль скоро я, благодаря вашим усилиям, стану королевой Артании, потрудитесь изжить фамильярности и более мне не «тыкать».

Если бы словами можно было бы высушивать воду, то одной этой фразы хватило бы, чтобы превратить Ледяной океан в мертвую пустыню.

— И я настаиваю — ваши планы, герцог. Или катитесь вместе с вашими демонами... прямо в Бездну!

«Боюсь, меня там не встретят с гостеприимными пирогами», — мысленно отвечаю ей.

— Тиль, я думаю, вы уже достаточно... гммм... взаимодействовали с герцогиней, чтобы понимать, насколько она опасна и кровожадна. Уверяю, в ее планы не входит и никогда не входило оставить вас в живых после того, как вы сыграли свою роль. Так что...

Развожу руками.

Все же понятно, или я должен озвучить конкретный способ? Ничего оригинального. До недавнего времени я бы за все золото мира не отказался от удовольствия перерезать ей глотку собственными руками, но теперь даже не хочу знать, как это случится. У меня есть Зрячие — кто-то из этих ребят выполнит работу быстро, бесшумно и аккуратно.

— Она приходила в Черный сад, — сквозь свои размышления, слышу новое откровение Тиль. — К Эвину. Вероятно, у них было достаточное теплое общение, раз после него он решил и тянуть с объявлением помолвки и надел на меня вот это.

Она накрывает браслет ладонью.

— Это все? — Я абсолютно не удивлен.

— А это мало? Лу'На не делилась со мной этими своими планами, и ей, похоже, плевать, что меня могли разоблачить.

— Это очень в духе ее гнилого папаши — никогда и никого не посвящать в свои планы, даже самых близких приспешников, потому что на самом деле он всегда думал лишь о собственной выгоде, заранее зная, что все его союзники так или иначе потеряют головы. Но, полагаю, — указываю взглядом на подарок Эвина у нее на запястье, — это в ее планы точно не входило, потому что теперь она вряд ли сможет прикинуться вами без страха разоблачения. А если бы она не боялась признать вас обманщицей, то и действовала бы в открытую. По какой-то причине, Тиль, вы ей все еще нужны.

— Она попросила короля сделать баронессу Примэль Ла-Форт моей Первой фрейлиной.

— Эту дурочку? — Что за нелепица?

— Эта, как вы изволили выразиться, «дурочка», ее сообщница.

Признаться, эта новость впечатляет меня куда сильнее, чем шастанья Лу'На в спальню Эвина.

Но сейчас я слишком ничего не соображаю, чтобы разбираться с этим ребусом.

А тут есть над чем поломать голову.

— Тиль, вы обязательно расскажете, откуда у вас эти сведения, но завтра. Если я не добреду до кровати в самое ближайшее время, то рискую уснуть на полу.

— Я с превеликим удовольствием избавлюсь от вашего общества, герцог, но сначала вы пообещаете мне не лишать герцогиню жизни.

— Она бы не была такой великодушной в отношении вас.

— Мне все равно, Нокс, но ее крови на наших руках не будет. Вы же умный, придумайте какой-нибудь милосердный способ.

Я бы сказал, что такого способа не существует, и что все люди, кто рассуждал так же, как моя малышка, безвременно скончались от руки тех, кого сами же недавно и помиловали. Но на сегодня бедняжке уже хватит суровой правды жизни. Кроме того... что мне мешает соврать? В этом я достиг совершенства, даже полудохлый.

— И вы предоставите мне доказательства, что с герцогиней все в порядке, — словно слышит мои мысли.

— Вы умеете быть поразительно настойчивой. Жаль, что абсолютно не там, где нужно, и себе во вред.

— Я жду ваше обещание, Нокс.

— Обещаю, что от моей руки она не умрет. Прикладываю ладонь к груди, как когда давал воинские клятвы — никаких других доказательств на ум не приходит.

— И не отдадите такого приказа, — требует она.

— Без ножа меня режете! — делано возмущаюсь, но под строгим взглядом приходится пообещать и эту нелепость.

Тиль с облегчением выдыхает и тут нервно тычет пальцем в сторону выхода из купальни.

— А теперь убирайтесь — видеть вас не могу!

Я безропотно ухожу, можно сказать, поджав хвост.

Хороша малышка, просто до зубной боли хороша... для меня.

Проклятье, я должен выкорчевать эти мысли из своей головы. Ее замечание о моем беспрестанном «тыканье» абсолютно благоразумно.

Слишком благоразумно, отчего моя собственная неосторожность выглядит до смешного неосторожной.

Наверное, придется вытерпеть насмешки и издевательства Сайфера, чтобы заполучить у него пару глотков Забвения.

Иначе однажды я могу просто не выдержать и забыть о клятве, которую когда-то дал Эвину — всегда стоять на страже его интересов.

И, Хаос все задери, надеюсь, пока мои демоны пытались высосать из Тиль всю душу, она не думала ни о чем... таком? Ведь то, что знает одно порождение Хаоса — знает весь их Рой.

Глава тридцать первая: Сиротка

— Мне решительно не нравится ваш бледный вид. Вам нездоровится?

Я не сразу понимаю, что Его Величество обращается ко мне, хоть это и странно, потому что в беседке королевского сада, кроме нас больше никого нет. Даже слуги растворились где-то в густых зеленых зарослях, как будто их никогда и не было. Уверена, что стоит Эвину лишь щелкнуть пальцами — и тут же появится сразу парочка.

— Я все еще плохо сплю, Ваше Величество, — говорю почти правду, потому что боль в ноге продолжает меня мучить, и почему-то именно ночью приступы становятся сильнее всего. И пусть причина сегодняшнего моего недосыпа совсем не в этом, я говорю королю то, что должна. Не ради спасения своей жизни или души.

Ради того, чтобы сохранить жизнь Рэйвена.

Даже отголосок его имени в моей голове заставляет сглотнуть ком в горле.

Вчера он говорил так убедительно, холодно и расчетливо, что всю ночь я действительно не могла сомкнуть глаз.

Не от физической боли.

Болела душа. И по сравнению. Этой пыткой физическая боль ощущалась не сильнее комариного укуса.

Ненавижу себя за то, что так наивно развесила уши.

Придумала себе что-то... невероятное.

А на самом деле все это время я была лишь неплохим вариантом на роль «лояльной и удобной королевы».

Глупая, глупая Матильда.

С самого начала все это было просто...

— Я пригласил во дворец трех лучших портных Артании, — снова слышу голос короля и на этот раз даю себе обещание больше не думать о герцоге ни секунды. Ни половины секунды. И даже четверти! — Хочу, чтобы вы выбрали лучшего, кто удостоится чести сшить вам свадебное платье. Хотя, если вас интересует мое мнение, я бы рекомендовал мастер Де’Ги.

— Может, мастер Соул? — несмело предлагаю я, все еще прекрасно помня то великолепное платье, в котором впервые танцевала с Рэйвенном.

Плачущий, да что же это такое!

Пусть этот проклятый мужчина исчезнет, наконец, из моей головы!

— Этот химер? — Эвин выглядит искренне удивленным, даже скорее обескураженным.

— Мне нравится... — Пытаюсь придумать подходящую отговорку. — Его полет фантазии.

— Уж в чём-чём, а в полетах этот тип точно знает толк.

Возможно, это лишь плод моего воображения, но Эвин не в восторге от моей идеи, хоть и утверждает ее одним лаконичным кивком.

— Кстати, Матильда. — Он лично подливает в мой кубок с меру сладкий лимонад. — Я как раз хотел спросить, как вы уговорили этого прохвоста помочь вам с нарядом для бала? Сайфер уже много лет не шьет ничего на заказ. И, прошу простить меня за то, что вынужден задеть эту неприятную тему, но вряд ли он стал бы шить что-то для... вас. Только если выгода была слишком велика и привлекательна, чтобы от нее отказаться.

Я слишком быстро хватаюсь за кубок и делаю судорожный глоток, пытаюсь выиграть время.

Плачущий, умоляю, когда мне в следующий раз захочется открыть рот с каким-то дурацким предложением, лучше сразу сделай меня немой!

— Полагаю, ему... — Мой голос звучит так, будто язык распух и перестал помещаться во рту.

Что такого могла посулить химеру герцогиня Лу’На, чтобы он согласился помочь дочери предателя короны? Точно не деньги — их у него и так в избытке. И вряд ли какие-то иные ресурсы.

— Он... — Набираю в легкие побольше воздуха. — Я...

— ... пообещали быть вдохновительницей его новой картины? —
вклинивается в наш разговор знакомый голос Нокса, и я снова
«прикладываюсь» к кубку.

Кажется, он только что меня спас?

Киваю, как болванчик, когда Эвин переводит на меня
вопросительный взгляд.

— Простите, что без доклада, Ваше Величество. — Рэйвен
склоняет голову, но лишь немного, явно не так, как это положено
дворцовым этикетом. — Есть некоторые новости, которые требуют
вашего скорейшего внимания.

Они пересматриваются, и король со вздохом поднимается из-за
стола.

Наклоняется ко мне, уверенно сжимает мои пальцы своей
ладонью.

— Прошу меня простить, Матильда, но этот чурбан вряд ли даст
мне насладиться вашим прекрасным обществом, пока я не уделю ему
несколько минут внимания.

Я нарочно избегаю смотреть на Нокса.

— Могу я вернуться в свою комнату, Ваше Величество? Я бы
хотела прилечь.

Эвин снова окидывает меня обеспокоенным взглядом и говорит,
обращаясь к стоящему за его плечом герцогу:

— Нокс, доверяю тебе самое дорогое, что у меня есть. Проследи,
чтобы моя невеста не упала в обморок и благополучно добралась до
своих покоев — мне категорически не нравится ее нездоровый вид. А
потом я жду тебя в Малом военном зале.

Я открываю рот, чтобы высказаться против такой компании, но
Рэйвен лихо заходи мне за спину и уже оттуда обещает Эвину, что пока
я под охраной его пристального ока, ни один волос не упадет с моей
головы.

Мы идем вниз по дорожке, которая как-то немилосердно виляет
между красиво оформленными клумбами и островками цветущих
вишен.

— Наверное, мне следует поблагодарить вас за своевременную
помощь, Ваша Светлость, — говорю достаточно тихо, чтобы нас не
услышали посторонние уши, но Нокс не пропустил ни слова.

— Должен же я хоть как-то вернуть вам оказанную вчера услугу. Хотя, это ничто по сравнению с тем, что вы спасли мне жизнь.

— Случилось что-то плохое? — рискую нарушить вновь возникшее молчание.

— Боюсь, Тиль, я не могу обсуждать государственные дела даже с вами.

Мы снова молчим.

Проходим через высокие резные ворота и поднимаемся по крутым ступенькам.

У меня действительно нет сил после вчерашнего «купания». Чувствую себя так, словно та тьма... высосала из меня пару лет жизни.

Солнце палит невероятно.

И когда я, все-таки, спотыкаюсь, только вовремя подставленная рука Рэйвена, не дает мне упасть и позорно скатиться вниз.

Его рука в перчатке, как обычно, но даже так я чувствую его прохладную загрубевшую кожу.

— Тиль, я буду ждать вас после полуночи около малой библиотеки, — уверенной скороговоркой шепчет Нокс. — Просто будьте там, а если вас кто-то увидит, скажите, что вам не спится без хорошей книги на ночь.

— Вы совсем из ума выжили? — Мое возмущение получается каким-то вялым. Это все из-за слабости и шума в голове.

— Нет, я лишь выполняю свое обещание, черт бы вас побрал с вашими женскими... поспешными выводами. — Последние слова он буквально цедит сквозь зубы.

До моей комнаты доходим в какой-то нервной тишине, под еле слышный шаг моих дрожащих ног и тяжелую поступь герцога. Мне так о многом хочется его спросить, но каждый раз, когда почти отваживаюсь на это, в голове мелькает мысль о вчерашней ночи в ванной и... я останавливаюсь. Не хочу даже спрашивать, что это был за туман и почему герцог говорил со мной так, будто его там, внутри, было много.

— Могу я кое-что у вас спросить, Ваша Светлость? — все-таки задаю вопрос, хоть и не из длинного списка тех, которые все утро прокручивала в голове.

Он останавливает шаг ровно так, где стражники у двери не смогут слышать суть нашего разговора, если только мы снова не начнем орать

друг на друга.

— *Я весь в вашем распоряжении, герцогиня, — со степенным поклоном и таким же выражением лица, говорит Нокс.*

«Уверена, что ты хочешь задать этот вопрос инквизитору?!» — с опаской переспрашивает внутренний голос.

Совсем не уверена.

Но, может, это что-то важное? Какое-то послание богов? Озарение?

Я читала в книгах о бытие послушниц Плачущего, и случаи, когда у них случались божественные озарения, были не редки.

— Что такое *ga'an'ern*? — Мне не нравится, как это слово липнет к моему языку.

Произношу его впервые, но оно как будто очень знакомо.

Как и все те слова, когда я каким-то образом смогла убить Беала.

Это словно вдруг узнать, что говоришь на языке, о котором даже не знаешь, как он называется.

— Что вы сказали? — Лицо Нокса меняется, как будто я произнесла что-то очень ужасное.

Ох, Плачущий, ну почему ты меня не остановил?!

— Я... не знаю, — испуганно мямлю в ответ. — Кажется, я просто где-то его... случайно услышала и...

— Не ври мне, Тиль, — он переходит на едва слышный, но убийственно злой шепот. Сжимает кулаки. Если бы не охрана у двери — уже бы и душу из меня вытряс. — Откуда ты знаешь это слово?

Я отступаю назад, стоит ему просто качнуться в мою сторону.

Мне вдруг становится очень страшно, потому что в глазах Нокса снова появляется тот недобрый огонек, который я уже видела в тот вечер в его комнате, когда он еще думал, что я — настоящая герцогиня, и во всех красках расписывал, с каким наслаждением свернул бы мне шею.

Кажется, в эту минуту он думает примерно о том же.

Только это же я — настоящая, и мой отец не стегал его спину кнутом, потому что у меня вообще нет отца!

— Прошу прощения, что потревожила вас такими глупостями, милорд Нокс, — говорю достаточно громко, чтобы все вокруг — даже пыль между каменной кладкой — слышала, что разговор закончен. — Извините, что оторвала от государственных забот.

Нокс не спешит уходить.

Так и стоит в коридоре, и даже когда прячусь в комнате, все равно не сразу слышу его тяжелую поступь. Но зато даже через дверь чувствую прожигающий насквозь взгляд.

Я только то снова подписалась под какой-то небесной карой?

Глава тридцать вторая: Герцог

Когда я разоблачил обман Тиль — я чувствовал себя, мягко говоря, немного идиотом, потому что не заметить очевидные факты, казалось, было просто невозможно. Но я по какой-то причине недостаточно старался.

Но сегодняшняя ее «выходка» повергает меня в настоящий приступ бешенства.

На самого себя.

Потому что это нова похоже на тот же ребус, который я упорно отказываюсь разглядывать.

— Что с тобой? — слышу голос Эвина, и очень плохо делаю вид, что увлекся разложенными на столе картами.

В Малом военном зале до ужаса сыро — у меня, как у всякого старого пса, ломит кости.

Но это ничто в сравнении с зудящим в башке проклятым словом.

Ga'an'ern. Пожиратель Тьмы.

Так меня называла Л'лалиэль.

Это поганое слово не мог знать никто, Хаос все подери, потому что кроме нее, Эвина и Дарека Скай-Ринга о моем «преображении» больше никто не знал!

А Л'лалиэль называла с убийственным отвращением, потому что считала это лицемерием.

И, в общем, была абсолютно права.

И вот теперь это слово произносит обычная монашенка из храма Плачущего!

— Это Виктум, — пытаюсь переключиться на разговор с Эвином, потому что он не менее важен, чем еще один непонятный осколок в мозаике, которую я никак не мог сложить.

Эвин трясет пробирку с песком, который я притащил из пустоши.

Алхимики уже с ним поработали, и моя догадка оказалась верна.

— Он там везде, по всему периметру Печати. Не знаю, каким образом Воздушным Лордам это удалось, но это они нарушили целостность Печати.

Эвин тяжело вздыхает и так сильно сжимает в ладони пробирку, что тонкое стекло моментально идет трещинами и лопается, впиваясь ему в кожу. Он только брезгливо стряхивает осколки на пол и наспех перевязывает рану носовым платком.

— Я трачу государственную казну на новое вооружение, на разведку, на новые войска, но эти поганые... все равно шастают у меня под носом, как у себя дома! — Эвин припечатывает стол кулаком, и на пергаменте с выводами алхимиков о содержимом песка, остается красный след. — Они не могут выиграть в открытом противостоянии и не придумали ничего лучше, чем разорвать Артанию изнутри.

Мне тяжело сосредоточиться на этой задаче, потому что мысли то и дело перепрыгивают на образ Тиль и вопрос.

Символы Бездны на ее руке в ту ночь, когда она пыталась прогнать Призраков.

Я видел их собственными глазами.

И совсем недавно, похожие.

На теле Владычицы.

Что он тогда орала мне вслед?

«Что ты видел?» «Где она?»

— Проклятье, Рэйв, я еще и тебя должен погонять?!

Только в последний момент успеваю убрать голову с пути полета тяжелого серебряного кубка. Он падает где-то сзади и несколько напряженных мгновений качается по полу с печальным звоном.

Я снова пропустил слова Эвина.

— Прости, — говорит он, и устало падает в кресло, как подкошенное молнией дерево. — Не думал, что мне когда-нибудь снова придется пережить... все это.

Мы обмениваемся понимающими взглядами.

Воевать с Лордами Летающих островов — сложно, но можно.

Воевать с Лордами и Бездной — нереально.

Мы оба это знаем.

Должен ли я рассказать ему про Тиль?

Это, вероятно, будет еще хуже, чем признаться, что она — самозванка.

Потому что, если все эти звоночки верны...

Я потираю переносицу, поднимаюсь. Стребаю со стола все пергаменты и с молчаливого согласия Эвина бросаю их в камин. Огонь с наслаждением набрасывается на сухие листы и через пару минут от секретных донесений остаются лишь жалкие кучки пепла.

— Иногда я думаю, что мне не следовало поступать так, как я поступил, — слышу раздосадованный голос Эвина. — Может, было бы лучше остаться просто...

— Не произноси это вслух, — предупреждаю я.

В некоторых вопросах я не доверяю никому — даже себе.

— Нужно запечатать Бездну, Эвин. Пока это еще возможно. Трещина растет с каждым днем, кто знает, что из нее вылезает прямо сейчас, и что может вылезти завтра. Или послезавтра.

— А мой верный Инквизитор не всегда сможет защитить людей от Беала. Даже ценой собственной жизни. Я, кажется, так толком и не поблагодарил тебя за то, что разделался с этой тварью.

Хорошо, что стою к нему спиной, и Эвин не может видеть мое лицо.

Черт!

Проклятье!

Я ведь был уверен, что Беала прикончили кислотные снаряды.

А «оказывается», его смерть — моих рук дело.

Но если его прикончил не Эвин и не я, то...

— Мне нужно твое разрешение на посещение Хроноса, — произношу сквозь зубы.

— Зачем? Хочешь пожаловаться самому старому Скай-Рингу, что его предок зря переводит свою великую кровь?

— Типа того, — пытаюсь поддержать его попытку иронизировать над собственной беспомощностью. — Скажу ему, что пора вылежать из задницы мироздания и наводить порядки в Артании, а то его внук как раз собрался строгать наследников.

Эвин смеется — не очень весело, но все же.

— Хорошо, я выпишу тебе разрешение. Только имей ввиду — этот старик не любит, когда его беспокоят. В последний раз, когда его будил Дарек, все закончилось крепкой взбучкой королевской задницы.

Я все помню.

И именно поэтому хочу пойти к Хронисту.

Дарек Скай-Ринг лишь дважды ходил за советом к своему предку — такому старому, что он видел, как зарождались Тьма и Свет, как Хаос создал Бездну и как Бездна решила пожрать все живое.

Первый раз Дарек ходил к Хронисту незадолго до того, как украл из Бездны Л'лалиэль

А второй... перед тем, как его единственная законная жена родила ему единственного законного наследника престола.

Точнее, если моя догадка верна, наследницу.

Глава тридцать третья: Герцог

В Артании есть место, неотмеченное на карте.

Большая равнина, усыпанная острыми, как бритвы, красными кристаллами Игниса.

Когда-то, если верить легендам. Именно здесь произошла последняя решающая битва между Тьмой и Светом, и эти огромные каменные глыбы — кровь и плоть богов.

Я не люблю здесь бывать, потому что в этом месте энергия смерти сильна как нигде.

Кажется, даже Бездна так не высасывает душу, как здешняя пустота.

Здесь мертво абсолютно все.

Кроме Хроноса.

Хотя, вряд ли можно назвать живым то, что давным-давно заостенело, потеряло душу и состоит из одних лишь воспоминаний. И знаний, большая часть которых не предназначена для ушей простых смертных.

По своей воле я бы ни за что не приперся к этой сущности, но я должен получить ответы, которые есть только у него. И пока что мне нечего предложить ему взамен, а Хронос не любит расставаться со своими секретами просто так.

Когда воздух становится слишком раскаленным, а каждый шаг дается с таким трудом, будто мне приходится отрывать от земли приколоченную гвоздем ногу, я замечаю впереди большой холм. Единственный здесь, на котором есть некое подобие растительности. Хотя, если мои догадки верны, эти раскидистые красные ветки — совсем не то, чем пытаются казаться.

И чем ближе я подхожу, тем больше убеждаюсь, что оказываюсь прав.

Вся эта огромная насыпь, увитая искривленными кристаллами Игниса — это и есть Хронос.

Торчит в земле, словно гигантская ядовитая грибница, распуская вокруг себя приманку — собственную кровь и плоть — ороговелую, но по-прежнему живую. И то, что когда-то было головой, теперь поросло такими же наростами, на конце каждого из которых торчит раскидистая ветвь капилляров и сосудов. Наверное, если бы здесь летали птицы, лучшей приманки и придумать было бы нельзя.

Но единственная добыча, которая пришла к нему в руки — только я.

И делаю это по собственной воле.

— Я уже начал думать, что это никогда не случится, — слышу голос в своей голове, и почти физически ощущаю, как тонкие иглы чужого разума проникают в мое нутро.

Я могу этом сопротивляться, но позволяю Хроносу взять свою кровавую плату.

Он должен получить свою «дань», чтобы утолить голод и стать добрее.

По крайней мере, я очень на это рассчитываю.

— Ты сам? — насыпь слегка колышется, как будто под несуществующим ветром.

— У твоего внука полный рот государственных забот, Хронос. Но он передавал привет.

Вздох в моей голове — тяжелый и подчеркнуто ироничный.

Он, конечно, ни слову не поверил.

— Не называй его так, — Хронос снова раскачивается, и бурая пыль медленно опадает к подножию его основания, больше похожая на проклятый снег. — Хотя в нем есть кровь Скай-Рингов. Старая, уничтоженная ветвь.

Я стискиваю зубы.

— Дарек надеялся обмануть богов? — Хронос посмеивается в точности как гадкий старикашка. Все-таки, человечность в нем проступает даже сейчас, когда практически утерян человеческий облик. — У него ничего не получилось и поэтому ты здесь.

Он утверждает — мои ответы не нужны, потому что каждая игла его сознания уже проникла ко мне в душу и нашла там все, что искала.

Все мои тайны.

Даже те, от которых очертя голову убегаю я сам.

— Зачем Дарек приходил к тебе? — задаю свой первый вопрос. — Зачем ему была нужна Л'лалиэль?

— Кровь, Инквизитор. Все дело в силе крови.

Я пытаюсь вытолкнуть его сознание из той части своей души, в которой ношу образ одной упрямой девчонки с целой кучей секретов.

— Аааа... — тянет Хронос. — Интересно, интересно... Дарек думал, что может переиграть свою судьбу, а на самом деле она просто сыграла им как пешкой. То, что должно было дать ему силу и власть, свело его в могилу.

Хронос хихикает и кристаллы Игниса покрываются паутинами трещин, выпуская наружу столбики огня и ручейки лавы.

— Л'лалиэль... — Скай-Ринг смакует ее имя, словно десерт.

Для меня всегда было загадкой, почему у порождения бездны оказалось такое красивое, почти музыкальное имя.

— Родила... маленькую красивую девочку...

Я до боли стискиваю челюсти.

Хватит.

Нужно уходить.

Я услышал, что хотел, я знаю ответ на вопрос.

— Кто бы мог подумать, что Инквизитор и Палач самозванца окажется таким слабым, — прищелкивает языком Хронос и невидимая сила тащит меня вверх.

Я пытаюсь освободиться из прочных пут, но они обвивают мои ноги толстыми канатами подтаскивая к самому «лицу» Хроноса — тому, что похоже на гладкий каменный шар с выщерблинами вместо носа и глаз.

— Я не закончил, Инквизитор.

Не хочу слушать, но бессилён заткнуть ему рот.

Даже если бы он у него был.

— Первый Владыка Бездны принес в жертву свою дочь, чтобы прорвать Саван — У меня проклятые иглы под кожей от бесплотного ледяного прикосновения к самому моему нутру. — Тьма всегда знала,

что надо пожертвовать самым дорогим, чтобы получить Абсолютную власть. Знала — и делала.

«Заткнись...» — отвечаю мысленно, потому что вся история, которую я знал, вдруг разбивается на осколки, из которых обирается совсем другая картина.

— Дарек украл древний ритуал.

Эту историю знают все.

Но... Дарек украл Л'лалиэль.

И она родила ему дочь.

Я жмурюсь изо всех сил, запрещая правде проникать в мою голову.

Старик-гора снова гаденько хихикает и отпускает меня, словно муху, к которой потерял всякий интерес. Я падаю на землю с такой высоты, что трещат кости и боль в колене мешает подняться на ноги.

Беспомощно загребаю руками пепел и обломки Игниса, которые здесь повсюду.

Они врезаются мне под ногти, лишь немного отрезвляя.

На самом деле Дарек хотел получить Абсолютную власть.

И для этого ему была нужна Л'лалиэль.

Нет, не она — их ребенок.

И когда Л'лалиэль поняла, что он задумал, она, как всякая любящая мать, защитила свое дитя, ценой собственной жизни.

— Бездна заберет ее, свою законную кровь. — От его громогласного шепота я уже почти глухну. — И либо ты вырвешь свое Сердце, Инквизитор, и спасешь мир живых, либо твое Сердце возглавит армию Хаоса, потому что она — ее законная наследница.

Она.

Моя маленькая Тиль.

Наследница Бездны.

Глава тридцать четвертая: Сиротка

Остаток дня и до полуночи, я едва ли нахожу себе место.

Пытаюсь читать, пытаюсь заниматься шитьем и даже изучаю толстый учебник по диким растениям Западных лугов Артании, но в моей голове абсолютно ничего не задерживается, потому что каждая моя мысль занята тем проклятым словом и реакцией герцога на него.

Я не должна была спрашивать!

Я ведь чувствовала. Что-то внутри нашептывало, что нужно держать при себе все эти странности, потому что болтовня о них точно не доведет до добра. Но... наверно, я просто зря поверила, что Нокс на моей стороне. Он ведь не просто лучший друг короля, его Правая рука и верный Палач.

Он — Инквизитор.

А я, кажется, каким-то образом глубоко испорчена Хаосом изнутри, и ничего не могу с этим поделать.

Когда большие часы на главной башне отсчитываю двенадцать ударов полночи, я накидываю на плечи теплую пелерину и, стараясь не выглядеть шпионкой, потихоньку спускаюсь сразу на несколько этажей вниз, нарочно избегая автоматического подъемника — мне не по себе от одних только звуков, которые издает эта штука.

Все время оглядываюсь, потому что не покидает ощущение крадущейся следом тени.

Но сколько бы раз я не смотрела назад — никого нет. Даже огненные шары в скорлупе кристальных светильников едва ли шевелятся, нет ни шороха, ни звука, ни намека на то, что мои подозрения обоснованы.

Это просто паника и страх.

Эдак я скоро начну бояться собственных мыслей.

До библиотеки добираюсь без приключений, останавливаюсь немного в стороне и как раз собираюсь осмотреться, когда из-за квадратной колонны справа появляется знакомая высокая фигура Нокса.

— Я здесь, — говорит он. — Иди за мной.

Мой утвердительный кивок вряд ли видит, потому что почти сразу отворачивается и шагает дальше, вглубь коридора.

Так... сухо. Официально. Царапающе скуп на эмоции, как к служанке, которая не заслуживает ни толики его внимания.

В глубине души я понимаю, что это предосторожности — здесь, в замке, нас могут подслушать даже пауки в щелях, и нужно быть очень осторожными. Но разве нельзя было хотя бы посмотреть на меня как на человека?

Или все дело в том проклятом слове?

Ох, Плачущий, если ты желал мне другой судьбы и долгой жизни, отчего не сделал немой?

Герцог внезапно сворачивает вправо, за двухметровую статую какой-то нимфы, и за ней оказывается узкий проход, по которому мы переходим в заброшенную комнату. Свет здесь только от одного источника — шарика света, который Нокс замещает на подставке на одном из припыленных столов. Здесь повсюду старая мебель, шкафы, перетянутые паутиной, бутафорские доспехи. Похоже, что именно это место используют под слад всего того, что давно пора выбросить.

А еще здесь жутко холодно и сыро, и моя пелерина совсем не спасет от сквозняков.

Нокс молча кладет свою куртку на стоящий между нами стол, и отходит, предлагая ее воспользоваться. Я медлю, но вспоминаю, что мои приступы упрямства обычно все равно не приводили ни к чему хорошему, поэтому набрасываю ее на плечи и деревянными губами шепчу слова благодарности.

— Я хочу задать вам всего один вопрос, Матильда, и предупреждаю — не смейте мне лгать. Потому что если я хоть на мгновение почувствую фальшь, остатки моей лояльности иссякнут и я буду вынужден действовать жесткими методами.

— Что? — не понимаю я. — Что-то случилось?

Такая кардинальная перемена буквально выбивает почву у меня из-под ног.

И это его «сухое» Матильда, как будто я вдруг стала герцогиней и это на моих руках кровь с его ободранной кнутом спины.

Может, все дело в послании, которое он передал Эвину? Мужчины всегда грубеют, когда озабочены государственными делами — по крайней мере, так говорила какая-то из девушек на королевском балу.

— Это вы уничтожили Беала?

Его голос подлетает к потолку как чеканная монета с заточенными гранями, которой карманники потрошат карманы богачей на ярмарках и людных торжествах. Я почти слышу, как металлический звон граней рассекает плотную от напряжения тишину.

Я ожидала чего угодно.

Но только не этого.

Разве, события той ночи уже не стали прошлым, не требующим никаких свидетельств?

— Я хочу услышать ответ прямо сейчас, — нетерпеливо говорит Нокс. — Просто «да» или «нет».

Делаю шага назад в неосознанной попытке сбежать, но тут же натыкаюсь бедрами на тяжелый деревянный стеллаж — путь к отступлению мне отрезан. Но даже если бы там, за моей спиной, лежала огромная, лишенная препятствий пустошь, разве я смогла бы убежать от Инквизитора?

Мне нужно набраться смелости, чтобы, глядя в глаза всем своим страхам — в *его* глаза — подписаться од собственными смертным приговором.

— Матильда... — теряет терпение Нокс, и я, набрав в легкие побольше воздуха, зачем-то во все горло выкрикиваю:

— Да!

И снова между нами тишина, но на этот раз она звенит от множества осколков лопнувшей только что тайны. Еще одной.

Плачущий, хоть бы она была последней.

Или теперь это уже все равно не имеет значения?

— Королевский Инквизитор расправиться со мной прямо здесь? — задираю подбородок, прекрасно осознавая, как жалко выгляжу со стороны. Мелкая девчонка, испорченная изнутри чем-то... мерзким и темным — разве она может хоть что-нибудь сделать?

Нокс молчит, лишь выразительно закладывает руки за спину.

Чтобы усыпить мою бдительность этим показательным бездействием?

Почему все было так... непонятно, но так чудесно вчера, когда мы могли запросто обмениваться шпильками, сейчас, когда все предельно понятно, все так сложно?

— Ты понимаешь, что сделала? — Не очень похоже, чтобы его действительно интересовал мой ответ. — В ту ночь, когда я едва вырвал тебя из лап призраков, на твоей руке были определенные символы. Я знаю, что ты видела их и раньше. Как часто? При каких обстоятельствах?

— Это официальный допрос, Ваша Светлость? — не могу удержаться от колкого вопроса.

— Пока нет, — холодно отвечает Рэйвен. — В знак моего хорошего к тебе расположения и с благодарностью за то, что ты... пожертвовала осколком своей души, чтобы спасти мне жизнь, я сделаю исключение. Первое в моей жизни. Надеюсь, ты не будешь испытывать мое терпение.

— Разве я смею?

— Проклятье, Тиль, — сквозь зубы ругается он, — я же пытаюсь. Хаос все побори, я же пытаюсь...!

Одним резким взмахом он буквально сносит стоящий между нами стол. Тот отлетает с такой легкостью, словно весит не больше пучка соломы, но от удара о стену поднимается волна грохота. Пыль сыплется нам на головы.

Разве это не слишком громко?

Судя по искажённому злостью лицу Нокса, его этот «маленький факт» ничуть не беспокоит. Он протягивает руку, пытаюсь схватить меня за шею, но вовремя останавливается и бессильно сжимает в кулаке лишь пустоту. Наверное, если бы не браслет, все это могло бы закончиться прямо здесь и прямо сейчас.

— Ты понятия не имеешь, что все это значит, Тиль. — Его голос звучит тише, почти обреченно.

— Так скажи мне! — Я подаюсь вперед и Нокс быстро убирает руку, чтобы избежать контакта между нами. — Мне эта неизвестность просто невыносима! Я не хочу когда-нибудь... просто даже случайно причинить кому-то вред! Что я такое, Рэйвен? Кто я?!

Глава тридцать пятая: Сиротка

Нокс отходит, как будто ему в тягость даже то небольшие расстояние, которое нас разделяет. Как будто ему мало воздуха между, потому что дышать одним на двоих ему глубоко неприятно.

Очень на то похоже, потому что вместо ответа. Он демонстративно осматривается в поисках кресла, находит пару вполне пристойных, переворачивает их, водружает друг напротив друга на заметно большем расстоянии. Чем это было бы необходимо в рамках приличия, и указывает на одно из них. Сам садится во второе, закидывает ногу на ногу и ждет, пока я, словно дрессированная балаганная собачонка, сделаю как он велел.

Взять бы что-то тяжело, да и треснуть ему по башке!

Может тогда бы он перестал играть со мной в эти «догонялки» и объяснил толком, что происходит. Или хотя бы просто придушил, если мое существование каким-то образом портит его инквизиторский нюх.

Я с силой гашу в себе этот внезапный порыв гнева, от которого в кончиках пальцев снова то самое раскаленное покалывание. Обычно

это не заканчивалось ничем хорошим. Я украдкой поглядываю на свою руку, хоть она и скрыта длинным рукавом простого платья. Но, если бы Хаос снова проявился на моей коже, может, на этот раз...

«Боги, Матильда, это же не паразит в кишечнике, чтобы как-то осознанно себя проявлять!» — почему-то голосом наставницы Тамзины кричит мой внутренний голос и точно так же, как она, всплескивает руками.

Я невольно улыбаюсь.

— Рад, что вся эта ситуация вас забавляет, — холодным тоном пресекает Нокс.

— Вспомнила забавную штуку про последнее желание повешенного, — не мог не огрызнуться в ответ, но все-таки степенно усаживаюсь в кресло.

— Поделитесь? — Герцог заинтересованно приподнимает одну бровь.

— Припасу ее до своего последнего желания, — отчеканиваю я.

— Тиль, я не собираюсь вас вешать, — после небольшой паузы, наконец, выносит вердикт.

— Сварите? — Прикладываю ладони к щекам, изображая полный ужас. — Я предпочитаю вкус лласиинской соли. И ни в коем случае не ту, что добывают на западе Артании — от нее у любого блюда вкус болотной тины.

— Обязательно передам Его Величеству ваши замечания, — так же ёрничает Нокс.

— Вы очень любезны. А можно мне еще бумагу и перо?

— Будете слагать последнюю волю? — интересуется он.

— Да, в стихах, пока есть вдохновение.

— Если бы я мог до тебя дотронуться... — Его взгляд становится таким мрачным, что мое желание огрызаться мигом выбрасывает белый флаг. — Я бы перегнул тебя через колено, задрал юбки и отходил по заднице так убедительно, чтобы ты даже спала стоя, как строптивая кобыла.

Я нервно сглатываю и пальцы на коленях сами собой забирают ткань платья в кулаки.

Он только озвучил намерения, а я уже нервно ерзаю.

И Нокс, конечно, это замечает, потому что триумфально улыбается и даже не пытается скрыть удовлетворение моим

послушанием.

— И так, Тиль, раз мы решили вопрос с тем, каким образом я буду выбивать дурь из твоей нашпигованной всяким хламом хорошенькой головки, самое время перейти к предметному разговору. Я не собираюсь тебя разоблачать — ни сейчас, ни в будущем. Если только ты не будешь пытаться меня переиграть.

— Как я смею тягаться с самым великим и ужасным... — бормочу себе под нос, но герцог прислушивается, и я тут же исправляюсь: — Я же и так делаю все, что вы пожелаете, Ваша Светлость.

— Прекрасно, Тиль, но над смирением, пожалуй, тебе нужно основательно поработать. Второе — Хаос во многих оставил свои метки. Ты же изучала историю и должна помнить, что во Времена Противостояния случаи, когда люди находили в себе Тьму не были редкостью. Прошли годы, Инквизиция тщательно прополола сорняки, но они, увы, до сих пор иногда прорастают. Порой, — выразительный взгляд в мою сторону, — в самых неожиданных местах.

Что-то не очень похожа эта вступительная речь на пожелание мне долгих лет безоблачной жизни. Но что ему нужно? Шантажировать меня? Я и так у него под колпаком.

— Пока мы с тобой... гмм... — Нокс откашливается и, поправив себя, продолжает. — Мы с вами нашли условия, при которых наш союз может принести реальную пользу государству. Не будем же их нарушать.

— А как же моя... — Хочу сказать «тьма», но язык отказывается слушать.

К счастью, Нокс проникательно все понимает.

— Вы всегда будете под моим неусыпным присмотром, Тиль. Обычно Тьма сразу разрушает изнутри, потому что души и желания простых смертных для нее как особенное лакомство. До сегодняшнего дня я знал лишь одного человека, кто долго и вполне успешно справлялся с ней внутри себя, и даже смог извлечь выгоду из такого симбиоз.

Я понимаю, что он говорит о себе.

— Вы — второй такой уникальный случай. Полагаю, дело в том, что ваша вера в Плачущего, добрые невинные помыслы и молитвы Светлым богам не дали порче сожрать вас так же легко, как и остальных. И так же считаю, что наша с вами встреча была

предопределена. Похоже, — он делает трагически-огорченно лицо, — мне предстоит до смерти быть вашим наставником. Буквально во всем.

Мы обмениваемся прямыми взглядами, и я силой закрываю в себе мысли о том, что прямо сейчас мне кажется, будто он смотрит не совсем мне в глаза. Чуть ниже кончика оса. На... губы?

— Значит, я просто... испорченная Хаосом сирота?

Не знаю почему, но мне немного досадно от этого. Наверное, как и любое ненужное брошенное дитя, в глубине души я хотела верить, что однажды вскроется мое благородное происхождение, на горизонте объявится плачущая пожилая леди, скажет, то она — моя бабушка, и жизнь превратится в сказку. В конце концов, ведь мы с настоящей герцогиней Лу'На так сильно похожи. Разве бывают такие совпадения? Разве у этого сходства не должно быть какого-то объяснения?

Глупости, конечно.

Но мечтать-то можно?

— Тиль, о чем вы? — Нокс иронично смеется. — Бездна меня задери, только не говорите, что вы искренне верили в сказку о потерянной богатой наследнице!

Поджимаю губы и стараюсь сохранить хотя бы какое-то подобие лица.

— Вы самая обыкновенная сирота, Тиль. Нет, конечно, учитывая ваше сходство с дочерью герцога, — он как будто читает мои мысли, — я бы мог предположить, что какой-то его родственник не самых благородных помыслов, мог обрюхатить легковерную крестьянку, но доказать это, увы, никак не возможно. С другой стороны — зачем это вам?

Он подается вперед, манит меня пальцем, и я, мгновение поизобразив упрямство, тоже наклоняюсь к нему.

— Вы уже и так герцогиня, и вдобавок невеста Его Величества. Разве это не лучше любой сказки, которую мог придумать ваш наивный мозг?

Почему я чувствую себя грязной?

Как будто меня объегорили на ярмарке, подсунув фальшивую медную монету вместо блестящего золотого дублона?

— Но ведь... — Я все-таки набираюсь смелости задать этот вопрос. — Если Тьма... Если я не смогу ее контролировать?

Нокс снова «утопает» в кресле, закидывает ногу на ногу и абсолютно ледяным тоном чеканит правду, как она есть:

— Тогда я просто избавлюсь от вас, Тиль. Как избавился бы от всего, то угрожает Артании, Короне и Его Величеству.

Глава тридцать шестая: Сиротка

«Избавлюсь от вас...»

Он сказал это минуту назад, но слова звучат в моей голове все сильнее и все четче, как будто в них вызревает еще какой-то страшный смысл. Хотя, что может быть страшнее того, что он и так уже произнес?

«Если я хотя бы заподозрю, что ты перестанешь меня слушаться, перестанешь быть удобной марионеткой — у меня не дрогнет рука» — так это звучит на самом деле.

Я сглатываю и невольно провожу ладонью по горлу, потому что именно туда сейчас направлен взгляд Нокса.

— Что-то не так, Тиль? — почти безразлично интересуется он.

Это тоже проверка? Посмотреть, насколько я готова принять свою участь?

— Что вы, Ваша Светлость, — не моргнув глазом, отвечаю я. — Все предельно понятно. Рада быть инструментом в ваших надежных руках. Буду служить верой и правдой, пока не сломаюсь, а потом добровольно удавлюсь.

Рэйвен сначала хмурится, потом вздыхает и меняет тему разговора — просит подробно рассказать ему все, что я знаю о Примэль, и почему думаю, что она — «хвост» герцогини. Пару раз останавливает, уточняет, откуда то или это, и я готова поспорить, что в эту минуту слышу скрип пера в его голове, как будто Нокс делает заметки в свое личное дело.

— Правильно я понимаю, что с этим молодым лейтенантом вы познакомились до того, как судьба столкнула вас с герцогиней? — спрашивает герцог, когда я заканчиваю свой рассказ на том, что именно после визита герцогини к Эвину, король назначил Примэль моей Первой фрейлиной.

Я тушуюсь, вдруг сообразив, что во всем этом рассказе имя Орви мелькало не раз. И что пока я старалась рассказать все максимально подробно, чтобы ничего не упустить, могла наболтать лишнего.

— Тиль? — вопросительно тянет Нокс. — Вы знали этого юношу раньше? Где и при каких обстоятельствах познакомились?

— Чтобы вы потом и от него избавились?

— Не считаю нужным обсуждать с вами вопросы государственной безопасности, и напоминаю, что дважды задал вопрос, на который до сих пор не получил ответа. Правда хотите испытывать мое терпение?

Я раздумываю еще несколько секунд, а потом, сдавшись под натиском недоброго взгляда Нокса, рассказываю правду. Он слушает, кивает, но на этот раз не перебивает ни разу.

— Надеюсь, это был ваш последний секрет, Тиль? — не без иронии интересуется Нокс. — Полагаю, сегодня как раз подходящая ночь, чтобы чистосердечно во всем признаться, Тиль, потому что нам с вами предстоит долгое совместное сотрудничество, и раз ж я вписываюсь во все это, хочу быть уверенным, что делаю это с широко раскрытыми глазами.

— Это все, Ваша Светлость, — говорю я. — Больше никаких секретов, по крайней мере тех, о которых бы знала я.

Нокс кивает, а потом на какое-то время погружается в размышления, из которых мне не хочется его доставать. А если честно — было бы неплохо ускользнуть, пока он тут корчит из себя сонную болотную гадюку.

— И так, — Нокс отрывает глаза как раз в ту минуту, когда я всерьез раздумываю о побеге. Что еще ему от меня нужно? — Герцогиня не смогла бы попасть в замок без Врат, так что у нее здесь не просто помощник, а весьма одаренный помощник, раз знаком с Аспектами на уровне мастера.

— Примэль хорошо прошла то испытание, — вспоминаю я. — Когда случился... взрыв.

— Герцогиня не рискнула бы появиться, если бы не была уверена, что вы с ней никак не пересечетесь, иначе обман бы вскрылся, а ей ты пока нужна именно на этом месте. Значит, Лу'На была уверена, что в то время, пока она у Эвина, ты точно там не окажешься.

— Я... — Запинаюсь, потому что придется признаться в том, в чем я бы не призналась даже под пытками. Но, кажется, придется. Опускаю взгляд в пол и нарочно тихо говорю: — Примэль... Она провела меня до лекарской, где... вы... Я хотела с вами повидаться,

Ваша Светлость, убедиться, что с вами все хорошо после той страшной ночи.

— Ты приходила меня повидать? — Он почему-то так удивлен этой новостью, что снова переходит на «ты».

— Что вас удивляет? Вы вели себя так отважно и... защищали меня. Я хотела убедиться, что тот страшный демон...

Даже сейчас говорить об этом больно. И совсем не хочется вспоминать, что вместо моего милого герцога я тогда наткнулась на графиню Рашбур. Его невесту.

— Тиль, ты спасла мне жизнь. Дважды, как я понимаю.

— Разве вы не поступили бы так же на моем месте?

Мы смотрим друг на друга через какое-то чудовищно огромное расстояние, хоть его наверняка можно почитать всего парой шагов.

И воздух как будто тяжелеет, наполняется звенящей трескучей как искры тишиной.

— Ради тебя, Тиль, — голос Нокса такой мертвый, будто за него говорит бесплотный призрак, — я пойду хоть в Бездну, хоть на тот свет.

— Так не отдавай меня! — не выдерживаю я и бросаюсь вперед, неловко спотыкаясь и падая на колени прямо перед ним. — Если я хоть немного тебе дорога — не отдавай!

Он наклоняется вперед, и теперь мы так близко, что я могу дотянуться до него рукой.

Дотянуться, но не дотронуться, и от этого в груди болит так сильно, будто сердце пронзили раскаленной спицей.

— Пожалуйста, Рэйвен, — я с трудом сдерживаю слезы, — не отдавай меня.

Его взгляд стремительно пустеет, как будто душа в самом деле покинула эту физическую оболочку, и я предчувствую неладное. Мотаю головой, пытаюсь остановить слова, которые — я каким-то образом это чувствую — разорвут мне душу.

— Тиль, ты дорога мне как любому игроку в шахматы важна его самая сильная фигура. Ты правда думала, что что-то значишь как женщина? Я обручен с одной из самых красивых женщин Артании.

Я отшатываюсь, как от сильной пощечины.

Такой отрезвляющей, что она глушит все прочие мысли, кроме одной: я — просто шахматная фигура.

Плачущий, почему же мое сердце до сих пор бьется?

— С завтрашнего дня ты должна будешь приходить сюда в полночь, — слышу как будто из далека его сухой голос. Наверное, точно так же он когда-то отдавал приказы солдатам на поле боя. — Я буду лично с тобой заниматься. Тебе нужно подтянуть геральдику, этикет, владение аспектами и... Я покажу, как подавлять тьму, если она снова начнет проявлять себя без твоего на то желая.

Я медленно, как будто меня приколотили к полу, поднимаюсь с колен.

Наверное, мне нужно чувствовать себя униженной, ведь я практически валялась у него в ногах.

Но мне все равно.

Потому что где-то внутри так сильно больно, что по сравнению с этой болью все остальное не имеет значения.

Когда герцогиня заперла меня в том холодном подвале, я спасалась только думая о Рэйвене. Мечтала, что однажды случится какое-то чудо, он скажет, что уже давно и тайно в меня влюблен и что я должна принадлежать только ему. Я мечтала не о замках, не о короне, не о власти.

Я хотела, чтобы в том домике с цветочными занавесками, который я часто видела в своих мечтах, мы были счастливы... вдвоем. Или втроем.

Эта мечта покрывается трещинами и разлетается на мелкие осколки, каждый из которых вонзается в мое сердце. Что такое унижение по сравнению с этим?

— Как скажете, Ваша Светлость, — говорит неживой, как будто и не мой голос. — Я буду прилежной ученицей.

— Не сомневаюсь.

— Могу я теперь удалиться? — Не смотрю в его сторону, потому что крохотной части меня все еще хочется верить, что он сказал это просто потому, что я теперь невеста короля.

— Да, Тиль, и я чрезвычайно благодарен вам за все эти сведения.

— Рада, что хотя бы в чем-то я могу быть вам интересна.

Я выхожу из этого заброшенного места и у меня едва хватает сил, чтобы смотреть по сторонам и переставлять ноги.

Ужасные слова набатом стучат в голове, и от них никак не получается избавиться.

Я настолько тону в этих мыслях, что не разу замечаю тихий голо, который зовет меня по имени. Осматриваюсь, потом что этот голо точно мне знаком, и вдруг замечаю в сторону от лестницы мужскую фигуру.

— Орви? — говорю, не веря своим глазам.

Он выступает из тени и на его лице появляется выражение облегчения.

— Я боялся, что ты меня не услышишь, — говорит шепотом, хоть вокруг нет ни души. — Ты выглядишь... очень расстроенной. Это из-за Нокса?

— Что ты... откуда? — В моей голове столько вопросов, что они натываются друг на друга.

— После Отбора Его Величество зачислил нескольких парней в Королевскую гвардию, — он смущенно и довольно краснеет, — так что я теперь. Королевский гвардеец. И мое место — здесь. Хотел поговорить с тобой, но ты все время была занята, не хотел как-то тебя скомпрометировать.

Я смотрю на него с благодарностью, и мысленно проклиная себя за длинный язык.

Он всегда так внимателен, а я так необдуманно разболтала герцогу о нашей дружбе. Кто знает, что взбредет в голову этому бесчувственному человеку?

— Я видел, что ты куда-то крадешься, — поясняет Орви. — Думал, как всегда, хочешь запереться в библиотеке с книгой. Но потом увидел Нокса. Он что-то знает, Тиль? Поэтому ты так расстроена?

Мне хочется облегчить душу и все ему рассказать, но я помню, что от этой правды зависит теперь уже не только моя жизнь, но и жизнь герцога. Ведь, узнав правду о нашем с герцогиней обмане, он должен был немедленно рассказать обо всем королю, а это означало бы мою скорую смерть. Теперь, если Эвин узнает, что его друг и человек, которому он доверяет как самому себе, лгал ему все это время, Ноксу тоже не сносить головы.

— Матильда? — напряженно ждет моего ответа Орви.

— Нет, — я стараюсь нацепить беззаботный вид. — Просто герцог, кажется, так никогда и не и не поверит, что герцогиня Лу'На больше не вынашивает коварные планы по узурпации власти.

— А она них точно не вынашивает? — с сомнением переспрашивает Орви, и тянет руку, чтобы притронуться к моей ладони, но я вовремя успеваю отступить и показать ему королевский браслет. Орви хмурится и мотает головой, как рассерженная лошадь. — Я и не знал, что... теперь все так осложнилось. Ты знаешь, как его снять?

— Нет. И не думаю, что это под силу кому-то, кроме Эвина.

Где-то сзади слышен хрип открывшейся двери, и мы с Орви, не сговариваясь, ныряем в темноту под лестницей. Оба задерживаем дыхание, когда Нокс проходит мимо, чуть не высекая из пола искры своим тяжелым шагом. И только когда затихает даже эхо его поступи, мы снова глубоко дышим.

— Тебе нужно бежать, Матильда, — неожиданно порывисто говорит Орви, и мне снова приходится пятиться, чтобы сдержать его от случайного касания. — Король никого не пощадит, если узнает... Ты не знаешь, каким бессердечным он может быть!

— Бежать? — Не знаю почему, но эта мысль совсем не приходила мне в голову раньше. Вернее, я не думала о ней как о чем-то возможном и осуществимом.

— Да, бежать! — громко шепчет Орви. — Я не богат, но за время службы немного скопил и нам хватит на маленький дом где-то в глуши, где тебя никто и никогда не узнает. Я... помогу тебе, если только ты согласишься...

Даже в почти полной темноте я вижу его вспыхнувшие от стыда щеки.

— Я поклялся хранить все твои тайны, Матильда, и я сдержу слово.

— Но ведь я должна.

— Должна? Кому ты должна? Всем этим расфуфыренным вельможам, для которых ты просто... пешка! — Он говорит так рассерженно, как будто слышал наш с Ноксом разговор.

О шахматах и пешках.

Я — просто пешка. Во мне нет ни ценности, и нужды.

Он бы запросто променял меня на более выгодную фигуру, если бы подвернулась возможность.

— Разве ты хочешь быть королевой? — продолжает Орви. — Разве вся эта жизнь с ее дурацкими этикетами, грязными интригами и

сплетнями — она для тебя?

Я мотаю головой и горько улыбаюсь.

— Я думаю, — внезапно переходит на шепот Орви, — Мастер Сайфер знает, как снять эту штуку.

— Откуда?

— Говорят, он знает абсолютно все, — простодушно, как будто речь идет о добром волшебнике из сказки, говорит Орви. — Наверное, если как-то вывести его на разговор...

В моей голове внезапно всплывает наша первая встреча с химером.

Я тогда тоже что-то говорила на языке Бездны, и его это почти не удивило.

Может быть, его можно разговорить не только о браслете, но и о Тьме, и можно ли от нее избавиться? Ведь если мы с Орви действительно сбежим и спрячемся там, где нас никто не найдет, Тьма все равно будет жить во мне.

И кто знает, во что я могу превратиться и сколько вреда могу причинить.

— Я знаю, как встретиться с химером, — тоже перехожу на шепот.

Кажется, по одной из версий Нокса, я обещала ему позировать для портрета. Вряд ли Его Величество будет против, если я сдержу обещание.

Орви улыбается так довольно, словно мы снова вернулись в тот день, когда он получил от меня прядь волос. Кажется, он до сих пор носит ее в медальоне на груди.

Кажется, во всем этом мире, он единственный человек, которому не безразлична я и не безразлична моя судьба.

— Я рада, что мы снова вместе, Орви. — Это очень искренне, потому что во всем этом муравейнике, не засыпающем, кажется, даже на ночь, я чувствовала себя совсем никому не нужной.

— Я же обещал тебя беречь! — храбро вытягивает по струнке мой личный охранник, и тут же добавляет: — Я всегда буду тебя беречь, Матильда. Хоть от герцога, хоть от самого короля!

Глава тридцать седьмая: Герцог

Я в миллионный раз повторяю себе, что поступил правильно, когда расставил точки над «і», но лучше от этого не становится. Вообще не становится. Кажется, такими пустым глазами Тиль не смотрела на меня даже в ту ночь, когда Хаос вырвался из ее тела и она едва ли соображала, что делает, отгоняя призраков.

Я пытаюсь забыться, обвешиваясь государственными делами, словно праздничными гирляндами: вычитываю доклады Зрячих, донесения Ивлин, вместе с Эвином готовлю план блицкрига, чтобы отбить явно неспроста взбунтовавшиеся западные регионы Артании. Крестьяне, как показывает опыт, не бешутся просто так, а в последние годы Эвин относился к своим вассалам очень лояльно — не повышал налоги, отменил право первой ночи и даже показательно выпорол пару лордов, которые посмели его ослушаться. В общем, живите, возделывайте поля и радуйтесь, что у вас такой гуманный король.

Но они начали бунтовать.

По странному стечению обстоятельств почти одновременно с разрушением Печати.

А я в такие совпадения не верю уже давным-давно.

И несмотря на то, что забиваю государственными заботами почти каждую минуту — Тиль все равно торчит у меня в голове.

Тиль — и наши с ней уроки, на которых я сам настоял.

Первый будет уже через пару часов, и я всерьез раздумываю над тем, чтобы все это отменить. Можно как бы между прочим предложить Эвину немного «поработать» с невестой, на всякий случай. Пусть наймет ей учителей, танцоров и музыкантов — в этом нет ничего страшного, все королевы должны быть заточены максимально безупречно, даже если они — породистые герцогини.

Но если Тиль разоблачат...

Я же себе не прощу.

И никогда этого не позволю.

— Ты меня нарочно избегаешь?! — слышу укор в спину и мысленно вздыхаю.

Правду говорят, что, если женщина намерена выяснить отношения, спрятаться от нее можно только в могиле. Ив нашла меня на конюшне! Хаос задери, раз она не побрезговала испачкать свои дорогие туфли, значит, собирается «осчастливить» на всю катушку.

Я сижу в пустом стойле, на горе свежего сена, и жую черт знает какую по счету травинку, пытаюсь сосредоточиться на перехваченном зашифрованном письме одному из высокопоставленных чиновников Артании. Похоже, след Воздушных Лордов стоит искать именно здесь, но у меня ни черта не получается.

Всю почти бессонную ночь я думал о Тиль.

И весь этот длинный-длинный день — тоже.

Даже когда помогал Эвину грамотно и эффективно распределить маленькие отряды для предстоящего нападения. Через пару дней мы поедем насаждать добро и справедливость среди бунтовщиков, а это значит, я не буду видеть Тиль еще какое-то... продолжительное время.

И откуда она только свалилась на мою голову?!

— Ты меня вообще слушаешь?! — пронзительно возмущается Ив.

Если она что-то и говорила всю последнюю минуту, то я не услышал ни слова.

— Прости, — трясущим пергаментом, — у меня тут государственные дела.

Она сегодня в красивом желтом платье, вся такая разодетая и причесанная, что так и подмывает спросить, ради кого весь этот маскарад. Неужели для меня?

— Ты можешь уделить мне час своего драгоценного времени? В конце концов, я — твоя невеста!

— Целый час, Ив, я не могу уделить даже Его Величеству.

— Нам нужно спланировать свадьбу, Рэйвен. — Она переступает какой-то грязный ком на полу, долго брезгливо осматривает пол, выбирая место почище и, наконец, делает шаг. Ее духи с ароматом розы в этом месте, увы, никто не оценит. — Я устала быть посмешищем.

Ну да, свадьба.

Как же я мог забыть, что спасал девицу из беды, а на самом деле горю желанием связать себя брачными обязательствами.

У женщин — очень многих — есть поразительная особенность додумывать за мужчин всякие истории любви. В особенности за тех мужчин, которые добровольно надевают венец безбрачия.

Пожалуй, самое время сказать Ивлин горькую правду — ни одной женщин мира не удастся лишить меня статуса холостяка. В особенности — ей.

Ради такого дела даже встаю со своего наместа, отряхиваю солому с мундира и открываю рот, чтобы начать необходимый и давно вызревший разговор. Но так ничего и не говорю, потому что за плечом Ивлин появляется маленькая тощая фигурка Тиль.

На ней голубая амазонка для конной прогулки, маленькая шляпка с большим цветком, под которой одним богам известно, как вообще держатся ее густые светлые волосы.

Что она тут делает?

Собирается прокатиться верхом?

Эвин, кажется, говорил о таких планах на вечер.

Но Тиль, если память мне не изменяет, плохо держится в седле, да еще и хромает. Что за блажь? Почему она ему не отказала?!

Ивлин замечает мой взгляд, оглядывается — и широко улыбается. Даже делает реверанс, хоть ей это явно не по душе. Будем честны — никто не хочет увидеть в победителях того, над кем накануне откровенно потешался.

— Ваша Светлость, — елейно щебечет Ивлин, — вы как всегда просто очаровательны!

— Благодарю, графиня, — спокойно и сухо благодарит Тиль, пока конюхи в две пары рук выводят из стойла гнедую кобылу под дамским седлом. — Простите, что прервала ваш разговор.

— О, мы с Рэйвеном как раз обсуждали приятные свадебные хлопоты!

Тиль поворачивается спиной, ничем не выдав своих чувств.

— Рада за вас.

Ей как будто все равно.

Она уже выходит, сделав заминку лишь раз — чтобы погладить тянущего к не морду молодого жеребца. Не боится, когда тот тычется носом в ладонь, и тихонько посмеивается, потому что наглещ перебирает губами в надежде найти лакомство.

— По-моему, ее голове больше бы пошло торчать на пике, чем носить корону, — зло шипит Ивлин, едва Тиль исчезает из виду. — Хорошо, что я знаю, как этому поспособствовать.

Я напрягаюсь, потому что терпеть не могу все эти многозначительные намеки. А в донесениях Ив нет никаких указок на то, что герцогиня Лу'На как-то связана с заговорщиками или что она плетет самостоятельный заговор. Она чиста как слеза младенца. Иначе

Эвин не стал бы чертя голову называть Матильду Лу'На своей невестой.

— Ив, — я выбираю тот самый тон, после которого развязываются даже самые упрямые языки, — речь идет о невесте Эвина и будущей королеве Артании. Не лучшее время играть в кошки-мышки.

Она делает такое лицо, будто я испортил самый главный сюрприз, и протягивает маленькую записку, спрятанную в рукаве платья.

— Считай, — тоном великой интриганки, шепчет она, — это мой свадебный подарок. Когда ты вскроешь заговор, Эвин осыплет тебя золотом.

Я разворачиваю записку, читаю и с трудом подавляю желание тут же порвать ее на мелкие клочки, потому что в ней говорится, что герцогиня Лу'На была замечена несколько дней назад в районе Стим-парка, в компании молодого мужчины. И что у «него» есть доказательства того, что это свидание действительно состоялось.

Записка без подписи.

Стим-парк находится в ремесленных кварталах столицы, довольно далеко от королевского замка. Если бы Тиль как-то и смогла туда добраться, то сделать это без посторонней помощи попросту невозможно. И я, демон всех задери, знал бы об этом!

Значит... это была настоящая Матильда.

В столице, собственной персоной.

Еще и в вонючем клоповнике с грошовыми развлечениями для бедняков.

— Выглядит банальной попыткой вытрясти деньги, — делаю вид, что все это выеденного яйца не стоит. — Я таки «важные сведения» получаю пачками и обычно даже не читаю.

Тем не менее, Ив настойчиво вынимает записку из моих пальцев и сует обратно в рукав.

— У меня, Рэйвен, свои источники. А этот источник никогда не подводил. Герцогиня либо плетет заговор против короны, либо, — Ивлин делает такое лицо, будто предвкушает копание в грязном белье, — наставляет рога Его Величеству. В любом случае, ее головке светит плаха, а не маленькая красивая корона. И все это устроишь ты, мой дорогой будущий муж.

Глава тридцать восьмая: Сиротка

— У вас лицо женщины, которая лучше укусит себя за локоть, чем сядет на лошадь!

Смех короля вытаскивает меня из неприятных размышлений о том, что пару минут назад я стала свидетельницей воркования влюбленных голубков. Интересно, они бы прямо так приступили к «будущим наследникам», если бы я не спугнула эту... сарайную романтику?!

— Ваше Величество, — пытаюсь изобразить реверанс, но Эвин застал меня врасплох, и я путаюсь буквально в паре движений.

К счастью, он придерживает меня под локоть и успевает остановить до моего позорного провала.

— Матильда, помните, что я говорил вам об этикете, когда мы... наедине? — Он подается вперед, и его голубой взгляд словно пытается прочесть мои мысли. — Наедине со мной вы можете смело забыть об этикете и найти для своей хорошенькой головки более интересное занятие. Например, развлечь меня интересной беседой.

— Боюсь, моя жизнь была слишком однообразной, чтобы эти истории не заставили Ваше Величество зевать. Я бы никогда себе этого не простила.

Эвин прищелкивает языком и отмахивается, когда конюший дает ему повод.

Вместо это легко берет меня за талию и усаживает в дамское седло.

От воспоминаний, чем в прошлый раз закончилась верховая прогулка, кружится голова и пересыхает во рту. И, кажется, Эвин все это с легкостью читает у меня на лице, потому что берет повод моей лошади и не спеша выводит ее по дорожке в сторону сада.

— Матильда, клянусь, я не дам вам упасть, — обещает король, и я ловлю себя на мысли, что жизнь ужасно несправедлива, ведь я могла бы полюбить... его.

И тогда, при определенном стечении обстоятельств и моей аккуратности, мы могли бы быть счастливы и править Артанией, как пишут в старинных сказках, долго и счастливо.

Слово за слово, у нас все-таки завязывается беседа.

Я пытаюсь говорить о книгах, чтобы не сболтнуть лишнего, а потом, когда Эвин вспоминает свои военные приключения, слушаю

буквально открыв рот. В беседке в саду накрыт маленький стол, и наша прогулка плавно перетекает в посиделки за фруктами и легким вином. Но с непривычки у меня все равно немного кружится голова, и когда приходит время возвращаться во дворец, Эвин посмеивается над моей неуверенной походкой.

— Полагаю, — он снова так близко, что я чувствую исходящее от него тепло и силу, — в седло вам уже нельзя. Так что...

Я едва ли успеваю пискнуть, когда он легко берет меня на руки, прижимает к себе и мягким, обволакивающим голосом говорит:

— Вы ничего не весите, Матильда. Я готов нести вас на руках до самого замка.

— Не могу позволить Вашему Величеству тратить на это силы, — немного заплетающимся языком, посмеиваюсь я.

— Мне хочется верить, что у моей невесты будет много поводов красть меня у государственных дел.

В свете закатного солнца его белоснежные волосы наполняются алыми бликами, и даже кажется, что вокруг его головы сверкает почти геройский нимб.

— Матильда... — Эвин перестает улыбаться и его взгляд наполняется тягучей негой. — Должен ли я говорить, что чертовски устал считать дни до своего законного права обладать вами, как своей женщиной и женой?

А почему бы, собственно, и нет?

Он прекрасен, как бог! В тот день, когда они с герцогом, прикинувшись простыми гвардейцами, напросились к нам на телегу, именно Эвин, а не Нокс, понравился мне больше! И если бы меня тогда спросили, кого бы я выбрала в мужья, то мой ответ был бы очевиден.

У Эвина нет никакой другой «самой красивой женщины», потому что я — его невеста.

Он сильно и уверенно правит целой страной, значит, будет надежным мужем мне, и прекрасным отцом нашим будущим детям.

И он, кажется, действительно сильно увлечен мной.

Раз уж я все равно должна стать королевой, то, может быть...

Голос Орви, предлагающий побег, воскресает в голове как нельзя «вовремя».

Кого я обманываю? Ну какая из меня королева, да еще и с Тьмой, которая живет своей собственной жизнью и которую я совершенно не умею контролировать?

— Я обидел вас своей грубостью? — озадаченно интересуется Эвин, приняв мое изменившееся выражение лица на свой счет. — Клянусь честью, Матильда, я никогда не был груб с женщинами, но одно ваше присутствие совершенно лишает меня мозгов.

Я энергично мотаю головой и чтобы хоть как-то сгладить неловкость, позволяю себе неловко обнять его шею руками. Ни один мужчина никогда не носил меня на руках так долго и с таким видом, будто поймал сказочную русалку. А Нокс... он же просто нянчился со своей неразменной «шахматной фигурой».

Больше не буду думать о нем.

Никогда.

Пусть радуется, что в его руках целая настоящая герцогиня Рашбур!

И я даже мысленно соглашаюсь поужинать с королем, но, как обычно, стоит нам появиться около замка, как навстречу Эвину тут же выбегает взволнованный гвардеец и передает завернутое в тубу послание. Снова с той самой черной печатью. Эвин хмурится и с трагическим выражением лица просит прощения за то, что вынужден меня покинуть из-за неотложных дел.

— Это превращается в поганую привычку, — ворчит себе под нос.

— У Вашего Величества есть более важные дела, чем беспокоится о моем досуге, — отвечаю я и едва ли могу сопротивляться, когда Эвин украдкой обнимает меня за талию и сильно, без намека на возможность сопротивления с моей стороны, притягивает к себе.

— Называйте меня Эвин, Матильда, — шепчет еле слышно куда-то мне в волосы у виска. — И я буду самым счастливым мужчиной на земле. И, умоляю, не корите себя за то ночное безумство. Я все еще льщу себя надеждой, что однажды вы смелеете на еще одну такую вылазку...

Его губ зарываются глубже мне в волосы.

Горячее дыхание заставляет замереть на выдохе.

Я медленно поворачиваю и задираю голову, чтобы посмотреть ему в глаза.

Почему-то хочется, чтобы они были темными, бездонными. И чтобы от него пахло крепким чаем и курительным листом, как от проклятого...

Мне хватает сил и смелости сделать шаг назад, и все-таки изобразить реверанс, который Эвин «встречает» порцией тихого смеха и укором в адрес моего упрямства.

— Ваше Величество... — Я рискую задержать его, и Эвин вопросительно приподнимает бровь. — У меня есть просьба.

— Все, что угодно для моей прекрасной невесты. Только, пожалуй, если вдруг вы хотите, чтобы я захватил для вас парочку провинций, с этим пока придется повременить. И, Матильда, уже самое время начинать называть меня по имени.

Я немного краснею и списываю все это на нотки вина в крови. От него до сих пор немилосердно кружится голова, кажется, даже еще больше спустя время.

— Я бы хотела навестить Мастера Сайфера. Завтра.

— О, конечно, — легко соглашается он. — Надеюсь, он оценит честь быть вашим свадебным портным и так же надеюсь увидеть написанный его рукой ваш портрет. У этого проходимца на удивление прекрасный стиль.

— Спасибо... Эвин, — благодарю я, радуясь, что все сложилось так удачно.

Да и с чего бы ему искать подвох в каждой моей просьбе?

Нужно переставать видеть монстра в каждом углу, иначе, не ровен час, я стану шарахаться от собственной тени.

Король бережно целует мне руку и приказывает гвардейцу проводить меня в комнату.

Глава тридцать девятая: Сиротка

В полночь, как мы с Ноксом и договаривались, я потихоньку ускользаю из комнаты и, стараясь не издавать и звука, крадусь до библиотеки, а там, убедившись, что за мной никто не следит, украдкой пробираюсь до потайного прохода.

Дверь в заброшенный зал кажется запертой, но из-под щели между ней и полом пробивается тонкая полоска света.

Я уговариваю себя взбодриться и держать язык за зубами, потому что, хоть прошло уже порядочно времени, у меня все еще зверски кружится голова и мысли перескакивают с одной на другую со скоростью собачьих блох.

Нужно просто молчать и слушать.

Вряд ли герцог будет проявлять ко мне хоть какой-нибудь интерес, ведь их с невестой встреча наверняка закончилась совсем не так целомудренно, как наше с Эвином свидание.

Разогнав гадкие мысли с пожеланиями графине Рашбур заработать чирей на заднице, тихо прокрадываюсь за дверь и так же беззвучно закрываю ее за собой.

В комнате царит все такой же беспорядок, и в свете одного единственного тусклого светильника, облака пыли кажутся неприятно плотными.

Но все это просто цветочки по сравнению с выражением лица герцога.

Он сидит все в том же старом кресле и мое появление заставляет Нокса оторвать взгляд от какой-то увесистой книги.

Сначала я думаю, что все дело в книге и острое от злости лицо Нокса — исключительно из-за прочитанного. Пока он с силой не захлопывает увесистый том, убирает его с колен и пружинистым шагом хищника приближается ко мне, порядком ошалевшей от непонимания.

Я рта не успела открыть, а он как будто готов метать гром и молнии.

— Напоминаю вам, Нокс, — выставляю вперед руку с браслетом, — что еще один шаг может стоить нам обоим неисправимых последствий.

Он фыркает, но все-таки останавливается, с иронией и неприкрытой насмешкой скрещивая руки на груди.

— У меня не было и мысли о том, чтобы притронуться к вам, Тиль — не льстите себе.

От возмущения даже теряю дар речи. То есть этот... напыщенный индюк считает, что я сплю и вижу как бы вымолить у него хотя бы толику внимания?!

Я много слышала солдатскую шутку о выпитом на «старые дрожжи», но до сегодняшнего дня не особо понимала ее смысл.

Но сейчас, кажется, начинаю понимать, потому что издевка Нокса превращает вино в моей крови в настоящую гремучую смесь. И если бы он только посмел еще хотя бы чихнуть в мою сторону...

— Как прошло свидание с королем, Тиль? — Он все-таки подается вперед, но только корпусом, нависая надо мной как какой-то ужасный голодный призрак. — Надеюсь, вы не думаете, что разговоры с Его Величеством — прерогатива исключительно ваших ушей?

Почему я не удивлена, что Нокс знает о каждом моем шаге?

— Мы не говорили о государственных делах, Ваша Светлость, — отрезаю я.

— Вот как? — Герцог придвигается еще ближе, но я стойко держу свои позиции, не делая и полшага назад. — И о чем же вы говорили, Тиль? Обсуждали, мать его, пение птиц?!

Никогда не слышала, чтобы он позволял себе выражаться... подобным образом.

Да что он о себе возомнил, в самом деле?!

— О нет, Нокс! — Я широко улыбаюсь, хоть в груди все клокочет, как перед извержением. — Мы были слишком заняты друг другом, чтобы отвлекаться на птиц.

— И чем именно ты была так страшно занята с Эвином, Тиль? — Его лицо темнеет, словно за нашими спинами зашла грозовая туча.

— Поцелуями! — не подумав, выпаливаю я.

Не знаю, зачем я это сейчас сказала.

Может, потому что он снова перешел на «ты» и это так... приятно резануло сердце? Или чтобы досадить ему из-за того, что увидела утро в конюшне? Или чтобы увидеть хоть какую-то реакцию того, что мог быть ему безразлична?

Плачущий, он раньше не упускал случая остаться о мной наедине и всегда так... непристойно шутил, а теперь, стоит нам остаться без посторонних глаз и ушей — и Нокс либо начинает меня отчитывать, либо, простите светлые боги, пытается сожрать, словно я какой-то ежевичный пирог!

— Поцелуями? — Голос Нокса внезапно становится таким тихим, что я начинаю жалеть о своей болтливости. — Вы в этом абсолютно уверены, Тиль? Я знаю Эвина и его пристрастия, и обычно он не путает личное и государственное!

Громогласное эхо взлетает под потолок, и откуда-то сверху падает на меня камнем, как будто собирается выполнить безмолвный приказ герцога и вколотить меня в землю до самой макушки.

Хорошо, что он уже проделывал эти трюки раньше, и сейчас мне хватает сил сопротивляться. Даже держать голову ровно, а не втягивать ее в плечи.

— Я уверена, что Его Величество не думал о государственных делах все то время, что мы провели вместе, так что вам не о чем беспокоится, Нокс — он ничего не путал и был увлечен мне. А я была увлечена им, потому что Эвин прекрасный собеседник, а еще умный, смелый и очень красивый мужчина! И раз уж мне, с вашей легкой руки, уготована участь стать его женой, я собираюсь сделать так, чтобы в супружеской постели Его Величеству точно не приходило в голову думать о чем-то, кроме его молодой жены!

Плачущий, откуда в моем рту взялись все эти слова и так много?

Только осознание того, как глупо буду выглядеть, не дает залепить рот ладонью.

И еще прищур Нокса, который, пожалуй, еще страшнее, чем невидимая грозовая туча его настроения. Хотя сейчас она больше похожа на те страшные черные облака, которые приносят разрушительные ураганы. Кажется, один из них вот-вот обрушится прямо на меня.

Нокс делает тяжелый шаг вперед. Звук опустившейся на пол подошвы ботинка похож на дар кузнечного молота по наковальне. Я тут же пячусь назад и понимаю, что пути к отступлению перекрывает холодная каменная стена. Но стоит скосить взгляд в сторону двери, как Нокс тут же впечатывает кулак почти возле самой моей головы.

Каменные щепки летят прямо на него, но он даже не морщится, когда несколько оставляют на щеке выразительные царапины. Герцог просто смотрит на меня сверху вниз, и едва ли соображает, что между нами осталось слишком мало свободного пространства.

Между нами почти не осталось воздуха.

И теперь, чтобы сбежать, мне придется как-то прошмыгнуть у него под рукой, а я, даже в припадке бестолковой храбрости, не рискну это сделать, тем более сейчас.

— Вам следует немедленно отойти, Нокс, потому что следующее движение может причинить вашей драгоценной заднице

непоправимый ущерб, но в этот раз я не буду спасать вашу жизнь.

— Рад, что вы по достоинству оценили мою драгоценную задницу, Тиль, я бы хотел, чтобы вы не обделили ее своим стыдливым монашеским вниманием, — плотоядно усмехается он, и я начинаю леденеть, потому что между его странно бледными губами мелькают заострившееся клыки, и взгляд медленно наполняется тьмой.

Совсем как в ту ночь в бассейне.

— Нокс, — я сглатываю тревогу, убеждая себя, что ничего страшного не происходит, — по-моему, вы немного... перегрелись.

— Немного, Тиль? — Он протягивает вторую руку к моему лицу, и я с кончиков пальцев стекает густой черный туман. — Вы полагаете, что ваша эта бестолковая речь разозлила меня... *лишь немного?*

— Рэйвен, это уже не смешно... — бормочу я, потому что между моей кожей и его пальцами уже почти не осталось просвета.

— Я похож на шутника?

Его глаза полностью чернеют, и в густом непроглядном тумане цвета оникса, как будто сверкают далекие молнии.

Нокс медленно и с нажимом сжимает мое лицо в ладони.

Кожа под его пальцами горит, но это... так приятно.

Почему ничего не происходит? Почему эта проклятая штука на моей руке не отшвырнула нас друг от друга?

— Так вот, Тиль, — он с силой задирает мою голову вверх, и я слегка морщусь от болезненного прострела где-то в затылке, — поговорим же о королевской постели, и твоих супружеских обязанностях.

— Рэйвен, ты... не в себе, — умоляю я, но на самом деле совсем чуть-чуть хочу, чтобы этот миг продлился еще немного.

— Сегодня, малышка, ты поразительно точна в своих обычно бестолковых и поверхностных выводах. — Он трогает взглядом мои распахнутые от негодования губы. — Я действительно очень «не в себе» и если ты не перестанешь доводить меня до бешенства своими никчемными попытками разбудить ревность, то поименно познакомишься со всеми моими демонами.

— Не такие уж они и никчемные, раз вы беситесь, милорд, — отгрызаюсь я.

Кажется, теперь понятно, почему подарок Эвина не подействовал тогда и не действует сейчас.

Ни один смертный мужчина не может до меня дотронуться.

Но Нокс сейчас — не смертный мужчина. Он — чистая Тьма во плоти.

— Ты абсолютно не умеешь вовремя закрывать рот, да? — низким грудным голосом говорит он. — Как для разумного существа у тебя, Тиль, напрочь отсутствует инстинкт самосохранения.

— Я вас не боюсь, Нокс. Ни вас, ни ваших этих... рогатых попутчиков!

Боги светлые, как он усмехается!

Правый уголок рта приподнимается вверх, и в образовавшемся просвете появляется уже оформившийся белый клык, которым Нокс как нарочно царапает губу. Слизирует языком тонкую струйку крови, еще сильнее сжимая пальцы на моих щеках.

Мои губы приоткрываются, когда Рэйвен снова скользит по ним теперь уже совершенно непристойным взглядом.

— В постели с Эвином, моя малышка, ты будешь крепко и сладко спать, — чеканит он, как будто знает, что по какой-то лишь ему одному понятной причине, я буду следовать этому приказу неукоснительно. — Завернутая в одеяло вся, от пяток до кончика носа, как гусеница бабочки-капустницы!

От этого рокота снова дрожат стены, и трусливо дребезжит стоящий на соседней тумбе тяжелый бронзовый подсвечник.

— Потому что ты принадлежишь мне, Тиль, — его раскаленное дыхание щекочем тонкую и сейчас очень особенно чувствительную кожу моих губ.

— Уже нет, — шепотом отвечаю я. Не понимаю, откуда берутся силы сопротивляться даже сейчас, когда руки ломит от желания обнять его за шею. Даже если сейчас мой герцог не совсем в своем уме. — Потому что ты сам меня отдал.

— Глупая, глупая маленькая монашенка. — Он немного смещает ладонь, и с нажимом кладет большой палец мне на нижнюю губу, заставляя рот еще немного приоткрыться. — Да гори оно все пропадом, Тиль, я хочу тебя...

Его губы жадно, раскаленным клеймом накрывают мой рот.

Глава сороковая: Сиротка

Меня никто никогда не целовал, и до этого дня все, что я знала о поцелуях, было прочитано мной в книгах. И иногда я слышала, как об этом рассказывали больные и раненные, которых привозили в монастырь.

Я представляла поцелуи... другими.

Но этот просто лишает меня воли.

Я едва ли могу дышать, потому что губы Нокса как будто отбирают у меня силу, сопротивление и дыхание. И мне нужно лишь жадно дышать его воздухом и его низким рыком, когда я податливо приоткрываю губы.

Что делать дальше? Я не знаю.

Но возмущение и стыд захлестывают меня, когда притрагивается к моей губе языком, одновременно сильнее притягивая к себе.

Это так... непристойно, светлые боги!

Я хочу закричать, но не могу проронить ни звука, потому что Нокс приподнимает меня над полом, прижимает спиной к стене и крепко прижимается грудью к моей груди, как будто собирается пригвоздить собой испуганную бабочку-капустницу.

— Милорд... — слабо сопротивляюсь его напору, едва он разрывает поцелуй. — Что вы... собираетесь сделать?

Его плотоядной улыбкой можно соблазнить весь светлый пантеон, и никто не сможет противиться этим чарам!

— Для начала — преподать тебе пару уроков поцелуев, — даже не скрывает своих намерений герцог.

Ему не нужны руки, чтобы удерживать меня «распятой» на стене, поэтому когда его ладони оказываются у меня на плечах, я еще не понимаю, что последует дальше. Поэтому, когда он резко рвет ткань с плеч, я лишь задыхаюсь от холодного воздуха, который прикасается к обнаженной коже.

Нужно остановить Нокса, боги!

Это же... так...

Его темноволосая голова утыкается мне в ключицу, губы жадно втягивают кожу в рот, прикусывая так сильно, что я невольно запускаю пятерню ему в шевелюру и пытаюсь «оторвать» от себя. Бесполезно, он лишь жестче вдавликает меня в стену.

Его поцелуи скользят вверх по шее, до моего уха, которое Нокс так же жадно прикусывает.

В моей груди рождается тихий удивленный стон.

Это слишком приятно. Мое сопротивление вот-вот выбросит белый флаг, и это будет самая позорно быстро проигранная война в истории мира.

До безумного и непрекращающегося головокружения.

— Посмотри на меня... — Он приказывает, и я могу лишь подчиняться, потому что мое тело или даже что-то внутри меня, тянется к нему, как зачарованное. Так было уже множество раз и, наверное, это моя Тьма, которая нашла себе наставника и... господина.

Я приоткрываю тяжелые веки и темный клубящийся взгляд обжигает с ног до головы.

— Ты принадлежишь мне, Тиль, — говорит Нокс. — Повтори это.

Упрямо мотаю головой. Нет, это же безумие.

— Я не ваша вещь, милорд, — язык заплетается, но каким-то образом мне удастся сохранить внятность речи. — И не перчатка, которую вы поносите и стряхнете с руки.

— Упрямая ослица, — рокошет он, и затыкает мои попытки говорить новым поцелуем.

На этот раз так сильно и жестко, что мы стучимся зубами и на губах появляется соленый вкус крови. Он жадно прихватывает зубами мою губу и — боги, спасите мою грешную душу! — посасывает ее, как будто что-то бесконечно вкусное.

Одной рукой медленно тянет разорванное платье по плечам почти до самых локтей.

Опускает руку ниже, на бедро, и пока его язык слизывает с моих губы новые стоны, медленно забирает ткань юбки вверх.

Выше и выше, пока холод не касается моих, затянутых лишь в тонкие чулки, коленей.

Обхватывает меня под коленом, уводит ногу сторону и нахально, очень... неприлично вторгается между моих разведенных ног своими бедрами.

Я хочу кричать от возмущения, но едва Нокс разрывает поцелуй, и мы смотрим друг на друга, из моего рта вырывается лишь наполненный желанием стон.

Наглец довольно усмехается.

— Прекратите... Ваша Светлость, — слышу тихий как шепот голос. Это я? Но я не хочу, чтобы он останавливался!

— Прекратить... что? — Он снова плавно и, одновременно, твердо, уводит бедра вверх, туда, где наши тела уже почти прикасаются друг к другу. — Полагаю, маленькая монашка точно найдет в своем богобоязненном лексиконе хотя бы одно слово для определения того, что я собираюсь с ней сделать.

Он как демон-искуситель во плоти, чтоб ему провалиться!

Но мое тело и моя душа тянутся к нему, как заколдованные.

И сердце взрывается разноцветными конфетти, когда царапаю его затылок и Нокс жмурится, и заводит голову чуть назад, чтобы делала это снова и снова.

Наши тела немного размыкаются, и верхняя часть платья предательски быстро сползает вниз, почти до талии. Упасть совсем мешают жалкие клочки, которые еще держатся на рукавах.

Я вспыхиваю от жгучего стыда, потому под платьем у меня лишь тонкая нижняя сорочка на тонких бретелях. Прозрачная более, чем прозрачна вода в королевском пруду.

Нокс скользит по мне взглядом и когда я пытаюсь прикрыться руками, собирает мои запястья в пятерню и заводит вверх, «приколачивая» своей рукой к стене.

Я не хочу, чтобы он смотрел.

Но и желаю этого.

— Ты торчишь у меня в башке каждую ночь, малышка. — Рэйвен прикасается пальцами к моей шее, и туман в его ладони стекает на мою кожу, заставляя вздрагивать от вспыхивающего внутри огня. — Приходишь... и хозяйничаешь у меня в голове.

Уверенные шершавые пальцы опускаются еще ниже, до кромки прозрачной ткани.

Надавливает. Бретели немилосердно рвутся, как будто сотканые из воздуха.

Когда последний клочок ткани падает вниз, Рэйвен нервно сглатывает, острый кадык дергается на шее, похожий на плавник акулы.

Его потряхивает, и ладонь, сжимающая мои запястья, превращается в тиски.

— Я хочу взять тебя, Тиль.

Темноволосая голова прижимается к моей груди.

Я вскрикиваю влажного прикосновения к коже.

От твердых и жадных губ, которые обхватывают чувствительную плоть...

— Матильда?! — кто-то скребется в дверь. — Матильда, ты здесь?!

Даже сквозь сладкую дымку в голове, я узнаю этот голос.

Примэль.

Я чувствую себя так, словно меня окатили ледяной водой.

Примэль не было в моей комнате, когда я уходил и за мной не было слезки — я убедилась в этом. Хотя не уверена, что так уж хорошо, потому что то проклятое вино, которое еще шумело в моей голове, даже сейчас порядочно туманит мой разум.

Я чувствую, как Нок резко отпускает меня, так, что я едва не валяюсь на пол кулем.

Делает шаг назад и энергично трясет головой.

Туман полностью стекает с его пальцев, взгляд проясняется, и на бледных щеках проступает румянец жизни.

Он снова... он?

— Матильда, я знаю, что ты здесь! Его Величество ищет тебя! На уши поставили весь замок! Я не знала, что сказать, и придумала, что у тебя разболелась голова и ты вышла подышать воздухом. Но гвардейцы вот-вот прочешут оранжерею, и лучше бы тебе быть там, потому что если король не найдет тебя — нам обеим не сносить голов!

Нокс моргает, и прикладывает палец к губам, когда мой взгляд задерживается на двери.

Шаги Примэль быстро отдаляются — в напряженной тишине это слышно особенно хорошо.

— Хаос все задери, — сквозь зубы цедит герцог, и потирает лоб. — Тиль, я... кажется...

— Его Величество меня ищет, — говорю в ответ и когда порываюсь к двери, громко охаю, потом что обрывки платья, которое я отчаянно прижимаю к груди, распадается в руках. — Отвернитесь, Нокс!

— Ох, зараза! — Он поворачивается на пятках и, не оборачиваясь, на вытянутой руке протягивает мне свой мундир. — Возьми, пожалуйста.

Я быстро накидываю его на плечи, и едва не подпрыгивают от панической тряски, стоит представить, чем закончится эта ночная

вылазка. Эвин действительно меня ищет? Плачущий, зачем бы я понадобилась ему посреди ночи и почему Примэль знает, где я?!

А если знает... то зачем пришла предупредить?

— Мое платье, боги. — Я все еще пытаюсь сложить клочки ткани, хоть это абсолютно бессмысленно. Мне сейчас поможет только чудо. — Нокс, я вас ненавижу!

— Если вы закончили причитать, Тиль, то идите за мной! — рявкает он. — и шевелите задницей!

Но идет он не к двери, а в противоположный угол комнаты, где настоящая гора из старой мебели и разбитых полок. Но во всем этом нагромождении есть небольшой просвет, куда Нокс ныряет первым и я, не думая и не мешкая, пробираюсь за ним. В узком проходе темно и пыльно, но он совсем короткий, и заканчивается еще одной аркой, за которой мы оказываемся еще в одном коридоре. Рэйвен идет быстро, прекрасно ориентируясь в темноте, и мне приходится почти бежать, чтобы успевать за ним.

Глава сорок первая: Сиротка

Зачем я понадобилась Эвину?

Ведь, даже если я каким-то чудом спею в оранжерею, что будет, когда он увидит мое порванное платье? Вряд ли король настолько глуп, чтобы поверить в стаю разъярённых собак, которые напали на меня, порвали одежду, но каким-то образом не оставили на мне ни царапины!

— На вашем месте, — «затылком» говорит Нокс, — я бы быстро выбросил эту дурь из головы.

— Прекратите копать в моей голове! — огрызаюсь в ответ. — Боги, как вы вообще...?!

— Любая попытка обвести Эвина вокруг пальца кончится плохо, Тиль. Лучше усвоить это сейчас, если вам дорога ваша голова. А я готов биться об заклад, что именно об этом вы сейчас думали.

— Ну простите, что я хочу охранить себе жизнь! — выкрикиваю я.

Плачущий, клянусь тебе чем хочешь — если ты поможешь мне выпутаться из этой передряги, я на Нокса никогда даже больше не взгляну! И вышвырну его из своей головы и... сердца.

Коридор заканчивается тупиком.

Я вижу, что Нокс шарит по совершенно гладкой кирпичной стене без намека на проем, но вдруг что-то щелкает, и часть стенки складывается «веером», открывая проход в абсолютно светлую комнату, прибранную и обустроенную.

— Шевелите вашей прелестной задницей, Тиль, у нас всего пара минут времени! — рывкает Нокс, пока я тупо таращусь на стоку посреди комнаты, на которой висит красивый алый мундир с целой кучей разных орденов и роскошной шелковой перевязью. Я видела почти такой же на Эвине — он был в нем на Королевском балу. Но этот, наверное, принадлежит хозяину комнаты?

Ноксу?!

То есть вместо того, чтобы помочь, этот... яблочный огрызок притащил меня в свою спальню?!

Я еще только перевариваю возмущение, а герцог в два шага оказывается около взъерошенной кровати, сдергивает с нее что-то и швыряет прямо в меня. Только в последний момент успеваю «очнуться» от возмущения и схватить летящее мне в руки что-то длинное, белое и с пенными облаками кружев.

— Переодевайтесь Тиль — у вас минута!

Это женский пеньюар.

Я мну ткань в руках, пытаюсь представить Нокса в этой вещице, и несмотря на напряженную ситуацию, образ в голове заставляет меня хихикнуть. Герцог прищуривается и делает предупреждающий шаг в мою сторону.

— Я обязательно хочу знать, что за чудесная коллизия заставляет вас смеяться, Тиль, но после того, как удостоверюсь, что вашей хорошенькой заднице ничего...

— Прекратите все время говорить о моей... моей...! — От возмущения задыхаюсь и, не в силах произнести это вслух, с досады топаю ногой. — И отвернитесь!

Нокс резко крутится на пятках, и я быстро вскальзываю из остатков того, что совсем недавно было милым домашним платьем. Чтобы вместо него одеться во что-то... Плачущий, помоги, вульгарное, почти бесстыжее и едва прикрывающее грудь.

Будет просто чудесно, если все эти бесстыжие шелка и кружева не вспыхнут на мне, потому что я, кажется, вот-вот сгорю от стыда.

Это явно не ночное белье Нокса.

Значит, здесь оно... оставлено...

А судя по разворошенной постели, оставлено совсем недавно.

Мерзость какая!

— Что вы творите, Тиль?! — гроыхает Нокс, когда я пытаюсь содрать с себя пеньюар.

— Не хочу ни на минуту задерживаться в одеянии графини! — ору я. — Как вы посмели предложить мне то, в чем ваша драгоценная роскошная невеста приходит в вашу... постель?! Вы мне омерзительны!

— Тогда, — герцог складывает руки на груди, — вам придется встретиться с Эвином голой.

Возможно, это лишь игра моего воображения, но лицо Нокса перекашивает от этих слов.

Он же говорил, что Эвин и пальцем меня не тронет? Может быть, я все-таки ему не безразлична?

«Очень, очень небезразлична, — накручивает внутренний голос, — как кормушка для его рогатых попутчиков!»

Это ведь не Нокс целовал меня и говорил все те непристойности, а лишь Тьма в его крови. А я, как последняя дура, снова развесила уши.

— Ну так как? — видя мое замешательство, подначивает герцог. — Полагаю, у вас нет выхода.

Ненавижу его! И себя ругаю на чем свет стоит, потому что имела неосторожность забыться и, если бы не Примэль, один богам известно, как далеко бы все зашло. Вот уж не думала, что буду благодарна шпионке герцогини.

— Пойдемте, — Нокс снова «отодвигает» стену, но на этот раз у камина, и я иду, обхватив себя руками что хоть как-то прикрыть срам, иду за ним в темный проход. — Слушайте меня внимательно, Тиль. Эвину вы скажите то же, что сказала ваша фрейлина — что вам не палось, вы чувствовали себя одиноко, решили прогуляться и заблудились. Вы всего несколько дней в замке, так что он в это поверит. Даже я здесь путался в первые недели, а меня запутать почти невозможно.

— Я не покажусь перед королем в таком бесстыжем виде.

— Вам придется, — рокочет герцог. И что-то шипит себе под нос, но мы идем так быстро, то я не могу разобрать ни слова.

— И часто герцогиня посещает вашу спальню в таком виде, Нокс? — вырывается у меня, хотя мгновение назад я собиралась еще разок послать его к черту.

— Ревнуете, малышка? — хмыкает он, резко сворачивая вправо, и я едва не налетаю на внезапно выросшую перед моим носом стену. Сворачиваю за ним и немного щурюсь от яркого света впереди.

— Не льстите себе, милорд, — пытаюсь придать своему голосу значительности. — Просто в следующий раз, когда вы вздумаете явиться ко мне в крови и собственных потрохах, и вам хватит наглости просить меня о помощи, я пошлю вас... прямо к леди Рашбур!

— Я не тронул Ив и пальцем с самого королевского бала, маленькая злюка.

— Ну конечно! — Мое театральное «ха-ха!», честно говоря, звучит жалко. — А ее бесстыжие ночные сорочки приходят к вам сами, видимо, чтобы петь колыбельные!

Нокс так резко останавливается, что мне приходится схватиться за стену, чтобы не расплющить нос об его спину. Поворачивается ко мне и глядит верху вниз, свирепо, как разъяренный бык, раздувая ноздри.

Наверное, мне нужно бы следить за языком.

— Когда все это закончится, маленькая ревнивица, я так отхожу тебя по заднице, что ты неделю будешь садиться исключительно с моим именем на губах!

Втягиваю голову в плечи, потому что все это очень похоже не на угрозу, а на отсроченное наказание. Нокс удовлетворительно кивает.

— А теперь, — отодвигается, показывая на резную дверь перед собой, — ты пойдешь туда и сделаешь как я сказал.

Я прижимаюсь спиной к стене и, обходя герцога по максимально возможной дуге, буквально выпрыгиваю в дверь.

Мне нужна хотя бы короткая передышка, чтобы понять, где я нахожусь.

Герцог был прав — в этом здоровенном замке так много ходов и выходов, что не заблудиться здесь, кажется, задача только для самых умных и внимательных. Но все же.

Справа светлая галерея с арочным потолком, вся увитая диким плющом насыщенного темно-багряного цвета, словно его нарочно покрасили под цвета флага Артании. И если принюхаться, то оттуда веет сладким томным ароматом пепельно-дымных роз, которые вывели

в оранжерее, как особенный сорт цветов королевства, которые растут только здесь и цветут, как ни странно, три раза в год, и даже в пору снега и мороза.

Значит, мне туда.

Я делаю пару шагов и чуть не падаю, потому что пышные кружева и многослойные шелка путаются в ногах, словно липкая паутина. И чтобы как-то придержать юбки, приходится отнять руки от груди, а это... Ох, Матильда, просто иди вперед и не опускай взгляд ниже подбородка. И думай о том, что скажешь Эвину, когда он поинтересуется, почему ты разгуливаешь по замку одна, да еще и в таком непристойном виде!

Когда в конце галереи я оказываюсь перед резной дверью, оформленной филигранной ковкой в виде райских птиц в кроне раскидистого дерева, останавливаюсь, делаю глубокий вдох и... ничего не успеваю, потому что дверь распахивается так резко и сильно, что едва не валит меня с ног. Я вскрикиваю от удара, который приходится как раз в плечо, и отскакиваю, чтобы натолкнуться спиной на преграду. Уверена, только что позади меня ничего не было!

— Матильда! Ради всех богов, я уже думал, что ты решила сбежать из-под венца! — грохочет у меня над головой рассерженный и обеспокоенный голос Его Величества, и мужские ладони, тяжело опустившись мне на плечи, в одно движение разворачивают лицом к себе.

— Ваше Величество, миледи Лу'На... — пытается отрапортовать гвардеец, который чуть не прошиб мне лоб дверью, но Эвин останавливает его резким взмахом.

— Спасибо за службу, можешь быть свободен.

Тот мастерски щелкает каблуками и испаряется з виду быстрее, чем я успеваю об этом подумать.

— Матильда, вам не следует одной бродить по замку! Вы меня чрезвычайно расстроили! — продолжает неистовствовать Эвин.

У него очень, очень серьезное лицо, и не похоже, чтобы он был готов выслушивать мои объяснения, даже если я соберусь с силами и выдам очень правдивую ложь. И тут до меня очень ясно, словно до этого дня в моей голове все было затянуто тучами, доходит, что Эвин — король великого огромного государства, которое славится своей нетерпимостью к инакомыслию и вольнодумству. Что Эвин никогда не

был и не будет просто мужчиной, который стерпит неповиновение и не будет размениваться на извинения каждый день. Он король, и у него свой собственный, отличный от простых смертных, взгляд на мир.

И быть его невестой и женой — это совсем не про беззаботную и сытую жизнь.

— Мне жаль, — я пытаюсь подобрать нужные и правильные слова, чувствуя себя чуть ли не аптекарем, отмеряющим точные унции целебных порошков и трав. — Я не должна была давать повод...

— Еще как не должны! — рывкает он, и крепкие пальцы впиваются мне в плечи, вдавливая плоть едва ли не до самых костей. И как раз в то место, где я меня уже есть «отпечаток» калитки.

Вряд ли ему понравятся мои слезы, так что я изо всех сил прикусываю губу, чтобы сдержать крик. Жмурюсь, уговаривая себя молчать и смиренно ждать наказания, потому что с королем нельзя спорить, королю нельзя сказать, что он не прав и любое его пожелание — самый первый закон для всех нас. А для меня, замарашки, присвоившей чужое имя, тем более.

Но пока я думаю все это, хватка внезапно ослабевает, и я слышу тихую ругань Эвина.

— Бездна, Матильда, я не хотел причинить вам боль.

Вместо того, чтобы разубедить его в этом, я с облегчением выдыхаю.

— Я действительно очень волновался, когда... гмм... что это на вас одето?

Мой вздох облегчения был слишком преждевременным, и сейчас мне остается лишь кое-как пытаться стянуть руками расходящуюся на груди ткань пеньюара. Я так торопилась, что не успела толком затянуть шнуровку, а у графини Рашбур эта часть тела, похоже. Все-таки немного уступает моей, хотя на королевском балу она так щеголяла открытым декольте, что каждая женщина в зале хотела стыдливо прикрыть грудь веером.

— Простите за мой недостойный внешний вид, Ваше Величество, — пытаюсь пробормотать свои искренние извинения, но Эвин внезапно притягивает меня к себе, лишая возможности произнести хоть слово, потому что моя грудь буквально расплющена об его!

— Я просил называть меня просто Эвин, Матильда. И это во-первых. А во-вторых. — Он одновременно подтягивает меня к себе и наклоняется к моему плечу, окуная нос куда-то в ключицу, чтобы сделать глубокий жадный вздох. — Вам это невероятно идет. И будоражит все мои мысли о вас и нашей скорой свадьбе...

— Эвин... — только и могу выдохнуть я, потому что его изменившийся тон намекает о мыслях короля более чем открыто.

Он так же внезапно отстраняется, нервно закладывает руки за спину и чеканит, глядя не на меня, а куда-то поверх моей головы:

— Я вынужден отбыть на несколько дней по срочным государственным делам, но не хотел отбывать, не попрощавшись с вами.

— Что-то случилось? — искренне беспокоюсь я.

— Ничего такого, чем бы вам следовало забивать свою хорошенькую головку, моя дорогая. — А вот он врет, и меня неприятно ранит эта попытка указать на мое место. Или он просто не хочет тревожить меня дурными новостями? — Я вверяю вашим заботам подготовку к празднику, Матильда, тем более, это была ваша идея, и надеюсь, к моему возвращению у вас уже будет свадебное платье.

— Мне? — Мороз по коже от одной мысли, что придется организовывать настолько... грандиозное событие. Я даже в монастырском курятнике не могла навести порядок, а тут!

— Считайте, ваше первое ответственное поручение в статусе почти королевы, — подмигивает Эвин, и снова порывисто увлекает меня к себе, на этот раз вынуждая задрать голову, чтобы смотреть прямо ему в глаза. — И еще одно. Когда я вернусь и мы останемся одни, я желаю видеть на вас эту же прелестную вещицу. Разве что, завязана она будет чуть более... свободно.

Плачущий, я пропала.

Глава сорок вторая: Сиротка

Эвин сам проводит меня до комнаты, заходит внутрь и недобрым взглядом проходится по согнувшейся в реверансе (как всегда идеальном), Примэль.

— Леди Ла-Форт, — у него стальной голос человека, который делает последнее предупреждение, — я надеюсь, подобных инцидентов больше не будет?

— Я прошу прощения, Ваше Величество! — дрожит и заикается она. — Клянусь всем светлым и важным, что есть в моей жизни, что это больше не повторится! Я не оставлю миледи одну ни на минуту!

— Очень на это рассчитываю, баронесса, потому что, хоть вы отчего-то и дороги моей невесте, я не задумываюсь избавлюсь от вас, чтобы место Первой фрейлины заняла более расторопная девушка. Я выражаюсь достаточно ясно, леди Ла-Форт?

Она снова бормочет извинения и говорит «да» так часто, что у меня начинается приступ оскотины. Хорошо, что Эвин на прощанье целует мне руку и, не глядя, уходит из комнаты, а то бы он наверняка отметил мой кислый вид.

Примэль тут же запирает комнату изнутри и наваливается на нее спиной, дыша так часто и глубоко, словно у нее приступ легочной хвори. Трясущимися руками достает из невидимого кармашка в складках платья жестяную коробочку с леденцами и забрасывает в рот сразу несколько. Грызет их с противным хрустом, и лишь спустя пару минут, глядя на меня с немым возмущением, громко шипит:

— О чем вы только думаете?!

«Вы»?

Она никогда не называла меня на «вы» и я не помню, чтобы просила об этом.

— Не понимаю, о чем ты. — Иду к шкафу и нахожу одну из простых льняных ночнушек, в комплект к которой идет домашнее платье из богатого тонкого бархата. Нужно поскорее снять с себя это кружевное безобразие! — Просто хотела походить по замку и посмотреть, как тут что, и...

Она оказывается сзади быстрее, чем я успеваю это понять, и влезает между мной и шкафом с настойчивостью угря.

— Вам с ним нужно быть осторожное, — говорить еще тише. — А особенно ему, потому что скоро весь замок начнет шептаться, что любимая невеста Его Величества преподнесет жениху в качестве свадебного дара прекрасные ветвистые рога!

Я сплываю и закрываюсь от этой мерзости ворохом одежды.

— Примэль, я ненавижу слухи, в особенности, когда их происхождение не трудно угадать. — Я слышала, что Вероника Мор, которая пока что избегает попадаться мне на глаза, активно судачит о

том, что я «приворожила» его величество. Смех да и только. — И буду очень благодарна, если ты не будешь тревожить меня пустыми...

— Послушай же! — Она топает ногой. — Если ты думаешь, что это Вероника, то нет! Это твой обожаемый гвардеец не умеет держать рот на замке!

— Мой... кто? — Все события этого вечера внезапно меркнут перед этой новостью. Даже поцелуи герцога, кажется, превращаются в блеклое воспоминание.

— Тот, к кому ты украдкой бегаешь на свидания! — снова топает Примэль. — И если ты не прикажешь ему прикрыть рот и не хвастаться своими «небоевыми подвигами», то, клянусь честью своей семьи, это сделаю я!

Если бы гром грянул среди ясного неба и прямо мне на голову — я и то удивилась бы меньше.

Хотя мое состояние вряд ли можно назвать удивленным. Меня словно рыбу поймали за жабры в мутной воде, выволокли на сушу и начали упрекать в том, что она разучилась ходить.

Орви говорит о нашем... романе?

Я мотаю головой и пытаюсь обойти Примэль, но она очень поделовому теснит меня обратно к шкафу, видимо почувствовав мою слабость.

— Я серьезно, Матильда, — говорит уже немного более миролюбивым тоном. — Не знаю, чем тебе не угодил король, потому что этот гвардейчик ему и в подметки не годиться. Но если ты влюблена в другого, то...

— Я ни в кого не влюблена! — теперь приходит моя очередь топтать ногой, потому что вся эта история очень напоминает мой последний визит в Соболиный утес, к настоящей герцогине. Той тоже очень нравилось загонять меня в угол и выдвигать условия. Сразу видно, что эти двое работают в паре. — Не знаю, что ты слышала, но у меня нет никакого романа и я, душой и телом, всецело принадлежу Его Величеству. И буду очень благодарна, если ты прекратишь собирать все эти гнусности. Или... — я прищуриваюсь, потому что такой вариант тоже возможен, — ты сама их распространяешь?

Примэль таращит на меня удивленные глаза, и я успеваю вырваться из-под ее влияния, устремляясь в дальнюю часть комнаты.

— Матильда, что ты... — заикается моя фрейлина. — Ты правда думаешь, что я... Что способна на такое после всего, что ты для меня сделала?

— Я не знаю, на что ты способна. — Приходится держать себя в руках, потому что у Примэль — просто отличная актриса. Выглядит такой искренне обиженной, словно в самом деле не при чем. — Помоги мне переодеться и можешь быть свободна.

— Да, Ваша Светлость, — все еще бормочет она.

Пока помогает мне одеться в домашнее платье, не произносит ни звука, хотя раньше ее было не остановить. Поняла, что попалась и боится сболтнуть лишнего?

— Завтра разбуди меня в шесть, — говорю ей в спину. — Его Величество оставил мне заботы о празднике, и я хочу, чтобы к его возвращению все было готово.

— Да, Ваша Светлость, — стеклянным голосом отвечает Примэль.

Когда она уходит, я снова запираюсь изнутри и, свернув пеньюар графини кулем, без сожаления и даже с радостью, сую его в огонь. Пламя почти моментально переползает на тонкую ткань, и через пару минут от кружев и шелка остаются только тлеющие завязки.

Вот и хорошо.

А теперь самое время подумать, что мне нужно для организации праздника.

И завтра же, как только выпадет свободное время, поехать, наконец, к химеру.

Глава сорок третья: Герцог

Вряд ли Тиль поверит, если я скажу, что накануне вечером застал Ив у себя в комнате, сидящую на моей кровати вот с той белой вещицей в руках. Она считала, что просто обязана узнать мое мнение насчет «белой прелести», которую он собирается надеть в нашу первую брачную ночь. А когда я громыхнул и попросил Ивлин убраться вон, она так спешила, что забыла пеньюар у меня на кровати.

Правду говорят, что пути богов невидимы и неисповедимы.

Кто бы подумал, что вещица окажется так кстати.

Пока экипаж подпрыгивает на ночных дорогах столицы, я не без пикантного удовольствия вспоминаю маленькую монашку, раздетую

откровеннее, чем любая бордельная девица. С той лишь разницей, что даже в откровенном наряде моя Тиль выглядела так целомудренно, что над ее кудрями едва ли не светилося божье знамение.

В моей голове мелькают неясные образы белой кожи, обрамленной обрывками платья, на губах, хоть я старался его вывести, постоянно вспыхивает вкус медовой сладости жасминового чая. И этот запах... Я жмурюсь и вдыхаю пустоту перед собой, но она наполнена цветочной пылью и...

Хорошо, что кучер промахивается на перекрестке и слишком лихо влетает в поворот, из-за чего меня трясет, словно пустой бочонок. Это бодрит и немного приводит в чувство, пока я не стал вести себя как влюбленный идиот.

Поверить не могу, что мой циничный и сухой до эмоций мозг вдруг растекся «пылью и медом».

Я пару раз от души пинаю «спину» экипажа, требуя мужика на козлах быть аккуратнее.

Конечно, верхом было бы быстрее и спокойнее, но я нарочно выбрался из замка инкогнито, как в старые добрые времена, чтобы посетить информатора Ив, посмотреть его доказательства и, если они действительно что-то значат и могут навредить Тиль, избавиться от них любым доступным способом.

О том, что, вероятно, придется избавиться и от информатора, откладываю на потом. Может, я и Инквизитор, и Палач короля, но не головорез и не душегуб. Одно дело убивать и резать глотки на поле боя, но совсем другое — прижучить обычную «крысу». Которая, кстати, еще может быть полезна Артании.

Стим-парк находится на западе столицы. Темное место, насквозь провонявшее машинным маслом, углем и прочими «атрибуты» здешней черноремесленной жизни. Я еще толком не вышел из экипажа, а запах раскаленных стеклодувных цехов уже наполнил мои легкие.

— Вы простите, милорд, там вечно какие-то дворняги шастают, — извиняется кучер, кланяясь и комкая в руках старый «котелок» с облезлыми полями.

Я бросаю ему пару монет, и молча шагаю в переулок.

Хорошо, то Ив, убежденная в своей корой победе, разболтала все о своем информаторе и где его искать. И даже условный пароль.

Плохо, что теперь сам Хаос не разубедит меня в том, что с такой же легкостью она болтает и о наших делах.

Это небольшая печатная мастерская, в которой издается какой-то местный новостной лист — приземистое, лишенное любых изысков здание под тяжелой плоской крышей, на которой «гнездится» странная конструкция из балок и проводов.

Сейчас четвертый час ночи, улица совершенно пуста и освещена далеким тусклым светом керосинового фонаря. А вот за единственным окном кособокого домишки горит огонек, и я замечаю неясную тень, которая бродит туда-сюда, словно готовится выступить на публику.

В дверь стучу, как и сказала Ив — два по два и один.

Конспираторы чертовы, хаос бы их побрал.

О том, что кто-то крадется с той стороны, слышу по скрипящим под ступнями половицам, и мысленно закатываю глаза, потому что все это больше похоже на шпионские игры из дамских бестолковых романчиков, чем на стоящее моего внимания дело. Если так пойдет и дальше, то вряд ли вся эта «важная информация и компромат» окажется чем-то действительно несущим угрозу.

— Мимозы в саду еще не распустились, — скрипит из-за двери противный старческий голос.

Поборов желание к чертовой матери снести дверь с петель и разобраться с этим делом по быстрому, говорю ответ на кодовое слово:

— А у тетушки Мо уже желтые.

Хорошо, что улица безлюдна и у моего позора нет свидетелей.

В замочной скважине трижды проворачивается ключ, потом слышны стук и лязг, обильно сопровождаемые пыхтением и сопением, и только потом дверь медленно приоткрывается.

Я, не задумываясь, пихаю ее, чтобы открыть достаточный проход. Хватит и того, что приходится согнуться чуть не вдвое, чтобы не протаранить лбом низкий дверной косяк.

Хозяин этого места стоит прямо передо мной, держа в руках тяжелую дверную щеколду.

Он едва ли мне до плеча, сухой, морщенный, обросший седыми космами и с такой же клочковатой седой бородой. Ему, наверное, лет сто, настолько глубокими выглядят все его морщины, за которыми толком не рассмотреть лица.

— Вы кто? — спрашивает кашляющим голосом, и я пинком захопываю за собой дверь. От удара старикашка подпрыгивает, и щеколда с грохотом вываливается из его рук. — Я ждал леди...

— А пришел я, — перебиваю его. — Где доказательства? Я хочу видеть их немедленно.

А чтобы подстегнуть его быстрее шевелить мозгами, верчу между пальцами золотой дублон, новенький и блестящий, на который можно купить весь этот дом вместе с барахлом и хозяином в придачу.

— Да, господин, — старик с юношеской прытью бежит куда-то за горы из стопок старых книг и пачек газет. Роется там, и возвращается с какими-то бумажками в руках. — Вот, господин, стары Смитти никогда не врет.

Я выхватываю листы из его рук и, повертев дублоном перед сморщенным носом, позволяю монете исчезнуть из моих пальцев. Старый трюк.

Старик скрепит зубами, но терпеливо ждет.

В конуре ни черта не видно, так что приходится выудить шарик с Аэром и подсветить его над головой.

Это не просто листы, а вполне приличные фотоснимки. Недавнее изобретение, но уже очень полюбившееся всем местным газетенкам. Пройдет с десятков лет и каждого обладателя фотокамеры будут проклинать почище выроdkов бездны.

— Я снял все, как надо, — хвастается старик, явно набивая себе цену. — Видите, все видно, как перед божьими очами!

На десятке черно-белых снимков действительно Матильда — около автомата для воздушной кукурузы, неподалеку от карусели, идет по покрытой рытвинами алее, задерживается рядом с аттракционом глотателя шпаг. И всюду за ней, словно тень, следует мужчина — чуть выше среднего роста, одетый во все черное без опознавательных знаков. Его лица не видно, потому что фотограф явно и не задавался такой целью, вместо этого сняв Матильду со всех возможных ракурсов.

Есть только одна фотография, где парочка стоит около продавца жареных каштанов.

Тут мужчина наклоняется к Матильде и фотокарточка ловит его как раз в тот момент, когда лицо слегка повернуто в сторону. Это все

равно мало что дает, но...

Готов биться об заклад, что я уже где-то видел похожий нос и лоб.

Есть пара мыслей на этот счет — одна другой «лучше», но я придерживаю их на потом.

Сейчас нужно разобраться со старикашкой, потому что он может стать реальной проблемой уже в самом ближайшем будущем. Даже не знаю, какие силы благодарить за то, что Ивлин очень хочется протянуть меня еще выше по карьерной лестнице, хоть куда уж дальше, если король Артании считает меня своим лучшим другом? Но если бы Ив получила эти снимки раньше меня и отнесла их Эвин, он был бы. Мягко говоря, в гневе.

И Тиль пришлось бы очень постараться, чтобы выкрутиться из ситуации, к которой она не имеет никакого отношения.

— Я же говорил, что это — настоящая правда, — старик кружит вокруг меня, словно шакал, дожидаясь, пока лев наестся и разрешит обглодать кости падальщикам. — Ваша милость должна быть довольна!

— Моя милость, милейший, хочет получить все. — Сую фотокарточки во внутренний карман куртки и делаю вид, что не замечаю перекошенное лицо старика. Свою добычу он уже отдал, а вот плату до сих пор не получил. — Насколько мне известно, у фотокарточек есть негативы? Я желаю их получить.

— Не понимаю, о чем вы, Ваша милость. — Старик семенит обратно к книжным завалам. — Все, что у меня было, я вам отдал. И прошу плату за свой честный труд.

— Честный труд? Это ты об антенне на крыше своего клоповника? — Поднимаю палец к потолку, имея ввиду совсем не потолок, а ту странную конструкцию, которая сразу бросилась мне в глаза. — Хорошо, старик, давай поговорим о честности и о твоём личном вкладе в процветание Артании.

Он меняется в лице, и начинает нервно, словно паук, перебирать сухими пальцами кисти старого, в много слоев обернутого вокруг шеи, шарфа.

— Ты ведь знаешь, что наш король делает с любителями подрывать устои государства? — Я делаю шаг вперед и ленивым взмахом руки отшвыриваю тяжелый дубовый стол к дальней стене, об которую он с грузным скрипом разбивается. Щепки долетают даже

сюда, и одна царапает старику щеку, за которую он тут же хватается двумя руками. — Знаешь, что Его Величество приказывает делать с теми, кто налаживает контакты с проклятыми демократами с Летающих островов? И с теми, кто, пользуясь вот такими штуками на крыше, вещает о свободе и равноправии?

— Милорд, я не понимаю...

Я делаю еще один взмах, на этот раз боле тяжелый, и единственное поганое окно в этой лачуге с треском вылетает наружу вместе с половиной стены. Каменное крошево градом валится наружу и внутрь, поднимая серые облака пыли.

Старик начинает хныкать совсем как малый ребенок.

Обычно, я не трогаю тех, кто не может за себя постоять, но этот умник определенно станет исключением из правил, и моя недобитая совесть будет спать спокойно.

— Пощадите, Ваша Светлость, — старикашка заваливается на колени, и ползет в мою сторону, словно побитая псина. — Я просто болтаю разное. Никто не слушает бред старого Смитти.

Вполне возможно, так и есть.

Но это не означает, что завтра эту эстафетную палочку не перехватит тот, кому «хватит ума» говорить громче. А именно так и начинаются бунты — с одной искры, которую зажигает тот, кто точно не влезет в первый ряд, когда войска Эвина придут наводить порядки.

— Негативы, — повторяю я. — Все, что есть.

Если бы было возможно вынуть ту часть его мозга, которая отвечает за эти воспоминания, я бы потребовал и ее.

Надежнее, наверное, было бы просто избавиться от этой тявкающей собаки, но я, наверное, и правда начал зреть, потому что это будет бессмысленная и пустая смерть. Он и так уже готов целовать мне ноги, если я уйду и не похороню его под развалинами собственного клоповника.

Старик с невиданной прытью подскакивает на ноги, несется в свои закрома и возвращается с внушительной пачкой деревянных рамок, в которые вставлены задымленные тонкие прямоугольники стекол. Я просматриваю каждый в тусклом шарике света, и это действительно те самые негативы.

Выждав паузу, один за другим бросаю каждый на пол, чтобы доказательства превратились в битое и уже абсолютно прозрачное

стекло. Даже если их снова восстановить каким-то Аспектом — это будут всего лишь тонкие стеклянные пластинки, на которых не останется и тени прошлых картинок.

— Хорошо, — говорю я, после некоторой паузы, и вручаю ему пару серебряных монет. — Убирайся отсюда, прямо сейчас, в чем есть. Куда хочешь, не оглядываясь и так быстро, чтобы когда я закончу считать до трех, от тебя и духу не было. И забудь обо всем этом, потому что, если мне хотя бы покажется, что ты вздумал обвести меня вокруг пальца, следующая наша встреча станет для тебя болезненной, мучительной и последней.

О том, что человек достаточно запуган, можно понять по тому, как он уносит ноги.

Не начинает хвататься за вещевой мешок, не сует руку в тайник за бабкиным серебром. Он просто бежит за дверь и уносится куда-то, куда еще и сам не знает.

Я нахожу в доме пару старых, наполовину пустых керосиновых ламп, бросаю их на кучу книг и щелчком поджигаю вонючее масло. Старье тут же вспыхивает и начинает немилосердно дымить.

Выхожу, осматривая совершенно пустую улицу. Никого, даже бродячих собак нет.

Отлично.

Тьма в крови просыпается по моему приказу, и мне нужна лишь пара движений, чтобы сдавить лачугу, словно картонную коробку. Стены трещат по швам, разваливаются, и крыша грузно валится в самый центр столба пламени и дыма.

Даже самый придирчивый ищейка не найдет к чему придраться. А, к счастью, полиция не любит тратить время на расследование пожаров в бедных квартала. Спишут все на несчастный случай и закроют дело как «доказанное и раскрытое».

Я ныряю в тень и быстрым шагом убираюсь вон из этой коптильни, пока она не превратилась в источник развлечения для зевак и любителей жаренного зефира.

Глава сорок четвертая: Сиротка

— Ты со всем справишься, — говорит Примэль, и завершающим штрихом добавляет мне в прическу серебряную шпильку с красивым цветком на конце.

Он так похож на настоящий цвет вишни, что я даже пробую его пальцем, чтобы убедиться, что розовые лепестки прохладные и покрыты тонкой эмалью.

Через полчаса у меня первое в жизни заседание Малого совета, и я чувствую себя человеком, которому предстоит говорить буквально с ножом у горла. Не представляю, как с этим справлюсь, но раз выхода все равно нет...

— А если тебя не будут воспринимать всерьез, — уверенно продолжает Примэль, — просто напомни им, что Его Величество назначил тебя ответственной за этот праздник, и что он потерпит, если его приказы не будут исполнять.

У меня даже нет слов, чтобы сказать что-то в ответ.

Потому что, хоть она, скорее всего, сама распространяет ужасные слухи обо мне и Орви, сегодня именно Примэль помогает мне не упасть духом. Очень странная шпионка. Разве она не должна наоборот вставлять мне палки в колеса и всеми силами сводить на нет...

Я поднимаю взгляд и замечаю в зеркальном отражении ее триумфальное выражение лица и задранные вверх большие пальцы.

Ну да, конечно. Им с герцогиней нужно укрепить позиции при дворе, а раз настоящая Лу'На пока не может занять мое место, они будут делать все, чтобы подготовить почву для ее возвращения.

— Я вполне спокойна, Примэль, — говорю холодным стеклянным тоном, на что она снова реагирует удивленным взглядом и дрожащей от обиды губой. — Но спасибо за поддержку.

Она рассеянно кивает, и семенит за мной на «расстоянии вежливости» всю дорогу до зала, за дверь которого так шумят, что перепалку слышно в другом конце коридора. Когда подхожу ближе и пару раз отчетливо слышу «мерзавка Лу'На», суть спора становится ясна — кому-то там очень не нравится, что Эвин наделил меня полномочиями.

Я на минуту застываю у двери, делаю глубокий вдох и в эту тяжелую наряженную минуту почему-то вспоминаю тот день, когда на замок напал рогатый демон. Я его не боялась, и я с ним справилась, а там, за дверью, обычные люди.

Все будет хорошо.

Примэль, кем бы она ни была и в чьих бы интересах не действовала, права — Эвин сделал меня главной, значит, они обязаны

меня слушать и принимать мои решения.

По моему кивку гвардейцы услужливо распахивают двухстворчатые тяжелые двери, и я захожу в небольшой, но красиво обложенный белым и голубым мрамором зал. В нем так холодно, что невольно ежусь от пронизывающего сквозняка по плечам. Для своего появления на совете я выбрала темно-синее платье из атласа, сдержанного силуэта и без лишней мишуры., но для здешней температуры оно явно слишком тонкое. И если совет затянется, я рискую либо превратиться в ледышку, либо простыть.

Первое, что бросается мне в глаза — за простым деревянным столом сидят всего четверо: высокая седая дама в черном вдовьем платье, леди Главный Алхимик Артании (та, которая вела второе испытания), пожилой господин, на шее которого висит медальон Королевского казначея и... Вероника Мор.

Я, конечно, не ждала, что на совет по оформлению праздника придут генералы и лекари, но точно не понимаю, что здесь делает Вероника.

В напряженно тишине мы с моей бывшей первой конкуренткой обмениваемся тяжелым взглядами. Буквально чувствую, как она ждет, что я испугаюсь и сбегу, поэтому мой уверенный шаг по направлению к столу заставляет Веронику кисло поморщиться.

— Леди Лу'На. — «Вдова» делает едва заметный реверанс, остальные дамы повторяют за ней. Господин Королевский казначей встает и кланяется. — Вы чрезвычайно пунктуальны. Меня зовут Альберта Белл, и я — член Большого и Малого советов. С леди Кассандрой Блор, Хранительницей Первого аспекта и Золотой перчатка Ордена просветленных, вы, насколько мне известно, уже знакомы. Как и с леди Мор. Это, — указывает на Главного казначея, — лорд Эмиш Да'Лан, Королевский казначей. Мы здесь, чтобы помочь вам с организацией праздника, как и пожелал Его Величество.

Я киваю всем, занимаю свое место в центре стола и, дождавшись, пока сядут остальные, задаю вопрос, который следовало задать сразу:

— Я бы хотела узнать, что здесь делает леди Мор?

— Миледи? — Альберта Белл недовольно приподнимает тонкую как нитка, бровь.

— Насколько мне известно, — приходится изо всех сил сдерживать раздражение в голосе, — графиню Мор назначили быть

ответственной за последствия Отбора, и срок ее полномочий истекает... через несколько дней? Поэтому, я желаю услышать причину, по которой она присутствует на заседании Малого Совета, к которому не имеет никакого отношения. И если эта причина покажется мне недостаточно веской, я требую, чтобы леди Мор удалилась.

— Да как она смеет! — срывается Вероника, и ее перекошенное лицо похоже на морду мелкой и безвредной, но бешеной собачонки.

Даже странно, что раньше она внушала мне легкий трепет — она же самая обычная наглая девица, которая лезет в каждую щель не потому что умная и талантливая, а потому что кто-то заочно назначил ее будущей Королевой Артании. Назначил — и прогадал.

— Леди Мор, — я нажимаю на ее фамилию так, чтобы это звучало предупреждающе, — вы не обучены придворному этикету?

— Леди Лу'На, полагаю, я должна вступить за графиню, — пытается вмешаться Вдова.

— Несомненно, леди Белл, раз вы постоянный член Большого и Малого совета.

— Это я попросила леди Веронику присутствовать, потому что она, как вы правильно заметили, отвечает за возможные претензии в адрес Короны со стороны участниц Отбора и их семей. И, коль скоро у нас появилась претензия, я посчитала нужным пригласить леди Мор для... гмм... частного обсуждения этих претензий, потому что они касаются вас лично.

Я не позволяю ее пытливому взгляду прощупать мои эмоции, хоть, признаться, такой поворот событий выбивает из колеи.

— О каких претензиях идет речь? — Я все еще неплохо владею голосом, хоть где-то внутри предательски дергается очень-очень нехорошее предчувствие.

«Вдова» кивает Веронике, и та крайне небрежно кладет передо мной пергамент.

Когда вся эта история закончится, я обязательно припомню ей каждый кислый взгляд в мою сторону и каждую попытку показать, где мое место.

В пергаменте, исписанном неряшливым почерком и усеянном кляксами и еще какими-то бурными пятнами, написана... какая-то чушь.

Потому что там говорится о том, что семья погибшей леди Риванны Ферфакс просит Корону возобновить расследование в связи с трагической гибелью их дочери, потому что они получили сведения, указывающие на причастность к ее гибели герцогини Матильды Лу'На.

То есть, меня.

Я перечитываю письмо снова.

И еще раз, но нигде нет ни намека на то, что эти «доказательства» существуют в реальности. Ведь если бы у родителей Риванны в самом деле были неоспоримые факты того, что именно я приложила руку к гибели их дочери, вряд ли они писали бы письма с угрозами, вместо того, чтобы сразу сдать меня дознавателям. По крайней мере, я бы так и поступила, будь у меня возможность заткнуть рты всем недоброжелателям.

Я максимально безразлично откладываю пергамент в сторону и, разглядывая триумфальное лицо Вероники, вспоминаю каждый раз, когда она пыталась меня умыть. И как потом бесилась от злости, что я каким-то чудом ее обходила. А когда Эвин назвал меня своей невестой, на нее было жалко смотреть. Вероника не повесилась на собственной косе только потому, что получила место при дворе. И теперь я, кажется, понимаю, благодаря кому.

— И где же доказательства? — По очереди осматриваю сначала Веронику, потом леди Белл. — Я так понимаю, семья Риванны должна была их предоставить, иначе разбрасываться такими обвинениями по меньшей мере очень непредусмотрительно.

Вероника не успевает как следует насладиться триумфом, зато я довольно улыбаюсь, глядя как она стремительно меняется в лице. И снова Вдова делает шаг вперед, забирая на себя инициативу. Так что у меня не остается никаких сомнений насчет того, чья протезе моя бывшая соперница и кому подпевает.

— Семья Риванны предусмотрительно пожелала сперва обсудить это деликатное дело... — осторожно начинает она. — Ведь речь идет не о какой-то беднячке, а о невесте нашего короля. Некоторые дела требуют деликатных решений.

— Леди Белл, правильно ли я понимаю, что вот с этой писулькой, — нарочно медленно разрываю пергамент на несколько крупных кусков, — вы и леди Мор, явились сюда сегодня, чтобы

обвинить меня в страшном преступлении, при этом не имея никаких свидетельств моей вины?

— Почтенный граф Ферфакс не из тех, кто стал бы голословно говорить такие страшные вещи, — стоит на своем Вдова, и Вероника, высунувшись из-за ее плеча, тоже что-то подтягивает. — Никто о всей Артании не усомнится в его честном слове. Все здесь присутствующие могут подтвердить это.

Она обводит зал широким жестом, но не очень похоже, чтобы Казначей и леди Главный алхимик спешили примкнуть к их маленькой, но амбициозной мести мне.

— Все когда-то случается впервые, — пожимаю плечами. — Я еще раз повторяю вопрос, леди Белл, и буду благодарна, если вы перестанет держать меня за дуру, отделяваясь бестолковыми ответами: где доказательства той страшной вещи, в которой меня обвиняют?

Она молча сжимает губы, пока они не превращаются в тонкую щель на лице.

— У меня нет повода не верить словам графа и отца, оплакивающего единственно дочь, — говорит сиплым резким голосом. — Но, если вы настаиваете... Заметьте, герцогиня, мы с леди Мор очень хотели пойти вам навстречу и попытаться решить дело мирным путем, не поднимая лишний шум.

— И как же, позвольте спросить, вы собирались мне помочь? Проследили бы за тем, как я сбегу, теряя туфли?

— Вы выражаетесь так... странно, герцогиня, — кривится Вероника.

— Для вас, леди Мор, я — Ваша Светлость герцогиня Лу'На, — поправляю ее. — И прошу всех присутствующих обращаться ко мне именно так. А теперь, возвращаясь к тебе обвинения в мой адрес, хочу раз и навсегда обозначить свою позицию Леди Мор, советую вам внимательно ее послушать, потому что вы такие вещи должны понимать самостоятельно. Я не имею никакого отношения к случившемуся следи Риванной несчастью. Мне не в чем каяться и моя совесть абсолютно чиста. Что движет графом Ферфаксом — мне неизвестно, но я обещаю, что лично разберусь со всем этим. До тех пор или пока граф не предоставит какие-то веские доказательства моей вины, эта тема никогда не должна подниматься, потому что она компрометирует не только меня, но и Его Величество.

— Это твоя вина! Это ты заметала следы! — бурлит Вероника, и я морщусь от того, насколько раздражительно звучат верхние ноты ее визжащего негодования. — Все знают, что ты хотела меня убить! Все это видели!

Мы несколько мгновений пикируемся взглядами и я, к своему мысленному триумфу, выигрываю в этом противостоянии. Больше я эту выскочку не боюсь.

— Леди Мор, полагаю, вы хотели сказать: «Простите за мою недалекновидность и безответственность?» — Я встаю, чтобы уравнять наши с ней шансы и не смотреть на эту выскочку снизу вверх. — Потому что, если вдруг нам всем здесь послышалось то же, что и мне, этот ваш выпад можно расценивать только как неприкрытую попытку оскорбить невесту короля. И за это, леди Мор, я прикажу взять вас под стражу до возвращения Его Величества! Посмотрим, хватит ли у вас смелости повторить это в его присутствии.

Вероника бледнеет, и ее попытка снова спрятаться за спину Вдовы заканчивается крахом, потому что леди Белл сторониться от нее, словно от прокаженной.

— Но, леди Мор, — подаюсь вперед, — я все еще надеюсь, что все это — лишь плод нашего коллективного воображения. Или, может, я ошибаюсь?

Вероника отступает, растекается в реверансе и сбивчиво бормочет извинения.

— Хорошо, леди Мор, на этом инцидент будем считать исчерпанным. И я так же надеюсь, что вы, трезво оценив свое поведение, сегодня же сложите полномочия и покинете дворец.

Она неуклюже пятится до двери и исчезает за ней даже быстрее, чем я ожидала.

— Леди Белл. — После моего обращения, Вдова снова напряженно поджимает губы. — Я полагаю, это деликатное дело можно поручить только вам.

— Я исполню любой ваш приказ, Ваша Светлость. — Но на лице у Вдовы написано, что любая моя просьба, а тем более приказ — для нее как куриная кость в горле.

— Подыщите леди Мор подходящего ее статусу жениха. Уверена, когда Его Величество вернется, он поддержит мое предложение.

Жаль, что я не помню фамилию того старика, за которого хотели отдать Примэль — даже если она сильно приукрасила его дурной характер, для Вероники это была бы идеальная партия.

— А теперь, — перевожу взгляд на Казначая, — перейдем к основной причине заседания Совета.

Глава сорок пятая: Сиротка

— Корона не может себе позволить такие траты! — пресекает мое первое же предложение Альберта Белл. — Ваша Светлость, хотела бы вам напомнить, что в свете событий, произошедших во время Отбора, Артании следует очень осторожно и вдумчиво использовать средства казны. Например, на перевооружение армии и рекрутинг.

Я уже поняла, что хоть она толком и не назвала свою должность в Совете, именно эта женщина считает себя главной. Вдова даже не считает нужным скрывать свое желание перекрутить на свой манер буквально каждое мое слово.

— Леди Белл, могу я поинтересоваться, почему именно вы, хоть в зале присутствует Главный казначей, берете на себя право решать, что Корона может позволить, а что — нет? — Не знаю, как это у меня получается, но хоть внутри я вся дрожу от страха, голос звучит так, словно я собаку съела на такие перепалках. — Его Величество вверил моим заботам проведение очень важного для всех нас праздника. Артания переживает тяжелые времена, дух людей сломлен и им нужна вера в лучшее. А так же свидетельство того, что король никогда не забывает о тех, кто готов защищать нерушимость наших границ не только словом, но и делом.

— Мы все здесь именно для этого, — через силу улыбается Альберта.

— Леди Белл, я буду признательна, если впредь вы так же не будете меня перебивать.

На этот раз она даже не пытается прикрыть неприязнь, но по крайней мере гнет спину в извиняющемся поклоне.

— Его Величество, — продолжаю я, наслаждаясь своим маленьким триумфом, — знает, что именно я планировала устроить, потому что этот вопрос мы уже обсуждали. Надеюсь, не нужно объяснять, что я никогда не стала бы делать то, что противоречит его воле? Что я, как и все здесь присутствующие, уважаю волю Его

Величества? Но, леди Белл, я готова поверить в то, что каким-то непостижимым для меня образом, наш король обсуждал с вами свои планы — как еще объяснить ваши... громкие заявления? В таком случае я желаю видеть любые свидетельства его воли. Потому что за свои слова я готова ручаться.

Она еще ниже сгибает спину, и я замечаю, что ее сухая тонкая шея, покрытая сеткой морщин, становится красной, как у разъярённого быка. Хорошо, что мы здесь не одни, а то бы я всерьез задумалась о своей безопасности.

— Я лишь высказала своим личным умозаключения, — сквозь зубы цедит Вдова, — основанные на моем искреннем служении Артании. Я провела жизнь на этом посту, и никто не вправе упрекнуть меня в том, что хотя бы раз я злоупотребила доверием Его Величества в личных целях.

— Разве? — Может, и не стоит раздувать инцидент с Вероникой, но это слишком хороший повод, чтобы им не воспользоваться. — Мне казалось, именно ваше положение стало причиной, почему графиня Мор появилась здесь, не будучи членом совета и не имея для этого достаточного повода.

— Я рассудила, что претензия графа была достаточным поводом.

— Надеюсь, в будущем вы не будете делать такие поспешные выводы, а для начала хотя бы попытаетесь проверить факты.

Мы обе знаем, что Вероника появилась здесь совсем не потому, что Вдова что-то недопроверила. Это была попытка проверить, насколько сильно меня можно запугать и готова ли я бежать, чуть на горизонте появятся проблемы. Если бы дала слабину — вряд ли хоть кто-то во всей стране поставил на то, что я дойду с Эвином до брачных уз.

— Правильно ли я понимаю, леди Белл, что Его Величество не давал лично вам каких-либо особенных указаний насчет организации предстоящего праздника?

— Нет, Ваша Светлость, мы с Его Величеством не успели обсудить эту тему.

— Значит, из всех здесь присутствующих, я — единственный человек, кто собственными ушами слышал его одобрение? — Меня никто не перебивает, и я поворачиваюсь в сторону Главного

Алхимика. — Леди Блор, возможно ли все устроить именно в таком виде?

— Несомненно, — односложно отвечает она.

— Лорд Да'Лан, — перевожу взгляд на казначея, — выделите столько золота, сколько потребуется. Дети, чьи отцы погибли, защищая в том числе и наш с вами покой, заслуживают, чтобы Корона на них не сэкономила.

— Конечно, Ваша Светлость.

— В таком случае, нет ни единой причины откладывать это еще хотя бы на минуту.

Они по очереди желают мне хорошего дня и уходят.

И только когда за последним членом Малого Совета закрывается тяжелая дверь, я могу расслабленно выдохнуть и кое-как уложить на тол дрожащие руки. Пальцы подпрыгивают так сильно, что выбивают по столу барабанную дробь.

Я справилась?

Все получилось?

Или мне еще предстоит пережить встречу с Эвином и за свою самонадеянность держать перед ним ответ?

Он ведь правда был не против моей идеи? Или мне это приснилось?

— Браво, Ваша Светлость, — слышу за спиной знакомый тяжелый шаг и пару вялых хлопков в ладоши. — Признаюсь, в какой-то момент я подумал, что придется вылезать из своего убежища и приходить вам на помощь.

Я еще толком не передохнула, а приходится снова расправлять плечи и держать спину.

Нокс обходит стол и усаживается на его противоположном краю, нарочно ставя кресло так, чтобы сидеть ко мне в пол-оборота и лениво вытянуть свои длинные ноги. Он снова в своем неизменном черно мундире без опознавательных знаков, но на этот раз фривольно расстёгнутом на все пуговицы, будто в герцоге проснулся модник и он решил похвастать белоснежной шелковой сорочкой.

— Вы подслушивали, Нокс. — Я уже ничему не удивляюсь.

— Не мог отказать себе в удовольствии посмотреть, как маленькая кошечка порвет старую мегеру. — Он бросает в мою

сторону мимолетный, едва ли заинтересованный взгляд. — Хотя изначально ставил против вас.

У меня нет ил бодаться еще и с ним, так что пожимаю плечами и совершенно искренне говорю, что я и сама бы на себя не поставила, по крайней мере до того, как Вероника открыла рот. Нужно быть благодарной и сказать спасибо леди Мор за ее невоздержанный дурной характер.

— Далеко не всем в Артании хватит смелости в открытую угрожать Черной Вдове, — задумчиво произносит герцог, разглядывая кончики своих идеально чистых ботинок.

— Она какая-то особенная женщина?

— Всего-навсего Глава Тайного Совета. — Нокс произносит это так, словно речь идет о сущей безделице.

Глава Тайного Совета? Того, который все обо всех знает?

Плачущий, неужели и это я тоже заслужила?

— Она не назвала себя. — Я пытаюсь воскресить в памяти все, что ей говорила. — То есть, сказала лишь, что она лен Большого и Малого Советов, и...

— Герцогиня, — Нокс отмахивается от невидимой мошки, — вы же не собираетесь расплакаться из-за того, что надавали пинков старой кошелке, которую давно пора списать в Архив? Ради Бездны, не делайте этого — у меня и без того был трудный день.

— И в мыслях не было, — храбрюсь я.

— Вот и славно. А теперь о делах. — Говоря это, он вальяжно закидывает ногу на ногу и лениво будто собирается вздремнуть, прикрывает глаза. — Я собираюсь навестить графа Ферфакса.

Того, который обвинил меня в причастности к гибели его дочери?

— Черная Вдова не лгала, когда говорила о его паталогической честности. Раньше старик трясся над каждым своим словом. Причина его откровенной лжи может быть намного интереснее самой лжи.

Пока я пытаюсь представить, кто еще и зачем играет за моей спиной и с чем еще предстоит столкнуться, а Нокс продолжает:

— Граф не стал бы наговаривать зря. Он старый военный человек, я пару раз видел его в деле и видел, как и где у него свербит, когда приходилось отстаивать честь своих солдат. Вы, Ваша Светлость, очень здраво расценили тот факт, что никаких доказательств, кроме голословных обвинений, старик Ферфакс не представил. А он сделал

бы это, будь у него хоть что-то. В особенности, если обвинения касаются вас.

Мы, словно по команде, выразительно смотрим друг на друга.

Похоже, а Артании действительно мало тех, кому бы настоящая герцогиня не перешла дорогу.

— Ваш отец, Ваша Светлость, организовал нападение на графское гнездо, пока сам граф был в отъезде. Очень уж ему не понравились высказывания старого Ферфакса о том, что ваши золотые рудники и роци герцог должен был передать Короне. Безвозмездно. Чтобы в руках Его Величества были сосредоточены все возможные ресурсы для борьбы с Воздушными лордами. Королю эта идея пришлась по душе, что, как вы понимаете, не могло понравиться вашему отцу.

Я моргаю, настойчиво отгоняя от себя мысли о том, что по какой-то злой насмешке судьбы мне была уготована участь быть как две капли воды похожей на дочь этого чудовища. На дочь, которая стала таким же чудовищем, как и ее отец.

— В общем, после визита головорезов, старшая дочь графа Ферфакса покончила с собой, выбросившись с самой высокой башни замка. Я слышал, что бедняжка просто не пережила позора всего того, что с ней сделали в назидание Ферфаксу.

Плачущий, не удивительно, что меня ненавидели буквально все.

Кроме Примэль, что теперь кажется абсолютно логичным. Я не могла с ней не подружиться, потому что в котле общего презрения и неприкрытых проклятий, она была единственной, что относился ко мне радушно и не побрезговал заговорить.

Жаль, что все это дружелюбие — просто фикция, чтобы усыпить мою бдительность и контролировать каждый мой шаг.

— Надеюсь, Ваша Светлость понимает, что у графа есть причины желать вам страшной и мучительной смерти. Согласитесь, очень странно, что при этом он не воспользовался возможностью упечь вас в тюрьму.

Я молча согласно качаю головой.

— И последнее. — Что-то в интонации Нокса заставляет меня напрячься и немного привстать в кресле, потому что мягкая бархатная подушка вдруг превращается в раскаленную сковороду. — В свете всех этих событий и пока я не разберусь с графом, я настоятельно рекомендую вам не покидать замок без сопровождения тех четырех

гвардейцев, которых отобрал я лично. Они уже предупреждены. Только этих четырех человек, Ваша Светлость, потом что в их надежности я абсолютно уверен. Как и в том, что эти четыре пары глаз будут присматривать за вами и днем, и ночью.

Его слова звучат так странно.

Как будто герцог каким-то образом узнал, что я планирую сбежать и решил повесить на клетку еще один замок.

Неужели Орви и это растрепал?

Или это дело рук Примэль? Герцогине выгодно, чтобы я была у нее в плену, была ее страховкой здесь, пока ее собственная жизнь в безопасности.

Меня внезапно осеняет, что все сходится.

Примэль узнала о наших с Орви планах, и сама распустила слухи о нашем, якобы, романе, чтобы вынудить меня держаться от него подальше. А теперь еще и сделала так, чтобы герцог, который давно определил меня в роль своей личной марионетки, приставил ко мне своих соглядатаев.

Боги, мне нужно бежать.

Вернее, мне нужно было бежать еще вчера.

— Герцогиня Лу'На? — слышу настойчивый голос Нокса и скидываюсь, вдруг осознав, что непростительно сильно задумалась и, как это водится за мной в последнее время, могла случайно сболтнуть чего-то вслух.

— Я сделаю как вы скажете, милорд Нокс, — отвечаю послушным тихим голосом. — Это ведь исключительно ради мой безопасности?

— Конечно, Ваша Светлость. — Герцог нехотя встает и растирает печи, как будто наш короткий разговор лег на него тяжелой ношей. — Его Величество не простит, если по моей вине с вашей головы упадет хоть волос.

— Корона должна быть благодарна вам, милорд Нокс, — через силу улыбаюсь я, потому что на самом деле чувствую себя зажатой в угол мышью, которую травят все коты в округе. — Вы так бескорыстно печетесь о ее интересах.

— Ну почему же бескорыстно, — хмыкает он. Нокс как будто даже весел. — На днях мел неосторожность испортить свой любимый

парадный мундир и мне теперь жизненно необходим еще один орден, чтобы прикрыть одно не очень красивое пятно.

Он степенно откланивается и уходит, на прощанье даже не глянув в мою сторону.

Хорошо, значит, самое время навестить химера, выпытать у него способ избавиться от браслета и сбежать, пока в моей жизни не появился еще какой-то мстительный граф.

Глава сорок шестая: Герцог

Я всегда гордился тремя своими безусловными талантами.

Способностью находить выход из любой ситуации, быстротой реакции и хорошим чутьем. В тот единственный раз, когда я его не послушал, оказалось, что малышка Лу'На на самом деле никакая не мелкая дрянь, а славная монашенка, на которую пускали слюни все мои внутренние демоны.

Так что, когда я выхожу из Врат неподалеку от семейного замка Ферфаксов и чутье настороженно поднимает уши, я верю ему безоговорочно.

Что-то не так.

После того случая с визитерами дохлого герцога, граф Ферфакс нанял целую маленькую армию заклинателей, чтобы ни одна мышь не проскочила на его территорию незамеченной. Мой визит без предупреждения должна была встречать половина замковой стражи лично со стариком Ферфаксом во главе.

Вместо этого меня встречает тишина. Вокруг — красивейший ивовая роща и озеро, но даже птицы не щебечут.

Я сжимаю руку, выпуская энергию Хаоса из глубины моей отравленной Тьмой души.

Если кто-то вздумает подкрасться ко мне сзади — я это почувствую. Услышу, как матерый волк, которого невозможно загнать в засаду.

Пешком до замка — минут тридцать, и весь этот путь я прохожу с полным ощущением своей внезапной глухоты — я не слышу даже шелеста листьев, хотя отчетливо чувствую ветер на щеках. Несколько раз «пробую» воздух на присутствие Аспектов, но либо их нет, либо здесь действует магия Высшего порядка. И мне очень не по душе, что это снова очень похоже на работу Воздушных Лордов.

Чем ближе к замку я подхожу, тем сильнее начинаю думать, что прийти сюда одному было не самой лучшей идеей. Хотя, откуда бы я мог знать, что к графу Ферфаксу решат наведаться и другие визитеры. И что после их визита вся местность вокруг будет выглядеть как вакуум, в котором нет даже птиц?

А потом, когда горизонт перечеркивает столб гари, я понимаю, что здесь меня вряд ли встретят с радушными объятиями. Потому что, скорее всего, встречать меня будет некому.

Доказательство самых мрачных прогнозов ждет меня уже через несколько метров, и я останавливаюсь, чтобы не затоптать возможные следы.

Это тело какого-то молодого парнишки в одежде простого работника.

Он лежит, буквально переломленный надвое на поваленном дереве. И именно дерево во всей этой мрачной картине привлекает мое внимание, потому что дерево не старое и не спиленное, и есть только одна причина, почему тяжелая зеленая ива вдруг решила «свести счеты с жизнью» — она насильно вырвана из земли и на одеревенелых канатах корней еще видны следы влаги. Значит, это случилось совсем недавно.

Я осматриваюсь и мысленно делаю заметки на все нестыковки.

На деревья вокруг есть сломанные ветки, куст справа вдавлен в мягкий дерн. Но все это не похоже на ураган, который мог бы вырвать дерево с такой силой. Скорее на то, что здесь крутилось что-то огромное, тяжелое и неповоротливое.

Трава вытоптана так сильно, словно здесь были часовые пляски.

Это явно не случайный ураган.

И это определенно не человеческие ноги.

Я стряхиваю Тьму с кончиков пальцев и подавляю желание нестись дальше очертя голову.

Те, кто это сделал, еще могут быть здесь, и если я потороплюсь, у моих «рогатых попутчиков» может быть роскошный ужин из трех блюд.

Я обхожу дерево по широкой дуге и бросаю последний взгляд на сломанного парня.

У него удивленное выражение лица — он до последнего не понимал, что происходит. Какая-то сила швырнула беднягу так сильно,

что его позвоночник треснул, как сухая соломинка.

Присаживаюсь, провожу пальцами по знакомым выбоинам в земле. За травой их почти не видно, но под пальцами явственно ощущаются ровные впадины.

Механикусы.

Хаос их побери!

И это все объясняет — и вырванное, словно травинка, дерево, и труп мальчишки. Видимо, он несся со всех ног, чтобы предупредить своих.

Я устремляюсь дальше и замок Ферфаксов начинает маячить за стволами ив.

А, одновременно с его появлением, «всплывают» и новые следы.

Трупы воинов с гербом Ферфаксов на нагрудниках.

Большинство их них просто сломаны, как брошенные куклы, некоторые беспощадно вдавлены в землю. У одного голова раздавлена, словно яичная скорлупа, у другого нет обеих рук — их я нахожу чуть дальше, разбросанными, словно кровавые семена.

Это точно механикус.

Я видел этих громадин в действии, и знаю, на что они способны. Благодаря их мощи и неуязвимости, Эвин выигрывал войны и подавлял восстания.

Но Механикусы — секретная разработка Артании.

Их создали наши волшебники.

Эти машины никогда не доставались врагам, вплоть до полного уничтожения, система которого встроена в «мозг» машины. Однажды, когда мы сражались с Воздушными Лордами и те нещадно бомбили нас взрывающимися колбами, один механикус получил серьезные повреждения. Парень, управляющий им, взорвал машину вместе с собой.

Потому что это — секретное предписание всем «пилотам».

И, наконец, у механикусов — особое горючее. В нем есть Аспект, который можно получить только здесь, в Артании. Вся его добыча засекречена и контролируется Тайным советом и Эвином лично.

Значит ли это, что среди нас есть предатели?

Пока иду дальше, стараюсь хоть как-то структурировать все это в своей голове.

Вариантов может быть множество, но я пока не хочу думать о самом плохом, ведь тогда мы все что-то очень сильно пропустили.

На замок напали.

Неожиданно, свалились как гром среди ясного неба.

Это особенно заметно по расположению тел на ступенях центральной лестницы — они сломаны, на большинстве нет даже нагрудников. Охрана не успела подняться по тревоге, но даже если бы все они вооружились до зубов — это все равно ничего бы не дало, потому что броню механикусов невозможно пробить простыми мечами и копьям.

Двери замка просто снесены с петель.

Тяжелые кованые двери, обитые листовым железом толщиной в мизинец.

Проклятье!

Я знаю, что не найду здесь живых, но все еще на что-то надеюсь.

Кто-то или что-то вело за собой эту маленькую смертоносную армию.

Кто-то достаточно сильный и незаметный для нас всех.

Кто-то, что все это время был у нас под носом, видел, слышал, знал и мог легко опережать нас на шаг или два.

Внутри замка словно прошел ураган — стены разбиты, посуда превратилась в стеклянную крупу. Картины, дорогие вазы и струнные гобелены — все это тлеет и догорает, но я до сих пор не слышу запаха. Это место должно было сгореть о семи свидетельствами. И прошло бы еще много дней, прежде чем кто-то хватился бы, почему и куда исчез граф Ферфакс.

Мой внутренний циник не может не похвалить этот план.

Он безупречен.

С одним «но» — каждый план, даже самый идеальный, всегда может испортить одна хаотичная переменная.

В данном случае эта переменная — я.

Мне приходится потратить несколько часов, чтобы залезть в каждый угол, сунуть нос в каждую щель и попытаться найти невидимые следы этого загадочного интригана.

Почему же граф Ферфакс, Бездна все сожри?!

Что такого узнал граф, что весь его замок едва ли не сравняли с землей? Я давно не припомню таких жестоких расправ, и последняя на

моей памяти принадлежала... дохлому герцогу.

Я в такие совпадения не верю.

На третьем этаже, в большой гостиной, от которой теперь остались только сломанные стены и груды испорченной мебели, мое внимание привлекает длинный алый след на полу. Кровь есть, а трупа — нет.

Я иду по нему, как взявшая след ищейка.

След сначала обрывается, но потом появляется снова, уже около разбитого окна. Я вижу алые разводы на острых гранях стекла, выглядываю наружу и, немедля, спрыгиваю на широкий парапет — след продолжается.

Он ведет меня к балкону, оттуда — в комнату, которая, судя по убранству, могла принадлежать молодой девушке: розовая, когда-то наверняка очень красивая постель с роскошным балдахином, который дожирает огонь, разбитые зеркала в золоченых рамах, вывернутый наружу полный гардероб красивых платьев.

След обрывается как раз у него.

Но трупа нет. Н же не мог испариться, хотя вероятность, что человек, потерявший такое количество крови, вдруг исцелился и пошел своими ногами, равна нулю.

Где-то здесь есть скрытый проход или ниша, или потайная комната, и мой невидимый поводырь наверняка там. Едва ли живой.

Найти его — дело нескольких минут.

Кнопка, замаскированная под часть красивой лепнины, убирает иллюзорную заднюю стену шкафа, за которой оказывается маленькая ниша — несколько метров в обе стороны.

— Ни с места... — хрипит Риванна Ферфакс и направляет мне в лицо маленький ручной арбалет.

Глава сорок седьмая: Герцог

В моей жизни бывало разное.

Я видел полудохлых парней, которых вытаскивали с поля боя с выпотрошенными кишками, и видел, как они потом выживали и снова брались за мечи. Видел здоровенных мужиков, которые подышали от укуса какой-то мошки. Видел, как из животов маленьких девчонок на свет появлялись здоровые близнецы, а крепкие взрослые женщины умирали, так и не разрешившись от бремени.

Но, Хаос все задеря, я никогда не видел, чтобы мертвецы вставали из моги в первозданном виде!

Тем более, когда я собственными глазами видел, что в могилу класть было нечего — от тела Риванны не осталось ничего. Совсем. Потому что его разложила проклятая Соль смерти!

— Герцог Нокс. — Рука с арбалетом дрожит, но Риванна не может поддержать ее второй, потому что прижимает ею бок. Судя по толчкам крови, которая просачивается сквозь ее изодранные пальцы с немилосердно вырванными ногтями, она должна была умереть еще несколько минут назад. — Или... кто-то другой? Сделаете еще хоть шаг и, клянусь всеми Светлыми богами, я всажу болт вам в лоб.

— Графиня Ферфакс. — Благоразумно делаю шаг назад. Если бы я хотел убить ее, то сделал бы это еще до того, как она закончила болтать. Но внезапно воскресшая Риванна, которую я собственными глазами видел мертвой, нужна мне максимально живой. — Кажется, у вас есть некоторые затруднения со здоровьем? Если вы опустите вашу пугалку для несмышленишей, я попробую вам помочь.

— Вы? — Она так яростно трясет арбалетом, что я на всякий случай увожу плечо в сторону. — Это точно вы, герцог Нокс, или... ты снова играешь о мной?

Звучит так, будто в нашем маленьком разговоре есть еще и невидимое третье лицо.

Почему и с какой стати я должен выдавать себя за кого-то другого?

Или...?

Очень странно.

— Насколько я помню, леди Риванна, — еще шаг назад, чтобы, в случае чего, вильнуть влево или вправо, потому что схлопотать арбалетный болт мне совсем не хочется, — у вас нет не доверять мне.

Она хрипло смеется и морщится от боли, потому что новая порция крови толчком бьет сквозь пальцы. Арбалет пляшет в ее стремительно слабеющих пальцах, и она держит его, кажется, уже на одной только силе духа.

— Риванна, если не остановить кровь — вы умрете до того, как спустите стрелу, — я начинаю злиться, потому что эта девчонка позарез мне нужна. — если бы я хотел от вас избавиться, то уже давно

бы сделал это! Если вы так хорошо меня знаете, то должны быть наслышаны и о других моих талантах.

Графиня медлит, но, в конце концов, порция кровавого кашля заставляет ее бросить арбалет.

Я подхватываю ее на руки, укладываю на разбитую, но еще пригодную кровать.

Девушка стонет и закатывает глаза, так что приходится отвесить ей пару крепких оплеух, чтобы привести в чувство. Из ключев догорающего балдахина рву пару тонких лент, зажимаю рваную рану в боку и делаю тугую повязку.

Кровь темная, почти черная, и густая. Теперь понятно, почему девушка до сих пор жива — задета лишь печень, но этого достаточно, чтобы умирать медленно, мучительно и неотвратно.

Можно открыть Врата и попытаться вернуться в замок, но Риванна. Скорее всего, не переживет этот переход.

Я не могу так рисковать.

— И вы с ней заодно, герцог Нокс? — бормочет она стремительно синееющими губами. — Или вас тоже чем-то... держат?

Бездна меня разорви, я должен вытрясти из нее все, что она знает!

— Риванна, я собственными глазами видел ваш разлагающийся труп, — пытаюсь говорить быстро, но вятно. — Так же ясно, как вижу вас сейчас — отнюдь не похожей на покойницу

— Это дело времени, — сквозь кашель, усмехается она.

— Я хочу знать, что произошло.

— Так спросите вашу сообщницу, — упрямится графиня, и мне стоит больших трудов не вытрясти из нее ответ. — Вы с ней... такая славная пара...

— Леди Ферфакс, клянусь всем тем немногим светлым, что осталось в моей душе, я что понятия не имею, о чем вы говорите. Но если вы мне поможете... Все это, — обвожу взглядом разруху вокруг, — не будет напрасно.

Риванна следит за моим лицом тускнеющим взглядом.

Не знаю, что она там видит, но это «что-то» явно располагает мне верить, потому что девчонка кивает и из последних сил сжимает свои пальцы поверх моей руки.

— Меня похитили. — Теперь она говорит так тихо, что мне приходится наклониться к ней едва ли не ухом.

Хаос, дай мне силы разобраться, что з чертовщина происходит.

— Кто и когда вас похитил, леди Риванна?

— Герцогиня Лу'На, — закашливается она, и когда приступ проходит, как-то по-звериному жадно слизывает кровь с губ. — В первую ночь в Черном саду. Он пришел ко мне... сказал, что...

Графиня ферфакс снова кашляет, и я сильнее зажимаю рану — мои самодельные бинты уже насквозь промокли от крови. Риванна умрет самое большее через пару минут и нужно вытрясти из нее максимум, пока у нее не начался предсмертный несвязный бред.

— Он? — Я вспоминаю ту фотокарточку.

Тот профиль.

— Он принес корзину с цветами, — всхлипывает Риванна. — И... красивое украшение от Его Величества. Я... примерила... Оно было такое красивое...

Девчонка пускает слезы, и алая от крови слюна стекает с ее дрожащей нижней губы.

Все это очень знакомо.

Точно так же кто-то пытался избавиться и от Тиль.

Тот самый загадочный «он».

— У меня закружилась голова и... все как в тумане. — Риванна отчаянно скребет ногтями мою руку. — А потом... она держала меня в подвале... Я... ничего не знала, клянусь...

Риванну похитили в первую ночь в замке.

Значит, все это время в замке вместо нее был кто-то другой.

— Я, кажется, умираю, герцог Нокс. — У нее плаксивый испуганный голос. Ничего удивительного — перед смертью у меня на руках дрожали даже старые седые генералы, а эта маленькая девица, нужно отдать дань ее смелости, неплохо держится в свои последние минуты. — Мне так холодно, герцог. Где мой отец? Он... жив, да?

— Да, — вру я. — С ним все хорошо, Риванна.

Труп графа я не видел, но сомневаюсь, что тот, кто сделал это, позволил старику уйти живым.

— Хорошо, — как спяну, улыбается Риванна.

— Как вы здесь оказались? — Я снова похлопываю ее по щекам.

— Сбежала, — шепчет она, словно боится быть подслушанной. — Там была еще одна девушка... монашка. Мы вместе... нас травили собаками. Я видела, как зверодавы разорвали ей лицо...

— И вы вернулись домой, — продолжаю вместо нее.

Дальнейшее можно попытаться предсказать.

Девчонка прибежала домой, рассказала все отцу, и стоящий за правду старик не мог снести такого издевательства. Официально, его любимая дочь была мертва. И пока он оплакивал Риванну, обезумевшая сука держала ее на цепи, словно собаку. Конечно, у графа было железное доказательство против герцогини — живая Риванна. Но после всех этих игр в «маски», разве он мог кому-то доверять? Поэтому граф выдвинул обвинения против королевской невесты, прекрасно зная, что Эвин это так просто не оставит, и пришлет того, чьему нюху доверяет.

Меня.

Чтобы я собственными глазами увидел живую Риванну.

— Как она выглядела, Риванна? — Я сильнее сжимаю ее уже почти холодные пальцы. Мн нужен ответ, чтобы подтвердить свою чертовски поганую догаку.

— Кто? — Она силится сглотнуть, но кровь вытекает из ее рта.

— Герцогиня Лу'На.

На мгновение пронзительно-синий взгляд Риванны проясняется, и я готов посмотреть, что сейчас перед ней стоит образ герцогини, потому что по телу несчастной проходят тяжёлые судороги предсмертной агонии.

— Как будто... я смотрелась в зеркало, — говорит на последнем вздохе, и ее взгляд медленно стекленеет.

Проклятье!

В последний раз я видел герцогини еще когда она была девчонкой.

Все это время по приказу Эвина она жила в изгнании в собственном замке, и когда явилась на отбор — все увидели лишь то, что увидели. Никто не станет сомневаться в том, что человек зачем-то подделывает свое лицо, прикидываясь кем-то другим.

Для всех людей Артании у Матильды Лу'На было прекрасное милое лицо невинной монашки-сироты, тогда как настоящая Лу'На в любой момент могла возникнуть, где угодно и никто бы не узнал ее.

Лучшего способа скрыться нельзя и придумать.

И пока Тиль сражалась за симпатию короля, все это время настоящая Матильда была рядом — открыто и смело, не боясь разоблачения, но уже как Риванна Ферфакс.

Она подстроила тот взрыв, чтобы избавиться от своей первой конкурентки, прекрасно зная, что в честной борьбе Тиль Веронику никогда не обойти. А когда затея не удалась, потому что именно Тиль смешала ей все планы, пришлось избавляться от «Риванны», чтобы похоронить все ниточки.

— Нет тела — нет дела, — бормочу себе под нос те самые слова, что сказал и в тот день, когда стоял над разлагающимся телом.

У нее был такой удивленный взгляд.

Кто это была? Какая-то служанка? Скорее всего убитая еще до того, как на нее нахлобучили «маску» Риванны и сбросили вниз башкой.

Но магия «масок» — мастерство Хаоса.

Только старшие демоны так искусно владеют иллюзией.

Только им доступны трансформации формы, голоса и тела.

Я до рези за веками прикрываю глаза.

Нет. Нет, этого не может быть...

Я же верил ему как себе.

Глава сорок восьмая: Сиротка

— Как хорошо, что ты, наконец, решила выбраться из замка! — счастливо заливается Примэль, и в который раз украдкой отодвигает занавеску экипажа, чтобы выглянуть в окно. — Жаль только, что день сегодня еще пасмурнее, чем твое настроение!

Она возвращается на свое место напротив и привычным уже жестом достает жестянку с леденцами. Я смотрю, как забрасывает в рот сразу парочку и пытаюсь заставить себя не думать о том, то в моем арсенале слов просто не хватило аргументов, чтобы избавиться от ее присутствия. Хотя, что можно противопоставить: «Первая фрейлина должна всегда быть рядом и оберегать жизнь будущей королевы Артании»?

Мысль о том, чтобы доверить ей свою жизнь, буквально разрывает меня на части, и мешает сосредоточиться на главном — разговоре с химером. Но чем больше я пытаюсь придумать подходящие и убедительные слова, тем больше меня тревожит совсем другая мысль — почему я решила, что химеру под силу справиться с магией браслета?

Он ведь просто делает красоту, а не куёт всякие приспособления для отлова неверных женщин?

Я провожу пальцем по филигранному цветку поверх красивого украшения, задеваю ногтем алый как кровь камень и зачем-то поддеваю его, как будто пробую на прочность. С чего я решила, что химер сможет справиться с этой штукой? Когда именно в моей голове появился знак равенства между химером и решением моей главной проблемы на пути к бегству?

В памяти всплывает та ночь, когда об это казал Орви. Это ведь были его слова: «Химер знает все». Почему я так отчаянно ухватилась за них?

— Ты уже придумала, какое платье хочешь на свадьбу с Его Величеством? — отвлекает Примэль, и странная тревога, которая внезапно появилась в моей голове, растворяется в ее неприятном для моего слуха голосе. — Я подумала, может...

Она ёрзает на месте, распускает висящий у пояса расшитый серебром и шёлком бархатный мешочек, и достает оттуда пару смятых листов. Виновато разглаживает их и протягивает мне. Судя по одному рваному краю — Примэль вырвала их из книги.

— Прости, — она густо краснеет, — просто подумала, что тебе это может пригодиться. Рисовать я совсем не умею — мой бедный отец уже отчаялся найти хороших учителей. Но это были очень старые и пыльные книги, вряд ли пропажу бросятся искать с собаками.

Примэль нервно посмеивается и я все-таки опускаю взгляд на рисунки.

На одном изображена какая-то очень степенная дам в уже почтенных летах, но платье, которое на ней надето, похоже на произведение искусства, хоть немного ей и не по возрасту. Надпись внизу под гравюрой говорит о том, что это — Ее Величество королева Роанна Скай-Ринг, а в моей памяти всплывает, что она — мать Дарека Скай-Ринга, отца Эвина.

На второй — молодая женщина, стоящая немного в пол оборота.

У нее светлые волосы, красивый благородный профиль, но даже с бездушной гравюры от этой красавицы веет странным холодом. Ниже написано ее имя — Виктория Скай-Ринг. Жена Дарека. Та, которая так и не смогла подарить ему законного наследника — так говорил Химер, хотя в официальной истории, именно Виктория записана и назначена

матерью Эвина. Он как будто даже немного похож на нее, но это, наверное, просто игра моего воображения.

Я беру третью страницу, но в эту минуту экипаж останавливается, и гвардейцы распахивают дверцу, помогая нам с Примэль выйти. Приходится быстро спрятать листы в свой ручной мешочек, поправить платье и быстро, чтобы не привлекать внимание толп зевак вокруг Салона химера, скользнуть в дверь. Примэль следует за мной шаг в шаг, словно тень, от которой нельзя избавиться. Если я не придумаю способ это сделать, то разговор с химером закончится, даже не начавшись.

Нужно что-то придумать и побыстрее, иначе мечта о побеге так и останется мечтой.

Но, как было в те разы, когда я уже посещала химера, мне снова нужно время, чтобы привыкнуть к убранству и сказочности его салона. Все здесь словно создано для того, чтобы внушать умиротворение и желание остаться в этих стенах до конца своих дней. Сегодня эта мысль в моей голове почему-то особенно сильна.

— Ваша Светлость! — Химер выходит нам навстречу из какой-то радужной арки, которой — готова на это спорить — мгновение назад там точно не было. — Неужели это то, о чем я думаю, и причина вашего визита как-то связана с предстоящей свадьбой?

Он, как всегда, элегантен, хоть и одет в какие-то странные шаровары и длинную жилетку, покрытую роскошной вышивкой золотом, жемчугом и осколками розового хрусталя.

— Мастер Соул, — улыбаюсь я, и вздох восхищения и благоговения у меня за спиной, почему-то заставляет чувствовать себя неуютно. Примэль могла бы и придержать свои странные... эмоции.

Мой визит заставляет остальных посетительниц салона встать с места и изображать реверансы, но химер легко ведет рукой — и мы словно оказываемся в цветущей вишневой роще, окруженной белоснежными стенами и далеким ненавязчивым журчанием фонтанов.

— Ваши иллюзии, Мастер Соул, когда-то точно сведут меня с ума, — пытаюсь пошутить, чтобы сгладить растерянность. Но это действительно очень странно — в одно мгновение вдруг оказываться в совершенно другом месте.

Химер загадочно улыбается и колокольчик в его правом роге звенит каким-то заливистым хохотом, словно ему одному позволено безнаказанно высмеивать невесту короля.

— Я рад, что вы решили навестить меня, Ваша Светлость. И простите, что мои иллюзии заставляют вас чувствовать себя неуютно — я подумал, что отсутствие лишних глаз и ушей будет вам в радость, но если пожелаете...

— Нет-нет! — слишком быстро отвечаю я, и даже порывисто хватаю его за руку, боясь, что мы снова окажемся в действительно слишком людном салоне, где могут быть не только богатые скучающие дамы, но и шпионы, и вообще кто угодно. — Вы правы, Мастер Соул, я пришла к вам за помощью.

Конечно, этого и может быть, но в ответ на это химер немного наклоняется вперед, щурит свои змеиные глаза и совершенно свободно, без намека на опасение, похлопывает когтистой лапой по злосчастному браслету.

Ничего не происходит. Но он ведь не смертный мужчина, да? Как и Рэйвен, когда Тьма захватывала его разум, мог так же без страха прикасаться ко мне.

— Полагаю, — химер говорит чуть тише, словно мы уже плетем заговор, — я могу помочь вам в вашей маленькой проблеме, Матильда. В особенности, когда она выглядит такой грубой и безвкусной, что одним своим видом оскорбляет взгляд такой утонченной юной леди.

Я с опаской поглядываю за спину, боясь, что Примэль уже наострила уши и ловит каждое слово, чтобы донести своей «хозяйке», но сзади никого нет.

В этом странном саду вообще никого, кроме меня и химера. Ни единой живой души.

И хоть именно на такую приватность нашего разговора я рассчитывала, сейчас она почему-то странно и сильно меня пугает.

Может еще и потому, что пальцы химера изо всех сил сжимаются на браслете и тонкая филиграннаяковка покрывается тонкими трещинами, а потом просто рассыпается пеплом, как будто за мгновение прошли такие целые столетия, превратившие железо в обычную пыль.

Я одергиваю руку и несколько раз трогаю запястье, почти уверенная, что все это было лишь иллюзией. Но на моей руке ничего

нет.

— Вот так... просто? — Вскидываю голову и всматриваюсь в загадочное лицо химера.

— Разве не этого ты хотела? — Его колокольчик снова высмеивает мою растерянность.

Не помню, чтобы мы переходили на «ты».

Что происходит?

Я ни слова не сказала о браслете, но химер как будто точно знал, что именно за этим я к нему и пришла. Хотя над его салоном точно не приколочена вывеска «Сниму зачарованные браслеты, дорого!»

Та мысль, которая вертелась у меня в голове, вдруг обретает форму и ясность. Выплывает из глубины как корабль-призрак из страшных сказок.

Химер знал, что я к нему приду именно с этой просьбой.

Но если бы Орви не направил меня к нему, я бы в жизни не подумала, что он может помочь избавиться от браслета. Мне бы даже в голову это не пришло!

Орви.

Я пячусь назад, стараясь не поддаваться внезапной панике, хоть химер не делает ничего, чтобы остановить меня и даже нарочно закладывает руки за спину.

Орви сказал, чтобы я пришла к нему.

Орви увел меня из замка, когда настоящая герцогиня приходила к королю...

И... нет, это ведь... было бы слишком.

Именно с Орви я была в тот злосчастный день на ярмарке, когда меня похитили. Из-за встречи с ним я сбежала из гостиницы, и именно он проводил меня до того переулочка, где меня похитили разбойники, приняв за настоящую герцогиню Лу'На.

Плачущий, помоги, кажется, все это с самого начала была совсем другая игра.

Чужая и опасная для бестолковой сироты.

Глава сорок девятая: Сиротка

Когда-то на проповеди, настоятельница Тамзина рассказала нам притчу про одного праведника, который был таким неистовым в своей вере, что однажды проснулся слепым и глухим. Он зарыдал и начал

кричать в небеса, спрашивая Плачущего, за что ему такое испытание. И Светлый бог ответил ему, что только потеряв зрение и слух, он снова обретёт способность видеть и слышать.

Только сейчас, когда химер смотрит на меня своим хитрым змеиным взглядом, я начинаю понимать, в чем была мудрость той притчи.

Мне нужно было ослепнуть, что научиться видеть правду так же ясно, как в эту минуту я вижу стоящего перед собой рогатого выродка Бездны.

— Строго говоря, — Сайфер на мгновение задумывается, — из нас двоих только один. — выродок в самом точном смысле этого слова. И это не я. Хотя, конечно, мне не следует говорить о тебе в подобных выражениях, и я обещаю впредь тщательнее подбирать слова.

Я почти не разбираю смысла его слов, сосредотачиваясь на возможном побеге.

Нет ни дверей, ни окон, ничего.

Обыкновенный цветущий сад, заточенный в белые стены. А когда я присматриваюсь, становится понятно, что это не просто стены, а настоящий лабиринт. И даже если мне каким-то чудом удастся сбежать от химера, скорее всего, я потеряюсь в его ловушке.

— Ты тоже с ней заодно? — Я все-таки делаю пару шагов в сторону, к арке, за которой видны такие же белые стены. Кажется, там именно оттуда доносится журчание воды.

Химер нарочито медленно отслеживает направление моего неаккуратного взгляда. Усмехается и снова сокращает расстояние между нами, как бы давая понять, что куда бы я не побежала — он все равно будет рядом.

— Заодно с кем, Матильда? — Его когтистые пальцы плетут расплывчатый женский силуэт размером с марципановую фигурку для украшения именинных тортов. — Тебе следует правильнее и конкретнее выбирать формулировки, если ты хочешь услышать все ответы на свои вопросы.

— И ты ответишь правду? — Недоверие в моем голосе слишком очевидно.

— А ты еще не поняла? — Он замечает еще один мой шаг и делает свой. Мы, как две лошади на деревенских скачках, идем нос к носу. — Все это время, я был единственным, кто говорил тебе правду.

Хоть к моему огромному разочарованию, ты обращалась с ней непростительно небрежно. А ведь я так старался пробудить в тебе любопытство и наставить на правильный путь.

— Поэтому связался с герцогиней и помог ей затащить меня сюда, — продолжаю за него. — И что дальше? Она займет мое место? Сделает вид, что не было никакого обмана? Она правда думает, что...

Хочу сказать, что герцог все равно заметит подмену, потому что он же давно знает, кто я на самом деле... но вовремя прикусываю язык. Рэйвен пошел против короля, пожертвовал их с Эвином дружбой, чтобы вывести меня из-под удара. Если об этом кто-то узнает — его жизнь будет в опасности.

Пока я вешаю замок на свой рот, химер прислушивается, как-то по-звериному поворачивая голову на бок.

— Раздумала? — хитро мне подмигивает.

— У вас ничего не получится, — я поскорее меняю тему разговора. — Эвин заметит подмену.

— Эвин не заметит даже торчащий в собственной башке гвоздь! — раздается из-за спины химера. — Я уже ходила к нему, и он заглядывал мне в рот, как голодный пес. Как видишь — до их пор жива и вполне здорова.

Герцогиня выступает вперед, и как бы невзначай поигрывает в руке стеклом для подстёгивания лошади. Сегодня она не в дорогом платье, а в мужском костюме, и на высоких сапогах виднеются следы бурой пыли.

— Ты уверен, что хочешь ее в качестве платы за свои услуги? — Лу'На обращается к химеру, но продолжает пристально удерживать меня взглядом. — Я готова заплатить сколько скажешь.

— Она не продается. — довольно грубо отвечает Соул. —

— Знаешь, чему научил меня отец? Все в этом мире покупается и продается. Даже, — герцогиня ядовито смеется, — старая дружба и доверие. Доверие в наше время вообще ничего не стоит, химер.

То есть я — плата на предательство Рэйвена?

Простая безродная девчонка? Ведь теперь совершенно очевидно, что химер знает правду. Моя жизнь не стоит ни медяка, а после разоблачения подмены и моего невольно в ней участия, даже фунт придорожной грязи будет ценнее, чем я вся целиком.

— Из нее получилась бы прекрасная марионетка, — вслух размышляет Лу'На, и тянется к моему лицу кончиком стека.

Я подавляю желание зажмуриться, и мысленно уговариваю Тьму в моей крови проснуться и прийти мне на помощь. Ведь раньше она почти всегда проявлялась, стоило мне оказаться в опасности.

Так почему бы не проявиться сейчас и не испепелить здесь все?!

Ну же, если ты действительно сидишь внутри меня, сейчас самое время прийти на помощь, потому что другого шанса может и не быть.

Но в моих яростно сжатых кулаках нет и намека на знакомое раскаленное покалывание.

— Думаю, стоит подстраховаться, чтобы вы двое... не вздумали меня обыграть. — Кожаный жесткий кончик стека прикасается к моему подбородку. — В конце концов, химер, я обещала тебе отдать тебе девчонку, но у нас не было договора о том, что ее личико должно быть нетронутым.

Мы скрещивает взгляды, когда герцогиня заносит руку для удара.

Она медлит, видимо надеясь, что я трусливо упаду на колени или взмолюсь о пощаде. Ей так сильно хочется видеть меня униженной, что ради этого она даже готова отложить момент расправы.

— Ты жалкая, — говорю, даже не моргая. — И никчемная.

Ее лицо покрывается красными пятнами, хлыст в руке дрожит, но прежде чем герцогиня успевает пустить его в ход, химер запросто выдергивает «игрушку» из ее рук и переламывает надвое. Он как будто собирается что-то сказать, но неожиданно резко разворачивается, что-то выслушивает в полной тишине и цедит проклятье сквозь зубы.

— Рэйвен, — произносит вслух. — Он уже здесь.

Рэйвен здесь?!

Его имя в этом ужасном моменте похоже на луч надежды. Он ведь всегда спасал меня из неприятностей. Мой герцог никогда не позволял обстоятельствам меня обыгрывать и всегда был на целый шаг впереди. Если Рэйвен здесь именно сегодня, значит, он что-то подозревает. Может, граф, отец Примэль, каким-то образом пролил свет на всю эту игру в маски?

— Откуда он здесь? — шипит герцогиня. Она осматривается по сторонам, как лиса, которую застали на краже кур — прикрывая испуг злостью, чтобы никто не видел, что и она тоже не так уж крепко стоит на ногах. — Проклятье, химер, ты же сказал, что все безупречно!

Сайфер, пользуясь моментом, пока герцогиня отвела взгляд, хватая меня за руку и лихо, словно соломенную игрушку, буквально забрасывает себе за спину. Так что, когда Лу'На снова поворачивает голову в нашу сторону и не обнаруживает меня рядом, слова, которые она цедит сквозь зубы, словно яд, вовсе не приличествуют девушке ее положения.

Даже раненные солдаты, когда мы промывали им раны крепкими настойками, не произносили таких слов, боясь оскорбить слух невинных монахинь.

— Ты обвел меня вокруг пальца, — она делает шаг в нашу сторону, но химер что-то чертит в воздухе, и пол вздыбливается, заставляя меня вцепиться в руку Сайфера — единственная доступная мне опора, благодаря которой получается устоять на ногах.

Пространство между нами и герцогиней лопается надвое, словно кожа переспевшего арбуза. Трещина ползет по полу, переходит на стену, переламывает ствол цветущей вишни, рвет, словно ткань, красивую лепнину.

Он как будто разрывает материальный мир, и делает это так легко, что мне становится не по себе от всех этих «фокусов». Неудивительно, что химер избавился от браслета совсем запросто, совсем не прилагая усилий.

— Советую тебе отойти от края, — с выразительной насмешкой предлагает химер, когда трещина доползает до кончиков туфель герцогини.

— Это просто еще одна твоя иллюзия, — щурится она, и упрямо стоит на месте даже когда черный край «целует» носки ее красивой бархатной обуви. — Ничего этого нет.

— В таком случае, тебе придется проверить это самой, — улыбается Сайфер, и успевает схватить мое запястье до того, как мысль о попытке побега успевает окончательно оформиться у меня в голове. — Если это просто иллюзия, моя дорогая, то ничего не случится, и ты можешь попытаться отобрать у меня добычу. Но, надеюсь, ты готова к тому, что теперь я играю по-взрослому и через мгновение ты просто свалишься башкой вниз?

Я пытаюсь прислушаться к звенящей тишине, надеюсь, что где-то там уже раздастся эхо шагов Рэйвена и он действительно пришел за

мной, и это никакая не уловка, чтобы отвлечь внимание герцогини. Но там совсем ничего — ни единого шороха.

Луна раздосадовано сжимает и разжимает кулаки, но когда трещина стремительно ныряет ей под пятки, все-таки отпрыгивает назад. И так, шаг за шагом, отступает, пока пропасть между ней и химером не становится достаточно широкой, чтобы там могла поместиться целая маленькая речушка.

— Я выполнил свою часть сделки, девочка, — довольно посмеивается Сайфер.

— Мы не договаривались, что ты сохранишь ей жизнь, — продолжает плевать ядом настоящая Матильда. — Я должна была просто выманить ее к тебе. Эта овца принадлежит мне, химер.

— Боишься, что однажды она точно так же переиграет тебя? — Колокольчики в его крепких рогах подхихикивают в такт смеху хозяина. — Знаете, в чем главная ошибка вас — простых смертных? Вы не умеете мыслить глобально, не хотите заглядывать в суть, даже когда она бьет вас по лбу. Хотя...

Химер задумчиво косится на мою руку, щурит змеиный взгляд и у меня на глазах в его когтистой ладони «вырастает» точно такой же браслет, как тот, который носила я. Сайфер бросает его герцогине и она ловко подхватывает его двумя руками. Одевает на запястье, вертит им на свету, как будто хочет убедиться, что подделку невозможно отличить от оригинала.

— Это мой последний подарок, девочка, — машет лапой химер, распахивая Врата прямо перед мой носом. Тяжелая жаркая вибрация покрытой рябью поверхности заставляет отшатнуться от нехорошего предчувствия. — У тебя еще есть время осуществить задуманное, но только если ты избавишься от мысли гоняться за моей маленькой подопечной.

Матильде это не нравится, но она все равно ничего не успевает сделать, потому что на этот раз даже я слышу знакомую тяжелую поступь.

Значит, Рэйвен все-таки пришел?!

Я делаю рывок вперед, совсем не задумываясь о том, как перепрыгну пропасть. Главное, успеть его предупредить! Главное, хотя бы подать ему знак, что я здесь, а там — просто подделка, похожая на меня как две капли воды, и теперь у нее точно такой же браслет!

— Это уже не ваша жизнь, Госпожа, — внезапно изменившимся, лишенным привычной насмешки голосом, говорит химер, втаскивая меня в портал. — Вам нужно вернуться к истокам и сделать то, ради чего вы были рождены на свет. Принять предназначение, которого вас пытались лишить.

Не хочу даже вдумываться в чушь, которую он несет, потому что больше не поверю ни единому его слову. Нокс доверял ему, они вместе смеялись и подшучивали друг над другом, словно старые друзья, и за все это, Сайфер... вонзил нож ему в спину.

Он утаскивает меня вглубь Врат, и сколько бы я не кричала, не пыталась предупредить Нокса — из моего рта не вырывается ни звука.

Глава пятидесятая: Герцог

В лабиринтах, которые Сайфер умело строит внутри своего салона — черт ногу сломит.

Я бывал тут так много раз, что научился подмечать незаметные на первый взгляд признаки, подсказывающие, где иллюзия, а где — реальность. Но даже вооруженный этим знаниями, частенько промахивался и проигрывал химеру очередную порцию свои воспоминаний. Ему почему-то особенно нравилось слушать о моих военных похождениях еще во времена войны с Хаосом.

Тогда я думал, что он просто один из тех немногих, кому жизнь в мире людей показалась не такой уж плохой, и он просто отринул свою природу. Поэтому разговоры о том, как инквизиция во главе со мной истребляла его сородичей, были для рогатого просто отрыжкой, воспоминанием о той жизни, которая могла давно для него закончиться, если бы не его хитрый ум, таланты и удивительная способность приспособливаться.

А он просто умело притворялся все это время.

Умело корчил друга, собутыльника и выслушивал мой хмельной бред о том, что Матильда могла бы стать идеальной женой, но не для короля, а для меня самого.

Все это время рогатая сволочь знала, кто играет против меня.

Знала и помогала скроить игру, искусно обрезала острые углы, делая заговор максимально правдоподобным и незаметным.

Я сворачиваю в арку, над которой трепещет едва заметное радужная рябь, но уже через пару шагов понимаю, что иду по ложному

следу. Стайки женщин разных возрастов и мастей просто сидят на своих местах, совершают механические действия и реагируют на мое появление до смешного одинаково — кланяются, улыбаются, желают хорошего дня и тут же начинают хихикать вслед. И самое главное — среди них нет ни одного знакомого лица, хотя в столице не так много богатых женщин, которые могут себе позволить торчать в салоне химера, обмазываясь его «эксклюзивными» кремами и прочими процедурами для омоложения.

Это все не настоящее.

Это просто ширма, чтобы любой, кто попадет внутрь его муравейника без разрешения и тем более, без приглашения, пожалел об этом, часами блуждая в иллюзорном лабиринте, не в силах найти выход наружу.

И вернуться обратной дорогой уже не получится — за аркой, куда я только что вошел, теперь не коридор, а большой светлый зал, похожий на птичью клетку. От назойливого чириканья попугаев начинает болеть голова.

Я прохожу зал, снова оказываюсь в арке. Но на этот раз за ней уже маленький дворик, и небо над головой кажется таким настоящим, что по нему даже плывут пушистые облака, изредка задевая солнечные лучи.

Дальше, дальше.

Мысль о бесценно ускользающих минутах, заставляет скрипеть зубами в бессильной злобе.

Сайфер как будто знал, что я приду и успел подготовиться, но откуда?

Или он пытался запрятаться от чего-то другого?

Сворачиваю на маленькую лестницу, поднимаюсь на несколько этажей, через мост — в еще один зал, где снова полно народа, но на этот раз я все-таки замечаю пару знакомых лиц. Значит, на этот раз я все-таки нащупал верный след.

Дальше направо, снова в какие-то арки и длинные галереи.

Если бы это место было реальным, оно бы в разы превосходило огромный замок Эвина, который по праву считается самым большим в королевстве.

Я делаю мысленную зарубку на известном месте больше никогда не верить порождениям Хаоса.

Даже тем, которые вросли в мое нутро.

Впереди большой и абсолютно пустой зал без украшений и мишуры.

Я буквально влетаю туда, потому что замечаю знакомый контур распахнутых Врат.

Проклятье! Бездна бы их всех взяла! Если он бежит в них, то даже иглу в стоге сена будет найти проще, чем эту лживую тварь.

Я еще успеваю поймать химер, но стон и знакомая россыпь волос на полу заставляют меня остановиться как вкопанного.

На полу, свернувшись калачиком, сидит Тиль.

Она раскачивается из стороны в сторону и плачет, пытаюсь зажать рукой плечо, из которого хлещет кровь. Я еще не вижу рану, но кровь бьет так сильно, будто в руку по самую рукоять всадили нож. Он, кстати, валяется рядом на полу, и я замечаю следы от маленькой ладони.

— Рэйвен... — слабо бормочет Тиль. — Я знала, что ты придешь... за мной.

Я даже толком не успеваю подумать, что делать дальше, когда Врата схлопываются с характерным вибрирующим беззвучием, от которого у меня всегда неприятно бултыхается в животе.

Да в задницу химера с его тайнами — я отыщу выродка где бы он ни прятался!

Нужно помочь моей малышке.

Я опускаюсь перед ней на колени, пытаюсь понять, что делать дальше, но вид ее крови выталкивает на задний план все прочие мысли кроме той, что девочку нужно перевязать, пока она не потеряла сознание. У Тиль очень бледное лицо с сильными синяками под глазами, и мне хочется как следует надавать себе под зад за то, что это я был таким слепым и наивным все это время.

— Не надо... — шепчет Тиль, когда я инстинктивно протягиваю к ней руки, чтобы осмотреть плечо. — Браслет...

Она сует его мне под нос, и я бешусь от собственного бессилия.

— Он хотел... забрать меня, — шепчет Тиль, кашляя так громко, словно кроме раны у нее еще и серьезная простуда. — Забрать к настоящей герцогине. Она ему приказала, они... кажется...

— Я знаю, — бросаю коротко, скидываю куртку, а потом — рубашку, которую беспощадно рву на пару кривых лент. — Тиль, тебе

нужно перевязать рану, пока ты не истекла кровью.

Она кивает, берет самодельный бинт и прикладывает его к ране.

Я жмурюсь, потому что удар глубокий, немилосердно глубокий, как будто химер собирался...

Что-то заставляет меня насторожиться.

То самое чутье, благодаря которому я много раз выбирался живым из самых безнадежных ситуации.

Что-то не так, Нокс.

Выдохни.

Осмотришься.

Что не так в этих декорациях? Что ты уже почувствовал, пока не осознал?

Тиль вздыхает и кое-как бинтует плечо. Я бы мог заподозрить обман, если бы не браслет, который — я абсолютно убежден в этом — тот самый, а не похожая подделка. Но, даже если и здесь подлог, проверить это можно только одним способом — притронувшись к ней. И если он все-таки настоящий, то от ударной волны может случиться все, что угодно. Я не могу так рисковать, тем более, что сейчас только от меня зависит, как скоро Тиль окажется в руках врачей.

Что еще не так, Нокс?

— У меня кружится голова... — стонет девчонка и неумело заваливается на бок, прямо в лужу крови.

Кровь.

Тут повсюду ее кровь.

Кровь, которая для моих демонов вкуснее амброзии и слаще самого хмельного молодого вина.

Я должен был озвереть от одного только запаха, но ничего этого нет, потому что...

Резка боль в шее обрывает мою мысль, хотя я уже и так знаю ответ.

Матильда Лу'На нависает надо мной, всаживая нож мне в горло, словно сумасшедший мясник, пока я не начинаю захлебываться собственной кровью.

— Я мечтала об этом с той самой минуты, как в моей голове созрел этот план, — скалится безумная садистка, и в моем угасающем сознании ее смех звучит очень похоже на погребальное воронье карканье.

Глава пятьдесят первая: Сиротка

Путешествия через Врата всегда были для меня мучением.

Но в этот раз, когда мы с химером выходим посреди раскаленной красной пустоши, где нет ничего живого, приступ тошноты особенно сильный. Я пробую сдержаться, но желудок решает иначе и меня буквально выворачивает наизнанку, прямо под ноги. Точнее — прямо на дорогие бархатные домашние туфли рогатого мерзавца.

Он прицелкивает языком и пытается зайти мне за спину, чтобы придержать растрепавшиеся волосы, но я успеваю отбить его руку и даже отпрыгнуть на пару шагов. Мгновение мы смотрим друг на друга, а потом химер отвешивает степенный поклон и реуко указывает куда-то мне за спину.

Не спешу смотреть.

Это опять какая-то уловка?

Отвернусь — и он просто огреет меня по голове, чтобы отнести на заклятие послушным бездыханным мешком с жизнью?

И что он вдруг решил кланяться, хоть раньше не особо старался даже из уважения к титулу? Назвал меня госпожой, хотя точно знает, что я — поддельная герцогиня Лу'На?

— За вами эскорт, Ваше Высочество.

— Я не высочество! — кричу в ответ, и мой голос буквально тонет в свозящей вокруг тишине. — Ты мерзкая лживая тварь! Предатель! Подонок!

Наверное, если бы я все это вот так же выплевывала в лицо Ноксу, даже его безграничного терпения не хватило бы, чтобы сохранять такое без безучастно-благостное лицо, каким на меня смотрит Сайфер. Как будто я ему комплименты отвешиваю, а не от всей души желаю провалиться...

Огонь снова закипает в моей крови.

Чувство злости, желания крови и разрушения, которое я уже успела позабыть.

Сейчас оно возвращается с такой ужасающей силой, что мне приходится обхватить себя руками, чтобы не разорваться надвое под напором этой мощной силы.

Рэйвен говорил, что Тьму можно контролировать. Что это недоступно простым смертным, но у меня получалось, а значит, я могу

тать такой же, как он — способной управлять гневом и жаждой крови.

— Вы чувствуете это, госпожа? — Змеиные зрачки химера становятся тоньше нитки. Он даже подается вперед, всем видом источая предвкушение. — Свою истинную природу?

— Я чувствую желание вырвать тебе сердце! — рычу в ответ, и ужасаюсь тому, что мое нутро яростно этому откликается. Как будто только и ждет, чтобы схватить предателя за горло и вспороть ему брюхо, словно рыбине. — Нет. Это не я. Это... просто какие-то уловки, да? Ты чем-то меня опоил, как в тот день. Дал какого-то зелья.

— Разве моя госпожа что-то пила в моей скромной обители? — Сайфер подступает ближе. — Разве вы хоть что-то принимали из моих рук?

Я торопливо отшатываюсь, чтобы держаться от него на расстоянии.

За спиной и правда какой-то шум, но это все тоже может быть иллюзией. Этот мерзавец мастерски с ними обращается. Может, на самом деле, мы никуда и не переходили, а просто «перенеслись» в другую часть его салона?

— Вы можете мне не верить, Ваше Высочество, но именно я, а не ваш драгоценный возлюбленный, всегда был на вашей стороне и действовал в ваших интересах.

— Поэтому позволил предательнице Короны все это время дурачить нас всех? Что они тебе посулили? Сто юных девственниц?!

— В моем почтенном возрасте, — химер снисходительно усмехается, — такая банальность, как девственность, меня уже давным-давно не интересует. — И это я с ними играл, госпожа. Хотя, полагаю, глупая смертная и ее оболваненный прихвостень еще какое-то время будут думать, что все идет точно по их плану.

Я прикрываю глаза, стараясь не поддаваться искушению все-таки оглянуться и посмотреть, что может издавать такой размеренный тихий и, одновременно, устрашающий шелест. Как будто летит огромная птица.

Надеюсь, Рэйвен сможет разоблачить предательницу до того, как она совершит что-то непоправимое. Надеюсь, он найдет их всех и накажет. Превратить их с Орви в пару замечательных вяленых предателей, чьи трупы будут долго висеть на главной площади.

Мотаю головой и гоню прочь эти кровожадные мысли.

Они не мои.

Я просто желаю герцогине и предателю понести заслуженное наказание.

— У вас есть множество вопросов, — напоминает о себе Сайфер, — и я с удовольствием на них отвечу, но сейчас, госпожа, вам лучше подготовиться ко встрече со своей настоящей семьей.

Его слова заставляют меня встрепенуться.

Семья? Моя семья? Мои мать и отец, или хотя бы кто-то один из них, кто в тот злополучный день решил оставить меня на пороге монастыря?

Я так резко оборачиваюсь, что вокруг моих ног вздымается облачко ярко-алой пыли.

И, чтобы не сойти с ума от увиденного, крепко зажмуриваюсь.

Это ведь не может быть то, что мне показалось.

Потому что этих созданий не существует уже много веков.

Потому что Эпоха драконов закончилась еще до того, как Свет и Тьма решили разделить власть.

Но этот шум и тяжелые взмахи не могут принадлежать ни одной из известных мне птиц.

А когда я с трудом приоткрываю один глаз, тень от парящего надо мной существа, размером с летающий корабль. Или, Плачущий помощи, даже больше!

Длинный протяжный рев — первый звук, рожденный в этом месте, и от него мне хочется провалиться сквозь землю, куда-то туда, где в крошечной пустоте точно не будет никаких моих «родственников» верхом на... драконах.

Тень опускается все ниже, и когда громадная черная туша приземляется, земля дрожит, словно разделяет мой страх. Громадный, покрытый черной шипастой чешуей хвост змеится по земле, поднимая вокруг себя красную пыль. Когтистые лапы покрыты поцарапанными стальными наконечниками, а к кончику хвоста прикручен тяжелый стальной шар.

Мне страшно поднимать голову выше, потому что мой рассудок отказывается воспринимать за действительность даже такую малость.

Но, когда летающее чудовище перестает реветь, я слышу, как его наездник спешивается и медленно идет ко мне.

— Владычица, — благоговейно бормочет Сайфер откуда-то у меня из-за спины, и я впервые не слышу в его голое ни насмешки, ни ленивого снисхождения. Лишь кротость и страх.

Тень ложится на мое лицо.

Когтистые пальцы приподнимают его за подбородок, и хриплый, обезличенный голос приказывает:

— Открой глаза, девочка, и больше никогда их не закрывай.

Я подчиняюсь.

Эта женщина... она... прекрасна и ужасна одновременно.

Но вся ее кожа, словно доспехом, покрыта шипами и лозами, и острыми каменными наростами. Точно такими, как в это же мгновение начинают снова прорастать у меня на руке.

— Твоя мать всегда смотрела страху в лицо. И она не отвернулась даже когда Нокс пришел ее убить.

Я мотаю головой так яростно, что начинает болеть шея.

Нокс убил мою мать? Это какой-то абсурд. Этого не может быть. Нет. Конечно нет. Просто порождения Хаоса хотят меня запутать, смутить разум. Я же читала об этом в книгах в монастырской библиотеке — в «Томе Откровения» и в «Томе Истины». Слово Плачущего учило нас, его послушниц, не поддаваться искушению, не верить сладким речам демонов, потому что вся их сущность — ложь и скверна.

Хочу отступить назад, но дорогу перекрывает химер, и его когтистая лапа до боли сжимает мое плечо. Я сдерживаюсь, проглатываю желание выплеснуть боль криком. Это просто какие-то игры, а я в них — всего-навсего пешка. Они каким-то образом хотят меня использовать точно так же, как использовала герцогиня.

«Не верь ни единому слову, — учит внутренний голос. — Вокруг тебя всегда были одни предатели: Примэль, Лу'На, рогатый химер и даже Орви. Честным был только Рэйвен, даже если его честность каждый раз разбивала тебе сердце. По крайней мере он никогда не скрывал, что хочет посадить тебя на трон рядом с Эвином только чтобы у Артании была послушная и на все согласная королева-марионетка».

— Нужно возвращаться в Логово, — бросая взгляд мне за спину, говорит демоница. — Скоро здесь будут ищейки Нокса.

Я оглядываюсь, но не вижу ничего, кроме серьезного лица Сайфера и размытого облака пыли где-то на горизонте. Ищейки моего герцога придут за мной? Значит, он узнал правду и узнал, куда меня утащил химер?

Мне так хорошо от этих мыслей, что даже не возникает желания подавить триумфальную улыбку.

— Ты слишком долго жила среди людей, девочка, — говорит демоница, и ее заострённое лицо становится абсолютно непроницаемым. — Научилась видеть нас так, как видят они. Научилась чувствовать тот же страх и ту же ненависть. Пришла пора прозреть и принять свою кровь. Соул, задержи Зрячих. И возвращайся в Логово живым и невредимым.

— Да, Владычица.

О том, что он почтенно кланяется, я слышу по переливу колокольчиков в его рогах.

Владычица взбирается дракону на спину — в массивное черное седло, покрытое как будто тончайшей кожей с замысловатым тиснением. И когда она протягивает мне свою когтистую руку, я почему-то не могу найти ни единого довода разума, чтобы отказаться ее принять.

— Потому что пока твоя сущность спит, — демоница как будто читает мои мысли, — твоя кровь уже знает, кто на самом деле желает тебе добра. Пора возвращаться домой, девочка. Пора узнать, кто ты на самом деле и исполнить то, ради чего Хаос привел тебя в этот мир.

Я сажусь в седло позади нее и едва успеваю схватиться руками за крепкие поручни по бокам, потому что дракон стремительной стрелой взмывает ввысь.

Глава пятьдесят вторая: Герцог

Я никогда и никому не рассказывал о тех днях, которые провел в пыточном подвале дохлого герцога.

Потому что именно там я знал про себя две вещи.

Вещь первая — я все-таки боялся смерти, и еще больше боялся, что подохну именно там. Не на поле боя, не с продырявленной грудью или вырванным сердцем, а в цепях, иссеченный кнутом, как хорошая отбивная.

И вещь вторая, которая стала для меня еще большим откровением — я могу желать смерти всему, что способно дышать, говорить и свободно передвигаться. И если бы в тот момент случилось чудо и каким-то небожителям пришла в голову идея превратить мои цепи в прах, я бы разорвал все живое, что встало у меня на пути.

Сейчас, когда я, еще даже не отрыв глаза, слышу вонь того самого подвала и ощущаю на руках тяжесть тех же самых цепей, самое время осознать еще одну правду о себе — я слепой осел.

И если бы не чувствовал эту ужасную вонь, то смело бы прибавил к этому еще и отсутствие нюха. Того самого, которым я кичился больше, чем всеми орденами от Эвина.

Я с трудом сглатываю, и в горле тут же появляется горький и металлический вкус собственной крови.

Странно, что после того, как тварь всадила в меня нож по меньше мере десятков раз, я все еще жив.

Я пытаюсь пошевелиться, но тяжелые цепи, на которых я распят на стене, словно подопытное животное, не дают никакого пространства для маневра. Похоже, с момент моего последнего «визита», Лу'На тут кое-что изменила и улучшила.

Пока я пытаюсь отдышаться, тяжелая, обитая металлом дверь на противоположной стене, медленно и с противным лязгом открывается. Двое безликих стражей в черном проходят вперед, берут меня на прицел наконечниками длинных копий, и только после этого в мои «покои» входит мелкая герцогиня.

Она в белом, мать ее, и нарочно ступает очень осторожно, чтобы не испачкать носки дорогих шелковых туфель. Такая же показушница, как и ее папаша — старый дохляк тоже любил показать, насколько грязный вокруг него мир, ведь он один — в сияющих доспехах.

— Вижу, ты подготовилась к моему визиту, — не могу сдержать ядовитое замечание, и позволяю крови свободно стекать по моим губам. — Много чего тут... улучшила.

Шевелю кистями рук, но даже это сделать едва ли получается, потому что теперь мои кандалы приколочены прямо к стене.

— Не сомневалась, что ты оценишь мои старания, — елевым тоном отвечает она, носовым платком очень жеманно прикрывая нос. — Теперь ничего не помешает мне наслаждаться твоим обществом долго, долго и... долго, Нокс.

Я не сомневался, что живым мне из этого проклятого места уже не выбраться. Не может же так сильно везти дважды. Даже мне — поцелованному богами в задницу герцогу Ноксу, которого часто называли «заговоренным». Хотя в последнее время я так часто ходил по краю жизни и смерти, но впору передавать это «почетное прозвище» другому счастливицу.

— И давно ты с ним договорилась? — Я нарочно скалю окровавленные зубы, чтобы насладиться очередной порцией брезгливости на лице герцогини. Должен же и я получить от всей этой ситуации хоть какое-то удовольствие.

Она и правда бледнеет, но буквально заставляет себя стоять на месте даже когда кровь все ближе подбирается к ее белоснежным туфлям.

— Полагаете, Нокс, я вот так просто разболтаю вам все свои маленькие женские секреты?

В тусклом свете единственного факела ее лицо одновременно и похоже на лицо Тиль и выглядит абсолютно другим. Наверное, все дело в том, что на лице моей малышки я никогда бы не увидел такого откровенного презрения к чему бы то ни было, а настоящая герцогиня выглядит так, словно пришла в этот мир с отвращением ко всему живому.

Я должен заставить ее говорить.

Не знаю зачем, если так или иначе унесу эту тайну с собой в могилу. Но, может быть, Нокс, ты растерял не всю свою удачу?

— Должен ли я понимать эти твои слова как страх снова выпустить добычу из рук? — подначиваю ее. — Или у хитрой дочурки дохлого герцога на самом деле нет никакого плана?

Она прищуривается так сильно, что все ее лицо становится похожим на крысиную морду.

Я бы сказал, что это хорошее доказательство того, что чутье меня не подвело и правильно выбрал ее личную болевую точку. Даже если в ответ на это герцогиня коротко кивает одному из стражников с копьем и через мгновение я чувствую болезненный укол под ребрами. У меня перехватывает дыхание, живот сводит острыми судорогами. Несколько мучительных минут я чувствую себя распятой мухой в паутине, получившей смертельную дозу паучьего токсина, который уже медленно превращает внутренности в питательную смесь.

Но потом эта боль понемногу отпускает.

— Как тебе мое особенное угощение, Нокс? — Ради желания поближе рассмотреть мои мучения, герцогиня даже готова испачкать обувь. — Мой алхимик старался специально для тебя. Не беспокойся, Нокс, ты не сдохнешь от тех маленьких доз, которыми смочены наконечники копий моей охраны, но, поверь, каждый раз, когда твоя дерзость будет мне не по душе, ты будешь молить о смерти.

Я не издаю ни звука.

Однажды, когда в меня всадили порцию картечи и у полевого лекаря закончились обезболивающие, я пережил мучения и похуже, когда он по-живому вытаскивал из меня дробь. Так что «угощение» герцогини — не самый «лучший» десерт в моей жизни.

— Спасибо за гостеприимство, герцогиня, — пытаюсь, насколько это возможно, отвесить шутовской кивок, и снова наслаждаюсь ее перекошенной физиономией. — Польщен быть... твоим почетным гостем. Можно мне подушку, а то малость... затек зад.

Она снова кивает охраннику, и новая порция боли входит в мое тело вместе с острым наконечником копья.

Наверное, я переоценил свои силы, потому что в этот раз боль поднимается выше по позвоночнику, застревая где-то в затылке, и на этот раз не проходит гораздо дольше. А когда ко не возвращается способность видеть и слышать, я с трудом различаю лицо герцогини и мысленно благодарю ее алхимика за то, что не хотя бы не придется начинать ненавидеть лицо моей Тиль.

Тиль.

Пытаюсь пошевелить руками, но не чувствую даже пальцев.

Я должен выжить ради нее.

Должен найти свою монашку. Герцогиня держит ее в плену? Где-то здесь, в Горностаевом приюте?

Нужно заставить говорить эту мелкую падаль.

— Если честно, это даже не интересно, — с преувеличенным безразличием вздыхает герцогиня. — Тебя крайне неинтересно мучить, Нокс.

— Это потому что я не кричу? — усмехаюсь, но уже из последних сил. — Знаешь, что было действительно интересно? Слушать крики и мольбы о пощаде дохлого герцога Лу'На. Он обделался, когда я расплющил ему мизинец. Представляешь? Один палец — и он в

штаны наложил. Воня было даже больше, чем когда он начал гнить заживо.

Герцогиня протягивает руку... но останавливается, сжимая в скрюченных пальцах лишь пустоту.

— Ты ведь не нужен мне живой, Нокс, — шипит сквозь зубы, но даже с шумом в голове я хорошо слышу фальшивые ноты.

Если бы я не был нужен ей живым — она бы просто перерезала мне глотку.

И точно не старалась бы приготовить «угощение» специально для меня.

— Но, если ты будешь и дальше выпрашивать, — продолжает гадина, — я решу, что ты не годишься даже на роль игрушки.

Это тоже ложь, теперь уже абсолютно неубедительная.

Что она хочет? Моя жизнь не представляет никакой ценности.

— Кстати. — Лу'На делает вид, что ее внезапно осенило, хотя на самом деле наверняка готовила и репетировала эту речь. — Всегда немного завидовала вашей с Эвином дружбе. Такое доверие, такая безоговорочная слепая вера. Ты ведь единственный, кому разрешается держать при себе кинжал даже в присутствии Его Величества?

Я чувствую себя полным ослом.

Тот гвардеец в замке — он ведь может стать «мною» в любой момент.

Проклятье!

Кончик копья правого стражника ложится мне под подбородок и приподнимает голову, чтобы герцогиня могла вдоволь полюбоваться моим лицом. Отрава во мне еще достаточно сильна, чтобы держать эмоции под контролем.

— Нокс, не стоит так огорчаться, — она прищелкивает языком, наслаждаясь заслуженным триумфом. — Кто-то должен был быть умнее тебя — это закон жизни. А теперь извини — мне пора спешить к жениху и поторопить его со свадьбой. Не терпится поскорее стать вдовой!

Когда стальные двери моей темницы закрываются, я понимаю, что на этот раз нас всех действительно обвели вокруг пальца.

Я не знаю, что с Тиль.

Я не понимаю, какую роль во всем этом «плане» играет химер и что, Бездна задери, и какую выгоду он поимел от этого гнусного

предательства.

И, что самое паршивое, спасти нас всех может только чудо.

Глава пятьдесят третья: Сиротка

— Это — Логово, девочка, — говорит Владычица, когда дракон приземляется на вымощенной красным кирпичом площадке на вершине шпиля самой высокой башни. — Это — твой дом.

После полета у меня сильно кружится голова, и нужно время, чтобы побороть рвотные позывы и попытаться разглядеть место, куда мы попали.

Кажется, с высоты, я видела огромный черный замок, изуродованный каменными наростами и увитый страшными древними лозами, от одного вида которых кожа покрывалась мурашками ужаса. Сейчас, когда шип одной из них как живой маячит прямо у меня перед носом, я понимаю, что никогда в жизни не видела ничего более... ужасного и прекрасного одновременно. Шип тянется ко мне с тяжелой, обвинившей колону ветки, как будто пробует на вкус, надавливая ровно настолько, чтобы на коже проступила капля крови.

Мне должно быть страшно.

Плачущий, я должна бы вопить от ужаса, но что-то внутри меня странно откликается на происходящее. Как будто я и правда где-то там, где должна была быть все это время.

Я обхватываю себя руками и стараюсь держаться подальше от шипов, которые, словно взявшие след зверодавы, наперегонки тянутся за мной.

— Я не хочу быть здесь, — говорю, два шевеля губами, когда Владычица подходит к остроконечной арке, за которой просматривается наполненный ярким оранжевым светом коридор. — Верните меня туда, где...

Она как резко разворачивается, что мне приходится очень постараться, чтобы не сдвинуться с места под натиском напора ее неприкрытого негодования.

— Вернуться куда, девочка?! В мир людей? Туда, где каждый камень в придорожной пыли считает таких, как ты, выродками? В мир, где таких, как ты, сжигают на кострах без суда и следствия? Просто потому, что ты носишь Тьму в своей крови?

— Это не так. — Мотаю головой, но... сама себе не верю.

С тех самых пор, как я впервые увидела тот странный сон, не было ни дня, чтобы я не прислушивалась к тяжелым шагам за дверью, и не вздрагивала всякий раз, когда настоятельницы требовали меня к себе. Я чувствовала, что внутри меня живет скверна, но и принимала, что даже если я не сделала ничего плохого — меня все равно сотрут в порошок, если правда выплывает наружу.

Я жила в страхе все эти годы.

В страхе быть казненной просто так.

Потому что я...

— Не такая как все, — говорю деревянными губами, и на этот раз, когда когтистая ладонь Владычицы ложится мне на плечо, я не чувствую ни страха, ни отвращения. Моя рука, когда Тьма прорывается наружу, выглядит не лучше.

— Пора узнать правду, девочка. И избавиться от иллюзий о мире, который был создан лишь с одной целью.

На ее губах появляется многозначительная кровожадная ухмылка.

Нокс говорил мне о демонах.

О том, чем они питаются и почему Бездну необходимо было запечатать.

Но что-то с голос рогатой Владычицы заставляет меня предчувствовать новую порцию откровений.

Я позволяю увести себя внутрь черной башни, спускаюсь по лестнице как будто в самое сердце мира, и с каждым шагом мне все больше хочется оглянуться и оставить себе хоть какую-то зацепку для побега.

Вся моя жизнь вот-вот перевернется с ног на голову, а в голове торчит Нокс и герцогиня, которую он бросился спасать, думая, что это — я. Но он ведь должен что-то понять? У него же есть какое-то особенное чутье? Он должен узнать правду и всех разоблачить, потому что он...

Я запрещаю себе произносить «инквизитор» даже просто в своих мыслях. Как будто это может причинить ему вред.

В замке абсолютно пусто, хотя я готова поклясться, что вокруг нас все время витает эхо скрипучих голосов и настороженного шепота. Несколько раз даже озираюсь, потому что чувствую раскаленное дыхание в затылок, но там всегда только пустота, не подернутая даже легким сквозняком.

Это место совсем не похоже на королевский замок Эвина.

Здесь нет ни картин, ни трофеев, ни даже гобеленов — только камни, шипы и растущие словно сразу отовсюду черные костяные наросты. Этот замок... он словно живой. По-настоящему живой и растет из-под земли, питаясь тем, о чем лучше и не думать.

— Это... Логово? — рискую спросить я, и Владычица степенно кивает головой.

— Это — твой дом, девочка.

Дом.

Я всегда мечтала о том, что однажды у меня будет семья и дом с садом, в котором мы будем проводить тихие семейные праздники. Но никогда-никогда это точно не был каменный замок в Бездне.

Но, если бы вдруг Плачущий щелкнул пальцами, остановил время, предложил все отыграть назад и никогда не знать, что и кто я такое — я бы согласилась?

Ответ не успевает сформироваться в моей голове, потому что Владычица заводит меня в большой и абсолютно пустой зал, по стенам которого, как по венам великана, змеится раскаленная лава. Стая темных летучих тварей, потревоженная нашими шагами, взмывает куда-то вверх — это так высоко, что даже задрав до предела голову, я все равно не вижу ни намека на потолок.

Все, что есть в этом месте — темное пятно на противоположной стене.

Чем ближе мы подходим, тем отчетливее становятся его контуры, тьма словно наполняется красками — розовым, белым, пурпурным. Чем-то, что словно чужеродно этому месту, но что должно быть здесь.

Я останавливаюсь, когда чувство опасности начинает громко звонить в набат в моей голове.

Это... не просто пятно.

Это портрет молодой женщины. Будто высеченный из камня рукой мастера. И работа выполнена настолько тонко, что приходится пару раз моргнуть, прежде чем проходит странное наваждение, будто платье девушки колыхнется, а ее руки сильнее сжимают в руках тяжелый каменный кубок.

Она очень красивая.

И рога в ее волосах, и каменные шипы на плечах совсем не портят ее чужеродную этому мрачному месту красоту.

Владычица тоже останавливается, и впервые за все время я вижу ее спину немного согнутой, словно она вдруг ощутила тяжесть непосильной ноши. И даже ей — хозяйке Логова — не дано от него избавиться.

— Л'лализель. Она была бы лучшей версией меня, — слышу ее тяжелый и какой-то опустошенный голос.

Ее как будто терзает что-то.

Это так странно, ведь порождения Хаоса не могут чувствовать ничего, кроме жажды крови и насыщения душами живых?

— Но она была слишком доверчивой. Никогда никого не слушала. И наивно верила, что Тьма и Свет могут существовать вместе.

Я уже знаю, что она скажет дальше, и от паники что есть силы сжимаю в кулаках уже порядком испачканную ткань платья.

— Она — твоя мать, Матильда. — Владычица поворачивается ко мне, окидывает взглядом, явно не одобряя мой напуганный вид. — Дарек Скай-Ринг обманом похитил ее у меня, заточил в обсидиановые кандалы и силой взял в жены.

— Нет, — я отчаянно мотаю головой. — Это... не может... Это... ложь.

Она яростно сжимает кулаки и все ее тело внезапно покрывается каменной броней, настолько крепкой и колючей, что можно ослепнуть от одного лишь взгляда. Я пыхчусь назад, разгоняя неприятные мысли, который вот-вот разрушат мою реальность, не оставив камня на камне от меня прежней.

— Не может?! — Владычица полыхает огнем, словно извергающийся вулкан. Ни рогатый Балор, и дракон и близко не выглядели такими устрашающими, как она в эту минуту. — Ложь?! Хочешь узнать, что такое настоящая ложь?!

Она яростно хлещет по полу тяжелым чешуйчатым хвостом, и камень покрывается глубокими заломами трещин. Приходится пятиться все дальше и дальше, чтобы не провалиться в одну из них.

Нокс говорил, что демонам нельзя верить.

Они коварны и готовы на все, чтобы затуманить рассудок смертного.

— Нокс?! — Владычица как будто шастает в моих мыслях, понимает и слышит их до того, как их пойму и услышу я. — Так послушай же правду, моя маленькая принцесса, и пусть она отрезвит

тебя! Дарек обманул и похитил Л'лалиэль, сделал ее своей королевой, чтобы она родила ему дитя. Нет, — она скалит длинные черные клыки, — не для того, чтобы наслаждаться счастьем, а чтобы получить плод Тьмы и Света, чья кровь сделала бы его неуязвимым для Хаоса. Дареку не нужна была маленькая дочка — ему была нужна жертвенная овца на заклятие! Ты появилась на свет, чтобы умереть во имя тщеславия одного смертного!

Я еще сильнее обхватываю себя руками, потому что в это время что-то внутри меня уже начинает разваливаться на кусочки.

Этого не может быть.

Все знают, что Тьма и Свет не могут смешаться внутри одного сосуда.

— Могут. — Владычица снова «читает» у меня в голове. — Мой дед — твой прадед — уже пытался, когда эти смертные решили, что мир должен принадлежать только им. Отец Дарека нашел этот ритуал, а проклятый... повторил его. Увы, успешно.

В моей голове мелькают воспоминания слов Нокса — Владыка убил свою дочь.

Это... правда. Я уже слышала это от человека, которому однажды раз и навсегда доверила свою жизнь.

— Нокс знал, кто ты.

Я вскидываю голову, потому что искренне верю, будто снова слышу лишь отголоски странных мыслей.

— Он знал! — рявкает Владычица, и черная стая над нашими головами подхватывает эхо ее голоса. — Он знал и ничего не сказал тебе. Хочешь знать почему?

Отрицательно мотаю головой и, наплевав на все, залепляю уши ладонями.

Не хочу знать. И слышать не хочу.

Пусть это все окажется просто сном.

«Эвин — не законный наследник, — воспоминанием смеется в моей голове Сайфер. — У него нет прав на престол Артании...»

Но они есть... у меня?

— Нокс всегда был только служебным псом, который гложет кости и радостно виляет хвостом, чтобы выслужиться перед хозяевами. — В голосе Владычицы столько отвращения, что его можно черпать ложками. — Он убил Л'лалиэль.

Я закрываю глаза.

— Он помог Эвину скрыть правду о законном наследнике Артании!

Нет, это просто мой ночной кошмар.

— Он должен был найти тебя и убить, чтобы никто и никогда не заявил своих прав на королевский престол!

— Замолчи... умоляю. — Огонь закипает внутри меня, выступает наружу шипами и костяными наростами — по запястью, до локтя, а потом до плеча. Уже на обеих руках, и я не чувствую боли, когда лозы обвивают меня и впиваются в тело длинными иглами шипов.

— Он знал, кто ты. Он видел твою Тьму, принцесса. И он собирался помочь Эвину принести тебя в жертву чтобы королю Артании удалось то, что не получилось у его отца!

Я хочу сбежать из этого места прямо сейчас.

В ту свою скучную монастырскую жизнь. После всех этих откровений, я готова броситься в ноги Плачущему и умолять его стереть мне память, как будто ничего этого никогда и не было. У меня была не скучная жизнь — у меня была тихая, спокойная и понятная жизнь, где я знала о себе достаточно, чтобы быть в мире и покое с собой. Только, чтобы понять это, нужно было сперва станцевать босиком на тлеющих углях.

Рэйвен никогда бы не поступил так со мной.

Но у моего внутреннего голоса есть парочка других воспоминаний, которые он, как в балаганном театре, крутит перед моим мысленным взглядом.

Рэйвен не ответил на мой вопрос, когда я спросила, что такое *ga'an'ern*.

Он вообще ничего и никогда мне не говорил, кроме того, что во мне есть Тьма и он может научить меня ее контролировать. Но он несколько раз использовал меня, когда был присмерти.

И он собирался выдавать меня за настоящую герцогиню, потому что так было удобно и выгодно.

— Откуда он мог знать, что я такое? — Мне больно и страшно смотреть на Владычицу, чье тело окончательно отбросило человеческие формы. Я тоже стану вот такой? — Если даже я узнала об этом только сейчас?

Владычица запрокидывает голову и громко хохочет. Черная стая облетает вокруг нее и устремляется ко мне, кружась над головой, словно вестник неминуемого несчастья.

В этом смехе — ответы на все мои вопросы.

Это же Нокс — он знает абсолютно все.

Рогатая, наконец, перестает смеяться, и несколько раз переводит взгляд с меня — на рисунок на стене.

— Вы с ней похожи. — Никогда бы не подумала, что и у демонов есть чувства, но она как будто тихо рыдает внутри. — Моя Л'лалиэль была слишком хороша, чтобы какой-то простой смертный вот так легко лишил ее жизни. Но она всегда была сильной и смелой, поэтому...

Взгляд на меня прямо в упор, от которого мне вдруг уже не хочется прикрываться руками. Я чувствую только легкое покалывание, когда мои пальцы начинают медленно удлиняться, и ногти становятся длинными и острыми. Не такими, как у Владычицы, но достаточно смертоносными, чтобы вспороть кому-то живот или проткнуть грудь до самого сердца.

Эти мысли заставляют мое тело подрагивать от предвкушения.

Плачущий, это не я!

Я всю жизнь спасала людей, а не мечтала выпустить им кишки!

— Л'лалиэль отдала свою силу тебе. — Я так сильно ухожу в свои страхи, что не замечаю, как Владычица оказывается рядом и ее ладони буквально впиваются мне в плечи. — Я это чувствую. Вижу и слышу ее в тебе. Она уже пробуждается, потому что здесь даже кровь земли послушна тебе и взывает к твоей сущности.

Я отмахиваюсь от нее и, пусть с трудом, но вырываюсь из стальной хватки.

Мне противна сама мысль о том, чтобы стать такой же, как все те страшные твари, которые, до запечатывания Бездны, гуляли по миру живых и питались их душами. Я не стану такой, лучше уж головой вниз с обрыва, чем потерять человечность.

Владычица приподнимает ороговевшую бровь, и весь ее вид выдает сомнение.

— Обязательно рыться у меня в голове?! — не могу сдержаться.

— Мы с тобой — одна кровь, девочка. Пока мы в Бездне — я слышу все, что происходит в твоей голове. Со временем, когда твоя

сущность окончательно пробудится, ты тоже научишься слышать и чувствовать абсолютно все. А я научу тебя понимать самые незаметные сигналы и читать невидимые знаки. Больше никто и никогда не сможет застать тебя врасплох, девочка

— Меня зовут... — Хочу сказать Матильда, но. Тех пор, как герцогиня вскрыла свою настоящую суть, мне даже собственное имя стало омерзительно. — Меня зовут Тиль, а не «девочка».

— Имена смертных. — Владычица фыркает. — Они оскорбляют мой слух и всю Бездну, так что, если не хочешь без причины разбудить кого-то из Привратников — лучше не произноси его вслух.

— Привратников? — Почему-то, как будто это идет из глубины моей памяти, я в первую очередь думаю о Беале, который в ту ночь едва не убил нас с Ноксом.

— Это верные стражи бездны, ее палачи и элитные воины. — Рогатая как будто смакует одну мысль о том, на что способен каждый из них. — Но, для начала, нам нужно придумать тебе новое имя.

— Мне нравится мое.

— Это имя, которое дали тебе бестолковые смертные, оно не будет звучать здесь никогда! — Владычица рявкает так громко, что на полу образовывается еще пара трещин. В предыдущих, где только что кипела лава, теперь, словно уродливые заплатки, медленно застывает черная жижа. — Я буду называть тебя... Ти'Эль — она бы назвала тебя так.

— Мне все равно.

Владычица снова с сомнением улыбается и уже спокойно, как будто вспомнив, что нужно быть еще и радушной хозяйкой, приобнимает меня за плечи, чтобы подтолкнуть в сторону выхода.

— Пойдем, принцесса, тебе нужно восстановить силы.

Глава пятьдесят четвертая: Герцог

Сколько времени я вишу в этих цепях?

Наверное, долго, потому что когда прихожу в себя после очередной порции пыток, уже почти не чувствую ни рук, ни ног, и те части моего тела, которые могу видеть, покрыты коркой засохшей крови пополам с грязью и белесыми разводами.

Когда палач умелой рукой самым кончиком хлыста сдирал с меня кожу, его помощник щедро поливал свежие раны крепким соляным

раствором. Потому что я должен был орать от боли или просить о пощаде, но упрямо продолжал молчать. Правда, тело все равно теряло силы, и я на какое-то время отключался.

Герцогиню я не видел, но каким-то внутренним чутьем знал — она все-еще здесь, в Горностаевом Приюте. Не спешит ехать в Королевский замок. Возможно, потому что Эвин до их пор подавлял бунты и ее появление в военном лагере вызвало бы вопросы даже у моего начисто потерявшего голову друга. А, возможно — я хотел в это верить — ей просто слишком сильно хотелось услышать мои крики и мольбы.

Поэтому я дал себе зарок даже сдохнуть молча.

Хотя, конечно, хотелось бы выжить.

Я кое-как разминаю затекшие изодранные запястья, чтобы хоть как-то разогнать кровь по телу. Снова, даже уже ни на что не надеюсь, пытаюсь выудить наружу хотя бы каплю Тьмы, но все тщетно — герцогиня постаралась, и кто-то достаточно умелый приготовил для меня специальные кандалы, сплавив сталь и обсидиан.

Такой ошейник носила Л'лалиэль.

Именно он лишал ее всех способностей и не позволял использовать Тьму, чтобы вернуться домой, в Бездну.

Теперь я точно знаю, как она страдала.

Теперь я точно знаю, что она отдала все до капли в тот проклятый день, когда сожгла саму себя, чтобы защитить Тиль.

И эта правда — она намного больнее, чем любые пытки, потому что она торчит внутри меня и жалит постоянно, даже когда дух ненадолго покидает мое изодранное тело. В сравнении с муками внезапно воскресшей совести, соль в свежие раны ощущается не больнее комариного укуса.

Тиль.

Где она? Что с ней?

Я не позволяю себе впасть в отчаяние, хотя все время хожу по грани.

Если бы от моей смерти хоть что-то зависело — я бы не задумываясь откусил себя язык и захлебнулся кровью, но...

Даже если ситуация из ряда вон, пока ты дышишь — еще можно на что-то надеяться.

Дверь темницы открывается с уже знакомым мне противным медленным скрипом. У меня нет сил поднять голову, но мой нюх работает так же исправно, как и раньше. Знакомая вонь моему мучителя посылает под кожу сигнал о том, что пытка вот-вот продолжится.

Я даже почти не реагирую, когда кого помощник по свистку окатывает меня ледяной водой из ведра, только жадно слизываю влагу с губ. На вкус она слаще меда. Может, потому что я уже и забыл, когда ел в последний раз?

Продолжаю болтаться в цепях вниз башкой, изображаядохлое насекомое. Когда палач стегает меня палкой по одной из пяток, буквально силой заставляю себя окаменеть, чтобы и дальше выглядеть испустившим дух. Мне нужна еще хотя бы пара капель воды, чтобы восстановить силы, иначе мне не пережить эту пытку.

— Давай-ка я еще в него плесну, — противно картавит помощник-горбун, — а то как бы не сдох раньше времени — хозяйка тогда с нас шкуры спустит.

Палач что-то невнятно бормочет, словно ему требуются силы, чтобы даже просто шевелить языком. За все время, что он надо мной измывается, не слышал от него ни звука. Не уверен, что он вообще может говорить.

Помощник тащит полное ведро, но палач перехватывает его с каким-то неразборчивым «Поддай сюда». Я слышу его зловонное дыхание прямо у самого носа. Хаос бы все побрал, выдержать удар по пяткам было куда проще, чем не выблевать нутро от вони его гнилостного дыхания!

Он хватает меня за волосы, без церемоний окунает рожей в воду.

Я делаю несколько жадных глотков, наплевав на то, что вода тут же забивает нос и просачивается в легкие.

— Гляди-ка, очухался, — слышу голос горбуна. — Теперь бы его подсушить, да? В костерке.

Я успеваю глотнуть еще раз, прежде чем палач с силой задирает мою голову вверх.

Он так близко, что даже сквозь мокрые веки вижу его изуродованную рытвинами оспы щеку.

И я, вдруг чувствуя странный и острый прилив «голода», изо всех сил вгрызаюсь в нее клыками.

Что бы там ни было в ведре — оно явно вернуло меня к жизни.

Значит, у меня есть союзник даже под носом у герцогини, в ее собственном доме.

Мой мучитель громко орет и заваливается на пол.

Его кровь на вкус как дерьмо из сточной канавы, так что я выплевываю ее вместе с вырванным куском плоти, и придавливаю палача спиной к полу, всем своим весом.

Его помощник уже где-то рядом и, прежде чем он попытается вмешаться. Одним точным ударом бью палачу в горло. От силы удара кадык проваливается внутрь — здоровенный урод выпучивает глаза, вдруг понимая, что не может дышать.

Отпрыгиваю в сторону, балансирую на полусогнутых, быстро оценивая обстановку.

Горбун успел взять тяжелую палку и, как любому человеку с его увечьем, ему несложно с ней обращаться, потому что я хорошо знаю, какая сила кроется в руках таких «коротунов».

— Тебе не выбраться отсюда, — шипит и сплевывает он.

— Да неужели? — Я нарочно дразню его, потряхивая кандалами на запястьях.

Как порвал их — и сам не помню, но сейчас это не имеет значения. Я должен сбежать как можно скорее. Связка ключей висит на видном месте — на пояс палача. Он уже почти затих на полу, и делает лишь редкие попытки вдохнуть воздух полным крови ртом. Жаль, что сдохнет так быстро — он не заслуживает легкой смерти.

Я делаю обманчивый финт — делаю вид, что собираюсь рвануть к двери, и горбун легко «цепляется» на эту приманку. Неосмотрительно бросается вперед, оставляя беззащитными шею и верхнюю часть корпуса. Ну и, конечно, не следит за ногами. Сбить его на пол совсем не сложно — достаточно одного точного удара, и горбун летит головой вперед, только чудом не размозжив башку о тяжелую дверь.

Прыгаю сверху, хватаю его за волосы и задираю голову.

— Герцогиня в замке? — шиплю ему на ухо, силой подавляя в себе желание разорвать подонка на куски.

— Не... скажу, — булькает из его горла.

Я лишь вполсилы вкладываюсь в удар, которым впечатываю его морду в каменный пол, но даже этого достаточно, чтобы сломать ему нос. Горбун воем и беспомощно сучит ногами.

— Советую быть вежливее и умнее, — предупреждаю на тот случай, если до него до сих пор не дошло, что лучше больше не рисковать. — Повторяю еще раз — герцогиня в замке?

— Нет, нет, — гундосит он, и в купе с его и так испорченной речью, приходится напрягать сух, чтобы разобрать слова. — Уехала. Утром.

— Куда?

— Думаешь, она перед смердами отчет держит? — Горбун уже чуть не плачет.

Удивительно, какие метаморфозы могут произойти с лишенным сострадания человеком, стоит ему попасть в шкуру того, кого он только что мучил.

Но, пожалуй, на этот раз я ему поверю — Лу'На действительно не стала бы посвящать кого-то в свои планы.

— Сколько охраны в замке?

Горбун снова невнятно мычит и мне приходится оттащить его к расплёсканной на полу луже, чтобы «освежить».

— Десятка... три, — наконец, шамкает он.

Достаточно, чтобы устроить проблемы любым незваным гостям.

Но не для меня. Тем более теперь. Понятия не имею, что было в ведре, но я чувствую себя воскресшим и голодным.

Я отшвыриваю горбуна к дальней стене — он ударяется об нее всем телом, сползает вниз и затихает. Судя по тому, что мои внутренние демоны больше не чувствую поблизости подходящей добычи, герцогине придется искать новую парочку душегубов. Конечно, только если она проживет достаточно долго.

Вооружившись ключами, медленно приоткрываю дверь.

Она адски скрипит, но это не важно, потому что с обратной стороны темницы никого нет. Герцогиня, как и ее дохлый папаша, так же самонадеянна — думает, что пара кандалов и неуклюжих мясников достаточная страховка от моего побега. Хотя, не могу не признать — если бы не помощь моего неизвестного союзника — я бы вряд ли выбрался живым.

Я даже не успеваю как следует осмотреться, потому что отчетливо слышу шорох справа, из темного угла.

Прищуриваюсь.

Почти чувствую, как трещат хрящи, потому что мои уши почти по-звериному ловят каждый звук.

— Знакомый запах... лейтенант.

Из темноты медленно выступает долговязая фигура.

У мальчишки бледное, как будто почти обескровленное лицо.

— Милорд... герцог, — лейтенант поднимает трясущиеся руки, — милорд, это я вам помог!

Даже не шевелюсь.

Мысли хаотично скачут между желанием его допросить и потребностью выпустить кишки.

— Это я! Я! — Он разве что не колотит себя в грудь.

— Что ты сделал? Что было в том ведре?

Он выжидает и медленно вынимает из-за пазух маленький стеклянный флакончик.

Даже сквозь закрытую крышку мои ноздри широко раздуваются, чувствуя знакомый сладкий запах.

— Я взял немного, когда она... когда Матильда была у врачей после нападения на замок.

Почему-то даже мысль о том, что эта двуногая мерзость прикасалась к моей Тиль, когда она была беспомощна, заставляет меня озвереть. Я налетаю на лейтенанта, словно ураган, размазываю его по стенке, и лишь невероятными усилиями воли сдерживаюсь от того, чтобы пустить ему кровь.

— Мерзкий продажный слизняк. — Слово со стороны, едва узнаю свой лишенный человечности голос. — Она же тебе верила!

Лейтенант даже не пытается что-то сказать, потому что моя рука на его глотке перекрывает ему воздух. Давлю сильнее и сильнее, смакуя вид его выпирающих из орбит глаз.

— Я... помогу, — каким-то чудом проговаривает он, и я с трудом разжимаю ладонь.

Пацан кулем падает на пол, громко закашливается и отчаянно ловит каждый вдох.

— Чем ты можешь быть мне полезен?

— Я знаю... тайный путь, — шепот говорит он. — В обход... охраны.

— Предполагается, что после всего этого, я тебе поверю? — Бездна, как бы сдержаться и не выпотрошить его до того, как он

скажет что-то действительно стоящее.

Лейтенант медленно, шлепая ладонями по стене, снова встает на ноги. Предусмотрительно отходит в сторону, чтобы снова не попасть мне под руку.

— Собираешься сбежать? — Я нарочно скалюсь во весь рот, чтобы он видел мои окровавленные клыки.

— Нет. Нет, милорд! Нам... туда, — показывает вперед, прямо в сторону узкой лестницы.

— Прямо в замок?

— Милорд, я клянусь... — Он снова закашливается. — Я хочу помочь. Ради... Матильды.

— Если не хочешь умирать долго часов в адских муках — больше никогда не произноси ее имя, — предупреждаю я.

Но это, скорее, предосторожность для меня.

Вряд ли мне хватит выдержки пережить это его «ради Матильды» еще хоть раз.

Глава пятьдесят пятая: Герцог

Я не доверяю мальчишке, даже когда мы, тайком пробираясь тоннелями под замком, выбираемся наружу, не встретив ни одной живой души.

Сырой ночной воздух немного отрезвляет мою жажду крови.

— Видите, милорд — я сказал правду! — Лейтенант снова поднимает руки, когда я, дернувшись на хрустнувшую под его пяткой ветку, ощериваю зубы. — Вы можете мне верить!

— Верить? Тебе? Ты думаешь, что палачи герцогини отбили мне мозги?

На самом деле я бы с радостью вспорол ему брюхо и посмотрел, как он будет корчиться, пытаясь запихать образно свои вонючие кишки. Не делаю этого только потому, что старое-доброе любопытство требует сперва выпытать у предателя все, что он знает. И самое главное, узнать — ради чего этот внезапный акт милосердия?

— Милорд, вы должны спасти Ма... — Он спотыкается, как-то по бабьи мотает головой и быстро исправляется: — Вы должны спасти ее! Кроме вас, милорд, этого больше никто не сделает!

От мысли, что моей Тиль угрожает опасность, желание выть от бессилия достигает пика.

Хорошо, что лейтенант стоит на безопасном расстоянии, а то бы я не справился с жаждой сожрать хоть какую-то живую душу.

— Сначала нужно выбраться отсюда, — говорю я, озираясь по сторонам, в поисках какой-то тропы среди густых зарослей давно умерших деревьев.

— Нам сюда, — мальчишка так лихо ныряет куда-то между деревьями, что на мгновение я почти теряю его из виду. — Милорд?

Я иду на его голос, и в густых зарослях действительно оказывается невидимая тропа. Я бы, конечно, нашел ее и без мальчишки, но на это ушло бы больше времени.

Мы быстро идем вперед — мальчишка впереди, я за ним, стараясь держаться настороже на случай, если прихвостень герцогини приведет меня прямо в ловушку. Несколько долгих минут я почти ничего не слышу, а потом влажные сумерки разбавляет журчание речки и лягушачий хор.

Мы выходим к широкой реке.

Я хорошо знаю это место — на той стороне роща, деревья из которой стоят дороже всех золотых рудников, которыми владеет герцогиня. Из этих деревьев производится достаточно легкая древесина, которая могла бы помочь Эвину строить летающие корабли. Будь у Артании хотя бы сотня таких — Воздушные лорды перестали бы безраздельно владеть небом, и больше никогда не жили бы спокойно на своих Парящих островах далеко за облаками.

На маленькой пристани замечаю стоящую на приколе лодку.

Лейтенант уверенно идет к ней, и я без лишних вопросов забираюсь в лодку.

Даже в почти полностью почерневшем небе хорошо видны струйки дыма над густыми кронами.

Герцог Лу'На так трясся над этой рощей, что не позволял никому даже гулять рядом.

Сомневаюсь, чтобы его дочурка вдруг решила вырубить ее на растопку камина.

— Вы все поймете, милорд, — говори мальчишка, налегая на весла. — Если б я раньше знал... Клянусь, милорд, всем святым — я бы никогда не стал ей помогать!

— Сейчас ты скажешь, что делал это из лучших побуждений.

Я не скрываю иронию, потому что эту чушь пойманные с поличным предатели почему-то говорят в первую очередь. Находят бестолковую причину для оправданий, пускают слезы и просят понять, принять и простить. Я слишком часто такое видел, чтобы позволить хоть на мгновение поверить, будто готов выслушать его скорбную исповедь. Но напускаю заинтересованный вид. На всякий случай, чтобы мальчишка не раздумал каяться.

— Милорд, я не знал, во что меня втягивают! Так же, как и Ма... как и она. Нас обоих использовала эта мерзкая особа!

— Где и когда вы познакомились? — Пришло время пролить свет на некоторые вещи. И пора вспомнить старые добрые навыки запутывать лжецов перекрестными вопросами.

Лейтенант мгновение медлит, но вряд ли для того, чтобы придумать подходящий ответ. Наверняка на этот случай у него уже давно придумана какая-то правдоподобная история. Тут что-то другое. Стыд? Серьезно? Неужели между «добропорядочной герцогиней» и «преданным другом» существует какая-то темная история?

Моя темная душонка предвкушает грязь.

Вполне возможно, ее будет много, ведь мальчишка попытается добиться моего доверия. Если бы я хотел выставить себя несчастной обманутой жертвой, то именно так бы и поступил.

— Впервые я увидел ее на ярмарке. Сначала даже подумал, что она — это Ма... ну, вы поняли, милорд.

Я отмечаю, что по моей теории о том, что герцогиня с самого начала скрывала ото всех свое настоящее лицо, не очень подходит под эту часть истории, но ладно. Посмотрим, что еще насочиняет мальчишка.

— Она сама ко мне подошла. Вернее. Не она сама — сначала почтенный мужчина, он представился помощником одной знатной дамы, которой понадобились мои услуги. Он дал целый золотой, милорд, кто бы после такого задавал вопросы?

— В армии Его Величества служат бедные монастырские мыши?

— Милорд, у меня бедная семья, — оправдывается он, но я быстро его перебиваю.

— И что за услугу попросила у тебя герцогиня?

— Я сначала думал, что это Матильда меня разыгрывает, богами светлыми клянусь!

Я выразительно рыкаю, и мальчишка так дергается, что едва не переворачивает лодку.

— Простите, простите милорд! Но вы же их видели — как разобрать, где какая?! А она сразу сказала, что я должен ей помочь, потому что здесь на ярмарке, она, кажется, нашла свою потерянную сестру.

А вот история про сестру выглядит правдоподобной.

По крайней мере, как тут не поверить, когда собственными глазами видишь двух совершенно одинаковых женщин, а про одну из них знаешь, что она сирота — можно поверить в сказки про всяких пропавших родственников. Хотя абсолютно все, что скажет этот пацан, нужно делить надвое, а к оставшейся половине относится с еще большим недоверием, чем к вычеркнутому.

Я пытаюсь понять мысль герцогини.

Если она «украла» лицо Тиль — то почему именно ее лицо? Просто так? Наугад выбрала симпатичное девичье личико из толпы? Догадывалась, что монашенок Плачущего с молодых ногтей учат любви, всепрощению и безоговорочной помощи? Знала, что Тиль не откажет?

Я душу в себе очередной приступ злости и зыркаю на лейтенанта, который то и дело начинает оглядываться на противоположный берег, к которому мы медленно приближаемся. Теперь дым над рощей хорошо виден даже в почерневшем ночном небе. И я даже готов поспорить, что слышу эхо частых и ритмичных ударов топора.

— Дальше, — поторапливаю пацана.

— Ну она рассказала, что да как, — он снова прибавляет на весла. — Что хочет выполнить волю отца, который во всем ей признался перед смертью. Честное слово, милорд, я и сам потом долго думал, как же она меня так округ пальца обвела — не понимаю!

Я бы очень удивился, скажи он что-то другое.

Они все не понимают, не помнят, не знают. Их всех, как телков, ведут в болото с завязанными глазами.

Подмывает спросить, видел ли он герцогиню с настоящим лицом, но с этим вопросом пока повременить. Не хочу раньше времени вскрывать свои козыри. Пусть прихвостень герцогини думает, что я тоже слепой баран.

— Что она хотела, чтобы ты делал? Шпионил за Тиль?

— Сказала, что хочет сестре лучшей судьбы, и что я должен помочь.

— Чем?

— Следить, чтобы ее никто не обижал и все рассказывать, потому что вокруг нее обязательно будут какие-то враги.

— Враги?

— Семьи Лу'На.

— И ты следил? И доносил? — Я просто тяну время. — Зачем Лу'На приходила в замок к Эвину?

Лейтенант удивленно таращит на меня глаза, и даже на минуту перестает грести.

— Приходила в замок, милорд? Мы всегда встречались с ней в парке, в рабочем квартале.

Хочет убедить меня, что его, как и Тиль, тоже использовали?

Ну допустим, сделаю вид, что готов над этим подумать.

— Милорд, я должен был просто следить и помочь Матильде разоблачить вашу... шпионку.

Теперь хочется удивляться мне. Мою шпионку? Баронессу Ла-Форт, я так понимаю — ту самую, которую настоящая Лу'На уговорила Эвина сделать «своей» Первой Фрейлиной?

— Это герцогиня сказала тебе, когда и как вывести Тиль из замка? — Я хорошо помню рассказ мой малышки о том, как она разузнала о Примэль. Еще тогда подумал, что мальчишка крайне вовремя вывел Тиль из игры именно в тот момент, когда это было выгодно герцогине.

На самом деле, мне, как хорошему шпиону, хочется от душ похвалить Лу'На за эту превосходную многоходовку. Если мальчишка не врет — она блестяще все разыграла. Прекрасная тактика держать все под контролем и не бояться, что участники твоего плана вдруг сговорятся у тебя за спиной — придумай для каждого свою «правду», и умело дергай за ниточки, чтобы пауки в банке сожрали друг друга.

— Почему ты не поговорил об этом с Тиль? Почему не сказал ей правду, раз уж корчил из себя верного друга и благородного рыцаря?

— Так я когда все понял-то, милорд, и пошел к ней! — Лейтенант уже почти подгребают к берегу. — Но она уже... с вами... милорд. Герцогиня сказала, что вы втянули ее в заговор против Ее Величества. Я не верил сперва, но вы все время были рядом, и потом... тайно

начали встречаться, и тогда я понял, что вы знаете, кто она такая на самом деле. А раз знаете и ничего не предпринимаете, значит, так вам... выгодно.

— И ты, конечно же, все это рассказал герцогине?

— Я ж не знал, милорд. — Лейтенант кивает. — А она сказала, что давно вас подозревает и что вы... знаете секрет Тиль, и поэтому можете легко ей управлять.

— Секрет?

Пацан упрямо поджимает губы, но мне его ответ и не важен — все и так понятно.

Пацан знает про ее Тьму. Почему-то именно сейчас в памяти всплывает тот день, когда моя монашка впервые «обожгла» мне ладони, и что я обратил внимание на точно так же перебинтованную руку лейтенанта из ее охраны.

Куда важнее другое — откуда обо всем знает герцогиня? Вряд ли от самой Тиль. И что-то мне подсказывает, что даже если пацан был сообщником герцогини, он тоже не выдал тайну своей подруги.

Значит, остается Сайфер.

Когда я распутаю эту загадку, то заберу Тиль в охапку, увезу ее в свое родовое гнездо и больше никогда не буду заниматься государственными делами — стар я уже для всего этого.

— Вы сейчас сами все увидите, милорд. — Лейтенант переходит на шепот.

Мы выпрыгиваем из лодки уже почти у самого берега, но я замечаю, что на этот раз мальчишка старается держаться позади меня. И еще теперь отчетливо слышен не только звук топора — нескольких — но и характерный гул двигателей механикусов.

Я уже догадываюсь, что не увижу за деревьями ничего приятного, но все равно надеюсь, что масштаб всего этого дерьма не настолько велик. По тропе, которую можно хорошо проследить между деревьями, пробираемся вперед, вверх по заросшему склону, пока не оказываемся на самом пике и мальчишка предупреждает меня пригнуться.

Дальше пару метров буквально ползком, до края, за которым лежит огромная поляна уже вырубленных деревьев.

И первое, что я замечаю — совсем не громадины механикусов, которые таскают бревна, словно спички.

Я замечаю посудину, в которую они складывают свою «добычу» — Большую, потертую, но еще очень крепкую гондолу летающего корабля.

Проклятье!

— Она не хотела счастья Тиль, — охает и ахает пацан, и на этот раз мне почти больно от того, что пока не могу вытрясти из него душу. — Она собирается устроить переворот.

Ну да, а все эти игры в маски были только для того, чтобы стать законной женой Эвина, сделать из меня убийцу и заодно сделать себе армию, которая сотрет в порошок всех желающих лишиться ее короны.

Браво, Матильд Лу'На, ты превзошла своего отца.

Глава пятьдесят шестая: Сиротка

Огромный зал без окон и снова без видимого потолка над головой, напоминает человечки обеденный зал лишь отдаленно. Здесь нет ни столов. Ни стульев, только большой круглый бассейн в самом центре, до краев наполненный сверкающей алой жидкостью. Я знаю, что это не кровь, но все равно не могу заставить себя подойти хотя бы на шаг — так и топчусь где-то у порога, пока Владычица уверенно идет вперед, и ее тяжелый хвост змеится по полу.

Неловко прислушиваюсь к ощущениям собственного тела — может, и у меня вырос такой же?

— Это отличительная черта чистой крови Хаоса, — говорит Владычица, снова без разрешения шастая у меня в голове. — А ты, Ти'Эль, хоть и большая ценность, но все равно полукровка.

Она говорит это «спиной», лениво поглаживая когтистыми лапами воду в бассейне, и в ее интонации нет ничего неприятного, но я все равно чувствую себя так, словно меня только что ткнули носом в то, что я такое.

— Подойди, не бойся.

— Я и не боюсь.

Она оглядывается и мне становится стыдно за ненужную ложь.

И почему-то за то, что мои руки, хоть и, хвала Плачущему, не такие когтистые, как у нее, но все равно уже не похожи на человеческие. Я как будто на самом деле осталась человеком только на половину, но если не придумаю способ, как отсюда сбежать — Тьма

сожрет и то, что осталось, и тогда от меня настоящей не останется совсем ничего.

Мелькнувшую мысль о побеге поскорее прячу на задворки сознания, потому что Владычица продолжает смотреть на меня в упор, и если она поймет, что я не собираюсь сидеть здесь как та девица из сказки про принцессу и вишневую косточку, то вряд ли мне разрешат разгуливать одной.

Пересилив себя, приближаюсь к бассейну.

— Это просто кровь огня, — поясняет Владычица, пропуская между пальцами густую алую жижу. Вблизи вода совсем не похожа на воду. Скорее на густое малиновое желе, которое подавали на королевском балу и вкус которого вдруг очень ярко всплывает у меня на языке.

— Человеческая пища? — Рогатая брезгливо кривит губы. — Когда твоя трансформация будет закончена, ты уже не будешь в ней нуждаться.

— И что же я буду... есть? — Буйное воображение рисует образы маленьких розовых младенцев, и я с ужасом понимаю, что на мгновение какой-то части моей души они кажутся вполне... съедобными. Хвала Плачущему, это быстро проходит.

— Всеу свое время, — уклончиво отвечает Владычица. — Попробуй пока это. Просто опусти руку и позволь твоей сущности сделать все остальное.

Внутри меня все безмолвно протестует против этого. Не хочу я становиться такой, как она. Не хочу преставать быть человеком.

— Тебе придется, — с нажимом говорит Владычица, и снова пропускает красную гущу между когтями. — Потому что ты уже чувствуешь голод, и единственный способ утолить его — принять себя.

Я пытаюсь сопротивляться, цепляюсь за все мои самые живые воспоминания, но все они валяются в черную дыру где-то внутри меня самой, бросаются туда как в пропасть, одно за другим. Рэйвен чувствовал тоже самое? Как что-то словно прорастает из самых темных уголков души и медленно заполняет собой, мешая трезво мыслить. Не давая оставаться человеком.

Мои руки сами тянутся вперед, я еще какое-то время сопротивляюсь, борюсь с невидимой силой притяжения, но потом все

равно сдаюсь и окунаю ладонь в красную жижу почти по самое запястье.

И одновременно с этим в моей голове сразу раздается громкий гул — шепот, хрипы, рычание. Во всем этом не разобрать слов, но я точно понимаю каждый звук. Кто-то где-то только что выпил кровь молодой девушки и оставил ее тело бездыханным на кровати. Кто-то выпотрошил душу сильного мужчины.

— Мы все — одно, — объясняет Владычица. — И все, что у нас есть, сосредоточено здесь, у тебя в руках. Рой кормит свою Королеву, чтобы она могла дать ему силу. Я уже слишком стара, но ты...

Я выдергиваю руку, пытаюсь вытереть тяжелые капли об одежду, но они будто просачиваются под кожу, заставляя меня испытывать страх и наслаждение одновременно.

— Я не хочу быть здесь! — Мотаю головой, словно больная. — Мне здесь не место. Я не такая, как вы!

Владычица встает, зло колотит хвостом по полу и когда ее ладони сжимают мои плечи, я чувствую себя жуком, попавшим крепкий птичий клюв. Морщусь и вскрикиваю от боли, но Владычица только еще сильнее вдавливают когти мне в плоть, словно хочет продырявить насквозь, до самых костей.

— Ты не такая как они! — рычит она, и я снова чувствую ее незримое присутствие в моих мыслях, только теперь оно как будто глубже и злее. Она как ребенок, который собирается сломать непослушную игрушку. — Ты — порождение Тьмы, Ти'Эль! Ты появиалась на свет из чрева моей дочери — истиной наследницы Бездны, той, которая должна была быть лучше, сильнее и беспощаднее меня! Ты — не она, но в тебе ее кровь, и только потому, что ты так на нее похожа, я не разорвала тебя на части!

Я чувствую, как ее желание сделать это прямо сейчас проникает в меня вместе с ее мыслями. Вижу, как она смакует радость от вида моего бездыханного окровавленного тела. Она действительно едва держится, чтобы не поддаться слишком сильному искушению, ведь для нее я — лишь бледная тень Л'лалиэль, существо, которое одним своим видом напоминает о том, какими жестокими могут быть люди.

— Думаешь, мне надо тебя уговаривать, чтобы ты исполнила свое предназначение?!

О каком предназначении она говорит? О том, для которого меня создали? Разве не потому она меня похитила, чтобы не дать этому случиться?

А потом, словно ответ на все мои вопросы, я вдруг чувствую связь между нами — невидимую тонкую, но прочную как паутина нить. Ту самую, благодаря которой она знает все, что творится в моей голове. Может быть, именно приняв тьму я смогла увидеть то, что раньше было скрыто от моей человеческой природы?

Я могу мысленно прикоснуться к этой «паутине» и почувствовать легкие вибрации нашей связи. Но, раз Владычица может читать в моей голове, разве это не работает в обратную сторону, если все создания Бездны — одно целое, один рой?

Мне нужно лишь попытаться. Представить себя пауком, который бесшумно и никем незамеченный спускается вниз по своей паутине.

Она перестает скалиться.

И даже почти ослабевает хватку, но на это раз я хватаю ее за запястья, впитывая кожей каждый образ из ее рогатой головы.

Там люди — много мертвых людей, на трупах которых режутся голодные и озверевшие от крови демоны.

Там горящие дома.

Там полыхающая, словно факел, башня королевского замка.

И там... мы с ней, но как одно целое, сросшееся, соединённое уродливыми отростками, как насмешка над природой.

Никто не собирался селить меня в пряничный домик с куклами.

Она, точно так же как и Дарек и, Эвин, и Рэйвен... просто хочет меня использовать.

Потому что став со мной одним целым, Владычицу и все ее войско, уже не будет сдерживать Бездна, и они больше не будут бояться Света.

Значит, я снова просто средство для достижения чьей-то цели?

Осознавать это уже почти не больно. За последнее время мной так часто пользовались, что какая-то часть меня успела привыкнуть и принять. А еще — зачерстветь. В конце концов, было бы слишком наивно даже для меня думать, что Владычица бездны в самом деле собиралась обсыпать меня лаской и любовью. Хотя, наверное, если бы случилось чудо и она действительно просто заперла меня здесь, я бы приняла свою судьбу — по крайней мере в этом месте я буду одной

из... а не мерзким существом, которое нужно предать огню, пока оно кого-нибудь не сожрало в припадке неконтролируемого голода.

— Ты... не смеешь... меня... — Владычица пытается стряхнуть мои руки со своих запястий, но у нее ничего не получается.

А я почти не чувствую, что прикладываю к этому силы. Для меня это просто и естественно, как будто я всю жизнь только то и делала, что приручала демонов, желающих выйти в мир людей и устроить им кровавую бойню. Я чувствую, что моя рогатая «бабка» старается изо всех сил, но у нее ничего не получается. Как будто еще немного — и вся ее сущность будет полностью подчинена мне.

Странны неизвестные до этого дня чувства.

Ощущение власти, которая все эти годы таилась во мне и просто ждала своего часа. Этому не нужно учиться — я владею своим даром так же легко, как своими руками, и ногами.

И если приложить каплю стараний и подавить ее сопротивление окончательно, то, может быть, я смогла бы даже заставить все в этом месте подчиняться мне, а не ей?

— Нет, — она яростно мотает рогатой головой. — Тебе никогда не хватит сил, маленькая грязная полукровка!

На миг, но я все же теряю контроль над ее мыслями, и пропускаю резкий взмах тяжелого хвоста, который сшибает меня с ног. Удар такой мощный, что отлетаю к ближайшей колонне и бьюсь об нее спиной. Но не падаю, потому что шипастые лозы тут же обвиваются вокруг меня, сковывают по рукам и ногам, и обматывают шею тугими петлями так туго, что едва могу дышать.

Несколько минут Владычица держится на расстоянии, пытаюсь отдышаться.

От ее благостного вида не осталось и следа, разъяренный алый взгляд полон едва сдерживаемой ярости. Если бы я не была важным звеном ее планов — она бы давно разорвала меня на клочки, и ни мгновения не жалела бы об этом.

Я прикрываю глаза и силой души в себе спасительную мысль.

Все просто.

Нужно лишь еще немного позлить ее.

— И это все? — Выдавливаю из себя издевательский смех. — Тобой так просто управлять? Тогда советую тебе не высовывать нос из Бездны, потому что Инквизитор тобой подотрется и не поморщится.

Она что-то шипит себе под нос, ступает в мою сторону и лозы сильнее стягивают мое тело. До хруста костей, до болезненных судорог в тех местах, где шипи прокалывают кожу.

Нужно еще немного потерпеть... и все будет кончено.

— Ты жалкая, — хриплю едва слышно, потому что петли на шее почти лишают возможности дышать. — И у тебя ничего не получится...

Она уже здесь, у самого моего носа, скалит громадные клыки и заносит лапу для удара. Конечно, это не когти-бритвы Балора, но и они запросто меня исполосуют.

Лучше так.

Быстрая смерть. И, может, Плачущий простит мою ложь.

— Остановитесь, моя госпожа! — слышу знакомый голос химера и взгляд Владычицы стремительно проясняется.

Плачущий, как не вовремя!

Рогатая демонесса отступает и ее лицо снова становится непроницаемым.

— Она нужна всем нам, — вкрадчиво продолжает Соул, занимая место за правым плечом своей хозяйки.

— Она хотела меня спровоцировать. Хотела, чтобы я избавилась от нее. — Владычица больше не смотрит на меня, как на ценную находку — теперь я просто приговоренная исполнить свое предназначение мошка, которой не дадут выбраться из паутины. — Убери ее с моих глаз. Туда, где она будет в безопасности.

— Слушаюсь, моя госпожа.

Невидимая сила отрывает мое тело от колонны вместе с путами. Я вишу над полом как будто кокон, и когда Соул проходит мимо — невидимая сила тянет меня следом.

Я хочу сказать, какой он мерзкий, но лоза тут же пережимает мне рот, лишая возможности даже мычать.

— Твой драгоценный Рэйвен взял у меня эликсир Забвения, — слышу его безразличный голос. — Знаешь, что это?

Даже если бы я могла ответить — все равно бы не смогла.

— Он как-то напился вдрызг, пришел ко мне и несколько часов каялся, каким мерзким себя чувствует, потому что любит невесту своего лучшего друга. Знаешь, — в голосе химер появляются

задумчивые нотки, — я впервые видел его таким... живым. И таким бестолково влюбленным. Чувства делают из людей идиотов, согласна?

Влюбленным?

Влюбленным... в меня?

Мне не хотелось плакать, когда мое тело дрожало от боли. Не хотелось, когда я мысленно приготовилась принять смерть. А сейчас я чувствую, как слезы стремительно набегают на глаза и стекают вниз по вискам.

Мой уставший Нокс.

Мой милый любимый Нокс.

Я почти не помню, как оказываюсь распятая в прочной паутине. Вишу в ней, как глупая бабочка, и каждое движение приводит лишь к тому, что меня затягивает внутрь все глубже и все сильнее. Невидимые пауки-ткачи усердно ткут вокруг меня прочный кокон.

— Трагедия, госпожа, состоит в том, — Химер стоит напротив, заложив руки за спину и в гробовой тишине слышны легкие позвякивания колокольчиков на его рогах, — что теперь одному из вас суждено убить другого. Только, я полагаю, герцог воспользуется эликсиром, и когда он поймет, чем ты стала, его рука не дрогнет.

Глава пятьдесят седьмая: Герцог

Еще никогда в жизни передо мной не стоял такой тяжелый выбор.

Мне нужно отправиться к Эвину и рассказать ему все, что я тут увидел или бросаться спасать Тиль, которая — теперь я в этом не сомневаюсь — уже попала в лапы своей рогатой бабки. И это, по сути, выбор без выбора, потому что я слишком ослаб, чтобы соваться в Бездну с оптимистическим настроем украсть у Владычицы ее самое большое сокровище, перебить пару сотен демонов и выбраться в мир живых достаточно живым, чтобы все это имело хоть какой-то смысл.

Проклятье!

Будь оно все проклято!

Никогда еще я не был в таком безвыходном положении. Даже когда час назад висел в цепях в подземелье герцогини.

— Клянусь, я ничего не знал, — продолжает бормотать лейтенант. — Я думал, что... так будет лучше для нее. Герцогиня сказала, что просто хочет устроить ей счастливое будущее, надеть на

нее корону за все те годы лишений, которые Ма... она была вынуждена терпеть в сиротстве.

Это настолько нелепая ложь, что кажется правдой, что мальчишка в нее поверил.

Все сироты и бедняки мечтают о таком подарке судьбы, а когда мечта сбывается — мало кто находит в себе смелость прикинуть что к чему.

— Заткнись, — остужаю его порыв вылить на меня еще одну порцию раскаяния. — Мне нужно подумать, а ты раздражаешь.

Все было бы немного проще, если бы я хотя бы примерно представлял, где может быть герцогиня, потому что это дало бы хоть какой-то намек на ее следующий шаг. Чтобы сделал я сам, если бы собирался провернуть такую аферу? Занял место Тиль, чтобы, когда вернется Эвин, убедить его поторопить со свадьбой. Это самое логичное — я вишу в цепях, Тиль в Бездне. У девчонки Лу'На развязаны руки — ее некому выдать, значит, можно не очень осторожничать.

И убивать Эвина моими руками еще слишком рано — сначала ей нужно заполучить корону.

Значит, у меня есть немного времени.

А Тиль...

В груди жжет, словно туда засадили отравленный нож.

Владычица не причинит ей вред, но и играть в заботливую бабушку не будет.

Мне нужно восстановить силы и придумать, как заставить рогатую действовать.

— Мы возвращаемся в замок, — говорю мальчишке, и пока он что-то мямлит, за шиворот ставлю его на ноги. — Ты идешь со мной.

— Милорд, нет! — Он начинает трястись от страха. — Я не могу! Если она узнает — меня будут пытаться! Она же сумасшедшая! Вы не знаете, на что она способна!

— Это я-то не знаю? — усмехаюсь, позвякиваю кандалами на запястьях, и пацан, вздохнув, нехотя кивает. Как будто кто-то давал ему выбор.

Тем же путем, то и пришли, уходим обратно к реке. Соваться во Врата в таком состоянии — безумие, но у меня на счету каждая минута. У меня даже ничего с первого раза не получается, приходится

сцепить зубы, унять болезненную дрожь в руках и начать заново, пока, наконец, перед нами не образовывается арка Врат.

Я хватаю мальчишку за шиворот и тащу вслед за собой.

Когда нас выбрасывает на грязню мостовую, я чувствую себя так, словно мной решил пообедать мельничный жернов. Из всех ран хлещет кровь, во рту сухо, как в пустыне и, самое ужасное — я не в силах самостоятельно подняться на ноги. Мальчишка косится на меня, и я читаю в его взгляде желание воспользоваться ситуацией и дать деру. В таком положении я не то, что не смогу его догнать — я вряд ли смогу встать на ноги без посторонней помощи. Мы мгновение пересматриваемся, а потом он, еще раз вздохнув, поставляет плечо.

— Надеюсь, милорд, вы знаете, что со всем этим делать, — говорить тихим басом, пока мы черепашьям шагом ползем в сторону замка.

— Надейся лучше, чтобы я не подох на ступенях королевского дворца, — мрачно отвечаю я.

К счастью, через пару кварталов мы натываемся на парочку королевских гвардейцев — ребята явно в увольнительной, потому что пьяные почти вусмерть, но сразу меня узнают и бегут за помощью. Через пару минут за мной приезжает повозка и парочка крепких лекарок, которые переносят меня внутрь и наспех обрабатывают раны.

— Эвин уже вернулся? — спрашиваю из последних сил. — Мне нужно передать ему важные новости.

Они странно пересматриваются, но ничего не отвечают.

Нужно бы расспросить, что это за новая привычка — не отвечать на вопросы главного инквизитора, но после влитых в меня настоек, язык отказывается слушаться, и я рад хотя бы тому, что не пускаю слюни, как младенец.

Примерно с этой мыслью я и проваливаюсь в короткий беспокойный сон, а когда прихожу в себя, то вижу над головой не раскачивающийся купол кареты. А тяжелый каменный потолок со знакомым орнаментом королевских лилий.

Пытаюсь встать, но чья-то сильная рука за плечо придавливает меня обратно к ложу, а знакомый голос предупреждает:

— Лучше лежи, Рэйв. Послушай доброго совета.

Я поворачиваю голову на Эвина и почему-то не удивляюсь задумчивому недоброму взгляду, которым он смотрит на меня, сидя на

стуле напротив.

— Эвин... герцогиня... — Мне нужна минута, чтобы разобраться в собственных вязких мыслях. — Она связалась с Воздушными лордами. По ее приказу сожгли замок графа Ферфакса и она...

— Я знаю! — неожиданно грубо рывкает Эвин. — Ты не должен был соваться туда, Рэйв! Ты должен был стеречь мою невесту, Бездна тебя задери!

Мне нужна минута, чтобы прийти в себя.

Все это время Эвин знал?

— Ты должен был просто держать ее здесь! — Он так резко поднимается, что переворачивает стул, потом с досады пинает его ногой и я чувствую неприятный озноб, осознавая, что когда Эвин так зол, ему ничего не стоит приказать отрубить мне башку. Без суда и следствия, как это обычно предлагал сделать я. — Мне была нужна эта девчонка!

Я открываю рот, чтобы сказать, каким был ослом... и тут же его закрываю.

Девчонка? Он ведь так сказал?

— Нечего на меня смотреть такими глазами, — фыркает Эвин, наваливаясь плечом на каменную колонну. — Это никакая не герцогиня, Рэйв. Это... мой шанс управлять армией Бездны. И благодаря тебе я его упустил. Может, мой гениальный тайный советник, у тебя есть план на этот случай? Потому что я, Бездна тебя подери, не знаю, чем воевать с герцогиней и Воздушным лордами! Разве что вытряхну из коробки старых оловянных солдатиков и буду молить богов сделать их настоящими!

Я пытаюсь найти какой-то другой смысл его словам, но у меня ничего не получается.

Эвин высказался совершенно однозначно — он собирался использовать Тиль.

Значит, он в курсе, что она такое.

Значит, он собирался сделать то, что не успел сделать Дарек.

— У тебя на лбу написано, что ты обо мне думаешь, — недобро хмыкает Эвин, и на все это я могу лишь передернуть плечами, хоть это и приносит порцию неприятных ощущения сразу во всем теле. — Она... дочь Л'лалиэль.

Я поджимаю губы, еще пытаюсь сделать вид, что эта новость как минимум меня удивляет, но потом вспоминаю, что передо мной — не просто король Артании. Эвин — мой друг. Я и так слишком много ему врал, и ради чего?

— Я знаю, — говорю, глядя ему в глаза. — Узнал... несколько недель назад.

Эвин прищуривается.

Мне очень хорошо знаком этот взгляд — обычно после него он собственноручно отправлял врагов на тот свет, и я не помню исключений. Наверное, мне бы стоило попытаться хоть как-то себя защитить, но я смиренно жду своей участи.

Я заслужил.

— Знал... и не сказал мне? — Эвин как будто дает мне повод подумать и «вспомнить» достаточно вескую причину, почему я не пришел к нему с этой новостью. — Ты — мой лучший друг, знал... и промолчал?

— Да, — не собираюсь отступать. — А еще раньше, на твоём балу, узнал, что она — не настоящая герцогиня. И тоже ничего тебе не сказал.

Эвин мотает головой. Снова и снова, а потом начинает смеяться каким-то сумасшедшим смехом, как будто вот-вот надорвет живот от хохота.

— Знаешь, — говорит Эвин, когда немного справляется со смехом, — по-моему, мы оба переиграли в интриги и заговоры.

— По-моему, ты прав, — отвечаю я.

Эвин отрывает плечо от колонны, делает круг по лекарской, а потом снова останавливается напротив меня.

— Рассказывай все, что знаешь, Нокс. И не думай, что тебе снова удастся обвести меня вокруг пальца.

Я бы не стал ему врать даже если бы он дал на это свое личное благословение.

Эвин слушает мою исповедь с каменным выражением лица, только немного хмурится, когда я говорю, как догадался, кто такая Тиль. Звучит это и правда не очень — словно поймал за руку наемного убийцу, но вместо того, чтобы выдать его страже, договорился с ним о долгосрочном сотрудничестве.

— Ты должен был рассказать мне, Рэйв. — Эвин морщится как от желудочных колик.

— Должен. — А чего отпираться, если эту правду я знал давно и носил ее на шее, как камень? — Подумал, что сделаю добро всем, если одним махом убью двух зайцев. Тем более, тебе так не терпелось жениться.

Я очень стараюсь сдерживать неприятную горечь, но она просачивается буквально в каждое слово.

Только если раньше я думал, что Эвин действительно влюблен в Тиль — все было проще, хоть и больнее. А теперь, когда от его намерений разит явно не романтическим флером, мне становится не по себе от того, что он на самом деле задумал.

— Давно ты знаешь? — рискую задать вопрос, который мучит меня с самого начала разговора. — Ну, что Тиль...

— Что она — законная наследница? — помогает Эвин.

Киваю и напряженно жду ответ.

— Узнал почти сразу. Ну, вернее, о том, что она не настоящая герцогиня я понял еще когда она так нелепо упала с лошади — Лу'На одна из лучших наездниц Артании, и мне не нужно было видеть ее трижды на дню, чтобы быть в курсе этого. Ну и разные другие мелочи, которые, как я понимаю, заметил и ты. О том, кто эта девчонка на самом деле, я и не думал. Но мне в голову пришла та же мысль, что и тебе — подменить одну на другую, избавиться от настоящей герцогини и зажить счастливой семейной жизнью с тихой покорной малышкой. А если бы она вдруг вздумала показывать характер — я бы быстро и безболезненно от нее избавился. И при этом, — Эвин вскидывает палец, — все добро покойного герцога стало бы безоговорочно моим.

— Значит... на самом деле... ты ее не любишь?

Понимаю, что веду себя как полный дурак, но из множества куда более важных вопросов, меня волнует только этот.

Эвин даже не трудится скрыть разочарование в нарочито громком вздохе.

— Бездна, Нокс! Ты стал до отвращения романтичным на старости лет! Любовь? Зачем и, главное, кому она нужна в наше время войн и побед?

Теперь моя очередь выдыхать.

Одной проблемой меньше.

— И когда ты узнал, что Тиль...

— Тиль? — Эвин приподнимает бровь.

— Имя «Матильда» вызывает у меня рвоту, — спешу найти себе оправдание, и Эвин, к моему огромному облегчению, его проглатывает.

— Я видел, кто убил Балора на самом деле, — спокойно «признается» Эвин. — Ты же помнишь, что мы с тобой всякого повидали, но когда тощая девчонка разрывает демона-привратника на куски, словно какую-то букашку — это же слишком очевидно, чтобы не придать этому значения. А потом я подсчитал возраст, отыскал гравюру Л'лализэль и все встало на свои места.

Только теперь у Эвина начинают блестеть глаза.

— А когда я понял, какая удача сама свалилась мне в руки, все стало очень просто.

— О какой удаче ты говоришь? — Я отказываюсь верить в то, что мой лучший друг способен причинить вред маленькой девчонке.

— Не валяй дурака, Нокс. Ты прекрасно знаешь о чем я. Ты тоже ездил к Хроносу и он сказал тебе то же самое, что и мне — большой замысел Дарека. То, ради чего он на самом деле похитил Л'лализэль и зачем ему позарез понадобился ребенок от нее. — Эвин в два шага оказывается около моей постели, обдает меня холодным взглядом человека, который давным-давно вынес приговор одной глупой маленькой монашке. — Ее кровь сделала бы меня всемогущим, Рэйв! Я покорию бы Бездну и заставил отродий Тьмы сражаться на моей стороне. А ты знаешь, что против армии Бездны не выстоит никто. Но... ты упустил ее!

Взгляд Эвина медленно гаснет.

— Надеюсь, ты понимаешь, что расхлебывать эту кашу придется тоже тебе?

Глава пятьдесят восьмая: Герцог

Расхлебывать мне?

Я мысленно кручу эти слова на языке, но как бы я не старался — их смысл от этого «вкуснее» не становится. А Эвин подливает масла в огонь, поглядывая на меня так, словно ждет, когда я предложу на выбор десяток способов — один лучше другого.

Проблема в том, что у меня нет ни одного.

Вернее, один все-таки есть, но вряд ли Эвин ждет от меня этого, потому что этот мой план не предполагает... жертвенную смерть Тиль.

Бездна всех побери, от одной этой мысли мой желудок скручивает противная тошнота, и я заваливаюсь обратно на подушку, чтобы перетерпеть приступ.

Соберись, тряпка! Ты и не из таких переделок выпутывался.

Но собраться у меня не получается, потому что еще до того, как до моего слуха доносится скрип открывшейся двери, я уже слышу душную цветочную пыльцу парфюмерной воды, которой Ив поливается с ног до головы. Поворачиваюсь к Эвину в поисках поддержки, но он только щурится и одними губами говорит: «Ты это заслужил».

Впрочем, одно его присутствие осаждает Ив от слишком бурных проявлений чувств. Она делает реверанс и терпеливо ждет, пока Эвин разрешит подойти ближе.

— Леди Рашбур, я, конечно, понимаю ваше трепетное отношение к здоровью жениха, — Эвин явно раздражен и Ив как раз попала под горячую руку, — но впредь я бы хотел видеть от вас большее уважение к придворному этикету.

— Прошу прощения, Ваше Величество, — она сгибается еще сильнее. — Во мне говорит тревога. Как только я узнала, то Рэйвен...

— Я даю вам пять минут, — жестко перебивает Эвин. — И только потому, что крайне доволен предоставленными вами сведениями.

— Всегда рада быть полезна Вашему Величеству. — Ив даже не трудится скрыть довольную улыбку.

О чем это они?

— Надеюсь, графиня, вы и есть то самое чудодейственное средство, которое вернет в строй моего лучшего генерала.

Когда Эвин выходит, Ив не медлит ни секунды и бросается на меня с рыданиями, словно выступает на арене театра перед многотысячной публикой, а у меня почти нет сил даже сбросить с себя ее руки.

— Зачем ты всегда лезешь на рожон! — Она так громко рыдает, что я чувствую себя без пяти минут покойником. — Тебе нужно было просто...

— Ты можешь минуту помолчать? — осаждаю ее пыл.

Ивлин отстраняется, ее слезы тут же высыхают, а лицо становится холодным и надменным. Не зря она работает в дипломатическом корпусе — с таким талантом перевоплощений, она наверняка одурачила и более искушенных интриганов, чем я.

Нужно сосредоточиться.

— Что за важные сведения ты передала королю? — Я преодолеваю режущую боль во всем теле и самостоятельно сажусь в кровати. Свешиваю ноги, справляюсь с приступом головокружения. Я снова потерял много крови и чертовски голоден. А мои демоны вдруг стали теми еще гурманами и вряд ли их насытит любая другая кровь кроме той, которая течет в теле монашенки.

Или лучше называть ее наследницей престолов Артании и Бездны?

Только волна голодного спазма не дает мне вслух рассмеяться над тем, как нелепо звучит этот «титул».

— Это секретные сведения, — отзывает Ивлин, уже окончательно выходя из образа убитой горем невесты. — Я не уполномочена делиться ими с тобой.

— И давно у тебя появились секреты от меня? — Пробую носком пол, но меня все еще слишком качает, чтобы пытаться встать самостоятельно. Черт, я адски голоден. И если не придумаю что-то в самое ближайшее время...

Все последние разы, когда боги отшвыривали меня на грань жизни и смерти, меня вытаскивала Тиль. Всегда. Раз за разом моя маленькая отважная монашенка спасала меня ценой своих сил. И я сделал то, что обещал себе не делать никогда — потерял бдительность, привык к тому, что моя «кормушка» всегда будет рядом, безотказная и доступная.

А в итоге, я бы отдал половину своей долгой жизни только за то, чтобы Тиль была сейчас здесь, со мной — живая и невредимая. И сдох бы у нее на руках. Пожалуй, это была бы хорошая альтернатива славной геройской смерти в бою.

— Тот старик, мой информатор, — Ивлин маячит передо мной размытым долговязым пятном. — Ты от него избавился?

— Понятия не имею, о чем ты. — Врать я умею и более искусно, чего уж. Сейчас была не самая лучшая попытка.

— Брось, Рэйвен, он много лет на меня работал, и я держала его в секрете ото всех, потому что он никогда не подводил. В тот день я сказала о нем тебе, потому что надеялась на твое благоразумие и...

— ... и хотела, чтобы твой будущий муж еще больше выслужился перед короной, — заканчиваю за нее и все-таки становлюсь на обе ноги. — Ты никогда и ничего не делала из благих побуждений, Ив, избавь меня от необходимости наблюдать этот спектакль. Мне уже давно скучно даже в первом ряду.

Осматриваюсь в поисках хоть какой-то чистой одежды, замечаю сорочку около таза с водой и, прихрамывая, иду туда, почти через всю лекарскую.

Мои демоны суют в башку образы почти нагой Тиль, чье тело прикрыто лишь тонким мокрым шелком. Да гори оно все синим пламенем — я должен ее вернуть!

Эвин пусть катится в Бездну вместе со всеми своими честолюбивыми планами — ни одна война не стоит жизни невинной девчонки!

Из последних сил цепляюсь ладоням за край стола, задерживаю дыхание и окунаю лицо в таз. Вода ледяная, вонзается в кожу тонкими иглами. Я мысленно считаю до двадцати и «выныриваю» обратно. Мало, надо еще.

Делаю так пару раз, пока, наконец, не прихожу в чувство.

Приступы голода заставляют звереть, но, по крайней мере, в башке «вышло солнце» и ко мне вернулась моя способность живо соображать.

— Я думала, мне показалось, — слышу брезгливый голос Ивлин. — Думала, что такого просто не может быть, чтобы ты — и вдруг запал на герцогиню Лу'На. Уж кто-кто, а ты, Рэйвен, меньше всех похож на человека, способного прощать заклятых врагов. Но ты все время был рядом с ней, и ты так на нее смотрел... Боги, Рэйвен, ты бы видел себя со стороны!

Ее смех похож на воронье карканье.

Мне все равно.

Кое-как вытираюсь отрезом чистой ткани, натягиваю чистую сорочку.

— Старик прислал мне фотокарточки, — продолжает Ив. — Он всегда был очень жадным до денег параноиком и всегда

перестраховывался. А деньги в тот раз ему были нужны позарез, так что я получила доказательства еще до того, как ты от них избавился.

Я прочесываю пятерней влажные волосы, наспех привожу себя в порядок.

Мне бы не помешало еще ведро того пойла, которым меня «угостил» лейтенант. Кстати, надо бы найти мелкого предателя и как следует его потрясти, чтобы заполнить пробелы в истории.

— Я отнесла их королю, — продолжает откровенничать Ив. Делает паузу, видимо надеясь услышать вой моего сожаления, но остается ни с чем. — И знаешь, что я узнала?

— Уж просвети меня — сделай милость.

— Что все это время это была никакая ни герцогиня! Ты ухлестывал за какой-то... безродной лгуньей! Где же был твой знаменитый нюх, Рэйвен, что ты не услышал навозную вонь?!

Я поворачиваюсь на пятках.

Голод почти лишает меня самоконтроля, но сейчас это даже к лучшему.

Меня не гложет сожаление, когда я оказываюсь рядом с Ивлин, сжимаю ее за горло и наслаждаюсь видом ее выпученных глаз. Она пытается дышать, но не может, а я собираюсь еще немного потянуть время, просто потому что мне так хочется.

— Осторожнее подбирай выражения, Ив, — в моем голосе ни капли сожаления или тревоги. Если она задохнется прямо в моей руке — ничто в моей душе не дрогнет. Возможно, меня даже порадует долгожданное избавление. — Что за сведения ты передала Эвину?

Она что-то невнятно шамкает губами.

Чуть ослабеваю хватку, позволяя ей сделать глоток воздуха.

— У тебя есть альтернатива — сказать, что я прошу и остаться живой, или попрощаться с жизнью. Наверное, ты думаешь, что меня остановит страх прогневить Эвина? Нет, не остановит. И так, я жду.

Ивлин тщетно пытается оторвать от себя мою руку, но силы стремительно ее покидают.

— Воздушные лорды... сегодня в полдень... они собираются подкупить... Черную вдову.

— Где и на когда назначена встреча? — Я разжимаю пальцы, и Ивлин падает на пол прямо мне в ноги.

— В полдень. — Ив откашливается, но все-таки называет место.

И правда хорошие новости.
Эта встреча не может пройти без посредника.
И я даже знаю, кто им будет.

Глава пятьдесят девятая: Сиротка

— Она не такая как мы, госпожа. Ты должна понимать, что она выросла среди людей, она думает, что Бездна — это самая ужасная скверна мира. Дай ей немного времени.

Я не сразу понимаю, что голос химера не звучит в моей голове. Одним из тех ужасных обрывков то ли сна, то ли дремы, которые теперь случаются у меня почти постоянно.

Пытаюсь осторожно пошевелиться, и с облегчением понимаю, что острые шипы больше не вонзаются в мое тело, и я даже почти чувствую свои руки и ноги. Это большое дело, особенно после того, как я потеряла счет времени, висая в паутине колючей лозы, словно приготовленное на убой жертвенное насекомое.

Впрочем, отчего же «словно»?

Образы из головы Владычицы до сих пор роятся в моей голове, а особенно тот, где мы с ней сливаемся в одно целое и превращаемся в беспощадное огромное и бессмертное чудовище. Я «видела» ее мысли и знаю, что если так случится — вряд ли во всей Артнии найдется сила, способная остановить то, чем мы станем.

— Мне нужна ее сила, — слышу раздраженный голос Владычицы. — Добровольно или нет, но она станет частью роя.

— Она уже часть тебя, госпожа, — поддакивает химер. — И, если позволишь...

Я заставляю себя не шевелиться, напряженно вслушиваясь в их разговор. Пытаюсь сосредоточиться, «услышать» заодно и ход их мыслей, но ничего не получается. Возможно, я слишком слаба. Или этому нужно тренироваться? Или я просто еще не стала частью этого места. Химер сказал, что я слишком человек, чтобы принять себя и свое предназначение?

— Говори, — разрешает Владычица.

Она нервно расхаживает по залу, и тяжелая поступь ее копыт каждый раз заставляет мое сердце замирать от ужаса. Я знаю, что она не может меня убить — я слишком дорогой и желанный трофей, и от меня зависит, победит ли Бездна в предстоящей войне, но это не

означает, что Владычица не поддастся искушению приручить меня другими, совсем не гуманными способами.

Проглатываю подкативший к горлу ком, и продолжаю вслушиваться в разговор.

— Девочка слишком слаба сейчас, — говорит Сайфер, и мне хочется верить, что судьба переменится и у меня еще будет шанс плюнуть ему в лицо за все, что он сделал со мной. И за предательство Рэйвена в особенности. — Ей нужно время, чтобы принять себя и свою судьбу. Тогда слияние будет максимально... быстрым и благоприятным.

— Предлагаешь сидеть и ждать, пока она согласится? — Владычица говорит что-то на непонятном мне языке Бездны. — Я уже прислушалась к тебе, когда ты обещал, что рано или поздно Л'лалиэль оставит свою затею примирить Свет и Тьму, и что получилось? Она увлеклась этим мерзким смертным!

— Я никогда не прощу себе этого, госпожа. — Химер безропотно принимает все тычки и моральные затрецины. — Сохранить мне жизнь после такой промашки было верхом твоего терпения.

Она снова выкрикивает резкие и громкие слова, и на какое-то время разговор сходит на нет.

Но потом химер снова спрашивает разрешения продолжить.

— Я полагаю, девочку можно подстегнуть... принять нужное решение.

— Не ты ли только что говорил оставить ее в покое?

— Мой способ не предполагает никакого насилия, госпожа.

Нехорошие елейные нотки в его голосе заставляют меня насторожиться еще больше.

— Хорошо, — слышу уже почти покойный голос Владычицы. — Пойдем, обсудим это в другом месте.

Только когда они уходят я позволяю себе выдохнуть и вдохнуть полной грудью.

Осматриваюсь, все еще надеясь, что увижу другой пейзаж или другую комнату, но передо мной все те же темные стены, испещренные кровостоками текущей лавы — в Бездне она почти не застывает.

С ужасом понимаю, что почти привыкла к этому месту и тому, насколько оно отличается от мира, где я выросла. Интересно, а если бы

я с самого начала была здесь и приняла себя вместе с Тьмой — каким бы мне тогда показался верхний мир? Слишком сладким и приторным? Или я смотрела бы на него как кормушку?

Несколько неуклюжих попыток снова вырваться заканчиваются провалом — чем больше я пытаюсь выпутаться, тем сильнее лоза оплетает мои запястья и лодыжки, и тем яростнее впиваются в кожу шипы. Мне уже почти не больно, тем более в запястьях, потому что мои руки... они уже изменились. То, что раньше лишь изредка просачивалось наружу, теперь постоянно на мне — темная кожа, удлинившиеся пальцы с длинными крепкими когтями, словно выточенными из камня. Они еще не такие как у Владычицы, но уже совершенно точно не похожи на пальцы и руки смертной.

Я подавляю приступ паники, когда в голове снова появляется образ ужасного монстра, которым я могу стать, если Владычице удастся подавить мою человечность. Нельзя и дальше быть просто пленницей этого места. Я должна найти способ сбежать и добраться до Рэйвена.

Воспоминания о нем заставляют сердце болезненно сжаться и пропустить удар.

Только бы с ним все было в порядке.

Только бы он... был жив.

Запрещаю себе раскисать — сил от этого явно не прибавится. С моим сумасшедшим герцогом все в порядке — иначе и быть не может. Он сильный и крепкий, и не из таких передряг выбирался целый и невредимый. Но Рэйвену точно не помешает моя помощь, особенно после всего, что я теперь слышала и знаю. Осталось придумать план побега.

Что там Владычица говорила о связи? То, что знает один демон — знает и она? Все это место — один большой рой?

Может быть, мне попробовать... управлять им?

Для начала — вот хотя бы этими лозами.

Мысленно смеюсь над абсурдностью этой идеи — давно я с деревьями не разговаривала! Кажется, с тех самых пор, как перестала читать сказки и вообразить, будто тоненькая осинка на холме у речки — мой прекрасный принц-спаситель.

Но раз другой идеи пока нет — почему бы не попробовать эту?

Понятия не имея, как это делается, мысленно прошу лозу распутать мои ноги.

И... ничего. Пробую еще раз, стараясь, чтобы даже в голове мой голос звучал достаточно уверенно, но результат тот же — я все еще вишу в «живой» паутине, которая беспощадно душит любые мои попытки вырваться или хотя бы ослабить хватку.

Так это, видимо, не работает. Но ведь должно как-то работать?

Пытаюсь произнести приказ вслух, но шепотом, на случай если за мной присматривают невидимые шпионы. И снова ничего.

Может быть, пока я не приму свою сущность, ничего не получится?

Я пытаюсь вспомнить тот сон, который видела множество раз — побег в лесу. Теперь я знаю, что это была не я, а моя мать — Л'лалиэль. Ей было так же страшно, как и мне. Она так же хотела вырваться из плена предателей, чтобы быть собой и сохранить свою жизнь.

Я вычеркиваю из этого на герцога.

Не сейчас. Я прошу его потом, если наше «потом» случится.

Л'лалиэль боялась смерти, но она боролась до конца. А во мне — ее кровь и ее дар.

Не знаю, как это происходит — возможно, я просто сама себя накручиваю — но в какой-то момент как будто слышу ее голос где-то внутри себя самой: «Ты сумеешь, моя малышка».

Я должна.

«Ты сможешь!»

Я смогу, иначе и быть не может.

— Я смогу, — повторяю сквозь слезы, потому что все мои попытки заканчиваются похожими один на другой провалами, и шипы уже полностью вошли в мою кожу. — Я — часть Бездны, и вы должны подчиняться мне! Я — ваша хозяйка!

Не успеваю понять, в какой из моментов меня вдруг окатывает непреодолимо прекрасное чувство свободы, короткое парение — и жесткое приземление на пол.

Несколько минут просто лежу на раскаленных камнях, пытаюсь осознать произошедшее.

Потолок все так же где-то там — вверху, за тяжелыми облаками из пепла и пыли, но я больше не вишу в паутине. Я свободна. А

шипастые отростки змеятся ко мне по полу и стенам, приподнимаются и раскачиваются рядом с моим лицом, словно разумные зеленые змеи.

И я слышу их голос внутри себя: «Приказывай, госпожа...»

Если бы я еще знала, что приказывать и что делать дальше. Пока болталась в паутине, думала только о том, как бы освободиться, а сейчас самое время подумать, как распорядиться этой свободой.

Нужно удрать из этого места. И сделать это незаметно, до того, как Владычица и ее прихвостни меня хватятся.

«Покажите путь наружу», — мысленно приказываю змеистым зеленым отросткам, и они поворачивают «головы» в сторону узкой оплетенной арки. Она словно замурована живой изгородью, но когда подхожу ближе, прихрамывая на одну ногу, ветки быстро расплетаются, освобождая проход. За ним темно, и это словно шаг в пустоту, где может быть спасение, а может — неминуемая гибель.

Но я все равно осторожно пробираюсь вперед. Стебли, как послушная свита, ползут следом.

Из головы не выходят слова химера о том, что он придумал, как заставить меня стать покорной и послушной. Почему-то именно они пугают даже больше, чем мысли о том, что в конце коридора я неминуемо наткнусь на тупик или попаду в искусно расставленную ловушку. Может, не я управляю этими отростками, а Владычица? Может, это она приказала им привести меня в нужное место, чтобы самой не марать руки?

Опускаю взгляд на свои когти и с ужасом замечаю, что они стали длиннее и темнее, и шипы, выпирающие из-под моей кожи, заметно заострились. Пожалуй, теперь я легко могла бы использовать их как оружие.

Но что все-таки придумал химер? Если он провернул все это и обвел герцогиню вокруг пальца — нельзя недооценивать его хитрый ум.

Коридор внезапно заканчивается крутой лестницей. Я карабкаюсь вверх, туда, где над головой появляется и растет тусклое желтое пятно света. Зеленые «змеи» взбираются следом, и пару раз, когда от нехватки сил и усталости моя нога соскальзывает со ступени, рядом обязательно оказывается зеленая поддержка. Наверное, только благодаря этому, я не срываюсь вниз и доползаю до самого края.

Подтягиваюсь, заползаю в маленькую комнатку странной многогранной формы, где каждая грань — это запертая дверь. Я осматриваюсь, пытаюсь найти различия, но они похожи друг на друга, как близнецы. Зеленые стебли ползают за мной, как верные собачонки, но вряд ли они могут помочь выбрать правильную.

Что за лабиринты?!

Я с досады топаю ногой и наугад выбираю первую попавшуюся дверь — заперто. И сколько бы я не пыталась ее толкать или тянуть на себя — не поддается.

Берусь за следующую, но и она заперта. Следующая, следующая, пока из двенадцати запертых дверей не поддается только одна, да и то приходится прикладывать все силы, чтобы хоть немного сдвинуть ее с места. На вид — обычная дверь, разве что из камня, но весит как целая гора. И все-таки, я освобождаю достаточный проход, чтобы кое-как, цапая ноги и бока, протиснуться на ту сторону.

Там снова темень — хоть глаз выколи.

Я осматриваюсь, потревоженная внезапным странным шумом, но через минуту, когда глаза привыкают к темноте, я замечаю рытвины в стенах, и торчащие оттуда змеистые тела моих «зеленых» спутников. Не думала, что скажу это, но мне как-то спокойнее, когда они рядом.

Мы идем дальше, и с каждым шагом коридор становится все шире. Теперь уже очевидно, что он вырыт где-то очень глубоко, потому что здесь стоит невыносимая жара, которая почему-то словно возвращает меня к жизни. С потолка свисают гроздь странных корней, то тут то там прямо в стенах сверкают тяжелые кроваво-красные кристаллы. Это Игнис, кажется? Но я никогда не видела их такими большими! После испытания с Аспектами я на всякий случай кое-что прочла в книгах, которые нашла в библиотеке, и почему-то хорошо запомнила, что большие кристаллы Игниса особенно опасны. Кажется, потому что они могут взрываться от любого неверного движения и наносят разрушения огромной силы.

На всякий случай держусь от них подальше.

Когда где-то впереди появляется странный низкий гул, я настораживаюсь. Это как будто... клокочет вулкан прежде чем извергнуться. Не знаю, откуда это в моей голове, потому что никогда в жизни не видела не то, что вулкан — даже просто высокие горы, но почему-то точно знаю, что он бы издавал именно такой звук. Лозы-

змеи устремляются вперед, нетерпеливо подталкивая меня в спину, когда я то и дело опасно замедляю шаг. Они как будто поторапливают не раздумывать.

Шаг за шагом — и вот уже гул превращается в низкий настороженный рык.

Я останавливаюсь и оглядываюсь назад. Если бы у меня был еще хотя бы один запасной вариант выхода — я бы не задумываясь дала деру из этой пещеры, но выхода у меня нет, а мои единственные поводыри, на который приходится рассчитывать, настойчиво ведут меня сюда.

— Ладно, Тиль, — храбрюсь и рассматриваю свои потемневшие когтистые руки, — хуже уже все равно не будет.

С каждым следующим шагом воздух все больше накаляется, и коридор постепенно расширяется до размеров огромной пещеры, у дальней стены которой лежит что-то огромное и темное, покрытое ужасающими наростами. Это запросто можно было бы принять за земляную насыпь, если бы она не приподнималась вместе с сиплым вдохом, и не опускалась, издавая тот самый ужасный рык.

И только присмотревшись, замечаю длинный тяжелый хвост с тяжелой гирей на конце, и пару лап, накрепко сцепленных тяжелыми кандалами.

Это... дракон?

Не такой большой как тот, на котором летала Владычица и какой-то весь как будто изрезанный ударами плетки, но все же — настоящий.

И с крыльями.

Я неосторожно иду дальше и когда под ногой что-то хрустит, большая и тяжело дышащая туша замирает, и хвост, который до этого мирно лежал на земле, приподнимается, оглашая пещеру тяжелым лязгом цепей, которыми к нему прикован шар с шипами.

Замираю, испытывая странную смесь ужаса и нерешительности.

Ну дракон, ну и что?

Они, я теперь это точно знаю, существуют не только в сказках.

Я рискую сделать еще шаг, но на этот раз хвост поднимается еще выше и с глухим ударом опускается на землю. Гиря выбивает ключья земли и поднимает облако пыли.

Змеи-лианы прячутся мне за спину. Не знаю, есть ли у них разум, но если им страшно, то прятаться за спину тщедушной девчонки — не

самая лучшая идея. Интересно, зачем они меня сюда привели? Может, чтобы скормить меня этому... летающему чудовищу?

Еще один шаг, который я делаю, на всякий случай выставляя вперед ладони. Меня это точно не защитит, но друг придаст более миролюбивый и менее аппетитный вид? Хотя, с такими когтями, я бы не назвала себя такой уж невинной лапочкой.

Шаг за шагом, я подбираюсь к все еще мирно лежащей на скованных лапах огромной рогатой голове, покрытой глубокими старыми шрамами. Лианы ползут за мной, но уже не рискуют высовываться вперед.

У меня странное чувство, что дракон как будто... странно мне знаком.

Плачущий, что за глупости? Откуда бы мне быть «знакомой» с чудовищем, о котором я раньше знала только из старых книг? Я поскорее избавляюсь от этих сказочных мыслей, и пытаюсь сосредоточиться на внутреннем спокойствии. Это дракон, у него есть крылья. А крылья — то, что нужно, чтобы сбежать из Бездны. По крайней мере, мне так кажется.

Наконец, я подхожу так близко, что уже могу различить на сплошном черном фоне выразительные ороговевшие души ноздрей, из которых вырываются тяжелые облачка пара. И выступающие из пасти потемневшие клыки, очень похожие на шипы на моих руках.

Может, он не сожрет меня хотя бы потому, что признает родственную душу? Ну или посчитает частью роя.

И как раз когда я думаю о том, как бы поосторожнее разбудить чудовище, прямо перед моим носом вздрагивает и медленно приподнимается тяжелое кожаное веко, из-за которого на меня смотрит алый взгляд с тонким, как у змеи, зрачком.

Я хочу попятиться назад, но мои зеленые сообщники пихают в спину, перекрывая пути к отступлению.

А тем временем, открывается и второй глаз, и морда, отфыркиваясь, словно кошка, медленно поднимается над землей на длинной крепкой шее. Выше и выше, посыпая мою голову слоями пепла и щедро обдавая раскалённым паром. Перед моим носом появляется сначала вся закованная в кольчугу чешуи грудная клетка, а потом — такое же неприкосновенное брюхо, в котором как будто клокочет алое пламя.

Пожалуй, я поторопилась, решив, что дракон намного меньше того, на котором летала Владычица. Он определенно уступает в размерах, но не настолько, как мне сперва показалось. Скорее, все дело в его изученности и явном истощении — он грузно и, из-за цепей, немного неуклюже переставляет лапы, осматривая меня сверху скорее как любопытный и настороженный пес, чем как голодный хищник.

Я точно сошла с ума, но теперь еще больше уверена, что уже видела это чудище.

И даже летала на нем, без седла и стремян, где-то очень высоко, за серыми облаками пыли, которые здесь перекрывают все, и даже небо, каким бы оно ни было.

Дракон медленно опускает шею, и на минуту мне кажется, что он раздумал и собирается проглотить возмутительницу его покоя, но он лишь почти вплотную прижимается ко мне ноздрями и с шумом втягивает воздух. Нюхает, как собака, долго и тщательно.

Я выставляю вперед ладони, жмурюсь, воображая, что откусить их такой громадине вообще ничего не стоит. Вместе с руками — до самых плеч. Но дракон продолжает тщательно «пробовать» мой запах. Не похоже, чтобы он собирался мной позавтракать.

Когда из огромной зубастой пасти появляется черный раздвоенный язык, весь перепачканный в вязкую маслянистую слюну, и облизывает мне ладонь, я почему-то совсем не чувствую отвращения. Это как будто какой-то ритуал, после которого раны на моих изуродованных руках начинают как будто меньше болеть. А рогатая башка дракона совсем уж по собачьему тычется мне в грудь, как будто выпрашивает ласку.

Я осторожно, стараясь не делать резких движений, поглаживаю его сначала по ноздрям, потом — выше, по поцарапанной морде до того места, что должно быть похоже на щеку, но больше напоминает рассеченную на прилавке тушу мясника-недоучки. Дракон рыкает, стоит мне случайно зацепить покрасневшую рану, с которой свисают ошметки кожи.

— Болит? — Сама не понимаю, как произношу это вслух. Совсем сбрендил — разговаривать с драконами, да еще и на человеческом языке.

Но, к моему изумлению, чудовище как будто согласно моргает, устало пряча змеиные глаза за сморщенными веками. Косолапо

перебирает по полу, разворачиваясь ко мне боком, и я с трудом сдерживаю вздох, потому что одно его кожистое крыло беспощадно разорвано в клочья, и больше напоминает парус ветхого и разбитого о рифы парусника, который больше никогда не выйдет в море.

Бедного дракона как будто нещадно стегают каждый день, не давая ранам затягиваться.

Да что же это такое?!

Внутри меня что-то глухо трепещет и стонет, потому что пока я осторожно провожу ладонью по изуродованному телу, я словно собственной кожей ощущаю каждый удар.

Как будто это меня каждый день тыкают острыми палками и стегают железной плетью, морят голодом и измываются.

За то, что не уберег.

«Одно целое» — слышу в голове тот голос из снов.

Голос моей матери, вслед за которым перед моим взглядом проносятся образы ее прошлого — яркие и сочные, иногда даже счастливые и беззаботные, потому что она была свободна, летая на своем друге.

Он был ей другом — может, не самым большим из кладки, не умеющий толком дышать огнем и не самый быстрый, но он ее выбрал, а она выбрала его, даже не взглянув на более сильных самцов.

Но он не уберег ее.

Я чувствую, как под моей ладонью изодранный бок наполняется вздохом и рыком боли.

Каждый день все восемнадцать лет, его пытаются и мучают.

Потому что не могут убить, пока в нем живет хотя бы маленькая, но частица души Л'лалиэль.

Та самая, которая я теперь чувствую и в себе тоже.

Как и ее смех, ее улыбку. Ее мечты о мире, в котором Тьма и Свет могли бы стать одним целым.

— Я больше никому не позволю причинять тебе боль. — Тянусь руками к толстой шее и обнимаю ее изо всех своих сил. — Ты не виноват. Никто не виноват. Только людская злоба и жажда власти.

Дракон фыркает и это звучит почти как согласие.

По крайней мере, во всем этом ужасе, я обрела кое-что настоящее — друга.

Глава шестидесятая: Герцог

Когда я был немного моложе и меня гораздо чаще тянуло на разные подвиги, я знал столицу вдоль и поперек. Каждый закоулок, каждый поворот. И, само собой, каждое пригодное для «скрытых» встреч место. А их, по счастью, еда ли наберется крепкий десяток. Это только кажется, что в городе, где почти на каждом шаг то таверна, то «наливайка» кишмя кишит местами, где двое заговорщиков могут встретиться практически у всех на глаза, но никто даже не взглянет в их сторон, а на самом деле, почти в каждом таком месте всегда торчи парочка ничем неприметных типов, которые умело маскируются под пьянчуг и забулдыг. Это — мои Зрячие, и они всегда настороже: подслушивают, подсматривают, запоминают и приносят в мою паутину.

Но все это — ловля мелкой рыбы. Можно вскрыть шайку контрабандистов, можно накрыть бандитов-головорезов, можно даже предотвратить сговор неверной жены с убийцей, и спасти жизнь ее богатому и верному короне муженьку. А можно и не предотвращать, если корона от его «безвременной кончины» только выиграет. Все эти ежедневные грязные дела — как будничная стирка грязного белья. А вот настоящие заговоры зреют совсем в других местах — чистых от моих Зрячих, заманчиво пустых или, наоборот, удобно многолюдных. Именно в таком месте однажды и опался гнилой герцог.

Именно в таком месте, как оказалось, теперь собирается проверить свое дельце его поганая дочка. А говорят только преступников тянет туда, где они уже однажды пустили кровь.

Если бы я только не был скорее мертвым, чем живым, я шел бы на эту встречу в куда более приподнятом настроении, но сейчас моя голова слишком забита тремя вещами: как сдержать голод, как вернуть Тиль и как, Хаос его подери, предотвратить войну, которую Артания неминуемо проиграет?

Есть еще одна вещь, от которой я намеренно шарахаюсь, как невинная девица от каждой тени в одиноких переулках, но она все равно настырно ввинчивается в виски.

Эвин собирался использовать Тиль.

Самым гнусным из возможных способов.

Он — мой лучший друг. Единственный, чего уж там — в Артании больше нет людей, которым бы я так или иначе не перешел дорогу. Об этом даже ходит парочка скабрёзных поговорок. Но мы с Эвином всегда были не разлей вода, и я делал для него гораздо более гадкие вещи, чем та, за которую вдруг сам же его и осуждаю. Почему мне было не жаль всех тех людей, которых мы, не задумываясь, раньше просто смахивали с доски, как разменные пешки, чья единственная цель — выманить из укрытия более крупную фигуру? И почему я схожу с ума от злости, стоит лишь представить, то Эвин точно так же собирался использовать мою Тиль?

Может, потому что есть это проклятое «моя»?

Я сворачиваю в подворотню, шлепаю своими начищенными до блеска сапогами прямо по лужам вязкой грязи. Место, куда я собираюсь попасть, не любит чистюль.

Еще два квартала, потом — вниз, по крутой узкой улочке до самых доков. Здесь даже сквозняки пропитаны вонью несвежей рыбы и морской солью. Из доков — еще дальше, туда, где около кладбища разбитых кораблей ютится маленький кабачок под простой вывеской — «Старая треска». Тут всегда полно не просыхающих матросов и бабенок свободных манер, готовых за пару монет задрать юбки перед голодными до любой промежуточной мужиками, только что вернувшимися из долгого плавания. Осматриваюсь, нахожу неподалеку шатающегося пьяного матроса и за пару монет забираю его замызганный грязью и соль плащ, и треуголку, которая выглядит так, словно ее вынули из задницы свиньи.

Я прихожу раньше, чтобы занять стол неподалеку от того, за который, я уверен, сядет герцогиня с ее приспешниками. Он как раз почти в самом дальнем углу, в тусклом пятне тени, куда не попадает, ни свет из окна, ни тусклое пятно света лампы под потолком.

Усаживаюсь и, чтобы слиться с местом, сутулюсь над стаканом вонючего пойла, которое приносит хозяин.

Проходит еще много времени, прежде чем дверь кабака открывается и, пригибаясь под низкой притолокой, внутрь заходит долговязая фигура, завернутая в черный плащ. Мне даже не нужно пытаться угадать, кто это может быть, потому что осанка Вдовы мне отлично знакома. Она слишком выдает себя, брезгливо шараясь от каждой отрыжки, и если бы только кому-то в этом богами забытом

месте, взбрело в голову осмотреться, ее бы точно заприметили. Но всем посетителям «Трески» интересно только содержимое своих щербатых кружек, и чтобы в них как можно дольше не показывалось дно.

Когда спустя несколько минут к ее столу никто не идет, она начинает нервно озираться. Не привыкла, что в мире, куда ее хотят выкупить, всем плевать на привилегии и этикет. Здесь ей разве что с уважением и почтением вспорют брюхо, когда станет бесполезна. Так герцог поступал со своими сообщниками, так же — я теперь это точно знаю — герцогиня поступает и со своими.

Но стол Вдовы пустует еще недолго. Компания, которая вваливается в кабак следом за ней, выглядит помятой и «навеселе», но все это — показуха, причем не самого лучшего пошиба. «Пьяный» на самом деле крепко стоит на ногах, а туберкулезник кашляет низко, явно не из груди, а для вида.

Последний, самый мелкой в этом трио, выражен под мальчишку, но женские округлости не в силах скрыть даже мешковатая одежда. Я знаю, что это Лу'На, и еще никогда в жизни мне не было так тяжело усидеть на месте, и не поддаться искушению свернуть кому-то шею прямо сейчас, еще до того, как это сделают мои руки. Она как бы невзначай вертит головой, осматривая зал. Я физически ощущаю ее взгляд на своем виске, но он не задерживается долго.

Самоуверенна, как и еедохлый папаша. Хорошо, что некоторые глупости передаются по наследству вместе с кровью. Будь змея хоть немного поосмотрительнее — Эвин мог бы запросто потерять корону в этом противостоянии.

— Я не привыкла ждать! — слишком громко и слишком изысканно для этой конуры, возмущается Вдова. — Что это за игры, гер...

— Тише, — холодно осаждает ее пыл девчонка. — Вам надо быть тише, дорогая, если не хотите стать первым членом Тайного совета, которого вздернут.

Черная вдова отмачивается. С того места, где я сижу, тени почти полностью скрывает лица всех четверых, но я все же отмечаю обветренные багровые щеки тех двоих «пьянчуг», которые пришли с герцогиней. Воздушные лорды и, видимо, не самые мелкие чины, судя по тому, что плащ одного задрался и из-под него предательски

выглядывает вышитая серебром перевязь и дорогая, хоть и потертая кобура ручного мушкета.

— И так, — как раз начинает он, — называй свою цену, да поживее.

Я слышу выразительное фырканье члена Тайного совета. Уж она точно не привыкла к такой фамильярности.

Слышу скрипы ее табурета, когда пытается встать.

Шорох руки, которой герцогиня хватается за локоть, силой усаживая обратно за стол переговоров.

— Десять тысяч дукатов. — Лу'На без прелюдий называет свою цену. Это определенно громадные деньги. На мой памяти впервые кто-то так щедро платит за продажную душонку. — И вы сделаете так, чтобы в нужный момент все члены Тайного совета проголосовали против правления Эвина.

— И еще только же получите, когда они подпишут капитуляцию, — хрипло добавляет третий.

Я мысленно присвистываю. Двадцать тысяч золотом? Да в такой куче золота можно нырять и ловить мокрель!

Судя по тяжелому дыханию Вдовы, она с трудом представляет такое богатство, и не может толком представить, куда девать эту кучу денжищ.

Переговоры начались минуту назад, но их исход уже очевиден.

Никто в здравом уме не откажется от такой кучи денег.

Я украдкой еще раз осматриваю зал. Ив донесла Эвину о месте и времени встречи, значит, где-то здесь должен быть его человек. Меня немного беспокоит, что в разношерстной толпе пьяных и вонючих матросов, я не могу угадать «фальшивого». И дело не в то, что главный Палач короны потеря нюх. Я без труда, по одному только рисунку соли на замызганных брючинах расскажу о каждом, кто сидит в зале с кружкой пойла, то он и откуда.

Дело в том, что никто из них не похож на шпиона Эвина.

А он бы не стал рисковать, посылая на такое важное дело только одного человека. Я бы первый покрутил пальцем у виска, если бы он выдал что-то подобное. Но Эвин всегда был прагматиком, и не в его правилах так глупо рисковать. По моим подсчетам, в кабаке должна торчать целая «замаскированная армия», но ее нет. Я же не сошел с ума, чтобы настолько ошибаться.

Значит...

— Вы не представляете, о чем просите, — прислушиваюсь к уже порядком присмиревшему голосу Вдовы. — Капитуляция? Никто из членов Тайного совета не пойдет на это!

Мысленно прищелкиваю языком. Ну зачем же так категорично, я вот точно знаю парочку, готовых продаться хоть завтра, и неоднократно говорил Эвину о том, что его доверенных лиц следует давним давно погонять плеткой, острастки ради.

Судя по выразительной усмешке герцогини — наши мысли сходятся.

— Никто не просит от вас невозможного, — голос Лу'На звучит слишком уверенно. Похоже, весь шпионский корпус Ивлин все-таки отвратно работает, и уже прозевал парочку подкупов. — У вас будут союзники. Но большинство все равно придется... уговорить.

Мне стоит больших усилий остаться не хлопнуть ладонью по столу. Исключительно от гордости, что снова оказался прав.

И все же — где люди Эвина?

— Хватит рассусоливать, — басит первый. Он из троицы самый плечистый и тучный, и его обвислые щеки такого выразительного багрового цвета, что ими можно затравливать диких быков. — Вольные люди Летающих островов платят золотом не за то, чтобы еще и указывать, как да что. Сама придумай, раз такая умная. Не зря же зад отсиживаешь в Тайном совете.

Вдова все равно колеблется — я хорошо слышу ее сопение в нос. Оно мне знакомо — имел «удовольствие» слышать его каждый раз, когда старой кошелке не удавалось пропихнуть свое решение или подсунуть Эвину угодный вельможам закон. Но сейчас дело куда серьезнее. Уж кто-кто, а Черная вдова точно знает, что у Эвина с предателями очень короткий разговор, хотя ради нее он, пожалуй, сделал бы исключение.

— Когда? — спрашивает она, продолжая избегать точного ответа, и воровато озирается. Снова скользит по мне взглядом и снова не замечает, хотя на этот раз я смотрю на нее почти в упор. — Я должна знать, за что подставляю свою голову.

— Кто много знает — тот у палача под клеймом громче кукарекает. — Тощий издает саркастический смешок. — Решай,

госпожа, наше время дорого. Или, может, мы слишком щедро платим? Так можно...

— Хорошо, — резко перебивает Вдова.

Очень предсказуемо. Она еще толком не представила всю эту кучу золота, но жадность уже подняла голову и крепко вцепилась когтями в каждый дублон.

— Всегда восхищалась вашим благоразумием, герцогиня, — ележно нахваливает Лу'На. — Поэтому взяла на себя смелость приказать своим людям отправить сундуки с золотом в ваше загородное поместье. Когда будете там в следующий раз — загляните в подвал. Вас ждет большой сюрприз.

Хаос подери, если бы я только так ненавидел эту девку, я бы искренне ею восхитился. Настоящий злодейский расчетливый ум. Она все продумала.

— Но как... — Вдова едва дышит, захлебываясь от возмущения. — Кто... позволил?

— Ваш камергер такой милый, — как ни в чем не бывало, продолжает щебетать герцогиня. — У него четверо детей и трое внуков, вы же знаете? Трое маленьких невинных внуков, и пара очаровательных близнецов. Они как раз гостят у моих друзей.

Я замечаю ее как бы невзначай поднятый вверх палец.

Ее друзей там, в небе? Брать в заложники детей — очень в духе дохлого герцога. Дочка взяла папашины мерзости и щедро приправила их своими собственными.

Если бы что-то пошло не так и Черная вдова не согласилась бы на щедрый подкуп — люди Эвина быстро узнали бы о странных сундуках с золотом. Готов поспорить, что там есть пара монет с чеканным профилем дохлого герцога.

Выбор без выбора.

— Старый тупица, — сквозь зубы шипит Вдова, но ее гнев никому не интересен.

— Я рада, что мы договорились, — уже без интереса и кривляний, говорит Лу'На, вставая из-за стола. — Уже скоро. Будьте готовы, герцогиня.

Двое ее спутников поднимаются следом.

Никто в зале не обращает на них внимания.

Эвин не мог ничего напутать.

Если только Ивлин не назвала ему другое время встречи.
Если только она тоже не получила сундук с золотом.
За то, что отправила Эвина напрямиком в ловушку.

Глава шестьдесят первая: Герцог

«Какой же ты тупица, герцог Нокс!» — мысленно поношу себя самыми последними словами, протискиваясь к двери, нарочно хромя то на одну, то на другую ногу.

«Всевидящий и всезнающий Инквизитор! Глава целого корпуса Зрячих! Человек, без чьего ведома даже птица не вспорхнет с ветки! Какой же ты... осел!»

Все это время я был так занят попытками разгадать одну загадку, что пропустил то, что творилось прямо у меня под носом. Пропустил настолько нелепо и наивно, что впору хватать все ордена, ленты и медали за заслуги перед короной, и спускать их в сортир!

Браво, герцогиня!

Трижды мое почтение и браво! Вашему отцу подобные лабиринты даже и не снились!

Я продолжаю ковылять к двери, стараясь не выделяться из массы таких же, как и я, пьянчуг. Мне на счастье, парочка тоже решает выйти освежиться, и наша «шумная компания» не может привлечь внимание даже самого искушенного наблюдателя.

Если Эвин пошел напрямиком в расставленную герцогиней и моей... гмм... чтоб ее Бездна задрала, невестой, то почему я тогда здесь? Почему Ивлин назвала мне реальное место встречи, прекрасно зная, что я увижу и услышу?

Нутро щекочет от желания оглянуться на герцогиню и ее приспешников, убедиться, что никто из них уже не заносит кинжал мне в спину. Когда бредущие передо мной пьянчуги распахивают дверь, соленый морской бриз щекочет затылок холодом. Колючим противным холодом, очень похожим на лезвие остро наточенного стилета, которым убийцы режут глотки доверчивым овцам.

Может, я и потерял нюх — старость, мать ее за печенку! — но инстинкты все так же исправно мне служат. Они слишком глубоко в моем нутре, почти такая же часть меня самого, как руки и ноги.

Я успеваю отклониться всего на полвздоха, когда холодное черное лезвие испарывает воздух около моей шеи.

Хаос бы их всех...!

Разворачиваюсь на пятках, на ходу хватаю кувшин со стола и бью наотмашь, снизу вверх.

Место, скорость и сила удара — этого достаточно, чтобы понимать, что бьет тот, который большой и крупный. Он на голову выше меня, а значит, нужно бить снизу, под челюсть, дном глиняной бутылки.

Хруст врезавшихся друг в друга зубов звучит как музыка.

Здоровяк запрокидывает голову, но руками все равно пытается поймать меня за грудки.

Я дико голоден, поэтому даже его вонючая кровь, фонтаном брызнувшая изо рта, для моих демонов пахнет слаще меда из первоцветов. Чтобы свалить его с ног, нужно лишь мгновение.

Прыжок, железная хватка обеими руками в глотку.

Надавливаю на кадык большими пальцами.

Кто-то пытается поймать меня за плечи. Тот мелкий, хриплый. Я ему не по зубам.

Особенно, когда под моими пальцами приятной сладостью звучит хруст лопнувшего хряща и здоровяк выпучивает моментально налившиеся кровью глаза.

Есть. Я голоден. Я зол.

И, Хаос и все его выродки, я безумен.

Во мне нет ни капли сострадания или отвращения, когда мои клыки впиваются ему в глотку, вместе и вырывают кусок плоти. Кровь хлещет в рот, заставляет глотать жадно и быстро. На вкус как помой из придорожной канавы, но бывало и хуже. Главное, что мое тело наполняется силой.

Я готов убивать без разбору, потому что Тьма окутывает мою душу стальными цепями, запрещает думать о благе и свете. А демоны сладко льют в уши обещания всевластия и вседозволенности. Здесь нет никого, кто смог бы остановить меня.

Во всей Артании...

Что-то тяжелое опускается мне на голову и на мгновение глушит сухим треском.

Взбрыкиваю, трясущей башкой, как сонный мерин.

Это секундная задержка.

За шиворот подтягиваю тушу здоровяка, медленно вставая на ноги. Я пожираю его кровь, пока в нем еще бьется сердце. Дохлятину не станут есть даже голодная Тьма внутри меня.

Натыкаюсь на взгляд того, другого. Замечаю обломок доски в его руках. Приятною моей черной душе панику в глазах. Будь я простым смертным — он бы прошиб мне башку.

Лу'На пытается смешаться с толпой пьянчуг, чтобы незаметно, в общем хаосе, выскользнуть наружу. Усмехаюсь. Странное дело — минуту назад они были пьяны до поросячьего визга, а стоило замаячить опасности — крепко стоят на ногах и точно знают, куда бежать.

Сглатываю соленый, на вкус как железная стружка, сгусток.

Каждая мышца в теле вибрирует от слишком резкого прилива сил. В другое время я бы ни за что не позволил себе так увлечься, чтобы потерять контроль, но сейчас мне все равно.

Из-за своей самонадеянности, я подставил лучшего друга.

Из-за своей самонадеянности, я потерял... любимую женщину.

Стол рядом оказывается очень кстати, чтобы швырнуть его в стену около двери. Делаю это одной рукой, почти не чувствуя напряжения мышц. Обломки разлетаются в стороны жалящей острой шрапнелью, попадая в податливые мягкие тела.

Запах крови наполняет воздух дурманящим ароматом.

Я отшвыриваю уже бесполезное и начавшее коченеть тело толстяка, подхватываю валяющуюся рядом щепку и без сожаления втыкаю ее в шею удирающего коротышки. Удар такой сильный, что дерево проходит через основание шеи насквозь.

Беру тощего за шиворот, разворачиваю и поднимаю над землей. Жизнь вытекает из него и капает на пол по еще дергающимся в предсмертной агонии ногам.

— Подыхаешь ты не так эффектно, как покупаешь продажные души, — говорю ему в лицо, впитывая муки его последних мгновений.

Тьма во мне ликует.

Никогда в жизни я не позволял ей устраивать такую вакханалию, но сейчас уже все равно.

Впереди осталось самое вкусное.

Одна — Черная Вдова — пытается забиться в угол, скуля как побитая собака. Ей повезло не дать деру вместе со всеми, иначе

валялась бы на полу, как мелкая дрянь, нашпигованная деревянными щепками, как праздничный гусь. На Вдове же ни царапины.

— Я не... не... не... — блеет продажная тварь.

Я прикладываю палец к губам, призывая ее заткнуться, и подбираюсь к ее убежищу на мягких лапах, как хищник. Герцогиню все время держу в поле зрения — она пытается ползти, но теперь я найду ее даже с завязанными глазами, по вонючему запаху крови.

— Это была просто игра! — верещит Вдова.

Я затыкаю ей рот всего одним движением.

Сворачиваю шею.

А когда безжизненное тело глухо падает на пол, чувствую себя глубоко удовлетворенным, потому что в глубине души мечтал сделать это на каждом заседании Тайного совета. Собаке — собачья смерть. Хотя собак я люблю — они, обычно, не кусают кормящую их руку.

Ну а теперь — сладкий десерт.

Мои ноздри втягивают воздух, густо приправленных запахом страха. Бояться здесь все, но громче всех, конечно, герцогиня. Это не может не радовать. Каждый нерв в моем теле замер в ожидании долгожданной мести. Тьма нашептывает тысячи способов, которыми я могу последние дни поганой твари очень долгими и мучительными. А другая моя часть толкает в спину, призывая поскорее раздавить гадину, потому что она уже почти бесполезна.

Нет. Успокойся, Нокс.

Прежде чем оторвать мухе крылья, нужно заставить ее пожужжать.

В кабаке уже на удивление пусто. Только из-за стойки выглядывает седая макушка кабатчика. Мой короткий рык с призывом убираться подальше, он понимает сразу, ползет и проваливается в подпол.

— Куда-то собралась, герцогиня? — говорю елеиным голосом, вкрадчиво шагая по следу ее крови на грязном дощатом полу. Она почти доползла до двери, но я успеваю схватить ее за лодыжку и втаскиваю обратно, как тушу рыбы, которой не удалось сорваться с крючка. — Но-но, моя хорошая, разве прилично сбегать от расправы? Разве призрак твоего гниющего папаша не рассказывал тебе, как это бывает, а? Чем дальше ты пытается сбежать — тем приятнее палачу поджигать твои быстрые пятки.

— Нет! — в три глотки орет она, нелепо пытаюсь сбить мою руку пяткой здоровой ноги. — Тебя не должно здесь быть!

— Сюрприз, моя хорошая! Все для тебя, как видишь!

Хохочу, потому что она, сама того не зная, только что сделала мое удовольствие от предстоящей пытки еще слаще. Теперь я точно знаю, что и великую интриганку обвели вокруг пальца. И кто, Хаос всемогущий! Моя бестолковая невеста!

Хотя, вынужден признать — не такая уж и бестолковая.

Глава шестьдесят вторая: Герцог

Я, как опытный паук, оттаскиваю свою жертву в дальний конец зала, к деревянному столбу, который подпирает покосившуюся крышу. Герцогиня истекает кровью и это хорошо видно по ее лицу — оно стремительно бледнеет, а с посиневших губ срывается все меньше громких стонов. Нет, она проживет еще достаточно, чтобы рассказать все, что я захочу знать, но живой она будет более полезна. Так что, подавляя отвращение и скрепя сердце, обрываю рукав своей сорочки и перевязываю ее продырявленную в нескольких местах ногу. Мерзавка пару раз пытается лягнуть меня пяткой, но в ответ я без сожаления пинаю ее носком сапога прямо в только что перевязанные раны. Она орет такой отборной руганью, что даже я чувствую себя удивленным.

Хотя, стоит ли? Дрянь водится с отбросами и людьми без чести. А у таких, как правило, грязны не только помыслы, но и речь. Тяжело говорить о гнусностях красивыми витиеватыми словами.

Осматриваюсь в поисках какой-то веревки, и задерживаю взгляд на тяжелой цепи, на которой болтается подвешенная под потолком «люстра» — старая закопченная и залитая свечным жиром доска с огарками.

Обрываю ее и когда свечи падают на одежду, стряхиваю их как старый пес.

Это уже не больно.

Ничего в этом мире уже не будет больнее чем мысль о том, что я все потерял. И что Тиль...

Я поглядываю в сторону герцогини. Сейчас она уже не кажется так уж похожей на мою маленькую монашенку. В первую очередь змеиным взглядом и презрительно сжавшимися губами. Тиль никогда не смотрела на меня так, словно я противнее трупных червей.

— Ты не имеешь права! — орет герцогиня, когда я рывком, как тряпичную куклу, придавливаю ее к столбу, и дважды перехватываю тяжелой цепью. — Ты мерзкий, противный...

Мы встречаемся взглядами, когда я закидываю край цепи ей на голову, делаю петлю, и затягиваю один край достаточно сильно, чтобы толстые ржавы звенья лишили ее возможности дышать. Осматриваюсь, в поисках стула, нахожу поблизости табурет, и чтобы дотянуться до него, еще сильнее натягиваю цепь.

Герцогиня хрипит и судорожно дергается.

Усаживаюсь напротив, вытягиваю ноги, запрокидываю голову и даю себе короткую передышку. Нужно успокоится, взять Тьму под контроль, пока она окончательно не поглотила весь мой Свет. Его, увы, осталось не так уж много. Но, может, оно и к лучшему? Герцог Нокс, даже если живет дольше остальных и с дьявольским везением выбирается даже из самых поганых переделок, все равно слишком слабая фигура, чтобы в одиночку вытащить Эвина. А машина для убийства, наспигованная одними лишь инстинктами и неутолимый голодом, вполне может расправиться с маленькой армией. Главное, чтобы нашелся смельчак воткнуть нож в затылок этой бешеной псине, пока она не обратила взор в сторону тех, кого только что спасла.

Я послабляю цепь, когда в хрипах герцогини появляются знакомые мне звуки предсмертной агонии. Не без удовольствия наблюдаю за тем, как она хватает воздух сухими губами и жадно слизывает с губ потеки слез.

Что-то все-таки неумолимо меняется в ее лице — теперь это невозможно не заметить. Другой овал, опущенные уголки глаз, перекошенный рот, тонкие. Покрытые каким-то белесым налетом брови.

Подаюсь вперед, разглядывая проступающие сквозь лицо «Тиль» метаморфозы.

— Наверное, мне следует еще раз с вами познакомиться, Матильда! — отвешиваю шутовской поклон и нарочно гремлю цепью, чтобы насладиться приступом ужаса на ее настоящем лице. — Герцогиня Лу'На, позвольте отвесить вам самый наичестнейший комплимент — вы поразительно безобразны!

И это действительно так.

Под маской моей милой малышки скрывается настоящий монстр с выпуклым, словно у прокаженных, лбом, широко посаженными рыбьими глазами и кривым носом. Я припоминаю дохлого герцога, и она поразительно на него похожа. Хотя, папаша выглядел получше даже когда начал покрываться зеленью трупных пятен.

— Я тебя все равно раздавлю, — все-так же сочтется ядом мелкая тварь.

Приходится от души щелкнуть цепью, чтобы померить ее пыл, а заодно напомнить, что это она, а не я, привязан к столбу и не истекаю кровью только потому, что пока могу быть полезен.

— Где Эвин? — Это нужно узнать заранее, пока герцогиня не начала говорить остальное. Не уверен, что потом мне хватит выдержки оставить ее в живых.

— Ты этого никогда не узнаешь, — зло шипит она, сплевывая слюну.

— Боюсь, что узнаю. От твоей сообщницы. Она, кстати, отдала тебя прямо мне в лапы. Не знаешь, зачем бы ей было это нужно?

Лично я думаю, что Ив, как обычно, слишком быстро и неоправданно высоко взлетела, и решила, что может выиграть войну одним удачным маршем. Типичная ошибка всех амбициозных интриганов. Ну и еще глупых женщин.

— Она за это еще поплатится! — Лу'На пытается засмеяться, но я подтягиваю цепь и снова какое-то время держу ее на голодном «воздушном» пайке.

— Так где Эвин, моя хорошая? — Собственный голос становится вязким, наполняется приторно-сладкими нотками Тьмы. Да и Бездна с ними!

Послабляю цепь и жду, пока рыбина надышится.

— Надеюсь, ты не думала, что все эти годы, поле того, как отправил твоего папашу на тот свет, я никак не совершенствовал свои навыки пытки? Хотя! — Встаю, поднимаю руки, как бы извиняясь за голословное бахвальство. — Кому нужны пустые слова? Демонстрация — лучшее доказательство!

Поднимаю с пола кривой, весь в зазубринах нож, кое-где покрытый остатками сухой чешуи. К герцогине подхожу так, будто вовсе ее не вижу, потому что куда больше меня интересует вот этот кусок старого железа, совершенно не пригодный вообще ни для чего.

Как бы невзначай пару раз провожу им прямо у не перед носом.
Лу'На жмурится и не в силах сдержать крик.

Да уж. Она обошла папашу в искусстве плетения интриг, но даже жирный герцог не так быстро сдался. А его дочурка защебечет сразу, стоит только резануть по венам. Даже не глубоко.

— Знаешь, чем плохи тупые ножи? — Я как будто и не жду ответа, потому что мой собеседник находится только в моей голове. — Ими никогда не удастся с первого раза вскрыть глотку. Вот так захочешь по-быстрому убить человека — и не сможешь. Придется потрудиться, чтобы отпилить его голову от шеи. В большинстве случаев, жертва остается жива как минимум пока не перерезаны позвонки.

Я, наконец, заглядываю в ее перекошенное паникой лицо.

— Что, разбалованная девица боится боли? А ведь ты любила смотреть, как палачи твоего отца кнутами сдирают кожу с еще живого человека. Никогда не думала, каково это — оказаться на его месте?

Она слишком бытро мотает головой.

— Очень зря, герцогиня. Потому что каждый палач хотя бы раз в жизни побывает под пытками.

— Эвина должны были доставить в Горностаевый приют! — выпаливает мерзавка. — Живого!

— Так, хорошо, продолжай щебетать.

— Я просто хотела...

— Правду! — рявкаю я, уже нюхом чувствую попытку приукрасить правду «вынужденной необходимостью». Если бы Эвин был нужен ей мертвым, она бы уже давно придумала, как подослать к нему наемных убийц. Но мертвый король без наследника — это прямая дорога в распри и затяжную войну за корону.

— Чтобы он взял меня в жены! — всхлипывает Лу'На.

И снова не новость. Я, кажется, уже перестаю ждать от нее удачных кульбитов, но все еще не могу не признать, что она была гениальна почти до последней минуты.

Наверное, будет быстрее, если я сам попытаюсь воссоздать всю цепочку событий. А дрянь пусть кивает, лучше молча, чтобы я не вырвал ей сердце голыми руками. Искушение сделать это слишком велико, в особенности теперь, когда под падающей личиной Тиль начинают проступать уродливые черты. Это словно насмешка над

светлым образом, который я ногу в свое сердце, и который эта тварь до сих пор пытается запачкать своими интригами.

— С самого начала твой план был очень прост, да, герцогиня? — Я поворачиваюсь к ней лицом, выразительно приподнимаю бровь, давая понять, что разрешаю ей издать в ответ какой-то утвердительный звук.

Она медлит, но потом быстро и коротко кивает.

— Ты нашла сиротку из монастыря — достаточно смазливую, верующую в Плачущего, а значит, способную на сострадание. Наивную и беспомощную, лишённую всякой защиты. Случись что — никто не стал бы за нее вписываться и тем более мстить, если бы потом она просто исчезла. Возможно, ты каким-то образом нашла ее раньше той ярмарки, после которой ты устроила вашу «случайную встречу».

Сначала она удивленно выпячивает глаза.

Ждет, что я скажу, откуда мне это известно, а потом ее и без того безобразное лицо искажает гримаса оскала. Герцогини снова пытается плюнуть на пол, но на этот раз только пачкает рубашку на груди. Беспомощно стонет, зыркает на меня и ее внезапно прорывает. Глухо и зло, словно волка, который вдруг понял, что из этого капкана он выберется только если отгрызет себе лапу.

— Все в этом мире продается и покопается, — говорит она. — Особенно легко почему-то покупается лучшие друзья. Поэтому, Нокс, ни у тебя, ни у меня, нет близких — мы-то знаем, что враг не ударит в спину, потому что врага ты встречаешь лицом к лицу.

— В спину бьют те, кому мы доверяем, — охотно продолжаю я. Почему бы и нет, если это — чистая правда?

— Подружка твоей девчонки. Еще никогда я не покупала людей так задаром.

Я вспоминаю, что Тиль что-то говорила о какой-то своей подруге. Наверное, речь идет о ней? Вряд ли суровые монастырские наставницы поощряют шумные дружеские посиделки между послушницами.

— Она рассказала тебе про лейтенанта? — озвучиваю следующую часть ребуса.

— И рассказала, и показала. — Лу'На гадко хихикает. — А потом, когда твоя девчонка разнюхала правду, помогла держать ее в узде,

прикинувшись моей несчастной пленницей.

Мне остро хочется отмыться от всей этой грязи. А ведь я не первый год добровольно ныряю в дерьмо человеческих душ, и думал, что привык. А был ли в этой истории хотя бы один человек, кто не продался и не искал личной выгоды?

Только моя малышка, которая и заплатила... за всех.

— Мальчишка правда поверил тебе? — Меня действительно интересует этот вопрос.

— Хочешь знать, не облапошил ли он тебя? — хихикает она. — Успокойся, Нокс, он правда почти не при чем. Еще один болван, которого даже неинтересно было дурачить. Он готов был заглядывать мне в рот и облизывать руки, лишь бы я помогла монашке сбежать. У тебя есть соперник, Нокс — хороший славный гвардеец Эвина. Как тебе такой поворот?

Я шарахаюсь назад, но только потому, что порыв вцепиться зубами ей в плотку становится слишком сильным. Контролировать его почти невозможно, а до конца истории еще слишком далеко.

— Ты наняла разбойников, подстроила свое якобы похищение, а в назначенный час мальчишка должен был провести девушку нужной улицей, чтобы они пошли за ней следом. Потом ты придумала историю с отбором, с влюбленностью в короля и с тем, что Тиль всего-то нужно побыть тобой какое-то очень короткое время, произвести впечатление на короля и... за все это она получила бы свободу и жизнь, о которой мечтала.

— Ты сегодня на удивление прозорлив, — язвит мелкая дрянь, но я пропускаю ее слова мимо ушей, потому что куда больше меня занимает распутывание клубка.

— И чтобы держать все под контролем, — продолжаю мысль, — ты решила примерить новое лицо. Кстати, герцогиня, почему графиня Ферфакс? И во сколько тебе обошлась эта продажная рогатая шкура?

— Ой, Нокс, не разочаровывай меня, — она закатывает глаза, изображая глубокое разочарование, и я поддаюсь желанию еще разок затянуть петлю цепи.

Мелкая тварь хрипит, роняет слюну и слезы. Вид ее искренних страданий снова тормозит мою Тьму, и я поскорее отворачиваюсь, чтобы не зайти слишком далеко.

— Я жду ответ, — тороплю ее. Плевать, что сейчас она способна лишь хрипеть.

— Графиня... просто заплатила за предательство своего отца. Как однажды уже заплатили ее мать и сестра. Они с отцом всегда вели затворнический образ жизни, и никто не распознал бы подмену.

— А Сайфер?

Она так долго молчит, что я, скрепя сердце, поворачиваюсь.

— Он сам пришел ко мне, Нокс, и задолго до того, как мы начали играть с тобой в кошки-мыши.

Она замолкает, но продолжение звучит в моей голове тяжелыми ударами колокола.

Теперь понятно, кто был архитектором всего этого плана.

Бездна, я должен был...!

Лу'На многому научилась у своего отца, она росла и впитывала все его хитрости и подлости. Но настоящая интрига, мастерская, ювелирная, настолько отточенная, что я не учуял ее даже когда она шастала у меня перед носом — она была слишком... прекрасна, чтобы созреть в голове смертного.

Такую адскую красоту мог придумать лишь Хаос.

— Он любил ее, — слышу собственный глухой от внезапной болезненной правды голос. — Любил Л'лалиэль.

Почему я не понял этого раньше? Это же... так очевидно.

Все порождения Хаоса тянутся друг к другу. Как тени погожий день, они жмутся друг к другу, чтобы выжить и выстоять, пока солнце не закончило их короткий век.

Ведь точно так же... и я почувствовал Тиль.

Задолго до того, как угадал в ней отпечаток Тьмы, когда увидел на той телеге, одетую в безобразное монашескую хламиду, я разглядел в ней нутро. Разглядел не глазами, но самой своей сущностью, потому что мы были двумя неприкаянными тенями.

Я снова заталкиваю подальше свои мысли.

Нужно заканчивать, тем более, что остальное уже видится мне достаточно четко.

Герцогиня под личиной бедной графини Ферфакс, решила подстраховаться и подтолкнуть Эвина «правильной» кандидатке. А где это сделать, как не на испытании по алхимии, тем более, что Лу'На, несмотря на свое изгнание, успела заслужить себе репутации довольно

неплохого мастера аспектов. Ну а где она взяла проклятые «железные стружки» — и яд, который чуть позже начисто стер с лица земли следы ее преступления — теперь понятно.

Если бы не вмешалась Тиль, то по замыслу в тот день, из-за несчастного случая, разумеется, ушла с арены главная конкурентка на руку Эвина — графиня Вероника Мор. Ну, в конце концов, что только не случается, когда в руки не очень опытных девушек попадают опасные аспекты. Даже если среди набора не было ничего, что могло бы смешаться в настоящую бомбу.

В моей голове мелькают картинки того дня.

Снова «вижу» развороченную крышу, каменные завалы, под которыми Тиль только чудом осталась жива. Хруст каменной крошки под подошвами моих ботинок. Гвардейцев, расчищающих беспорядок. И, конечно, лейтенанта, который — теперь я отчетливо это вспоминаю — как-то неловко заводил ладонь за спину. Проклятый аспект, который герцогиня подмешала вместо Металума, при контакте с кожей оставал на ней характерные черные следы — так сказала леди Блор, главный королевский Алхимик.

Значит, мальчишка помог герцогине избавиться от доказательств.

Естественно, потому что верил — если их найдут, то пострадает именно Тиль.

Ну а потом, чтобы замести следы, Лу'На подбросила нам самоубийцу графиню. Кажется, спустя несколько дней по Черному саду ходили сплетни, что пропала одна из служанок — просто как в воду канула. Видимо дурочку опоили обратным зельем, заставили выпить отраву и потом сбросили вниз.

И концы в воду.

Я поворачиваюсь на пятках, и с удивлением замечаю, что герцогиня теперь уже едва дышит. Повязка на ее ноге уже насквозь пропиталась кровью. Еще немного — и я потеряю ценного пленника, которого еще могу обменять на жизнь Эвина.

И хоть все мое нутро вопит о том, что я заслужил насладиться ее смертью глаза в глаза, приходится отказать себе и в этом удовольствии.

Я отрываю второй рукав от своей сороки, быстро меняю повязку, а той, что уже мокрая от крови, перевязываю ей запястья. Специальным узлом, из которого не выпутался бы даже опытный фокусник. Взваливаю ее на плечо.

Ну что ж, пора наведаться в Горностаевый приют.
А заодно надеяться, что ни меня, ни мою ношу, не разорвет силой Врат, потому что мы оба как раз на это нарываемся.

Глава шестьдесят третья: Сиротка

Никто не учил меня летать на драконе.

Тем более, когда на нем нет ни седла, ни стремян, ни вообще ничего, что хоть бы отдаленно было похоже на приспособление для верховой езды.

Ну или полета.

Я аккуратно делаю вокруг него пару кругов, но туша, хоть она и значительно больше меня, слишком тяжело дышит, чтобы выдержать полноценный полет. И еще разорванное крыло явно не очень в это поможет. Я ничего не смыслю в анатомии драконов и их летательных способностях, но внутри меня как будто уже есть вся эта информация.

Наверное, нужно сказать спасибо... матери.

Даже произнесенное мысленно, это слово как будто согревает меня изнутри.

Жаль только, что это все равно ничего не меняет.

И даже если я придумаю, как залечить раны дракона и как на нем летать без опаски свалиться вниз головой, мне никогда в жизни не хватит сил, чтобы снять с его хвоста тяжеленую гирию. Она выглядит неподъемной скалой, уменьшенной до размера маленького поросенка.

Но ведь должно же быть хоть что-то? Мой побег не может закончиться вот так, тупиком перед дверью с надписью «свобода».

— И что дальше? — с досады развожу руками и неосторожно царапаю плечо о колючую лозу, которая змеится у меня за спиной.

Порез не глубокий, но кровь почти сразу заливает всю руку до самого запястья.

Один из «живых» отростков подталкивает меня вперед, к морде дракона, который внезапно приподнимает ее над землей и с шумом втягивает воздух, как будто чувствует особенный запах.

Хочется попятиться, но отростки, словно предатели, продолжают тыкать меня в спину, буквально лишая возможности удрать со вех ног. Дракон тянет шею, и когда его ноздри с шумом схлопываются, втягивая воздух над моей раной, змееподобные зрачки его глаз расширяются и наполняются исками жизни.

— Я не съедобная, — на всякий случай проговариваю вслух, как будто зубастый монстр может меня понять. Я вроде и чувствую в нем что-то наше одно на двоих, но вдруг это не мешает ему мной закусить? — И не надо меня нюхать.

Огромная морда наклоняется еще ближе, и я с трудом сдерживаю крик, когда ороговелые ноздри царапают мою кожу. Но дальше — еще хуже, потому что пасть раскрывается и длинные, похожий на плеть раздвоенный язык медленно дотрагивается до пореза на плече.

Крепко зажмуриваюсь.

Хочется бежать, но опыт подсказывает, что, например, собаки не любят, когда добыча начинает дергаться. И если попытаться дать деру — может быть только хуже. А так, чем черт не шутит — вдруг, просто понюхает, поймет, что у меня кожа да кости, и снова свернется калачиком, смотреть сны про жирную баранью ногу.

Но мой новый «друг» лижет руку еще раз.

Как бы не сойти с ума, пока его слюна стекает до запястья и медленно капает вниз.

— Ну. Может уже хватит? — пытаюсь отодвинуться.

Зрачки ящера снова становятся узкими, и из его разувшейся грудной клетки разносится низкий рык. Звучит это как-то очень печально, если честно.

— Слушай, я бы с радостью помогла тебе, но не таким образом, — потираю затекшую руку.

И вдруг понимаю, что на месте раны больше ничего нет. То есть, там все еще полно вязкой тошнотной слюны, но вместо пореза — абсолютно целая кожа, и как будто даже со всеми моими веснушками.

Чтобы убедиться, что не брежу, провожу по только что зажившей ране пальцами.

Чудеса да и только — даже следа не осталось, ни намека на шрам, даже самый незаметный.

— Ты и исцелять умеешь? — спрашиваю зверюгу, но он смотрит на меня так, словно перед ним какое-то досадливое насекомое, в силу отсутствия ума вообще не способное понять, что и зачем происходит. — Слушай, я же тут... новенькая. Мог бы и помочь.

Пока я пытаюсь разговаривать с существом, которое, вероятно, вообще не способно меня понять, шипастые зеленые отростки снова пихают меня в спину. Одна нахальная лиана обивается вокруг запястья

и тянет руку прямо в морду дракону. Я хочу вырваться, но это вообще бесполезно. Остается только невразумительно мычать, когда зверь разевает пасть и его зубы, как два огромных жернова, запросто впиваются в мою плоть.

Я чувствую острую невыносимую боль, потому что клыки проходят насквозь, едва ли не до кости. Но почему-то она почти сразу проходит. Нет, у меня до сих пор ужасно болит рука, но какая-то часть меня знает, что так надо, и что когда все закончится, у меня точно не станет на одну конечность меньше. Нужно просто потерпеть.

Потому что что-то похожее со мной уже было.

Когда Нокс был при смерти — он тоже как будто «выпивал» меня, чтобы восстановить силы. Правда, после его «исцеления» я чувствовала себя как выжатый лимон, но, может, мой большой «маленький» дракон как-то меня полечит?

И как ответ на мои мысленные предположения, начинаю замечать метаморфозы, которые происходят с ним буквально у меня на глазах. Сначала затягиваются глубокие шрамы на его груди, потом исчезают порезы на морде. Я терплю боль из последних сил и из последних сил надеюсь, что когда он восстановится — мы сможем улететь отсюда.

Куда-то туда — вверх, который не видно за тяжелыми багровыми тучами пепла.

Дракон медленно размыкает челюсти, и я с радостным визгом одергиваю руку, которая — ура! — абсолютно точно до сих пор принадлежит мне и не собирается отваливаться. И даже не выглядит посиневшей, и нет на ней никаких следов. Хорошо бы, чтобы и шипастые наросты пропали вместе с когтями, но об этом я, пожалуй, подумаю потом.

Заметно окрепшая туша пятится назад. Сначала немного неуклюже, но, когда где-то вверху раздается оглушительный треск, дракон вздрагивает и неосторожно бьет хвостом по земле. Только теперь прикованная к нему гиря вовсе не кажется неподъемной. Наоборот — я с трудом сохраняю равновесие, когда от удара ею о пол, земля под моими ногами вздыбливается волнами.

Да что же это такое?! И сверху гремит, и снизу качает! Вдобавок откуда-то из-за туч пепла прямо мне на голову летит острый, как лезвие, обломок висячей скалы. Я замечаю его слишком поздно, скорее

просто чувствую странное режущее чувство опасности, и инстинктивно вжимаю голову в плечи.

А потом, сквозь слепленные от страха веки «вижу» тень, которая простирается у меня над головой. Глухой удар, дрожь под ногами и осколки треснувшего камня, которые разлетаются в разные стороны, не задев и не ранив меня. Я потихоньку разлепляю сначала один, потом другой глаз и с удивлением вижу, что мой новый и порядком оживший друг, прикрыл меня крылом. Тем самым, которое раньше было безобразно разорванным, а теперь выглядит абсолютно целым и вполне крепким. По крайней мере, острые камни не оставили на нем даже мелкой царапины. Я на всякий случай все равно не свожу взгляда с дракона, пока пытаюсь разглядеть, что там за грохот, но он, как будто чувствует что-то — подталкивает меня мордой в бок, и подставляет второе крыло, по которому я вполне безопасно могу взобраться ему на спину.

Я до сих пор сомневаюсь, но новый противный треск и очередная порция камнепада заставляют принять решение. Единственно верное, потому что если мы не поторопимся — нас просто завалит здесь, словно мышей в западне!

Цепляясь за шипы на крыле, карабкаюсь вверх.

Это почти несложно, если бы только земля под ногами не тряслась так сильно, а камни не продолжали валиться нам на головы, как будто кто-то нарочно решил позабавиться над двумя беглецами.

Кое-как усаживаюсь «верхом», если так можно выразиться, потому что, чтобы сидеть на драконе, как на лошади, мне нужно и самой увеличиться в размерах во столько раз, сколько я вряд ли смогу сосчитать. Я разве что могу кое-как упереть пятки в выступающие ороговелые наросты у него на боках, и изо всех сил вцепиться руками в длинные хрящевидные отростки на шее моего «коня», очень отдалённо напоминающие гриву.

Ну и что дальше? Нужно понукать его, как лошадь?

Но я не успеваю решить эту проблему, потому что вместе с очередной порцией грохота, одна из пологих стен пещеры буквально трещит по швам. Длинная, похожая на молнию трещина, рассекает ее надвое до самого пола. Широкие заломы трещин стремительно разбегаются в стороны и то, что мгновение назад казалось нерушимым и вечным, буквально у меня на глазах разваливается на куски. Дракон

подо мной низко рычит и прижимает голову к земле, разворачиваясь так, чтобы в случае чего — отбиваться гирей на хвосте. Может, она для этого и была нужна? Как оружие, а вовсе не как пыточное приспособление?

В облаке пыли рухнувшей стены, появляется грозный силуэт.

С рогами.

И много мелких точек за ее спиной.

Протяжный устрашающий рык дракона, на котором она сидит, заставляет мои поджилки натянуться сперва от страха, а потом от отчаяния. Да, конечно, мой новый «друг» после того, как подпитался моей Тьмой, выглядит бодрее и сильнее, но на фоне громадины, которая своей тушей буквально раскалывает остатки пещеры, он выглядит просто маленьким беспомощным зверьком. Даже если из всех сил шипит и будет биться за меня до последнего.

— Непослушная девчонка, — ядовито шипит Владычица, и в глубине души я несказанно рада, что мне не хотелось и не придется называть ее «бабушкой». — Ты... очень не вовремя решила сбежать.

Как будто для того, чтобы вернуть себя свободу, может быть какое-то особенное уникальное время.

— Я уйду, — отвечаю ей и пытаюсь одновременно дать мысленный приказ дракону взлетать. Ну а как еще мне с ним управляться? С зелеными змеями же получилось, а раз все здесь — часть роя, то и мой дракон должен «запускаться» примерно так же.

— Нет! — рявкает Владычица, и громадный ящер под ней делает резкий выпад вперед.

Огромные челюсти как будто вот-вот перекусят шею моего дракона, но он невероятно ловко уворачивается от внезапной атаки и даже успевает замахнуться хвостом, но удар гири не достигает цели. Вместо этого шипастый шар врезается в стену, выбивая оттуда щедрую порцию каменного крошева. Часть попадает и на Владычицу, хотя вряд ли хоть что один способен причинить вред каменной чешуе, покрывающей ее тело.

Владычица презрительно морщится и щелчком стряхивает с плеча невидимую песчинку.

Как будто собирается сказать очередную порцию гадостей в адрес моей непокорности, но гул сверху становится все громче и теперь нам

пришлось бы кричать друг другу, чтобы расслышать в нем хотя бы обрывки слов.

Она запрокидывает голову, яростно скалится и я замечаю оттенки отчаяния в тех непонятных словах, которые она рычит туда, вверх.

Значит, все, что происходит — это не ее рук дело?

Как ответ на все мои вопросы, я только теперь замечаю, что остатки стен пещеры как будто начали жить своей жизнью и стремительно взбираются все выше и выше. Лишь присмотревшись соображаю, что это никакие не стены, а куча порождений Бездны, которые, карабкаясь друг по другу, стремятся туда, где что-то — или кто-то? — создает этот странный гул.

— Ты нужна мне прямо сейчас! — прерывает мои размышление Владычица, и снова направляет дракона на нас с Малышом.

Буду назвать его так.

Плачущий, я пару минут как вообще обзавелась ручным драконом, но уже придумала ему имя. Наверное, чтобы не так одиноко было погибать. В конце концов, компания Малыша куда приятнее компании безымянной ящерицы!

Но дракон под Владычицей как будто в ступоре.

Он странно, почти заторможено, перебирает лапами и топчется на месте. Она стегает его, с силой вонзает в бока пятки с заметными роговыми шпорами, но он все равно мотает головой и не подчиняется.

И я, вдруг, тоже чувствую... это.

Ощущение, как будто в этой рое появилась другая королева. И она призывает своих воинов прийти к ней туда, вверх.

В мир живых.

Я трясусь головой и легкий морок, больше похожий на пелену тревожного сна, тут же рассеивается.

Владычица же как будто тоже поддается этому зову, заторможено, покачиваясь, идет вперед, но мимо меня, собираясь вслед за своими приспешниками тоже карабкаться вверх. Но химер появляется вовремя и буквально силой оттаскивает ее обратно.

— Нет, госпожа! Нет! Не поддавайся!

У него так много отчаяния в голосе, словно от этого зависит его собственная жизнь.

Плачущий, я должна сбежать от всего этого, пока еще окончательно не помешалась рассудком, и пока меня точно так же не

окутал странный морок.

— Ты не имеешь права! — орет мне в спину химер, когда Малыш распахивает крылья и делает пару пробных взмахов. Каким-то образом мы с ним и химер не поддаемся влиянию морока. Возможно, потому что мы с Сайфером не совсем до конца создания Хаоса? А мой дракон — в некоторой степени теперь часть меня самой? — Ты должна исполнить то, ради чего тебя родили на свет!

Звучит так, словно я — создание без собственной воли и чувств, и мой удел — покорной овцой пойти на заклятие.

Все мое нутро кричит об обратном.

И еще о том, что раз я появилась на свет вот такая, значит, так было угодно всем богам.

— Если ты вернешься к людям, Эвин исполнит задуманное! — не успокаивается химер. Он наверняка уже давно схватил бы меня или опутал очередными чарами лабиринта, но ему приходится тратить все силы, чтобы удерживать владычицу, которая становится все более одержимой желанием карабкаться вверх. — Там тебя ждет только смерть!

— Как и здесь, — бормочу себе под нос, вздрагивая от образа странного монстра, которым, слившись о мной, должна была стать Владычица.

— Тебе все равно не уйти от этого...!

Он кричит еще что-то, но Малыш легко отрывается от пола, и за считанные мгновения взлетает так высоко, что и химер, и его вырывающаяся «добыча» превращаются в две точки, которые окончательно исчезают из виду, стоит нам подняться за пепельные тучи.

И выше, туда, где в разломе земли виднеется желанный путь наружу, из Бездны обратно в мир живых.

Вот только чем ближе к выходу, тем ярче я чувствую сотни голосов где-то как будто внутри меня самой. Стоны, крики, плачь и вопли. На все голоса, ужасными завываниями. На языке Бездны, который я едва ли могу разобрать, но в этом нет необходимости, потому что я чувствую только одну эмоцию, сосредоточенную в каждом «голосе».

Это отчаяние.

Огромное, всепоглощающее отчаяние, от которого темнеет в глазах и болит в груди.

Но когда мы с драконом, наконец, вырываемся из разлома на свободу, на минуту я теряю способность дышать из-за творящегося вокруг ужаса.

С высоты, на которой мы парим, хорошо виден оттиск огромной рунического круга, который как будто держит в себе трещину — вход в Бездну. Я никогда не видела ни это место, ни навечно закрывшую его печать, но уверена, что это — она. То самое, что однажды создал далекий предок Эвина, чтобы навсегда запереть созданий Тьмы в их собственном мире.

Но теперь Печать разрушается прямо у меня на глазах.

И виной этому не землетрясения и не стихии, хотя вряд ли бы они могли хоть как-то нарушить древний могущественный ритуал.

Ее разламывают — почти буквально — огромные металлические конструкции.

Механиусы.

Те самые, которые были созданы по приказу Эвина и должны были служить лишь на благо защиты Артании.

Очень вряд ли, что Эвин сошел с ума и собственными руками решил похоронить покой своей страны, за который сам же чуть ли не ежедневно обнажает меч вместе с другими воинами в своей армии.

Значит... Эвина предали?

И, похоже, не его одного, потому что всех демоны, которые выползают наружу, другие механикусы тут же загоняют в громадные кованые клетки, и как ужасные шипящие и воющие гроздья, цепляют к гондолам летающих кораблей, которые стройными рядами уносят куда-то свой страшный груз.

Кто-то предал Эвина, и заставил лучшую и самую сильную — непобедимую! — часть его армии, обернуться против него.

Кто-то разламывает Печать и заставляет мой народ идти на заманчивый зов, чтобы потом сажать в клетки и... что? Заставлять делать то, что прикажет этот «невидимка»?

Воздушные лорды? Иначе зачем бы рисковать своей единственной ценностью — своими кораблями?

Это все как-то связано с герцогиней.

А значит, я должна хотя бы попытаться достать ее первой.

Нужно лететь в Горностаевый приют, и молить Плачущего, чтобы по какой-то причине она была там.

Потому что все это очень похоже на спланированную и развязанную ее рукой войну.

Глава шестьдесят четвертая: Сиротка

Но добраться до Горностаевого приюта все равно оказывается не так просто.

Даже по воздуху.

Точнее — тем более по воздуху, потому что небо буквально заполонили летающие корабли. Некоторые таких огромные размеров, что в несколько раз превосходят дракона, на котором летала Владычица. Нам с Малышом приходится буквально взбираться за облака, чтобы теряться и путать следы в густых сизых тучах, из которых как будто вот-вот хлынет дождь. Только почему-то пахнут они не предвестником ливня, а предвестником бури, которой ничего не стоит выжечь целые города.

У меня самое неприятное предчувствие, какое только может быть.

И дело даже не в том, что мир как будто совсем переменялся, и теперь не понятно, где Тьма, а где — Свет.

Дракон делает крутое пике, и я не падаю только потому, что с самого первого момента, как взобралась ему на спину, держусь в «гриву» из последних сил. Даже если ноги изредка теряют опору и предательски скользят по гладкое чешуе. Мы стремительно влетаем в густое темное облако, где едва вообще возможно дышать. Здесь противно воняет тяжелым газами, как будто кто-то сверху накачивает небо горючими смесями.

— Смерти моей хочешь? — шепчу скорее одними губами, и Малыш трясет головой, удерживаясь в воздухе в невесомом парении.

Он слегка косит вправо, и я медленно поворачиваю голову, затылком чувствуя, что не увижу там ничего обнадеживающего.

В газовом облаке что-то есть.

Что-то настолько огромное, что в дырах рваных облаков мелькают лишь тяжелые черные пластины, покатые, словно ими обито брюхо древнего Левиафана, о котором я читала только в легендах о сотворении мира. Что бы там ни было — оно огромное, колоссальное.

Я даже не хочу представлять его размеры, но судьба решает за нас, потому что впереди появляется небольшой просвет и громадина вальяжно, как хозяин неба, всплывает туда всей своей «тушей», красуясь в лучах невыносимо красного закатного солнца.

Если это и летающий корабль, то он просто... ужасен.

Черный, с длинными колоннами дымящих труб, высокими черными парусами, часть которых покрыта красными витиеватыми крестами, пронзенными тремя мечами. Я уже видела такой. Кажется, в одной из Хроник, которые читала в монастыре, была гравюра о первом сражении с Вольными народами поднебесья. У одного, самого отчаянного капитана, был такой же крест на флаге, но с одним мечом. К концу битвы его флаг был весь в дырах, но храбрый капитан все равно не сдался и даже когда падал, направил свой корабль на арию Артании.

Кажется, в Хрониках было написано, что с тех пор этот герб стал символом непримиримой борьбы Свободных Лордов.

И если это так, то падение этого корабля, увешанного огромными шарами, способно запросто стереть с лица земли сразу всю столицу.

Дракон снова делает крен, на этот раз — в противоположную сторону, и я снова мысленно показываю ему место, куда нам нужно попасть. Никак иначе мне это не сделать, потому что те два раза, когда меня привозили и забрали из Горностаевого приюта, это было через Врата, и все, что я могу «показать» — пики роскошного замка, зеленые рощи и высокие снежные пики золотоносных гор.

Но, проходит совсем немного времени, и вереди я вижу именно этот пейзаж — и те же рощи, и те же горы. И золоченые пики замка, которые покрылись закатным багрянцем. Я приказываю дракону лететь ниже, и он послушно опускается на подходящую высоту.

Я даже толком не успеваю порадоваться, что хотя бы на этот раз все прошло без непонятных происшествий, потому что замечаю на дороге, ведущей к главным замковым воротам длинную процессию крепко вооруженных людей. Их не меньше пары сотен, но все они точно не из армии Эвина. Я вообще не вижу никаких знамен.

Мы с Малышком спускаемся еще ниже, и мой дракон послушно парит, чтобы не привлекать внимание шумными взмахами крыльев. Хотя, если кому-то придет в голову посмотреть вверх — нас сразу разоблачат.

Кажется, самое время узнать, может ли мой маленький боевой «конь» плеваться огнем. Ну или выкидывать какие-то другие кульбиты.

Впереди процессии, сразу за первой парой всадников, тяжеловозы тянут крепкую железную клетку, внутри которой точно кто-то есть — я хорошо вижу прикованные к решеткам и распяты в разные стороны руки.

Наверное, это очень важный пленник, раз его, даже скованного, везут под таким конвоем.

Плачущий помощи...

Я вспоминаю нашу с герцогиней «последнюю» встречу. Рэйвена, склоненного над ней. И клинок, который она вонзила в него недрогнувшей рукой.

Это он?! Мой непутевый герцог?!

Дракон пикирует вниз до того, как я успеваю отдать мысленный приказ.

Я держусь из последних сил, и даже почти не удивляюсь, когда почти на самом подлете к земле, из его пасти вырывается шар трескучего черного пламени. Мой Малыш совсем не так прост!

Тьма врезается в ровный строй, и расшвыривает людей в разные стороны, словно беспомощных жуков, заодно отрывая руки и ноги. Тем, которые были в самом центре, не повезло больше всего — они, как капли воды, просто мгновенно испаряются, даже не успев осознать боль, и оставляя после себя смазанные следы на земле.

Прежде чем приземлится, мой дракон ударом гири успевает смахнуть еще десяток солдат.

Неожиданность — наше главное преимущество. И аура страха, заставляющая воинов, побросав оружие, хвататься за головы и орать от ужаса.

Наверное, если бы во мне самой не было Тьмы, я бы тоже грохнулась в обморок, когда впервые собственными глазами увидела живых драконов.

Когда я спрыгиваю на землю и очертя голову несусь к клетке, мой большой «маленький» помощник успевает прикрыть меня крылом от парочки летящих мне в спину арбалетных болтов. И тут же изрыгает новое облако Тьмы, избавляясь от большей части оставшихся в живых воинов. Выжившие бросаются врассыпную, и я не могу не признать,

что послевкусие их паники и ужаса приятно щекочет мою жажду крови.

Клетка уже совсем рядом.

Я едва не падаю, носком зацепившись за обугленный скелет, но как-то собираюсь и удерживаю равновесие.

Еще буквально пара шагов.

Плачущий, ни о чем тебя больше не прошу, но пусть он будет жив!

А за предательство и то, что он сделал... я лучше сама ему оторву голову!

Клетка валяется на полу, потому что лошади сорвались с оглобли и сбежали куда-то вслед за недобитками пока что безымянной армии.

Приходится встать на колени, чтобы перехватить тонкие изодранные пальцы, торчащие сквозь прутья решётки. Но...

— Это не Рэйвен, — рассеянно говорю себе под нос, потому что у моего несносного герцога крепче руки и суше пальцы.

И волосы иссиня-черные, а у пленника они, хоть и грязные, и всклокоченные, но белые, словно ранний зимний снег.

Он медленно, не издавая ни единого звука, поднимает голову. Обескровленные, разбитые губы искривляет почти рассеянная ухмылка.

— Ты была последним человеком, кого бы я заподозрил в своем спасении, — хрипло говорит Эвин Скай-Ринг, и снова обессиленно роняет голову, упираясь подбородком в грудь.

Я инстинктивно одергиваю руку, но он даже не пытается меня удержать. Его ладонь беспомощно болтается в кованном стальном наручнике.

Этот человек, если бы его план осуществился, собирался принести меня в жертву для исполнения своих замыслов. Я была нужна ему, чтобы повелевать Бездной, чтобы стать голосом улья и превратить мой народ в своих послушных марионеток.

Как теперь делают проклятые Воздушные Лорды, чтоб их тьма разорвала!

— Так сделай это, — уж не поднимая головы, хрипит Эвин.

Я что — снова думала вслух?

— На твоём месте, сиротка, — звучит как издевательство, — я бы так и сделал.

— Мне это прекрасно известно, Ваше Величество. — Как-то само получается, что его титул в моем «исполнении» звучит как отборное ругательство, и я мысленно прошу Плачущего заодно простить мне и это неуместное злорадство. — Но вы правы в одном, ваше Величество — я была бы последним человеком, кто в здравом рассудке решил бы протянуть вам руку помощи.

Мой дракон вертится рядом, и я приказываю ему сломать прутья.

Они очень толстые и крепкие, но одного удара лапы хватает, чтобы они разошлись в стороны, как дольки перезревшего апельсина. Цепь рвется как сухая травинка, и Эвин вываливается из клетки прямо мне на руки.

У него изодрано лицо, сломан нос, волосы на затылке сбились в колтуны засохшей крови. Он наверняка очень за дорого «продал» свою свободу. Но даже у королей-долгожителей силы всегда конечны, и у них всего лишь одна жизнь, как и у всех простых смертных.

— Но ты вытащила меня из клетки, — Эвин закашливается, — что странно.

— Ничего странного, Ваше Величество. — Верчу перед его носом своей изуродованной Тьмой рукой. — Просто я уже не человек.

Он как будто только сейчас замечает и нечеловеческие когти, и шипы, которые растут у меня из-под кожи. Хотя, конечно, для него это не новость. Эвин не выглядит удивленным, он скорее недоумевает, что все это случилось до того, как он распорядился. Хотя бы за эту искренность его стоит уважать.

— Отлично выглядишь, — прокашлявшись кровавой слюной, говорит он, и даже пытается подмигнуть как заигрывающий юноша. — Кажешься воинственной.

— А чувствую себя скорее мертвой, чем живой.

— Говоришь словами моего верного палача, — ухмыляется Эвин.

— Рэйвен... — Я боюсь произнести это вслух, как будто у слов может быть какое-то коварное значение, и стоит их сказать — все мои страхи непременно тут же исполнятся. — Он...

— Бездна, да скажи уже.

Эвин пытается встать, но в таком состоянии он беспомощнее младенца, так что приходится переложить его на землю, чтобы осмотреть. Кажется, у него как минимум парочка крупных кровоточащих ран, и он жив только потому, что все Скай-Ринги —

люди особенной крови и особенного крепкого здоровья. Будь на его месте простой смертный — Мертвый бог уже давно прибрал бы несчастного к рукам.

— Герцог Нокс — в порядке? — Ну вот, Тиль, ты это сказала, и ничего не случилось. Горы не пустились по ветру вслед за облаками, а твое сердце все еще бьется, хотя до ответа Эвина вряд ли это так уж важно. — Когда мы виделись в последний раз, он... был весьма озадачен одной... гмм...

Я так и не нахожу в себе сил закончить фразу.

Мы как будто все знаем друг о друге, но пока слова о предательстве не сказаны вслух, это как будто игра. Мало ли кем он меня считал, в самом деле. Да и я, кстати говоря, могу быть герцогиней, только какой-то другой, но очень похожей.

Эвин хочет ответить, но корчится от боли, когда задираю его сорочку, чтобы осмотреть рану, которая насквозь пропитала ткань кровью.

Плачущий, у него там просто огромная рваная дыра!

— Ты побледнела, — заплетающимся языком, бормочет Эвин, и его ресницы слабо дрожат, пока он пытается удержать глаза открытыми. — Значит, дело дрянь.

— Не для Скай-Ринга, — не теряюсь я, потому что наставница Тамзина учила никогда не отбирать надежду на жизнь даже у того, кто одной ногой уже стоит в могиле. На самом деле, мне приходилось видеть живыми тех, кто, казалось, уже не выкарабкается. Но Эвин жив действительно только благодаря чуду. — Вам очень повезло, что я здесь.

— Потому что ты быстренько сведёшь со мной счеты и не дашь умереть долгой мучительной смертью?

— Как для короля целой Артании, Ваше Величество, вам следовало бы поработать над чувством юмора.

Я осматриваюсь в поисках хотя бы чего-то, что могло бы пригодиться на бинты. Неподалеку валяется пустая и обугленная кираса, внутри которой осталась одежда. Не хочу думать, что ее хозяин в одну минуту превратился в горсть пепла. Кем бы ни были те воины, они схватили и пытали короля Артании, а значит, вряд ли заслуживали справедливого суда.

С горем пополам получается оборвать ткань на две полосы, и кое-как перевязать Эвина.

Он кусает губы в кровь, но стоически терпит, лишь раз скрипнув зубами так громко, что у меня глаз дергается.

— Вот, теперь вы проживете еще... ммм... какое-то время. — Я отряхиваю руки, стараясь напустить беззаботный вид, потому что Эвин так и не ответил на мой вопрос. Может, не хочет меня расстраивать? Но если так, то... ему известно, что Нокс был для меня...

— ... особенным человеком, да да да, — ворчит Эвин, и на этот раз я все-таки стучу себя по голове. — Если вы планируете стать женой моего лучшего генерала, то мой вам совет — избавьтесь от привычки думать вслух. Иначе мне придется выгнать Рэйвена с заседаний Тайного совета, чтобы его жена случайно не разболтала своей кухарке все королевские интриги. А без иронии Нокса эти занудные разговоры состарят меня раньше времени.

Я так растеряна от его слов, что не знаю, что мне делать.

Радоваться, что мой несносный герцог все-таки жив?!

Делать вид, что я не понимаю, о каком замужестве между мной и Рэйвеном может идти речь?

— Я знаю Нокса всю свою жизнь, Матильда. Или...? — Он все-таки приподнимает бровь, как будто интересуется, стоит ли называть меня другим именем.

Молча киваю, и продолжаю осматривать остальные его раны. Как ни странно — они как будто сами немного затянулись. Но кто их этих Скай-Рингов знает, что еще за чудеса достались им вместе с кровью Первых и долгожительством?

— Так вот, Матильда. — Он проваливает еще одну попытку встать, но принимает мою помощь, когда оттаскиваю его к перевернутой клетке и помогаю сесть, облокотившись на стальные прутья. — Я видел своего Нокса почтидохлым, почти озверевшим, почти унылым и безусловно пьяным до невозможности. Но ни разу за все эти годы я не видела его оболваненным любовью.

— Звучит как будто его срочно нужно спасать, — не могу удержаться от едкого словца.

— Ну, учитывая ваше происхождение, то я бы сказал, что словно «спасать» в этом случае — самое уместное.

— Прежде чем продолжить, Ваше Величество, прошу зафиксировать в вашем обвинительном протоколе, что я трижды спасала жизнь вашему верному генералу! А сейчас, кстати говоря, вдобавок спасаю еще и вашу. С оглядкой на некоторые ваши планы на мою персону, смею предположить, что в протокол так же следует занести и мое великодушие, и ангельское терпение!

Эвин пытается сохранить серьезное лицо, но в конце концов смех берет над ним верх, и он хихикает как мальчишка, охая и постанывая, и придерживая рукой перевязанную дыру в боку.

— Право слово, Матильда, если бы вашу энергию зарядить в пушки моей армии — Артания стала бы непобедимой!

— Обращайтесь, Ваше Величество, готова верой и правдой послужить своей стране.

— Когда я видел Нокса в последний раз, он валялся в лазарете, весь забинтованный, как мумия, но вполне живой. И если только он не ослушался моего приказа и не отправился искать неприятности на свой неугомонный зад, то...

Эвина перебивает выразительней невидимый толчок, как будто кто-то щедро плеснул в нас обоих сквозняком. Я подаюсь вперед, прикрывая его собой, потому что даже у меня — здоровой — трещат кости и ноют поджилки, когда в паре метров за моей спиной открываются Врата. От силы вибрации сводит зубы, и от этих толков рану Эвина может просто вывернуть наружу! И никакая кровь первых ему не поможет!

Я из последних сил обхватываю его руками, почти не думая о том, что могу поранить своими шипами его и без того изодранную спину.

Несколько как будто бесконечных мгновений — и все стихает так же стремительно, как и началось. Мне нужна еще минута, чтобы осмотреть Эвина и убедиться, что он цел. А только потом до меня доходит, что в прохладной и какой-то слишком мертвой тишине настойчиво слышен низкий рык моего дракона.

И голос того, кто, очевидно, заставил моего верного маленького друга, встать на защиту моей спины.

— Какая идиллия, — узнаю знакомые нотки почти убийственно ядовитого сарказма. — Кажется, я появился как раз вовремя, чтобы напомнить счастливым влюбленным, что прежде чем обниматься и

поливать друг друга розовыми слезами счастья, хорошо бы для начала разобраться с государственными делами первостепенной важности!

Мы с королем смотрим друг на друга и его губы шепчут:

— А вот и мой верный генерал. Злой как Бездна.

Злой?

Это кто еще тут злой!

Глава шестьдесят пятая: Сиротка

У Нокса есть одна поразительная способность, о которой я обязательно подумаю потом, если мы выберемся из всей этой передраги, придумаем, как остановить армию Воздушных Лордов и останемся живы в конце всего этого.

Называется эта способность очень длинно, почти хрестоматийно. Так и вижу этот заголовок в каком-нибудь толстом томе, ведущим жизнеописание всех его прадедов, дедов и потомков: «Как быть тем, кому желают смерти, когда он здоров, и как быть тем, кого вытаскивают с того света, когда он почти мертв?»

Минуты не прошло, как я чуть не рыдала от счастья, зная, что он все-таки жив и здоров, а теперь все мое нутро желает, чтобы несносный герцог провалился сквозь землю вместе со своими скабресными шуточками!

Зол он, ишь!

Смотрите все — явился не за...

— Тиль, ненаглядная наша милосердная душа, может, прекратишь обнимать своего бесценного жениха и прикажешь своей псине перестать на меня шипеть?!

Ироничный голос Рэйвена буквально на глазах возвращающий мое желание врезать ему чем-нибудь тяжелым промеж глаз. Вот хоть бы тем ржавым замком, который валяется рядом с клеткой. Знатный синяк получится! Как говорила настоятельница в монастыре: «Прекрасного нездорового сине-зеленого цвета!

— Он в бешенстве, — продолжает рассуждать Эвин.

— Какая жалость, — шиплю себе под нос и, убедившись, что король не собирается отдать богам душу, отпускаю его, чтобы подняться на ноги и, наконец, взглянуть на Нокса.

Первое, на что я обращаю внимание — он очень бледный, но на щеках лежит нездоровый алый румянец, как будто у него тяжелая

предсмертная лихорадка! И глаза вместо черных отблескивают алым. И еще чем-то бесцветным, но очень угрожающим.

И второе — это его ноша, переброшенная через плечо как тюк. Хотя судя по торчащим пяткам в грязных ботинках — это никакой не тюк, а человек. То есть — женщина, потому что ее длинные спутанные волосы болтаются за спиной Нокса, как грязная ветошь.

— Ваша невеста, Нокс? — не могу удержаться от едкого словца. — Хорошо смотрите.

— Ели это та, о ком я думаю... — вклинивается Эвин, но герцог успевает ответить первым.

— Тиль, давайте-ка я вас познакомлю, пока вы, со свойственным вам обыкновением, не сделали очередную порцию бестолковых выводов обо мне и табунах женщин, которых я якобы наперегонки тащу под венец.

Он неласково сбрасывает свою ношу на землю, и когда она откидывает от лица руку, я непроизвольно морщусь, потому что эта женщина выглядит действительно безобразной. Хотя она определенно молода — моя ровесница. У нее искривленный нос, щербатые зубы, выпученные, горящие безумием глаза.

— У вас дурной вкус, Рэйвен, — говорю немного оторопело.

— Полагаете? — Он топорно корчит удивление, а потом снова зыркает на меня недобрым взглядом.

— Уверена, — закрепляю свое мнение, и почему-то чувствую скрытый во всем этом подвох. Кого еще Рэйвен мог притащить в Горностаевый приют, да еще и в таком безобразном состоянии? Он, конечно, та еще заноза в причинном месте, но никогда не замечала за ним настолько отвратительного отношения к женщинам. Значит, эта...

— Герцогиня Матильда Лу'На, — опережает меня Нокс. — Собственной персоной, без масок и маскарада.

Я невольно осеняю себя охранным знаком, и тут же резко завожу руки за спину, скрещивая свои изуродованные Тьмой пальцы. Наверное, лучше не гневить Плачущего, молясь ему вот в таком... гммм... виде.

— Хаос меня задери, — слышу выразительную ругань Его Величества. — Ну и зачем ты притащил сюда эту морь?

— Предполагалось, что ты попал в беду и я не придумал ничего лучше, кроме как найти то, что можно было бы обменять на твою

недобитую задницу, — сарказмирует герцог.

Да о чем они вообще?

— Спасибо, Рэйв, — замечаю попытку Эвина отвесить шутовской поклон, но он все еще слишком слаб даже для таких реверансов, — но ты стареешь, мой друг. И уже в который раз приходишь с опозданием. Меня, как видишь, уже выручили.

Нокс, прищелкивая языком, осматривается, кивает каким-то своим мыслям, когда натывается взглядом на остатки брони, выглядящей так, словно ее прибили кузнечным молотом. Потом снова смотрит на моего «друга». Кажется, он вот ни грамма не удивлен тем, что за время, пока мы не виделись, я успела обзавестись собственным драконом. Даже немного обидно, потому что, хоть у меня и не было времени как следует над этим подумать, где-то в моих девичьих мечтах он должен был как минимум восхититься тем, насколько сильной я могу быть. А не кривить рот в этих своих ухмылочках, словно я приволокла домой хромого щенка!

— Твоя невеста, Эвин, просто подарок судьбы, — наконец, изрекает Его Светлость, но останавливает взгляд на мне, особенно засматриваясь на руки, которые я отчаянно прячу за спиной. Не хочу, чтобы видел меня вот такой. Уже не человеком, но еще — хвала Плачущему — пока и не Тьмой.

— Его невеста валяется у вас в ногах, Нокс! — вздергиваю подбородок. — А я всего-навсегда сирота, которую один из вас собирался принести в жертву, а другой...

Я обрываю себя на полуслове и хмуро смотрю на Нокса.

— Если вдруг ты сейчас подумала скормить меня своему щенку, то вряд ли я дамся без боя, — говорит он.

— Это была бы слишком просто, — огрызаюсь я. — За все, что вы сделали, Нокс, я постараюсь придумать для вас самую изощренную пытку, какую только можно придумать!

Он вдруг делает резкий шаг ко мне, и грубо, как будто у него напрочь отсутствует страх, отпихивает морду дракона, который пытается встать на мою защиту. А когда Малыш рычит и угрожающе распахивает челюсти, я мысленно приказываю ему отступить.

— То есть, моя маленькая монашка, — Нокс нависает надо мной всей своей долговязой тушей, — вот это вот, — тычет пальцем сначала

в Эвина, потом — в меня, — тоже была пытка? Чем же? Горючими слезами? Признаниями? А, может...

Я забываю, что стесняюсь своих когтистых лап.

Потому что все эти намеки... Они жалят так больно, что хотя бы часть этой боли я должна вернуть Ноксу, и чем скорее — тем лучше!

На этот раз он почему-то не перехватывает мою занесенную для пощечины ладонь, хотя наверняка угадывает ее. Возможно даже до того, как я сама понимаю, что собираюсь хорошенько отхлестать его по наглой роже! Раз уж он жив и, очевидно, достаточно бодр, раз успевает сочинять для меня все эти нелепицы, то парочка крепких «лещей» точно переживет.

От звона пощечины у меня закладывает уши, а у Нокса, чтоб ему пусто было, даже голова не дергается!

Он только немного водит челюстью, и потирает мигмом покрасневшую кожу, вдобавок «украшенную» парочкой царапин от моих когтей.

— Это я заслужил, — говорит, подумав, но если во всем этом и есть хоть капля сожаления — она слишком хорошо замаскирована.

Я даю еще одну пощечину — по другой щеке.

И на этот раз подбородок герцога все-таки немного уходит в сторону.

— И это тоже, — скрипит зубами Нокс.

Эвин сзади давится то ли хрипом, то ли смехом.

— Кажется, ты первая женщина, которая дважды безнаказанно побила рожу моему генералу.

Глава шестьдесят шестая: Герцог

Мне нужны эти оплеухи — чего уж скрывать.

Нужно отметить — очень крепкие оплеухи, потому что, хоть и сделаны маленькой и тонкой рукой моей монашенки, на самом деле заодно сделаны и Тьмой. Которая, как я теперь вижу, окончательно себя проявила.

Меня это должно коробить до глубины моей испорченной души. Я же не абы кто, а целый главный Инквизитор Его Величества, цепной пес, который вынюхивает таких, как она, заковывает их в цепи, сам судит и сам казнит.

Но, как бы дико и порочно это не звучало, мне нравится моя новая Тиль. Этот ее боевой дух и желание непременно хотя бы что-то взять в свои когтистые руки, и желательнее исправить. Не важно, что она вряд ли имеет хотя бы какое-то представление, как именно можно исправить творящуюся вокруг вакханалию — она просто не собирается сидеть на месте.

И даже привела для этого саблезубого монстра, который продолжает коситься на меня как на окорок.

Но ничего из этого не отменяет того факта, что я застаю ее обнимающей Эвина!

Обнимающей так, словно она готова грудью закрыть его от любой беды. Ну и заодно утешить умирающего Воина Света. Утешить так, как должна утешать невеста своего нареченного жениха!

Я не испепелил влюбленную парочку только потому, что был вымучен переходом через Врата и мои руки были заняты телом герцогини. Даже если бы дракон моей сердобольной монашки потом меня испепелил — это уже не имело бы никакого значения.

— А вот это уже лишнее, Тиль! — рываю я, успеваю перехватить ее руку, когда она входит в раж и, очевидно, собирается и дальше безнаказанно хлестать меня по роже.

— Ты... мерзкий, гадкий... ты...! — Она бледнеет, и я отчетливо вижу, как вены под ее кожей наполняются чернеют, наполняясь Тьмой.

А потом она внезапно цепенеет. Просто останавливается, не пытаясь вырваться или лягнуть меня коленкой. Смотрит мне в глаза прямо и твердо, и как бы я не храбрился, мне от этого взгляда как-то совсем не по себе. От него противно щекочет где-то пониже спины, и хочется встряхнуть свою малышку, чтобы перестала изображать из себя мою собственную внезапно восставшую из могилы Совесть.

Не к добру этот взгляд.

Ей есть за что меня ненавидеть и за что посыпать мою голову отборными проклятиями, но не целый вот такой холодный взгляд в упор, я как будто...

— Ты убил ее, — произносит Тиль. Тихо, четко, без ненависти, но с такой болью, что мои пальцы на ее запястьях разжимаются сами собой. — Ты убил Л'лалиэль.

Если бы слова могли ранить, я был бы уже в решето и дохлый истекал кровью.

Прошлое, от которого я бегал столько лет, вот так внезапно застало меня врасплох, хоть я и знал, что рано или поздно придется заплатить по всем счетам. И у меня ни разу не было иллюзий на счет того, что плата будет самой высокой. Заслуженно высокой.

Я делаю шаг назад, наступаю на какую-то железную дрянь на земле, и она со скрипом гнется, на минуту превращая тишину в пытку для ушей.

Но... скрип не стихает.

Я должен готовиться встречать еще одну порцию заслуженной ненависти, но ни черта не могу поделаться со своими инстинктами, которые орут, что надо бы подумать о деле, а уже потом с гордой постной рожей идти на плаху ошибок прошлого.

— Это еще что такое? — слышу взволнованный голос Эвина, когда он, так же как и я, задирает голову вверх.

Там что-то есть, высоко за облаками, которые как будто нарочно нагнали со всей Артании.

Герцогиня на земле оживленно шевелится, если, конечно, так можно сказать о ее попытке освободить руки из веревки. Слабые и никчемные попытки, но дело не в них, а в том, что она тоже слышит этот скрип, и он, в отличие от нас с Эвином, заставляет ее воодушевиться.

Значит, нам это, чем бы оно ни было, не сулит ничего хорошего.

— Рэйвен, послушай! — Тиль, забыв о том, что минуту назад собиралась предать меня всем мыслимым и немыслимым пыткам, сжимает пальцы у меня на локте. — Я видела кое-что! Это нужно остановить! Сейчас! Здесь! Потому что...

Она быстрой, но на удивление внятной скороговоркой рассказывает о сломанной Печати, о механикусах, которые хватают демонов и тащат их на корабли Воздушных Лордов. И в конце о какой-то громадине, которая летит в сторону столицы. Я задаю пару наводящих вопросов о том, как эта громадина выглядит, и девчонка быстро на них отвечает, правда, теперь нам приходится перейти на крик, потому что шум становится сильнее.

— Это Ярость, — мрачно озвучиваю свои подозрения. Возможно, не все детали из описания совпадают, но я видел эту штуку много лет назад, и тогда она была только в «зародыше» — один деревянный каркас и огромные, наполовину обвисшие паруса.

Тогда Эвин разделался с Воздушными Лордами, а заодно избавился от герцога, чье рожи были самым идеальным источником древесины, чтобы построить такую громадину. При ее габаритах, с учетом смертоносного груза, Ярость бы просто не взлетела, если бы ее сколотили из тех пород дерева, которые растут на Летающих островах.

Но, похоже, на этот раз все получилось.

— Проклятье, — шипит Эвин — еще один невольный слушатель рассказа Тиль. — Чтоб меня Бездна... гмм...

Он косится на монашку и придерживает ругательства при себе.

И все-таки, кое-как, цепляясь за прутья клетки, встает на ноги. Еще шатается, но держится вертикально, что уже неплохо. Тиль поворачивает голову, но я предотвращаю ее попытку сделать шаг, чтобы ему помочь.

— Не надо, — говорю скорее одними губами. — Не забывай, что он все еще — Его Величество Эвин Скай-Ринг, а не побитая собачонка, которой нужно перебинтовать лапу.

На самом деле, Эвин действительно выглядит отвратно, но я точно помню парочку случаев, когда даже мой неугомонный оптимизм пасовал, глядя на его раны и вывернутые наружу, простите боги, кишки. Сейчас точно не все так трагично.

Тиль с недоверием поглядывает сначала на меня, потом — на мои пальцы, обернутые вокруг ее запястья. Хмурится, но не пытается избавиться от моей хватки. Я нарочно «цепляю» ее взгляд и сжимаю запястье еще увереннее. Знаю, о чем она думает.

И хоть сейчас совсем не время и не место, и я наверняка буду выглядеть оболваненным идиотом, но — кто знает? — сколько времени нам отведено?

Я медленно поднимаю ее исковерканную Тьмой руку, скольжу ладонь вниз, чтобы переплести наши пальцы. Странно, но даже почерневшая, покрытая ужасными наростами и с длинными когтями, ее ладонь все равно кажется маленькой и слабой.

— Нокс, что вы... — Тиль удивленно распахивает глаза, когда я подношу ее ладонь к своим губам и мягко целую выпирающие, острые костяшки пальцев.

— Рэйвен, — поправляю ее.

В грохоте и скрипе наши голоса теряются напрочь, но мы все равно слышим друг друга.

Романтичная чушь, но она все-таки случилась в моей жизни.

Глава шестьдесят седьмая: Герцог

— Это плохая идея, — слышу недовольный шепот Эвина нам с Тиль в спину, когда мы собираемся взобраться на ее дракона. — Мне она не нравится, Нокс.

— Есть запасной вариант? — переспрашиваю, не поворачивая головы.

То, что идея паршивая, я понял сразу, когда Тиль в двух словах описала летающую смерть. Сразу было ясно, что ее придется остановить здесь и именно нам, потому что, какой бы сильно ни была армия Эвина, в ней не было летающих кораблей и битву в воздухе мы бы проиграли еще до того, как вступили в нее.

А у Тиль — целый ручной дракон.

Это в любом случае лучше, чем летающий корабль, который все равно не смог бы подлететь незамеченным достаточно близко.

Пока она взбирается ему на спину, я держусь подальше, чтобы не дразнить зверюгу своим запахом. Вряд ли моя м аленькая отважная монашка даст ему меня сожрать, но кто знает, сколько и каких частей тела он успеет мне откусить, прежде чем она меня отобьет?

Храбриться и валять дурака, как будто мне все равно — единственная броня, которая у меня осталась, и добровольно я с ней не расстанусь.

— Я приведу армию, — говорит Эвин, но я впервые слышу отсутствие решимости в его голосе.

— Хорошая идея, — соглашаюсь я. — Тебе как раз нужно разобраться с армией, которая двигает на столицу от разломанной Печати. А заодно навести порядок среди своих генералов.

Я успел вкратце рассказать ему о предателях в Тайном Совете и даже покаяться в том, как позволил Ив обвести меня вокруг пальца. Мы с Эвином сошлись на мысли, что ее нужно брать первой, и что именно она в курсе всех оставшихся подводных камней.

— Вам не остановить эту громадину, — еще тише, уже почти шепотом, говорит Эвин. — Если они собрали кристаллы Игнаса...

— Они их собрали. — На этот счет у меня нет никаких сомнений. Иначе зачем рисковать быть раскрытыми и таскать громадный корабль так далеко?

В пустошах вокруг Печати полно Игниса — они растут прямо из земли, они выращены чистой энергией Хаоса, напитаны им до краев, и стоит этой энергии вспыхнуть — она разрушит все, что попадется на ее пути. Я видел, как крохотные кристаллы Игниса взрывали целые дома, запросто разносили в щепки тяжелые укрепленные стены. Одного большого кристалла хватит, чтобы погрузить в руины добрую часть столицы, а Ярость может нести гораздо больше этого смертельного груза.

Проблема только в том, что...

— Рэйвен? — Голос Тиль заставляет меня встрепенуться, поднять голову.

Она уже сидит верхом на своем летающем монстре и, решительно поджав губы, протягивает мне руку. Уверен, что летать на нем она явно не училась, но прям сейчас смотрится опытным всадником, которому ничего не стоит сделать крутое пике или камнем упасть вниз, чтобы взметнуться вверх уже почти у самой земли.

Я буду... черт, Бездна бы меня взяла, я бы много отдал, чтобы когда-нибудь увидеть, как она будет резвиться на этом чудовище высоко в облаках, и как будет возвращаться ко мне, пропахшая непролитым дождем и рассветным солнцем.

— Подстрахуй нас с земли, — бросаю через плечо Эвину, и кивком показываю на герцогиню, которую он как раз взваливает себе на плечо. — Зачем тебе это?

— Эта самозванка, ты хотел сказать? — Эвин подмигивает, и прихрамывая двигает в сторону Врат, которые я для него открыл. — Посажу в темницу, пусть посидит и подумает, как и при каких обстоятельствах пыталась выдать себя за герцогиню Лу'На.

Я знаю, что для Эвина это будет отличным выходом — не придется оправдываться, почему он, вместо того. Чтобы расправиться с дочерью предателя и защитить Артанию от еще одного переворота, разрешил ей вырасти и продолжить «дело» своего дохлого папаши. Все можно свернуть на самозванку, а Тиль займет место герцогини, и ни одна собака в королевстве не посмеет сказать, что она — вовсе не она.

— Позаботься о ней, — говорю ему на прощанье, а когда Тиль хмурится, потому что не слышит моих слов, ловко взбиваюсь на дракона прямо ей за спину.

— Снова какие-то секреты, герцог Нокс? — Ее ворчливость тут же улетучивается, когда обнимаю ее за талию, и притягиваю к себе так близко, что между нашими телами не остается свободного пространства. — Не припоминаю, чтобы давала разрешение протягивать к моей царской особе ваши неблагородные руки.

— Род Ноксов — один из самых древних в Артании, — подшучиваю, опуская руки чуть ниже ее живота. Совсем немного, но она выразительно и громко втягивает воздух через нос, а ее тело под моими ладонями дрожит, как натянутая струна.

Язык чешется пошутить, что предки Ноксов были бы крайне недовольным моим желанием продлить род с этой особой «королевской крови», но я вовремя прикусываю язык, потому что на самом деле могу представить ее заметно округлившейся от того, что носит под сердцем моего ребенка.

В горле ком размером со все сожаление мира, потому что... кто-то должен остановить Ярость, и этим кем-то буду я. Другим это просто н по силам.

— Если вы не прекратите ваши грязные поползновения, Ваша Светлость, мне придется попросить Малыша немного встряхнуться, — шипит Тиль, и я степенно отодвигаюсь назад. Тиль немного поворачивает голову, и я замечаю намек на разочарование в ее улыбке, хотя губы говорят совсем другое. — Отрадно видеть, Нокс, что в вас прорезалось благородство.

— Ну куда уж мне — и целое благородство на старости лет, — подтруниваю я. — Это просто благоразумие — не хотелось бы свалиться башкой вниз с такой высоты.

Дракон набирает высоты так быстро, что мне приходится задержать дыхание, когда зверюга прорывается через облака, как раскаленный нож через масло. Здесь ослепительно светит солнце, хотя там, внизу, из-за туч стояли почти сумерки.

— Впереди, — говорит Тиль, но я уже и так заметил массивно тело Ярости, обитое сталью и утыканное шипастыми пластинами.

— Хаос бы всех их побрал, — шиплю себе под нос, потому что эта громадина гораздо больше даже самых смелых моих ожиданий.

Здесь точно не десяток кристаллов Игниса.

Она несёт не меньше полусотни.

Значит, взрывом сотрет с лица земли не только столицу.

Всю Артанию и далеко за ее границами.

Проклятые Воздушные Лорды решили больше не рисковать и действовать наверняка, чтобы раз и навсегда избавиться от своих главных противников. И вряд ли об этих их планах знала даже герцогиня, ведь она собиралась стать королевой Артании, а не королевой Руин.

— Нужно подобраться ближе, Тиль.

— Собираетесь взять эту крепость штурмом? Нам вдвоем это по силам, полагаете?

Я полагаю, что для одного из нас это полет в одну сторону.

Но говорить об этом Тиль еще рано, иначе эта упряmica точно никуда не уйдет.

Маленькая рогатая зверюга упрямо трясет головой, когда Тиль пытается направить ее вперед, ближе, почти вплоты к Ярости. Но моя маленькая упрямая монашка все равно заставляет его подняться на несколько метров, и мы практически зависаем под брюхом Ярости. Отсюда хорошо видны крепкие болты, которыми прикручены пластины листового железа. Если эту дрянь попытаться сбить с земли — это вряд ли принесет хоть какой-то результат. Да и нет в армии Эвина подходящих орудий, кроме пушек, которые все равно не обладают такой дальностью.

Неудивительно, что Ярость «идет» одна, без сопровождения — на этой высоте и в такой броне, ей нечего бояться.

Хотя в подобных ситуациях я всегда подстраховывался, даже когда ситуация была совсем на моей стороне. Потому что у богов, вопреки воле людей, есть свои планы и резоны, и даже в самых проверенных местах иногда, но все же появлялись топи вместо накатанных дорог, или вырастали горы, вместо глубоких озер.

Вот как сейчас. Вряд ли Воздушные Лорды могли представить, что на их пути встанет не армия, а одна маленькая упрямая девчонка, верхом на собственном драконе.

Ну и старый, битый жизнью вояка с ней на пару.

Здесь воздух уже слишком тяжелый и холодный, чтобы разговаривать без напряжения, и я ограничиваюсь тем, что показываю Тиль на небольшую пластину около самого «хвоста» ярости. Это определенно не вход, но очень похоже на какое-то укрепление, сделанное как будто в последний момент. Это — мой шанс попасть

внутри. Само собой, тут нет ни ручки, ни гостеприимной вывески, но эту пластину, в отличие от других — слишком массивных и тяжелых — я могу попытаться «сдвинуть» с места.

Дракон на минуту зависает в свободном парении, и мы с Тиль в унисон немного пригибаем головы, пока Ярость вальяжно проплывает над нами.

— Придержи-ка его вот так, — говорю на ухо моей монашке.

Она испуганно округляет глаза, когда я, вспомнив лихую молодость, вытягиваю ноги и легко поднимаюсь в полный рост, раскинув руки для балансировки. Когда-то я запросто скакал стоя на спине лошади. И при этом умудрялся стрелять из арбалета (весьма прицельно!) или махать мечом. Но дракон — не вышколенный боевой конь, и ему явно не по душе, что по его спине топчется непонятная двуногая тварь. Так что приходится проявить чудеса сноровки, чтобы удержаться в равновесии, когда он встряхивается, явно чтобы избавиться от неприятной ноши.

— Прости, — извиняется Тиль, пытаясь поймать мою ладонь. — Не надо, Рэйвен! Это опасно!

Я знаю, что опасно, но лучше проглочу собственный язык, чем дам ей усомниться в том, что мне это абсолютно по силам.

— Я туда и назад, Ваше Величество, — подмигиваю ей с высоты своего роста.

Она мгновение колеблется, а потом ее лицо расслабляется, и пальцы медленно освобождают мою руку. Бравада мне всегда удавалась исключительно хорошо.

Когда железная «заплатка», наконец, появляется в пределах моей досягаемости, я делаю глубокий вдох, прежде чем вытащить за шиворот всех своих демонов. Тьма стремительно наполняет меня, тянется вверх, потому что здесь ей есть чем поживиться — я чувствую покалывание в кончиках пальцев, потому что кристаллы Игниса прямо здесь, и их жар чувствуется даже сквозь толстую обшивку корабля.

Вытягиваю ладони, хватаю «заплатку» взглядом и с силой тяну на себя.

Сначала она совсем не поддается, как будто прикручена намертво, но я собираюсь с силами и пробую снова. Если бы я не был так голоден и все еще утыкан свежими ранами, я бы справился с ней с первого раза. А сейчас каждая новая попытка приносит порцию алых

искр перед глазами и то, что я до сих пор не свалился башкой вниз, легко можно назвать чудом.

Но пластина, наконец, поддается. Сначала почти незаметно прогибается внутрь, потом вмятина становится похожей на удар кузнечным молотом, а потом края «заплатки» отстают от корпуса. Воздух со свистом втягивается внутрь, и я использую этот момент, чтобы «мысленным пинком» окончательно затолкать ее внутрь.

В образовавшейся дыре хорошо видны части механизма — валики, сложные сцепления шестеренок. Влезть туда будет не так уж просто, но я...

— Нокс?

Я не сразу соображаю, почему голос Тиль звучит у меня в башке, а не в ушах. Сначала даже трясую головой, пытаюсь справиться с наваждением, но она снова зовет меня, и только потом я понимаю, что на самом деле медленно опускаюсь на колени, растекаясь по драконьей туше, словно кисель.

— Тиль... — Едва могу шевелить языком.

Бездна задери, да что она творит! Нашла время показывать свои выращенные из Тьмы фокусы!

Глаза предательски закрываются сами собой.

Я борюсь с этой навеянной усталостью, но веки начинают предательски слипаться.

Проклятья, да что она...

— Спасибо, что были таким чудесным, Нокс. — Теплые губы касаются моей безобразно колющей щеки, задерживаются чуть дольше, чем положено для простого вежливого поцелуя. Мягкий влажный шлепок мне на переносицу, и когда капля стекает к моим губам, я чувствую соленый вкус слез моей маленькой отважной монашки. — Но теперь это не ваша война. Мы оба знаем, для чего я была создана, и будет лучше, если Артания больше никогда не будет жить в страхе, что рано или поздно кому-то когда-то удастся использовать одну глупую девчонку как Смертельное оружие. И теперь это уже можно сказать. — Решимость как будто на миг предает ее, и дрожь в голосе обворачивается вокруг моего сердца колючей лозой. — Кажется, я влюбилась в вас с первого взгляда, мой несносный герцог.

Что она несет?!

Почему это похоже на прощание?!

Дракон пикирует вниз, и последнее, что я вижу — мою маленькую Тиль, храбро забирающуюся в брюхо Ярости.

Глава шестьдесят восьмая: Сиротка

В железном брюхе Летающего корабля противно воняет чем-то кислым, проникающим в меня словно через кожу. И стоящий стеной сизый дым до слез выедаёт глаза.

Я почти ничего не вижу в это неестественном тумане. Приходится идти наощупь, хотя я не вижу даже кончиков пальцев, когда выставляю вперед руку. Обжигаюсь пару раз, случайно дотрагиваясь до раскаленных железных труб, из которых время от времени с громки шипением выходят упругие столбики пара.

Кажется, что каким бы огромным не был летающий корабль, он все равно не может быть похожим на лабиринт, чтобы заблудиться на пути к цели. Если только им не управляет Мастер Сайфер, и мы с Ноксом снова не стали жертвами его иллюзий. Но ведь его не может здесь быть? Я собственными глазами видела, как химер пытался удержать Владычицу от зова, которые заставлял всех созданий Хаоса слепо следовать за ним. Значит, мне нужно просто сосредоточиться, еще раз взглянуть на все это безумие труб и шестерёнок, и найти «тропинку», которая приведет меня к смертоносному грузу.

Именно мне, а не моему несносному герцогу, нужно все это закончить. Я даже толком не помню, когда именно в моей голове четко и ясно, как в погожий день, возникла и оформилась эта мысль. Она как будто была там все время, примерно с той минуты, как я впервые увидела тот страшный сон, после которого на моем теле впервые проступила дремлющая внутри Тьма. Примерно тогда же и промелькнула мысль, что таким как я — не место в этом мире.

Я печально улыбаюсь своим воспоминаниям, в особенности тем, в которых я отчаянно удирала со всех ног, чтобы спастись от идущей по пятам смерти. И вот, когда во мне пробудилась моя истинная сущность и целый ручной дракон, и казалось бы, что уже можно не бояться случайно упавшего на голову камня... я разворачиваюсь и иду навстречу тому, от чего бегала все это время.

Почему-то вспоминается ироничное лицо Рэйвена, когда в ответ на какие-то мои пафосные глупости он делал вид, что впервые в жизни

слышит что-то настолько несуразное. «Герцогиня, вы сегодня поразительно бестолковы!»

На миг прикрываю глаза и пытаюсь улыбаться несмотря на то, что мои мечты о домике у реки, о тихой жизни с моим несносным Ноксом и о парочке таких похожих на него мальчишек-близнецов, вот-вот оборвутся. Вместе с моей жизнью.

Потому что так должно быть.

Потому что если в моей голове еще живы образы из грез Владычицы, в которых мы с ней слились в смертоносного монстра — оружие возмездия, которым Бездна собиралась наказать всех жителей верхнего мира, всех, в ком есть хотя бы капля Света.

По сути, с моей помощью она собиралась стать такой же Яростью, по внутренностям которой я иду вперед к своей судьбе.

Туман на время становится совсем плотным и густым, я едва могу дышать и собираюсь с силами для решительного рывка. Кристаллы Игниса совсем рядом — я чувствую их низкие беззвучные вибрации. Нужно пройти еще немного...

— Ты кто? — Из плотного облака пара, который выплевывает высокий цилиндр, выныривает человек. У него багровое обветренное лицо и холодный опасный прищур. — Тебя здесь быть...

— Не должно, — заканчиваю за него. — Как и вашей смертоносной машины. Я как раз собираюсь это исправить, и советую вам убираться отсюда... любым возможным способом.

— Что ты там бормочешь? — напирает он, взвешивая на ладони тяжелый металлический прут.

Какой бы «пробудившейся» я не была, ему хватит одного прицельного удара, чтобы проломить мне череп. И «красный» как раз собирается это сделать, потому что стремительно несется на меня. Как для своего громадного сложения, он двигается очень быстро и поразительно ловко обходит все витиеватые механизмы, об которые я спотыкалась чуть ли не на каждом шагу. Я даже толком не успеваю отступить и приготовиться встречать удар лицом к лицу, когда увалень оказывается рядом и заносит прут для удара.

Остается только смотреть ему в глаза и не отказываться от восставшей где-то в области сердца мрачной разрушительной силы. Ее поток выплескивается из меня и встречает врага невидимым щитом. Прут натывается на преграду и противно скрипит от удара. «Красный»

налетает вслед за своим оружием и тут же отлетает назад. Падает на спину, непонимающе вращает глазами.

— Нет... — бормочет очень шипло и испуганно, часто шмыгая раздавленным носом. Выставляет вперед руку, и зачем-то прикрывает глаза, как будто ему слишком больно на меня смотреть. — Не надо, пощади...

Я бросаю взгляд на свои руки и даже почти не удивляюсь тому, что черные наросты пошли вверх по рукам до самых плеч. Моя трансформация началась с основной силой, и на этот раз я вряд ли смогу контролировать ее, потому что даже сейчас с трудом не поддаюсь желанию превратить побежденного противника в прах. Потому что во мне сосредоточена огромная разрушительная сила, и стоит лишь пожелать — вся Артании — да и весь мир! — со страхом и покорностью склонится к моим ногам.

Может быть, не стоит бегать от этой силы?

Чем я хуже Скай-Рингов? Только лишь тем, что не строила свою империю на крови и костях?

Может быть...

— Уходи, — цежу сквозь зубы. — Уходи!

Он на корточках уползает куда-то в недра корабля и след за этим я слышу странный хлопок, после которого корабль вдруг подпрыгивает в воздухе, качается, как будто напоролся на невидимую паутину, а потом стремительно пикирует вниз.

Наверное, это был тот единственный случай, когда человек, который заслуживал смерти, незаслуженно получил жизнь.

Но рассуждать об этом уже точно слишком поздно.

Может оно и к лучшему, что у меня нет последних минут на раздумья, и отчаянная жажда жизни, и мечты об одном на двоих домке с герцогом, не заставит меня трусливо отступить в самый важный момент.

От резкого полета вниз, мое тело неумолимо тянет обратно к люку. Чтобы сохранить равновесие и удержаться на ногах, обеими руками хватаюсь за торчащие со всех сторон трубы. Они раскаленные от пара, но я все равно держусь из последних сил и медленно, как при подъеме на крутой склон, карабкаюсь обратно в густой клубящийся туман.

Задерживаю дыхание и ныряю в него.

Бреду совсем наугад, поддаваясь только внутреннему чутью и вибрациям напитанных Тьмой кристаллов.

А когда выныриваю, то в первую минуту от открывшегося зрелища просто захватывает дух.

Потому что эти алые, источающие красный теплый свет громадины втрое больше меня ростом, похожи на страшные украшения, закованные в толстые крепезные цепи.

И от них исходит такая мощь, что моя темная сущность всеми силами рвется наружу.

Я могу быть всесильна, если позволю этой жирной летающей смерти стереть с лица земли всю Артанию.

Я могу стать новой Владычицей, разом избавившись от всех врагов. В особенности от последних Скай-Рингов, которые уже дважды попытались покорить мой народ!

Я могу сделать свой рой непобедимым, хитрым и смертоносным.

И Бездна, наконец, получит то, чего так долго жаждала — абсолютную власть над жалкими тщедушными и такими слабыми смертными.

И тогда Нокс не сможет так же снисходительно улыбаться в ответ на...

Нокс.

Мой любимый герцог.

Мысль о нем пробивается лучом ясности сквозь морок наваждения.

Мой Нокс там, внизу.

И я хочу, чтобы он жил. И был счастлив с кем-то, кто в один прекрасный день не превратится в монстра-убийцу.

Какой-то мудрец однажды сказал, что любить — значит, желать счастья, даже если тебе самому не суждено стать этим «счастьем».

Корабль снова трясет и на этот раз я плашмя падаю на самую гладкую кристальную колонну. От прикосновения к ней Тьма внутри меня вспенивается, как штормовая волна. Накатывает снизу, до самого горла. Она как живое и разумное существо, пытающееся взять под контроль мои мысли мою волю.

Но я сильнее.

Я... смогу.

Плачущий, если ты все еще слышишь молитвы одной твоей нерадивой послушницы, пожалуйста, присматривай за ним ради меня.

Я ведь в самом деле очень сильно, всем сердцем, любую своего милого герцога.

Толчок, тонкий пронзительный свист, и треск лопнувшего прямо под моими ладонями камня, приносят мне боль.

И облегчение.

Глава шестьдесят девятая: Сиротка

«Вставай, моя маленькая девочка...»

Я слышу этот голос внутри себя. Но он льется не из головы, а как будто от сердца. Из той маленькой части меня, о существовании которой я всегда знала, но никогда не могла хотя бы как-то ее обозначить.

Теперь я знаю, что это была не просто странная хворь или голос Плачущего.

Это была моя мать.

Самая отважная и сильная женщина из всех, которых я знала.

Потому что, не моргнув глазом, пожертвовала собой ради того, во что верила. И защитила меня, ценой собственной жизни.

«Ты стала очень сильной...».

Мне нужно собрать все силы, чтобы открыть глаза, потому что веки тяжелые, словно залиты сургучом и скреплены нерушимыми печатями. Когда-то, когда я одной ногой стояла в могиле, мне было так же тяжело, как сейчас. Но тогда я точно знала, что жива. А сейчас... разве человек мог пережить такой взрыв? Я могу поклясться на Томе Откровений Плачущего, что чувствовала, как маленький жалащие осколки Игнаса прошли сквозь мое тело, словно ножницы через тонкую шелковую ткань. Даже сейчас я чувствую, как кровоточит каждая крошечная и смертельная рана.

Но и медленные, едва слышные удары собственного сердца я тоже чувствую.

«Открывай глаза, моя девочка, это еще не конец...»

Я разлепляю веки и в первую минуту не вижу ничего, кроме ярко-алой дымки, как будто весь мир покрыл непроглядный злой туман, и в нем ничего не стоит заблудиться. Приходится несколько раз моргнуть, прежде чем пелена понемногу развеивается, и я замечаю за ней

очертания пустоши, выкорчеванных с корнем сухих могучих древ и земли под ногами, покрытой глубокими рваными трещинами.

— Где я? — спрашиваю вслух, и голос Л'лалиэль беззвучно отвечает:

«Ты там, где начнется новая жизнь».

— Звучит немного... пугающе, — пытаюсь храбриться за не очень уместной шуткой. — Новая жизнь разве не должна начинаться при определенном... мужском участии?

Это очень странно, но я чувствую ее легкий смех, как будто бы она стояла сейчас живая передо мной. Могу легко разглядеть и ее улыбку.

«Ты правда любишь этого бессердечного смертного?»

Теперь уже в ее голое звучит легкая насмешка.

— Он не бессердечный, — встаю на защиту своего Нокса, и заодно встаю на ноги, осматриваясь.

Место, где я оказалась, похоже на Пустошь вокруг Печати — такое же безжизненное и опустевшее. Но здесь по крайней мере нет огромных скелетов непонятного происхождения, и не веет смертью, как будто на каждом шагу всплывает придорожный камень с настойчивым предложением повернуть назад.

Интересно, что же это все-таки за...

Я не успеваю толком об этом подумать, потому что на глаза попадает до боли знакомая торчащая на горизонте крыша замка. Вернее, того, что от него осталось — не так много, на самом деле. Это же Горностаевый приют. Как бы я не хотела вычеркнуть прошлое из головы — оно все равно отпечаталось в моей памяти, и эту яркую черепицу я узнала бы даже из сотен похожих. Плачущий, прости, я даже запах этот чувствую сквозь гарь и соленый красный дым с привкусом железа.

А потом мысленно бью себя по лбу.

Ну да, это Горностаевый приют. Ведь именно там я была, и там отбила Эвина у сообщников герцогини. Правда, значительно дальше замка, но вряд ли бы за те несколько минут, что я пыталась разделаться с летающей смертью, она успела бы перенести меня на другой континент. Вот только вокруг Горностаевого Приюта были роскошные рощи и сады, высокие горы в снежных шапках и покрытые изумрудом травы холмы. А не непригодная ни для чего земля.

Наверное, это последствия взрыва. Но если он был таким сильным, что буквально выжиг все на многие мили вокруг, то почему тогда я жива? Или я только думаю, что жива? В конце концов, возможно, именно так и выглядит то самое место, где боги разрешают в последний раз проститься с теми, кто нас любит? Хотя бы мысленно.

Если так, то почему здесь нет моего несносного герцога?

Не потому ли, что ему все равно?

«Он собирался пожертвовать жизнью ради тебя, — фыркает в моей голове Л'лализель. — Не такой уж он и бездушный, раз... искренне хотел спасти тебя любой ценой. Тебя и мир, в котором ты будешь счастлива».

Я громко шмыгаю носом и украдкой вытираю слезы. Интересно, если я позову — он придет? Сюда... чем бы ни было это место, и где бы оно не находилось.

Мне кажется, я даже вижу одинокую фигуру где-то там, на фоне развалин замка.

Но, кажется, это просто мираж?

— Зачем я здесь?

«Чтобы позаботиться о своем народе. Ему нужно где-то жить, а не сидеть под землей, потому что смертные слишком примитивны, чтобы хотя бы попытаться понять то, что создано Хаосом».

— Я помню-помню, что ты хотел помирить то, что помирить невозможно. — Вскидываю руки, стараясь не думать о том, что вполне могу разговаривать сама с собой. Вдруг у меня случилось помешательство из-за всего случившегося? — Может скажешь, как в таком случае убедить наш народ не есть все, что живет и шевелится?!

«Зачем, если ты уже это сделала?» — посмеивается она, и я только сейчас обращаю внимание на свои руки.

Они... не то, чтобы тали такими, как прежде, но те ужасные черные наросты исчезли, и кожа осталась черной только на костяшках и вокруг запястья. Это выглядит странно, но не ужасно. И самое главное — когтей больше нет. Я перебираю свои пальцы, до сих пор не веря, что все это происходит на самом деле.

«Ты — лучшее свидетельство того, что Тьма и Свет могут уживаться рядом, даже в одном теле... Моя маленькая сильная... королева».

Та фигура на фоне горящего замка — это не Нокс.

Это высокий краснокожий мужчина, похожий на жителей далеких солнечных островов, только с маленькими темными рожками и такими черными отметинами на коже, что и у меня. Только у него они покрывают грудь и плечи. А за ним идет точно такая же женщина, и еще одна.

Они выходят один за другим, словно народ, который, наконец, вернулся из долгого изгнания.

«Для этого ты была создана, — слышу улыбку в голосе Л'лалиэль, который звучит все тише с каждым словом. — Не становись на чью-то сторону. Не становись игрушкой в руках Света и не быть оружием в руках Тьмы. Ты была создана, чтобы не выбирать сторону...»

Пока она говорит это, ко мне со всех сторон стекается живая река людей. Пусть немного странных... Хорошо, очень странных и все еще немного пугающих, но все-таки живых людей, а не уродливых темных существ, способным испытывать лишь бесконечный неутолимый голод.

Они говорят на непонятном мне языке, но я хорошо «чувствую» каждое слово. Это очень странно, но так же нас будут понимать и все остальные народы. Они никогда не смогут выучить наш язык, но все, что мы будем говорить, для них будет ясно и прозрачно.

И, конечно, нужно потренироваться в искусстве ведения переговоров.

Потому что Скай-Ринги всегда славились ослиным упрямством.

Кстати, об этом. Раз у меня теперь целая огромная армия, может, стоит переломить хоть сражения против Воздушных Лордов? И заодно показать Эвину, что Хеос... тьфу ты, Хаос... может быть хорошим союзниками?

Хеос... хммм... Почему бы и нет?

Глава семидесятая: Герцог

— Переговоры с Хаосом. — Эвин смотрит на себя в зеркало, и нервно поправляет простую пурпурную перевязь. Он всегда ненавидел официальный тон, особенно в одежде, но встреча с Ее Величество Матильдой требует соблюдения самого высочайшего этикета. — Боги, этот мир сошел с ума.

Я, по обыкновению, наблюдаю за его сборами со стороны, развалившись в удобном кресле около камина.

— Вашему Величеству не следует забывать, что Хеосское государство — наш ближайший сосед, и что благодаря ему Артания выиграла войну.

Протягиваю ноги ближе к огню, и жмурюсь от того, как тепло разгоняет боль в коленях. После того, как во мне не стало Тьмы, седых волос в моей роскошной черной шевелюре ой как прибавилось. Хотя Эвин утверждает, что серебряные виски и пар белых прядей в челке, придают мне импозантности.

— Когда я подписывал соглашение о мирном разделе территории, — продолжает ворчать Эвин, тяжело падая в кресло напротив меня, — то не подозревал, что эти... создания Хаоса будут так дьявольски быстро... облагораживать свои земли!

— А по-моему, очень даже мило, — хмыкаю, прикрыв глаза.

— Мило? Нокс, я понимаю, что у тебя от любовной лирики размякли мозги, но я никак не ожидал, что моя земля превратится в...

Он тщетно ищет подходящее слово, но потом лишь разводит руками.

Прошло ровно девяносто дней с тех пор, как мир перестал быть таким, как прежде.

Девяносто дней с тех пор, как я умер, думая, что потерял Тиль. Я тогда так обезумел от отчаяния, что просто кинулся в гущу сражения вслед за Эвином, надеясь, что умру на поле боя и боги будут милостивы, дав мне быть с ней хотя бы после смерти.

Даже сейчас воспоминания о той боли заставляют сердце пропустить болезненный удар.

— Ее Величество Матильда, — слышу снова фыркающий тон моего старого боевого друга. — Кто бы подумал, что она не станет отбирать мое королевство, а вместо этого создаст свое. На моих золотых шахтах!

Мы обмениваемся взглядами, и я, выдержав небольшую паузу, без риска нарваться на королевский гнев, напоминаю:

— Это справедливая цена за то, что законная наследница не заявила свои права на табурет под твоей задницей. И за то, что Воздушные Лорды больше не будут коситься в сторону Артании. И за

то, что Бездна больше не будет воровать жизни и души твоих подданных.

— И за то, что Ее Величество Матильда потребовала моего лучшего генерала, — прибавляет Эвин. — На фоне этой потери, все остальное меня почти не беспокоит.

— Брось, Эвин, мы оба знаем, что мне уже давно пора в отставку. Я крупно облажался в последний раз, и это чуть не стоило тебе короны. Старому, потерявшему нюх волку нужно на покой, и не мешать работать новым ищейкам. В конце концов, — позволяю себе самодовольную ухмылку, — я их натаскивал.

Дверь в малый зал распахивается, и камергер степенно отчитывается, что Врата открыты и он безопасны для перехода. С тех пор, как девяносто дней назад случилось то, что в Хрониках назовут Временем Единения, аспекты стали... барахлить. Правда, исключительно на нашей части территории, потому что В Хеосском государстве, кажется, они работают с утроенной силой. Иначе, как объяснить, что пустая безжизненная и выжженная Игнисом земля, уже давно превратилась в зеленые луга, густые леса и плодородные поля? Раньше аспекта Терры хватало только чтобы на пару недель ускорить сбор урожая, если провидцы обещали ранние заморозки, а теперь подданные моей маленькой Тиль собирают уже чертов третий урожай!

— Ну и как я выгляжу? — Эвин в последний раз оглядывает себя в зеркале, приглаживает волосы и недовольно приподнимает то один, то другой уголок рта. Потом зыркает на мое отражение в зеркале, и качает головой. — Мог бы и принарядиться по случаю.

Я лениво поднимаюсь, и привычным движением поправляю свой черный мундир без намека на регалии. Все мои ордена, почетные ленты и знаки отличия, давно сложены в невзрачный ящик и спрятаны туда, где их вряд ли получится найти даже совсем случайно.

— Если ты собираешься приударить за личной фрейлиной королевы Матильды... — посмеиваюсь, намекая на то, что даже если я отошел от дел — это не означает, что его личная жизнь выпала из поля моего зрения. — Может, тебе павлинье перо в зад запихнуть?

Эвин награждает мои седины парой крепких словечек и, наконец, идет к выходу.

Я привычно следую позади него.

С тех пор, как Эвин негуманно и через одного «проредил» членов Тайного совета, замок наполнился новыми лицами. И я был бы не я, если бы не отметил, что это определенно пошло на пользу не только государству, но и пыльным стенам. Уверен, теперь здесь даже легче дышится.

Черную Вдову, несмотря на ее попытки лизать Эвину ноги, повесили после самого короткого в истории Артании суда.

Мою бывшую невесту Ивлин я устранил собственными руками. Тоже негуманно. Но вряд ли врагов короны, играющих на стороне чужаков, следует списывать со счетов с почестями и грамотами.

Вероника Мор, насколько мне известно, предпочла виселице затворнический монашеский образ жизни.

А лейтенант...

Я недоволю хмурюсь, потому что во всей этой истории он остался единственным пробелом, чья судьба выскользнула у меня сквозь пальцы. Где он и что с ним — я не знаю до сих пор, но прирожденное чутье подсказывает, что королева нового Хеосского государства причастна к этому невероятному исчезновению. В любом случае, я почти не удивлюсь, если однажды узнаю, что он живет на окраине новых земель и воспитывает детишек на пару с какой-то хеоской. Возможно, к тому времени я уже не буду так сильно желать свернуть ему шею.

Мы проходим через Врата в сопровождении почетного гвардейского караула, и я до сих пор ежусь от саднящей боли в груди, в том месте, где на мне остался след от предательского удара настоящей герцогини.

Но в сравнении с предвкушением предстоящей встречи, все шрамы прошлого и близко не волнуют меня так же сильно.

Я не видел ее девяносто дней.

И если бы не Писчее перо, благодаря которому «Ее Величество Матильда» изредка отправляла мне маленькие записки — а в дни особого расположения — целые огромные письма, над которыми я любил похихотать — я бы сошел с ума от тоски по моей монашенке.

И плевать, что теперь на ее хорошенькой головке — драгоценная корона. Для меня она все та же малышка с телеги, которая до сих пор краснеет, стоит мне высказать пару комплиментов в адрес ее... гммм... богатого внутреннего мира.

Нас встречает маленькая делегация во главе с Первой фрейлиной — Примэль Ла-Форт.

Я прячу смешок в кулак, замечая, как Эвин вытягивается, и поправляет волосы, словно юнец перед первой красоткой королевства. Но должен признать — хеосская мода носить мужские брюки узкого пошива и лакированные корсеты, баронессу буквально преобразили. Оказалось, что под всеми теми странными и нелепыми нарядами, в которых я привык ее видеть, скрывается прехорошенькая бойкая девица, которая, насколько мне известно, исправно служит своей королеве. И не только тем, что помогает укладывать волосы, но в большей степени за короткий срок сколотила работающую шпионскую сеть. В Хеосском государстве даже мышь не пискнет так, чтобы об этом не узнала ее строгая правительница.

— Ваше Величество, — Примэль изображает почтительный реверанс, и мне приходится одернуть Эвина, чтобы тот не слишком выразительно пялился в ее богатое декольте. — Королева велела мне проводить вас.

Эвин бормочет какую-то нелепицу о том, что он всегда рад прогуляться в компании умной женщины, и пока они идут вперед, я потихоньку замедляю шаг, чтобы остаться далеко позади. Это может показаться странным, но здесь, в обители бывших тварей Бездны, вдруг отбредших человеческий облик, разум и душу, Эвину абсолютно ничего не угрожает.

В отличие от меня, когда мне в голову с треском врезается какая-то очень уж увесистая шишка!

Я оглядываюсь и сразу замечаю светлые волосы, мелькнувшие в пышных зарослях черных роз. Озираюсь, как мальчишка, который не хочет, чтобы его поймали на горячем и, убедившись, что Эвин целиком поглощен обществом своей спутницы, лихо сворачиваю с дорожки. Приходится поработать руками, чтобы пробраться через колючий кустарник, но в конце пути меня ждет заслуженная награда.

Тиль, сидящая на краешке странной каменной глыбы, больше похожей на какую-то ископаемую окаменелость. Эти глыбы здесь повсюду — единственное напоминание о том, что еще совсем недавно на этом мете была бесплотная пустошь.

Моя малышка одета в мужской костюм. Ну, вернее, здесь они называют это «свободой от предрассудков». Только моему бедному

мужскому... гмм... покою, все это не приносит облегчения, потому что штаны сидят на ее ногах словно вторая кожа, обнимая бедра даже крепче, чем когда-то это делал я — своими собственными руками. И белая блуза под высоким корсетом, в котором ее грудь кажется еще более соблазнительной — верное испытание моего силы воли.

— Нокс, — Тиль закладывает ногу на ногу и выразительно покачивает пяткой. — Вы, как обычно, пренебрегли этикетом.

Я театрально откланиваюсь и пожимаю плечами.

— Прошу прощения за бестактность, Ваше Величество. Можете отрубить мне голову.

— Хмм... — Она делает вид, что раздумывает над моим смелым предложением. — Полагаю, ваша голова нравится мне гораздо больше на ваших плечах, а не отдельно от тела.

Я делаю шаг вперед, и Тиль выразительно вскидывает бровь, взглядом очерчивая невидимую линию, за которую мне — простому смертному — лучше не заходить. Как бы там ни было, но сейчас она — хозяйка самой крупной и самой сильной армии на всем континенте. И то, что мой язык однажды побывал у нее во рту, не дает мне права на особенны привилегии. Даже если иногда наши письма друг другу носили несколько... пикантный характер.

— Держите себя в руках, Ваша Светлость. — Матильда строго останавливает мои далеко идущие поползновения. — Я бы хотела обсудить одну очень важную тему.

— Я согласен, — делаю еще шаг в ее сторону. — И не меньше трех детей, Ваше Величество. Исключительно в целях безопасности престолонаследования.

Она успевает взвиться на ноги до того, как мои пальцы хватают воздух в том месте, где только что было ее плечо.

— Нокс! — Тиль изо всех сил пытается быть серьезной, но ее пунцовые щеки слишком явно выдают смущение. — Я хотела бы обсудить поведение вашего... Его Величества Эвина, который решил приударить за моей фрейлиной! Вам, как его близкому другу и советнику, должно быть известно об их тесном общении.

— Бойтесь потерять свою верную шпионку? — Я отклоняюсь в сторону, чтобы зайти ей за спину, и на этот раз Тиль не пытается сбежать, когда мои ладони ложатся ей на плечи. — Или бойтесь, что Артания и Хеосское государство слишком активно... сольются?

Она лишь немного запрокидывает голову, когда мои пальцы мягко массирую ее плечи и устремляются вверх, до сгиба шеи.

— О каком слиянии вы там бормочите, герцог? — мурлычет она, откидывая голову мне на плечо. — Вы, наверное, как-то неправильно истолковываете мое желание держать вас при себе.

Я подавляю неуместный, но крайне подходящий смешок, и уже совсем нахально завожу ладонь ей на талию, разворачивая к себе лицом буквально в один рывок. Она упирается ладонями мне в грудь, и в зеленых глазах сверкают темные искры — напоминание о том, что передо мной — истинная дочь Хаоса.

И самая смелая женщина во всем мире.

— Герцог, вы все же до невозможности дурно воспитаны, — улыбается она, когда я буквально распинаю на себе ее изящное тело. — Имейте ввиду, что я позволяю вам все эти... непристойности исключительно чтобы потешить...

Я прихватываю ее подбородок пальцами и вздрагиваю вверх, чтобы мы, как прежде, скрестились взглядами в безоружном поединке.

— Тиль, ради Хаоса, прекрати корчить важную задницу и скажи, что станешь моей женой!

Она изумленно моргает, как будто я сказал какую-то ересь.

— Что? — переспрашивает самым невинным шепотом на свете.

— Я обираюсь взять тебя в жены, Ваше Величество. И попрошу огласить весь длинный список возможных причин твоего отказа, чтобы у меня было время разбить их на голову.

— Вы «тыкаете» королеве, Нокс, — шепчет она, до последнего отважно защищая свои бастионы.

— Именно поэтому и собираюсь сделать тебя женой. Даже у тебя не повернется язык упрекать меня в неподобающем обращении к собственной супруге.

— Нокс, вы как всегда очень себе на уме, — фыркает она. — Никуда без личной выгоды.

— Ты зря связалась со старым солдатом, — подыгрываю ей.

— Надеюсь, у тебя есть подходящего размера самый огромный белый флаг, чтобы все юбки Артании видели твою окончательную капитуляцию? — Она обнимает меня за шею, подтягивает на носочках и, касаясь дыханием моих губ, добавляет: — Как думаете, Нокс, ваш король достаточно сильно увлечен моей фрейлиной, чтобы не заметить

моего отсутствия еще несколько минут, пока вы будете целовать свою невесту?

— Я думаю, он поймет, — отвечаю я и, наконец, закрываю ее рот поцелуем.

Думаю, Эвин не заметит нашего отсутствия, даже если мы с королевой Матильдой прямо сейчас приступим к делу первостепенной государственной важности.

Хеосскому государству как раз очень нужен наследник.

Конец